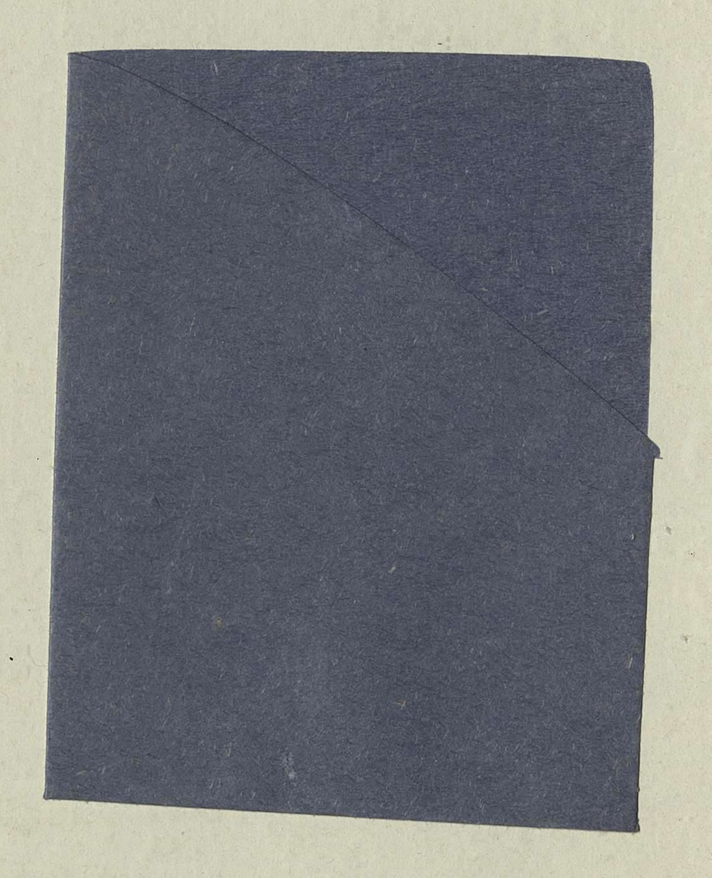
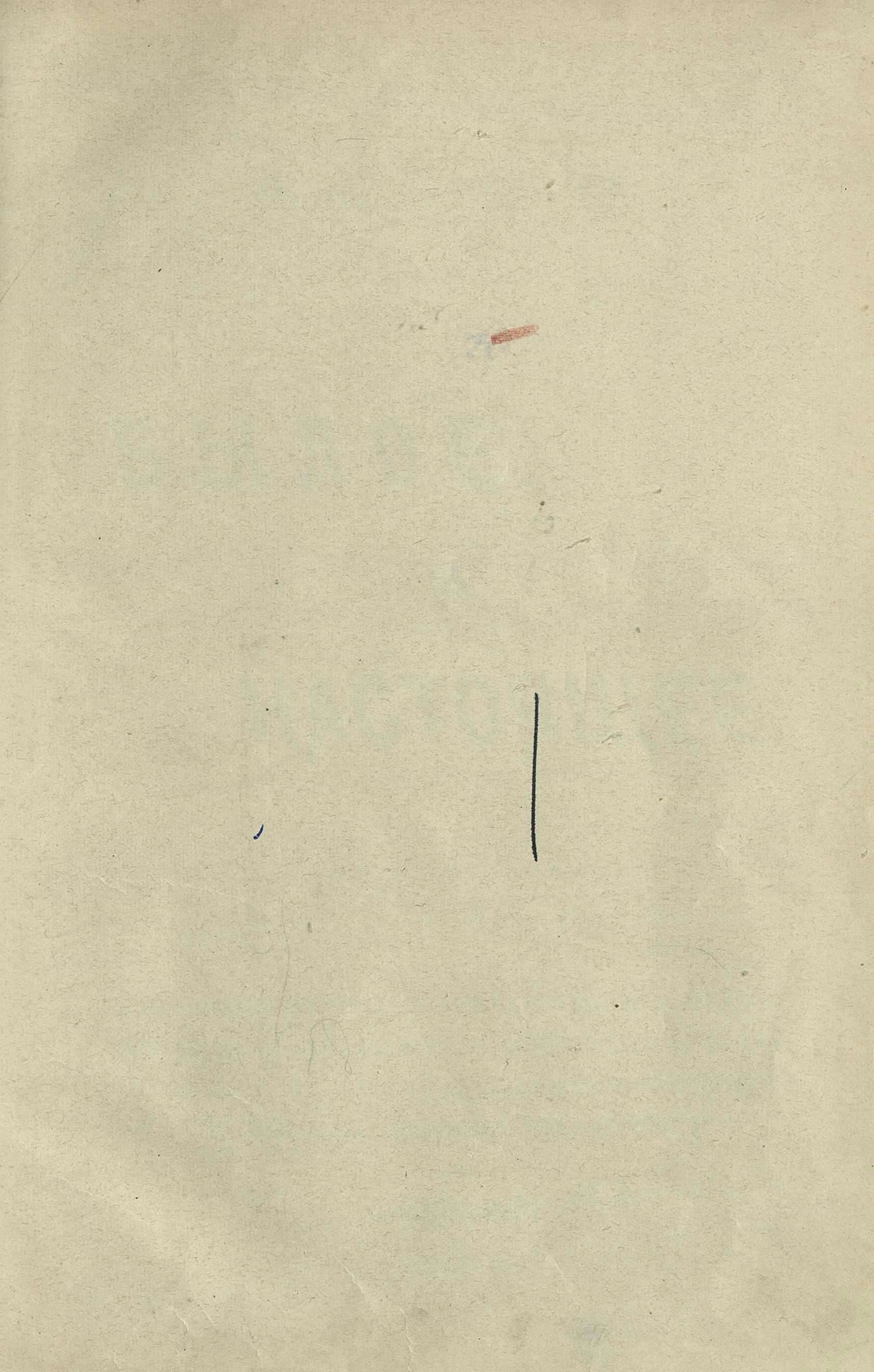
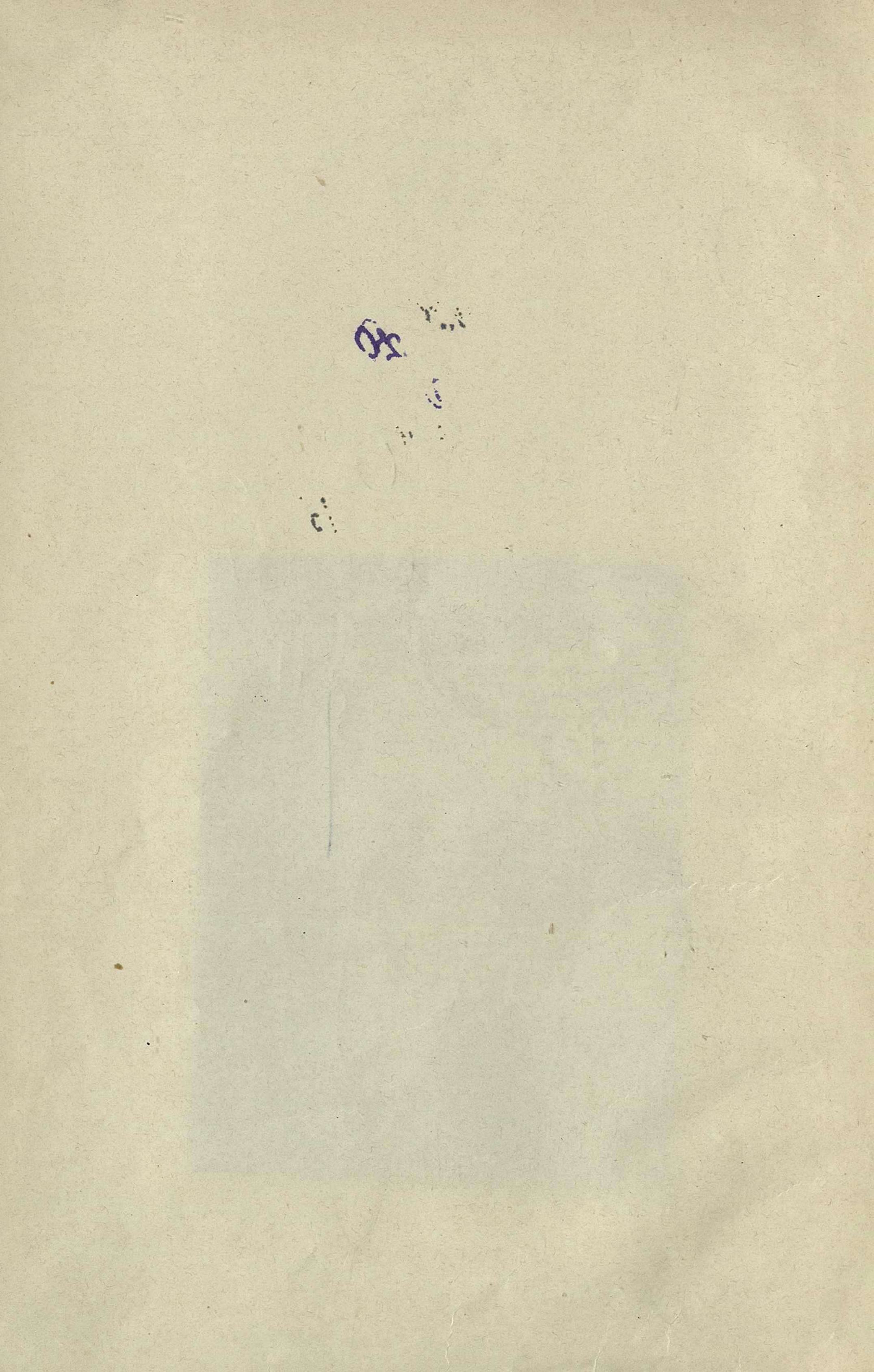

A 281/136

А. А. Плансонъ.

БЫЛОЕ
и
НАСТОЯЩЕЕ.

Воспоминанія о нѣкоторыхъ выдающихся людяхъ и событіяхъ сороковыхъ и послѣдующихъ годовъ. Выводы, паралели, мысли.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905 г.

А. А. Плансонъ.

Былое и настоящее.

Воспоминанія о нѣкоторыхъ выдающихся людяхъ и событіяхъ сороковыхъ и послѣдующихъ годовъ.
Выводы, паралели, мысли.

С.-Петербургъ.
1905 г.

Дозв цензурою Варшава, 9 марта 1904 г.

Тип. М. Зархинъ, Спб., Калашник. пр., 11—13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе.

Событія мчатся, какъ паровозъ и исчезаютъ изъ памяти народной.

Жуковскій въ 1850 г.

Редакторъ „Біографическаго Словаря" Императорскаго Русскаго Историческаго Общества Борисъ Львовичъ Мдозалевскій обратился къ служащему въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ Егору Антоновичу Плансону съ слѣдующимъ письмомъ:

Быть можетъ Вы не откажете сообщить мнѣ, какой А. Плансонъ былъ авторомъ статьи: „Новѣйшіе англійскіе романисты" напечатанной въ „Пантеонѣ" 1856 года № 5 и сотрудникомъ „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества" конца 1850-хъ годовъ. Если Вамъ это извѣстно, то не найдете ли Вы возможнымъ сообщить мнѣ біографическія данныя объ авторѣ и свѣдѣнія о другихъ его сочиненіяхъ, если они были, для помѣщенія, въ „Словарѣ".

Мой сынъ Егоръ Антоновичъ Плансонъ, намѣревался пріѣхать въ деревню ко мнѣ, автору этихъ статей, и совмѣстно со мною составить отвѣтъ г. Редактору „Словаря", но былъ спѣшно командированъ въ Манджурію, а вскорѣ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Китаѣ, какъ что только изъ Пекина прислалъ мнѣ это письмо и просилъ уже прямо отъ себя отвѣтить г. Редактору.

Неожиданно предложенный мнѣ вопросъ о моей духовной жизни въ теченіи полъ-столѣтія, воскресилъ въ мо-

ей памяти все давно прошедшее и я рѣшился изложить мои воспоминанія для характеристки нѣкоторыхъ современныхъ мнѣ выдающихся людей и ихъ эпохи, въ теченіи которой происходили событія, отчасти уже не возможныя въ XX-мъ столѣтіи.

Здѣсь говорится исключительно о тѣхъ людяхъ, съ которыми я входилъ въ *личныя* сношенія и о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ я принималъ *личное* участіе, а потому набросанные здѣсь очерки и характеристики это фотографическіе снимки безъ ретушевки, и хотя они не обрисовываютъ вполнѣ ни человѣка, ни эпохи, однакоже могутъ помочь будущему художнику написать болѣе вѣрный портретъ или правдивую картину.

Къ нѣкоторымъ событіямъ и серіезнымъ вопросамъ присовокупляется ихъ критическій разборъ, который основанъ на безспорныхъ фактахъ и на томъ; что въ Римскомъ правѣ называется „Argumentum a consensi gentium", то есть, что признано всѣми народами и временами.

„*Оглавленіе*" вполнѣ ознакомитъ читателя съ содержаніемъ этой книги и дастъ ему возможность *избрать то, что его интересуетъ* изъ числа около ста совершенно различныхъ вопросовъ и характеристикъ людей и ихъ эпохи.

А. Плансонъ.

18 Августа 1903 года.

Им. Чаганлинскъ

Догораетъ свѣча, догораетъ,
А другого свѣтильника нѣтъ,
Пусть мой трудъ остановки не знаетъ
Пока длится мерцающій свѣтъ.
Пусть мой умъ, мое сердце и руки
Служитъ моей родинѣ спѣшатъ,
Чтобъ во тьмѣ меня мысль утѣшала,
Что послѣдняя вспышка огня,
Что послѣдняя искра застала
За полезной работой меня.

Въ памяти воскресли стихи, но не имя автора.

Къ читателю о правописанiи

По мнѣнiю филологовъ Александрiйской школы, затѣмъ въ среднiе вѣка Рудольфа Агриколи и Бентля, а въ последнее время Бреаля и Мунро, если въ народномъ языкѣ нѣтъ слова, опредѣляющаго матерiальный или отвлеченный предметъ, то надо взять изъ иностраннаго языка только звукъ этого слова, т. е. какъ его произносятъ, а не его правописанiе. Этого же требуетъ отчасти и фонетика.

На этомъ основанiи, очень многiя иностранныя слова получили право гражданства въ русскомъ языкѣ. Слова эти приспособились къ русскому произношенiю и правописанiю, а также къ русскимъ склоненiямъ и спряженiямъ и, порвавъ всякую связь со своимъ гнѣздомъ, они стали вполнѣ русскими и обагатили русскiй языкъ.

На томъ же основанiи поступили, чуть не 1000 лѣтъ тому назадъ, писцы удѣльныхъ князей и монахи со словомъ „грамота" взятымъ у византiйцевъ.

Но спустя нѣсколько столѣтiй, вѣроятно иностранецъ, написалъ первую русскую «граматику» и не зная, что въ русскомъ языкѣ уже есть слово «грамота», (или русскiй, желая показать себя „европейцемъ"), написалъ тоже слово по европейски, поставивъ два „м", такъ что теперь два слова имѣющiя одинъ и тотъ же корень, а именно греческое слово „графейнъ", (писать) и произносимыя одинаково пишутся различно: одно какъ писали его русскiе въ теченiи чуть не 1000 лѣтъ, а другое по европейски, однакоже, въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ, пишутъ одно „м", хотя рѣчь идетъ о граматикѣ, напримѣръ: „онъ пишетъ безграмотно" и т. п. Разъ человѣкъ пошелъ по ложному пути, то онъ уже всегда путается.

Когда въ послѣднее время, иностранныя слова стали быстро вливаться въ русскую рѣчь, то въ подражаніе первому граматику, стали писать ихъ съ иностраннымъ правописаніемъ, которое необходимо въ бѣдныхъ иностранныхъ языкахъ, но не нужно въ русскомъ и не понятно русскому человѣку.

Возьмемъ для примѣра букву „с" (S). Въ латинскомъ и во всѣхъ европейскихъ языкахъ она произносится какъ „з" если поставлена между гласными, а потому, чтобы сохранить ей звукъ „с" у иностранцевъ нѣтъ другого способа, какъ написать рядомъ другое „с", но если буква эта не между гласными, то они никогда не пишутъ двухъ „с". У насъ же есть двѣ отдѣльныя буквы: «с» и «з», а потому вся эта канитель намъ не нужна.

Тоже относится и къ буквамъ «м» и «н», которыя въ нѣкоторыхъ языкахъ, поставленныя послѣ гласной, имѣютъ иногда ужъ совершенно другой звукъ, онѣ превращаются въ „nasales", „носовыя", а потому, если надо сохранить имъ звукъ „м" и „н", то пишутъ двѣ одинаковыя буквы рядомъ, иначе имъ нельзя сохранить нормальный звукъ.

Все это доказываетъ бѣдность европейскихъ языковъ, а мы, чтобы и въ этомъ отношеніи стать похожимъ на европейцевъ, надѣваемъ ихъ нищенскія рубища на нашъ богатѣйшій въ мірѣ русскій языкъ.

Въ русскомъ языкѣ удвоеніе буквъ можетъ быть только этимологическое или фонетическое. Этимологическое, напримѣръ, при встрѣчѣ корня съ приставкою или съ окончаніемъ (беззаконный), фонетическое, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ причастіяхъ, (обезпеченный), также если, въ прилагательномъ, суфиксъ „ян", имѣетъ на себѣ удареніе (деревянный) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, но всегда сообразно съ духомъ славяно-русскаго языка, а не потому, что ставятъ двѣ буквы иностранцы. Знаніе ихъ граматики и

правописанія не можетъ быть обязательно для изучающаго нашъ богатый, а потому и трудный, русскій языкъ.

Латинскій языкъ, это корень языковъ западныхъ народовъ, на немъ и должна быть основана ихъ граматика, а славянскій языкъ, это единственный корень русскаго языка, а потому наша граматика должна сообразоваться исключительно съ его требованіями, слова же взятыя у китайцевъ или европейцевъ мы должны писать такъ, какъ они *произносятъ* ихъ напримѣръ Шекспиръ, а не Шакеспеаре и этимъ превращать ихъ въ русскія слова съ русскими склоненіями и спряженіями.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго, просимъ извиненія у нашихъ читателей въ томъ, что пишемъ одинаково: „квасъ" и „классъ", „грамота" и „граматика", что пишемъ „комисія", а не „коммиссія" какъ пишутъ очень многіе и т. д.

Также, подобно всей русской печати, мы склоняемъ всѣ иностранныя фамиліи, которыя оканчиваются согласными, въ томъ числѣ и фамиліи Плансона, Нельсона, Мендельсона и другихъ, чего нѣкоторые не дѣлаютъ.

Все это вопросы, такъ сказать, внѣшней филологической политики, но есть и весьма спѣшные вопросы внутренней политики о буквахъ „ъ" и „ѣ", а также и другіе, которые долженъ бы окончательно рѣшить, по большинству голосовъ, ареопагъ во главѣ съ академіею наукъ, а состоящій изъ всѣхъ русскихъ писателей, разумѣется, за исключеніемъ г. г. Спасовичей, Нотовичей и Ко., у которыхъ особый взглядъ на все русское.

А слѣдовало бы поторопиться съ этой очисткой, чтобы облегчить русскимъ и другимъ славянамъ, а также и иностранцамъ изученіе русскаго языка, который становится всемірнымъ, его уже начали изучать не только въ Европѣ, но и въ Китаѣ, въ Японіи и въ Америкѣ.

Я окончилъ это сочиненіе въ 1903 году, но по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, оно не могло быть напечатано тогда же. Между тѣмъ, въ 1904 году, академія наукъ признала своевременнымъ исключить изъ азбуки буквы ѣ, ъ, і, ѳ. Всѣ образованные люди въ россіи уже давно сознавали, что азбука и основанное на ней правописаніе,

спѣшно придуманныя Петромъ Великимъ при громѣ пушекъ и стукѣ топоровъ, требуютъ пересмотра, но онъ долженъ быть серіезный и общій, онъ долженъ обнять все правописаніе какъ коренныхъ славяно-русскихъ словъ, такъ и взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ. Академія обязана разработать каждый вопросъ отдѣльно и представить свое мнѣніе на рѣшеніе всѣхъ пишущихъ русскихъ людей, потому что ея личному рѣшенію никто не подчинится.

Глава 1.

Результаты двухъ системъ воспитанія. Реформы необходимыя въ учебномъ вѣдомствѣ и денежныя средства для исполненія ихъ. Вольные университеты.

Хотя я пишу не для того чтобы выяснить мою скромную личность, однакоже такъ какъ все изложенное здѣсь основано на моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ, то я вынужденъ часто говорить о себѣ, а потому начну съ воспитанія моего и моихъ сверстниковъ, для сравненія съ воспитаніемъ юношества въ послѣдующее время.

Изъ документовъ моихъ предковъ и изъ формулярнаго списка моего отца видно, что я потомокъ французскихъ дворянъ Plançon de Riny. Я родился 18 Августа 1824 года и жилъ въ Кіевѣ, гдѣ у моего отца были свои дома. За мною присматривали боны и дядька англичанинъ, человѣкъ мало образованный, но стойкій энергичный и съ непоколебимыми правилами нравственности; онъ выработывалъ мой характеръ и я понынѣ съ благодарностью вспоминаю о немъ.

Такъ какъ два старшихъ моихъ брата умерли раньше и я остался безъ товарищей, то отецъ призналъ полезнымъ, помѣстить меня, восьми лѣтъ отъ роду, въ пансіонъ Чакановскаго, въ которомъ по штату было всего 30 воспитанниковъ, а при нихъ, сверхъ приходящихъ учителей, состояло четыре гувернера: русскій, англичанинъ, французъ и

нѣмецъ; преподаванiе было образцовое, языки и музыка усвоивались легко.

Къ сожалѣнiю, теперь уже нѣтъ такихъ пансiоновъ даже въ столицахъ, а между тѣмъ и богатый отецъ всегда занятъ какимъ либо дѣломъ внѣ дома, мать же, именно вслѣдствiе своей любви къ сыну, или все прощаетъ ему или слишкомъ требовательна, такъ что приходится взять въ домъ постороннее лицо, педагогическiя способности котораго никому неизвѣстны, между тѣмъ какъ подобные пансiоны вполнѣ отвѣчали требованiямъ педагогики.

12-ти лѣтъ отъ роду я поступилъ въ 4-й классъ Кiевской гимназiи, въ 1836 году.

Спустя три года мой отецъ переѣхалъ въ Харьковъ, купилъ имѣнiе и причислился съ семействомъ къ Харьковскому дворянству.

Не достигнувъ 20 лѣтняго возраста, я окончилъ Харьковскiй университетъ со степенью кандидата и еще раньше прочелъ въ подлинники Байрона, Гольдони, Шилера и Гюго, говорилъ на ихъ языкахъ и свободно читалъ Виргилiя. Но это не доказываетъ ни выдающихся способностей моихъ, ни особаго прилежанiя, тогда всѣ учились *многому—понемножку*.

Такое образованiе ни куда не годится если смотрѣть съ точки зрѣнiя отвлеченной теорiи и педагоговъ послѣднихъ 35-ти лѣтъ.

А между тѣмъ на практикѣ оказалось, что именно это образованiе дало Россiи великихъ математиковъ, историковъ и литераторовъ, а съ перемѣною системы образованiя и воспитанiя, ихъ стало появлятся все меньше и меньше, люди воспитанные въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ семь лѣтъ выработали освобожденiе крестьянъ и нужные для этого законы, а также, земскiе, судебные, банковскiе и другiе законы, т. е. мирнымъ путемъ произвели величайшую въ мiрѣ революцiю, между тѣмъ какъ въ послѣдующiе года, не смотря на труды многолѣтнихъ комисiй и совѣщанiй, не появился почти ни одинъ серiозный законодательный актъ, при томъ, редакцiя прежнихъ законовъ не возбуждала ни какихъ недоразумѣнiй, а въ послѣднiе тридцать лѣтъ, рѣдкiй государственный актъ обходится безъ дополненiй и разъясненiй, необходимыхъ

вслѣдъ за его появленіемъ. Въ этомъ виноваты, разумѣется, не государственные люди, рѣшающіе вопросъ въ принципѣ и обремененные массою другихъ дѣлъ, а редакторы и секретари, не достаточно развитые школою.

Тогда въ два года съ 1842 по 1844 было выработано совершенно новое уложеніе о наказаніяхъ и на столько удовлетворительное, что просуществовало шестьдесятъ лѣтъ, а теперь, чтобы дать этому же уложенію болѣе современный видъ, употреблено ровно 20 лѣтъ, а надъ маленькимъ X томомъ работаютъ 22 года. (О комисіяхъ, совѣщаніяхъ и т. п. смотри гл. 9).

Въ первой половинѣ минувшаго столѣтія, не смотря на постоянныя революціи заграницею и на частыя сношенія съ нею, у насъ только промелькнули „Декабристы", эти идеалисты, появившіеся подъ вліяніемъ масонства и мистицизма, которыми были проникнуты самыя высшія сферы въ Россіи, а въ концѣ столѣтія появились мрачные убійцы изъ за угла, появились люди, которые губятъ тысячи товарищей изъ за вопроса о грязной столовой или изъ за читальни, въ которой ничего не читаютъ, теперь уже и гимназисты ходятъ въ народъ и на заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ волнуютъ умы рабочихъ во всей Россіи.

Все это происходитъ отъ того, что прежде школа, а потому и родители старались развивать умъ и сердце ребенка и юноши, т. е. *давали человѣку то, что остается на всю жизнь*, потомъ же стали набивать мозгъ сухими предметами, которые скоро забываются, а о сердцѣ вовсе не заботились. Тогда юноша оканчивалъ образованіе съ развитымъ умомъ и съ чистыми идеалами, а теперь, причаливъ къ жизненной пристани, онъ выбрасываетъ баластъ и у него очень мало остается въ умѣ, а въ сердцѣ только злоба.

Прибавимъ нѣсколько словъ объ иностранныхъ языкахъ, которые служатъ къ слiянію человѣка съ цивилизованнымъ міромъ. Преподаваніе новыхъ языковъ въ прежнее время имѣло главною цѣлью практическое примѣненіе ихъ къ жизни, а потому пріучали дѣтей и юношей говорить на изучаемомъ языкѣ и читать легкія сочиненія, въ томъ числѣ и латинскія, а потому дѣти и взрослые, какъ пчелы, собирали медъ изъ

лучшихъ цвѣтовъ человѣческаго ума. Затѣмъ стали учить исключительно граматикѣ, даже и ее на русскомъ языкѣ, т. е. стали учить искуству писать на иностранномъ языкѣ, превращая этимъ людей въ нѣмыхъ, которые не могутъ выразить словами то, что умѣютъ написать.

Съ прошлаго года, при многихъ женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ, открыты практическіе уроки новыхъ языковъ.— Но во первыхъ, эти уроки платные, а и безъ того ученіе въ Россіи стоитъ слишкомъ дорого; во вторыхъ уроки эти вечеромъ, когда уже темно, а между тѣмъ нельзя допускать чтобы дѣвушки ночью бѣгали по городу, да и многимъ гимназистамъ этотъ урокъ послужитъ предлогомъ для ночныхъ экскурсій, съ нежелательною цѣлью; и въ третихъ, а это главное, эти *частные уроки совсѣмъ не нужны*, потому что есть казенные уроки въ гимназіи, а здѣсь, первые два года, должны бы заниматься въ класахъ исключительно практическимъ изученіемъ языка и только съ третьяго года приступать къ граматикѣ.

Въ доказательство того, на сколько въ прежнее время старались, чтобы люди могли говорить на изученномъ ими языкѣ, приведу примѣры изъ личной моей практики, также, какъ и все въ этомъ сочиненіи.

Въ Кіевѣ съ V-го класса преподавали на французскомъ языкѣ всеобщую исторію, а въ Харьковѣ географію, и ученики гораздо лучше знали эти предметы, нежели ихъ преемники. Также Іоанна д'Аркъ Шилера и другія его произведенія приводили въ восторгъ юношей.

Студенты университета свято хранили своихъ гимназическихъ Виргиліевъ, Цицероновъ, Шилеровъ или Гюго и въ товарищеской компаніи, декламировали ихъ, а у позднѣйшихъ класиковъ нѣтъ Шилеровъ и Гюго, а Виргиліевъ и Цицероновъ, они съ ненавистью жгугъ или мѣняютъ на толкучкѣ, на сочиненія порнографовъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ Римское право читалъ Мицкевичъ (братъ польскаго поэта), онъ не зналъ русскаго языка, а потому читалъ на латинскомъ, но не по книгѣ или по тетради, а наизустъ.

И чтоже? студенты, какъ и по другимъ предметамъ,

составляли кружки, записывали лекціи, потомъ редактировали записку, а одинъ, большею частью изъ бѣдныхъ, за вознагражденіе переписывалъ ихъ и по нимъ готовились къ репетиціямъ и экзаменамъ. Только послѣ перваго мѣсяца професоръ просматривалъ записки, а потомъ уже не касался ихъ, но не дозволялъ ни печатать, ни литографировать, а такъ какъ каждый экземпляръ принадлежалъ многимъ студентамъ, то тетради приходили въ такое состояніе, что слѣдующее поколѣніе уже не могло пользоваться ими, да оно и не нуждалось въ нихъ, потому что всѣ свободно владѣли латинскимъ языкомъ послѣ шести лѣтъ изученія его, по три урока въ недѣлю.

А теперь, послѣ 8-ми лѣтъ ученія и по 7-ми уроковъ въ недѣлю, т. е. послѣ затраты въ трое больше времени на изученіе латинскаго языка, студентовъ затруднила бы эта работа, а также словесные вопросы и отвѣты на репетиціяхъ и экзаменахъ.

Все изложенное въ этой главѣ, не праздное разглагольствованіе, не фантазіи, а факты всѣмъ извѣстные, а потому слѣдовало бы имѣть ихъ въ виду желая правильно поставить воспитаніе юношества въ учебныхъ заведеніяхъ.

Теперь выразимъ наше мнѣніе о томъ, какъ должны быть поставлены учебныя заведенія.

Я считаю себя въ правѣ выразить мое мнѣніе потому, что семь моихъ сыновей, въ самое нигилистическое время, воспитывались въ трехъ губернскихъ и въ четырехъ петербургскихъ гимназіяхъ, въ двухъ университетахъ и въ трехъ академіяхъ, а такъ какъ я былъ или безотлучно при нихъ, или часто навѣщалъ ихъ и зорко слѣдилъ за ихъ воспитаніемъ, то разумѣется, мнѣ близко знакомы эти учебныя заведенія и хотя ни одинъ изъ моихъ сыновей не заразился свирѣпствовавшею тогда эпидеміею, но я видѣлъ гибель многихъ юношей.

Притомъ въ теченіи моей долгой жизни я работалъ на разныхъ поприщахъ, (какъ это видно изъ настоящаго сочиненія), а потому имѣлъ возможность изучить *результаты* образованія, которое давали людямъ прежнія и новыя школы.

На основаніи свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ при тщатель-

номъ изученіи этого вопроса въ теченіи полстолѣтія, я позволю себѣ выразить мнѣніе, что *для того, чтобы школа давала государству полезныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, и чтобы люди съ выдающимися способностями, могли въ послѣдствіи стать свѣтилами науки, необходимо слѣдующее*:

1-ое. Ни директоръ, ни инспекторъ, не должны быть преподавателями. Директоръ долженъ проводить все утро въ классахъ, знать душу каждаго преподавателя и способности каждаго ученика.

Инспекторъ т. е. воспитатель и его помощники должны знать нравственность каждого ученика и его поведеніе въ гимназіи и внѣ ея; должны способствовать благопріятной для воспитанія обстановкѣ учениковъ въ ихъ квартирахъ, помогать имъ, тѣмъ или другимъ способомъ, къ приготовленію уроковъ, къ выбору книгъ для чтенія, къ полезному для здоровья и нравственности препровожденію свободнаго времени и т. д. Они должны любить учениковъ и быть любимы ими. Директоръ же, какъ лицо отвѣтственное за гимназію, долженъ тщательно провѣрять дѣятельность инспектора. Оба должны быть въ сношеніяхъ съ родителями воспитанниковъ.

Если директоръ вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаватель, то онъ не можетъ наблюдать за остальными учителями потому что кто изъ людей безгрѣшенъ? а директоръ тотъ же учитель, да еще обремененный многими другими дѣлами. А разъ онъ грѣшитъ противъ своихъ обязанностей учителя, то что же онъ можетъ требовать отъ другихъ учителей и какой примѣръ они имѣютъ въ лицѣ своего начальника. Многіе директоры ни когда не присутствовали на урокахъ, а потому не имѣютъ ни какого понятія объ учителяхъ и о воспитанникахъ, которые поручены имъ, а не учителямъ, и результаты этого видны въ нынѣшнихъ гимназистахъ высшихъ класовъ и въ студентахъ университетовъ; въ нихъ уже нѣтъ ни знанія, ни нравственности, ни высшихъ идеаловъ, они дикіе башибузуки, если ихъ не спасла отъ этого ихъ семья.

2-ое. Преподаватели должны получать жалованье не

по урочное, а прогресивное, а именно: если по удостовѣренію директора и по повѣркѣ на мѣстѣ попечителемъ округа, учитель принесъ существенную пользу юношамъ, которымъ онъ безпрерывно преподавалъ въ теченіи пяти лѣтъ, то долженъ получать въ прибавку четверть жалованья, такъ что, начавъ, положимъ, съ 1400 рублей, онъ послѣ двадцати лѣтъ, будетъ получать уже 2800 рублей. При этомъ ученикъ привыкаетъ къ опредѣленной, строго выдержанной системѣ, а учитель начавъ съ азбуки или со сложенія, будетъ вынужденъ слѣдить за наукою, чтобы въ высшихъ класахъ давать ученикамъ то, что уже выработали лучшіе умы человѣчества.

Разумѣется, что тѣ предметы, по которымъ бываетъ мало уроковъ могутъ быть присоединяемы къ другимъ предметамъ, но во всѣхъ учрежденіяхъ міра умственный трудъ разцѣнивается по качеству, а не по количеству употребленныхъ на него часовъ.

Жалованье директора, инспектора и его помощниковъ должно увеличиватся послѣ десяти лѣтъ, потому что правительству весьма трудно видѣть, какіе результаты приноситъ ихъ дѣятельность, хотя попечитель округа и долженъ бы заниматься не бумагами, а живымъ дѣломъ, т е. лично слѣдить за воспитаніемъ юношества.

Теперь, при по-урочной платѣ, всѣ члены гимназической корпораціи набираютъ по возможности больше уроковъ, одни вслѣдствіе врожденнаго многимъ людямъ стремленія къ наживѣ, другіе по настоянію своихъ женъ, для болѣе частой перемѣны шляпокъ и бурнусовъ. Уже образовалась обширная литература о переутомленіи учениковъ, но, кажется, не было сказано ни слова о переутомленіи учителей, которые, какъ машины, день въ день, проводя утро въ гимназіи, а вечеръ за коректурою ученическихъ тетрадей, приходятъ, въ крайне нервное состояніе, а такъ какъ крѣпостное право не отмѣнено еще въ школахъ, то нервные учителя и вымѣщаютъ свою злобу на своихъ крѣпостныхъ ученикахъ и 70 или 80% изъ поступившихъ въ гимназію изгонялись изъ нее большею частью вслѣдствіе растройства нервовъ учителей и безъ участія директора, а оставшіеся 30 или 20%

притуплены злобны и потеряли здоровье.

Графъ Л. Толстой пишетъ: „учитель добрый, который всегда въ хорошемъ расположенiи духа, заражаетъ учениковъ своимъ настроенiемъ, а учитель мрачный, нервный, дѣйствуетъ на школьниковъ подавляющимъ образомъ. Вообще дѣло не въ томъ, что преподаютъ въ школахъ, а въ томъ, какъ преподаютъ и какъ относятся къ воспитанникамъ“.

Язва формализма проникла и въ женскія гимназiи и тамъ о развитiи ума, сердца и тѣла, будущихъ матерей никто не заботится а результатомъ этого явились стриженыя барышни, живущія со студентами и стачка 600 медичекъ. До сихъ поръ стачниками были извозчики, рудокопы или торговки, мадамы Анго, а у насъ женщины съ высшимъ образованiемъ. „Сверхъ Европа“, какъ говорятъ декаденты.

3-е. Необходимы полугодовые экзамены или репитицiи въ послѣдния двѣ недѣли занятий. Это необходимо во первыхъ для того, чтобы ученикъ пополнилъ пропущенное и объединилъ предметъ, слилъ въ одно кусочки, во вторыхъ, чтобы преподаватель и директоръ могли судить объ ученикѣ не по случайнымъ вопросамъ во время уроковъ, а по степени его развитія и насколько онъ усвоилъ себѣ предметъ вообще есть ли въ его головѣ общая связь предъидущаго съ послѣдующимъ.

Если учитель окажется неспособнымъ развивать умъ и сердце учениковъ, то послѣ одного или двухъ лѣтъ испытанiя долженъ быть устраненъ; пусть идетъ по другой дорогѣ.

Дорогъ много, на нихъ, отъ его дѣятельности будутъ, зависитъ текущія, легкоисправимыя дѣла, а не будущность народа и государства, зависящія отъ воспитанiя будущихъ дѣятелей.

Тоже и директоръ и инспекторъ, не понявшiе или не исполняющiе своихъ священныхъ, возвышенныхъ обязанностей. Изъ нынѣшнихъ, большею частью, закаменѣлыхъ, бездушныхъ формалистовъ, могутъ остатся на службѣ очень немногiе, и уже ни одинъ изъ тѣхъ, въ гимназiи котораго подготовлялись люди, губящiе другихъ, вынесшiе изъ гимназiи ядъ, а не бальзамъ любви и цивилизацiи. Это легко узнать изъ списковъ воспитанниковъ высшихъ и среднихъ

учебныхъ заведеній, уже приговоренныхъ къ строгимъ наказаніямъ.

Необходимо обратить вниманіе еще на то, что ученики посѣщаютъ класы менѣе 200 дней въ году, а этого слишкомъ мало, какъ для учениковъ, такъ и для преподавателей тѣмъ болѣе, что общіе предметы должны заканчиваться въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ такомъ объемѣ, чтобы не было надобности повторять ихъ въ высшихъ, которыя должны готовить исключительно спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія.

Все сказанное здѣсь о директорахъ, инспекторахъ и преподавателяхъ относится ко всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ въ Имперіи.

Что же касается университетовъ, то разумѣется, что ни познанія, ни нравственность не могутъ прогресировать при скопленіи нѣсколькихъ тысячъ нашихъ, не зрѣлыхъ, большею частью, плохо воспитанныхъ русскихъ юношей, сыновей и потомковъ преимущественно полудикихъ людей.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ ихъ 4000 и болѣе! Но вѣдь это двѣ пѣхотныя бригады, состоящія изъ молодыхъ людей, тогоже возраста, какъ и студенты. Заграницею не менѣе половины бригады съ среднимъ и высшимъ образованіемъ и дѣйствительно воспитанные молодые люди, а все же наблюдаютъ за ними сотни начальниковъ, значитъ наблюденіе необходимо.

Мы вовсе не желаемъ, чтобы университеты были сформированы по образцу полковъ, но необходимо разбить ихъ на меньшія групы, а для этого увеличить число высшихъ школъ, а именно: ничего не измѣняя въ указанной здѣсь организаціи гимназіи, прибавлять къ нѣкоторымъ изъ нихъ, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ спеціальные трехлѣтніе высшіе курсы вродѣ лицейскихъ, а для этого достаточно надстроить одинъ этажъ надъ гимназіею. Тогда университеты будутъ исключительно для людей живущихъ въ университетскихъ городахъ, или для тѣхъ которымъ, по избранной спеціальности, нужны богатые физическіе, химическіе или астрономическіе кабинеты, такъ какъ нѣтъ надобности расширять ихъ въ гимназіяхъ и лицеяхъ. Служебныя права, окончив-

шихъ лицей и университетъ, должны быть одинаковы. Вѣдь Петербургскій лицей и равное ему училище Правовѣдѣнія воспитали многихъ полезныхъ людей; туже пользу принесутъ и провинціальные лицеи.

Теперь, въ двухъ университетахъ, Петербургскомъ и Московскомъ взятыхъ вмѣстѣ, около 9000 студентовъ, а вслѣдствіе облегченія гимназическаго курса и допущенія реалистовъ на нѣкоторые факультеты, число ихъ удвоится и утроится, а потому необходимо размѣстить ихъ не менѣе какъ въ пятнадцати или двадцати лицеяхъ. Въ Германіи, которая по числу жителей почти въ трое меньше Россіи, а по пространству въ 30 разъ меньше, есть 21 университетъ съ 26802 студентами, т. е. среднимъ числомъ около 1.200 студентовъ, строго воспитанныхъ гимназіею и многими поколѣніями предковъ; у насъ же по нѣсколько тысячъ студентовъ, не воспитанныхъ ни гимназіею, ни предками.

Разумѣется, что лицеи или новые университеты должны быть исключительно на востокъ отъ Днѣпра.

Въ газетахъ пишутъ о проэктѣ новаго университета въ Вильнѣ или въ Минскѣ, но на узкой полосѣ земли по правую сторону Днѣпра, отъ Финскаго залива до Чернаго моря, гдѣ всего 22% населенія Россіи и живутъ инородцы, уже есть четыре университета, изъ нихъ три устроены уже русскимъ правительствомъ, есть и нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, а по лѣвую сторону Днѣпра до Иртыша, на пространствѣ въ 20 разъ большемъ, на которомъ живетъ 65% преимущественно коренныхъ русскихъ, всего три университета и два другія высшія учебныя заведенія.

Да и вообще, уже теперь правительство даетъ образованіе *на одного русскаго тремъ инородцамъ*, какъ это доказано цыфрами въ моей брошюрѣ „Сословія". Если правительство выстроитъ еще одинъ польско-еврейскій университетъ, то это будетъ служить подтвержденію того, что доказано нами въ главѣ 14, а именно: что Польша, это метрополія, а остальная безпредѣльная Россія—ея колонія, предназначенная дла эксплоатаціи полякамъ и евреямъ.

Вѣдь міромъ управляютъ не масы людей, а культурныя единицы, а потому племя, въ которомъ этихъ единицъ

больше живетъ на счетъ того племени, въ которомъ этихъ единицъ меньше. Это тоже не фантазія, а фактъ, какъ и все изложенное въ этомъ сочиненіи.

Теперь всѣ средніе и высшіе класы населенія въ коренной Россіи жаждутъ образованія, а потому если правительство дастъ достаточное количество среднихъ и высшихъ школъ, то чрезъ полъ столѣтія всѣ служащіе на всѣхъ поприщахъ, а также, всѣ помѣщики, фабриканты и купцы будутъ люди интелигентные и съ болѣе прочною нравственностью Надо прежде достигнуть этой скромной, практической цѣли, а потомъ уже стремиться къ возвышеннымъ идеаламъ.

Для достиженія этого нельзя стѣсняться финансовыми соображеніями; постройка новой желѣзной дороги принесетъ пользу маленькой групѣ людей, а государству весьма незначительную, подъемъ же культурности и нравственности всѣхъ русскихъ людей, имѣющихъ вліяніе на внутренную жизнь государства, быстро принесетъ неисчеслимыя выгоды не только духовныя, но и матеріальныя, простой же народъ тогда и самъ примется за грамоту, безъ нынѣшнихъ насильственныхъ мѣръ

А всѣ указанныя здѣсь преобразованія и лицеи, хотя бы введенныя сразу, обойдутся дешевле желѣзной дороги приблизительно въ 400 верстъ, т. е. могутъ быть введены въ 2—3 года вмѣсто прибавки 1/120 части къ существующимъ уже дорогамъ, которыхъ теперь 50.000 верстъ.

Но если бы правительство не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, то слѣдуетъ учредить „Вольные университеты", которые были бы исключительно аренами науки, а именно: окончившій среднее учебное заведеніе и внесшій полугодовую плату за право слушать какой либо предметъ, получаетъ входной билетъ на эту лекцію, а за выдержанные имъ въ четыре года, четыре экзамена, онъ получаетъ аттестатъ по этому предмету. Онъ будетъ не студентомъ, а просто жителемъ города, онъ не имѣетъ рѣшительно никакой связи съ университетомъ и во всѣхъ отношеніяхъ подчиненъ исключительно общей полиціи.

При такомъ порядкѣ, правительству придется наблюдать

только за професорами, чтобы знать, что они преподаютъ и внушаютъ юношеству.

Средины не можетъ быть въ Россіи: или десятки заведеній по нѣсколько сотъ человѣкъ, или свободная наука.

Намъ скажутъ что заграницею устроены по типу среднему между этими двумя. Но тамъ университетъ на 2 миліона жителей, а въ коренной Россіи на 20 миліоновъ; притомъ, тамъ они существуютъ чуть не 1000 лѣтъ, а у насъ едва 150 лѣтъ, а потому складъ ума и міровоззрѣніе тамошнихъ юношей и професоровъ не такіе какъ нашихъ. Только геніи появляются сами собою, а цивилизація пріобрѣтается вѣками. Постройте на островѣ Миклухи—Маклая гимназію и университетъ и сразу проведите чрезъ нихъ папуасовъ, то все же они будутъ лакомиться человѣческимъ мясомъ, точно такъже какъ ни одинъ еврей, хотя бы докторъ философіи, не откажется отъ выгоднаго „гешефта", даже сомнительной чистоты. Подтверждаетъ это: исторія, опытъ и теорія Дарвина и Вирхова о наслѣдственности, а потому намъ нельзя слѣпо подражать всему иностранному.

Но главное: пока въ Россіи отъ западной границы до Тихаго океана не будетъ достаточнаго количества мѣстъ *для всѣхъ желающихъ учиться*, то во всѣ учебныя заведенія должны быть безпрепятственно принимаемы всѣ русскіе, православные, получившіе средній, переводный балъ, и только на остальныя вакансіи инородцы и иновѣрцы.

Конкурсное испытаніе между русскими и инородцами продолжалось 1000 лѣтъ, русскіе одержали верхъ и справедливо требуютъ первенства, а между тѣмъ теперь получаетъ образованіе одинъ русскій на двухъ или на трехъ инородцевъ (см. бр. „Сословія"). Это несправедливо, а потому возбуждаетъ неудовольствіе и служитъ одною изъ причинъ тѣхъ явленіи, о которыхъ говорится въ началѣ Манифеста 26 Февраля 1903 года.

Глава 2.

Бунге, Николай Христіановичъ. Методъ Ольриджа, Гензельта и А. И. Южина, при исполненіи чужихъ произведеній. Чуть не столѣтній цензоръ.

Когда я поступилъ въ кіевскую гимназію, то первымъ ученикомъ въ томъ же 4 классѣ, былъ Бунге, сынъ мѣстнаго доктора, кажется безъ практики.

Это былъ юноша строго воспитанный, очевидно угнетенный, скромный и до безобразія прилежный „долбяжка“; онъ заучивалъ уроки буквально отъ перваго до послѣдняго слова и помнилъ всѣ знаки препинанія, что давало ему возможность говорить заученное чрезвычайно красиво, въ особенности стихи, почти также, какъ знаменитый трагикъ, черный мавръ Ольриджъ, который потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, объѣздилъ всю Россію и приводилъ всѣхъ въ восторгъ.

Я удивлялся почему Ольриджъ производитъ такое сильное впечатлѣніе, хотя говоритъ совершенно просто, безъ всякихъ неистовствъ тѣломъ и голосомъ, на чемъ выѣзжаютъ многіе трагики. Чтобы узнать секретъ его успѣха, я пошелъ смотрѣть Отело съ Шекспиромъ въ рукѣ и слѣдилъ за текстомъ Оказалось, что главное искуство Ольриджа состоитъ въ точномъ соблюденіи знаковъ препинанія; еслибы были часы съ болѣе мелкимъ дѣленіемъ нежели секунды, то можно бы впередъ проставить на книгѣ время остановокъ

и не было бы ошибокъ. Ольриджъ, бесѣдуя со мною, вполнѣ подтвердилъ это.

Раньше чѣмъ съ Ольриджемъ, я познакомился съ знаменитымъ тогда піанистомъ Гензельтомъ и присутствовалъ иногда на урокахъ или сеансахъ, которые онъ, по субботамъ вечеромъ давалъ прелестной, молодой женѣ Сименса (перваго строителя телеграфовъ въ Россіи, да кажется и въ Европѣ) и Гензельтъ постоянно твердилъ своей даровитой ученицѣ, (рожденной Капгеръ), что она должна, подобно всѣмъ великимъ артистамъ, исполняя чужое произведеніе строго придерживаться знаковъ, которые напечатаны на нотахъ, потому что композиторъ всегда лучше знаетъ, что онъ хотѣлъ выразить, нежели тотъ, кто исполняетъ его произведеніе, хотя бы самъ былъ композиторомъ и стоялъ гораздо выше автора. Исполнить это очень трудно, потому что всякій, кромѣ Бунге, увлекается, и субъективно, съ личнымъ чувствомъ, выражаютъ чужую мысль, но юноша Бунге предвидѣлъ правила Гензельта и Ольриджа.

Нашъ извѣстный артистъ А. И. Южинъ, въ журналѣ „Театръ и Искуство“ за прошлый годъ, очень подробно и краснорѣчиво доказываетъ, что актеру труднѣе молчать, нежели говорить, т. е. знать то количество времени, которое онъ долженъ дать послѣ фразы, чтобы публика успѣла воспринять или подготовиться къ воспринятію извѣстной мысли или ощущенія.

„Продолжительность паузы, говоритъ г. Южинъ, „требуетъ огромнаго артистическаго *чутья и чувства мѣры*. „Техника молчанія не менѣе сложна, чѣмъ техника рѣчи“.

Но неужели г. Южинъ не знаетъ, что если пьеса написана даровитымъ авторомъ и прошла чрезъ руки добросовѣстнаго коректора, то актеру остается только соблюдать знаки препинанія, чтобы исполнить все то, чего требуетъ г. Южинъ. Ни Шекспиръ, ни Островскій не рисковали своими произведеніями пологаясь на „чутье и чувство мѣры“ актера, они точно опредѣлили продолжительность паузъ, оставляя на отвѣтственности актера только мимику, во время этихъ остановокъ.

Очень жаль, что г. Южинъ, своимъ авторитетнымъ

голосомъ, сбиваетъ съ толку начинающихъ, предостовляя ихъ „чутью“ передѣлывать великія творенія.

Паузы, а потому отчасти и интонація, повышеніе или пониженіе голоса, опредѣляются одинадцатью отдѣльными знаками, въ стихахъ есть еще ритмъ и рифма; особая наука, называемыя „Интерпунктаціей“, трактуетъ о нихъ и даровитый писатель умѣло пользуется ими. А потому актеру остается только основательно изучить значеніе знаковъ препинанія, разумѣется, теоретически и практически, и если онъ обладаетъ природнымъ даромъ мимики (которой нельзя выучиться), то публика и критика останутся также довольны имъ, какъ Каратыгинымъ, Мочаловымъ, Ольриджемъ, Сальвини и всѣми тѣми, которые не старались быть геніальнѣе генія написавшаго пьесу.

Возвратимся къ Бунге и къ директору Кіевской гимназіи.

Въ тѣ времена директоръ гимназіи не былъ вмѣстѣ и учителемъ, вслѣдствіе этого строго наблюдалъ за учителями, что теперь невозможно, потому что кто изъ учителей безгрѣшенъ? а директоръ тотъ же учитель. (См. Гл. 1).

Директоръ Кіевской гимназіи Петровъ, былъ всею душею преданъ своему дѣлу, онъ, какъ любящій отецъ, старался развивать умъ и сердце учениковъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ смуглымъ лицомъ и съ очень густыми черными волосами уже съ просѣдью.

Спустя около 50 лѣтъ я представилъ въ петербургскій цензурный комитетъ рукопись, но цензоръ дѣлалъ какія то затрудненія, а потому я передалъ мою визитную карточку курьеру, стоявшему у дверей кабинета предсѣдателя цензурнаго комитета и приказалъ доложить.

Въ кабинетѣ, на встрѣчу мнѣ, шелъ бодрый старикъ и спросилъ: „небыли ли вы въ 30-хъ годахъ въ Кіевской гимназіи?“

Картина!

Обнимаются два сѣдоволосыхъ человѣка, одинъ бывшій полъ столѣтія тому назадъ 12-ти лѣтнимъ мальчуганомъ, другой бывшій тогда его самодержавнымъ властелиномъ.

Петровъ постоянно бывалъ на урокахъ, зналъ учениковъ

и старался отучить Бунге отъ зубренія, заставлялъ его сказать урокъ своими словами или прочесть стихи, а потомъ разсказать ихъ содержаніе, или разсказать, какъ онъ провелъ праздничный день. Но всегда выходило нескладно, не было логической послѣдовательности, многаго не достовало, за то письменныя работы Бунге не имѣли себѣ подобныхъ, если не по замыслу, то по тщательной обработкѣ; директоръ и учитель напрасно старались найти какую либо погрѣшность противъ правописанія, синтаксиса, стиля или логики, онъ обработывалъ свое сочиненіе до малѣйшихъ подробностей, употребляя для этаго иногда нѣсколько ночей.

Мы скоро подружились, вѣроятно вслѣдствіе совершенной противуположности нашихъ характеровъ. Маленькій въ три окна, ветхій домикъ отца Бунге былъ рядомъ съ гимназіею и я часто заходилъ къ товарищу послѣ вечернихъ уроковъ.

Спустя три года я переѣхалъ съ родителями въ Харьковъ, уже больше не встрѣчался съ Бунге и совершенно потерялъ его изъ виду.

Въ Кіевѣ, въ томъ же классѣ гимназіи, былъ Бесеръ, съ которымъ я возобновилъ сердечную дружбу, спустя тридцать лѣтъ, когда тотъ былъ уже професоромъ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. На свои интимные вечера Бесеръ приглашалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ высокопоставленныхъ паціентовъ, а также меня и вотъ однажды, въ обширномъ кабинетѣ его, уже было нѣсколько сановниковъ, когда я вошелъ. Бесеръ встрѣтилъ меня словами:

— Ты слышалъ, что нашъ гимназическій товарищъ Бунге, вызванъ сюда и назначенъ товарищемъ министра финансовъ?

Я былъ крайне удивленъ, остановился среди комнаты и нѣсколько подумавъ, чтобы возстановить въ своей памяти происходившее 40 лѣтъ тому назадъ, сказалъ:

— Это находка для министра финансовъ, никто лучше Бунге не разработаетъ его проэктовъ, но если самъ Бунге станетъ министромъ, то или не долго продержится или разстроитъ финансы

Всѣ заинтересовались этимъ предсказаніемъ и началась оживленная бесѣда.

Дѣйствительно, Бунге не долго былъ министромъ и тѣже гости Бесера провѣряли потомъ мое предсказаніе.

Смѣшно вспомнить, какъ ученый магистръ и докторъ разныхъ высшихъ наукъ, три года денно и нощно работалъ надъ проэктомъ, который, казалось ему, былъ чѣмъ то необыкновеннымъ, въ родѣ финансоваго coup. d'état; смѣшно вспомнить, что онъ серіозно совѣщался объ этомъ съ министрами и говорилъ съ товарищами по гимназіи, проэктъ же состоялъ въ томъ, чтобы на девять миліоновъ уменьшить доходъ, уничтоживъ соляную подать. А, шутя учившійся С. Ю. Витте, шутя даетъ гораздо больше на чайныя и театры и чуть не въ сто разъ больше на постройку и покупку желѣзныхъ дорогъ и все это безъ дефицита.

Очевидно министру нуженъ свѣтлый умъ, а не зазубренная ученость. Въ этомъ я убѣдился при личныхъ сношеніяхъ и съ другими министрами, кромѣ Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте.

Глава 3.

Князь Шаховской, Александръ Александровичъ.
(Драматургъ).

На четвертомъ курсѣ университета мнѣ надо было писать кандидатскую дисертацію, готовиться къ выпускному экзамену и готовиться къ любительскимъ спектаклямъ.

Теперь любительскіе спектакли заурядное дѣло, но въ Харьковѣ ихъ не было пока не пріѣхалъ знаменитый драматургъ, директоръ Императорскихъ театровъ, князь Александръ Александровичъ Шаховской, почти семидесятилѣтній старикъ, года за полтора или за два до смерти.

Объ немъ много писали, но прибавимъ еще одинъ эпизодъ изъ его частной дѣятельности.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Харьковъ, онъ расшевелилъ общество и составилъ трупу во главѣ съ Минодорою Карловною Мухановою, урожденную гр. Сиверсъ, и ея сестрою Софіею, которая вслѣдъ за этими спектаклями вышла замужъ за Гудимъ-Левковича. Запущенный театръ былъ прилично отдѣланъ и были выбраны пьесы сразу на два первые спектакля, а именно: французскіе водевили „Pourquoi“ и „La Meunière de Marli“, прелестный водевиль съ веселою музыкою и костюмами временъ Людовика XV и русскія драмы: „Она помѣшана“ да еще какая то, въ которой я не участ-

вовалъ; репетиціи съ завтраками или ужинами и танцами тутъ же, въ театрѣ, продолжались три мѣсяца.

Князь былъ въ высшей степени симпатичный человѣкъ; играющіе сразу составили съ нимъ какъ бы одну семью; онъ приглашалъ къ себѣ участниковъ и въ халатѣ, въ туфляхъ, сидя въ глубокомъ креслѣ, заставлялъ разъ по десяти повторять нѣкоторыя мѣста; наконецъ вскочитъ и, насколько позволяли ему слабыя ноги и тучность, принимаетъ трагическія или комическія позы, теряетъ туфли и въ изнеможеніи падаетъ въ кресло, опускаетъ совершенно безволосую голову и его длинный носъ чуть не упирается въ колѣни.

Разумѣется, хохотъ, но онъ не сердится.

Послѣ одной моей непозволительной шалости князь, ковыляя, быстро подошелъ ко мнѣ положилъ руку на мое плечо и сказалъ: „Поздравляю съ успѣхомъ, публика въ восторгѣ, но еслибы вы были актеромъ и продѣлали это, то я бы подвергъ васъ очень строгому наказанію, а то и совсѣмъ бы запретилъ играть. Театръ храмъ искуства, святыня, а потому даже въ фарсѣ нужна серіозность; смѣхъ долженъ быть возбуждаемъ внутреннимъ смысломъ того, что говоритъ и дѣлаетъ актеръ, а не внѣшнимъ эфектомъ; не одинъ хорошій комикъ не является на сцену уродомъ". Потомъ я часто говорилъ объ этомъ съ нашими знаменитыми комиками.

Дѣло въ томъ, что въ „Мельничихѣ въ Марли", когда входитъ ревнивый мельникъ, то старикъ маркизъ прячется за большой ларь для ссыпки хлѣба, изъ за котораго и выводитъ его мельникъ, но, въ день спектакля, я приказалъ секретно наполнить ларь до половины, мелкою мукою, крупчаткою, и прячась отъ мельника, вскочилъ въ ларь, при чемъ, разумѣется, облако бѣлой пыли наполнило всю сцену. Этого не предвидѣли ни Шаховской, ни актеры, ни публика, пріѣзжавшая на репетиціи, а когда, вслѣдъ за этимъ, мельникъ вывелъ на сцену бѣлаго арлекина въ мукѣ, вмѣсто изъящнаго маркиза въ бархатѣ и атласѣ, то рукоплесканіямъ не было конца.

Пользуясь присутствіемъ въ Харьковѣ екатеринославскаго помѣщика Гавриленки, красиваго брюнета, который

превосходно читалъ стихи, кн. Шаховской тогдаже устроилъ мелодекламацію, состоящую въ томъ, что бардъ, въ черномъ бархатномъ костюмѣ, на авансценѣ читаетъ стихи подъ музыку, спеціально написанную для этого. Онъ читаетъ, или говоритъ наизустъ, совершенно просто, натурально, но ритмъ стиховъ, совпадаетъ съ ритмомъ музыки, которая, согласно читаемому, играетъ піано или форте и мѣняетъ темпъ. Вмѣстѣ съ этимъ живыя картины илюстрируютъ главные сюжеты поэмы или сказки.

Вѣроятно всѣ согласятся, что это одно изъ самыхъ изъящныхъ зрѣлищъ.

Музыка была частью сочинена, частью приспособлена віолончелистомъ княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицинымъ и его сыномъ Юріемъ, который потомъ бросилъ свою красивую жену Софію, рожденную Бахметьеву, составилъ превосходную, серіозную пѣвческую капелу, объѣздилъ съ нею всю Европу и Америку и первый ознакомилъ ихъ съ русскою, преимущественно церковною музыкою. Князья Шаховской и Голицынъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи театра и музыки въ Россіи.

Глава 4.

Поступленіе мое на службу. Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ въ Харьковѣ.

Приготовленіе къ выпускному экзамену и вмѣстѣ съ тѣмъ, любительскіе спектакли такъ разстроили мое здоровье, что на другой день послѣ послѣдняго экзамена, мать уложила меня въ покойный дормезъ и повезла заграницу въ Іюнѣ 1844 года.

Я возвратился 3-го Декабря, 4-го получилъ кандидатскій дипломъ и въ тотъ же день поступилъ къ Харьковскому, Черниговскому и Полтавскому генералъ-губернатору сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій безъ жалованья, но такъ какъ эта должность не полагалась по штату, то былъ зачисленъ по канцеляріи.

Обязанности трехъ штатныхъ и двухъ сверхштатныхъ, чиновниковъ особыхъ порученій были одинаковыя. Разумѣется прежде всего исполнять порученія въ трехъ Малороссійскихъ губерніяхъ, а кто не былъ въ командировкѣ, то долженъ былъ пріѣхать къ генералъ-губернатору утромъ, чтобы узнать нѣтъ ли порученій по городу или въ отъѣздъ, или для составленія изъ дѣлъ докладовъ, или поговорить о мѣстныхъ или Петербургскихъ новостяхъ, а въ пять часовъ холостые обязаны были пріѣхать обѣдать, но князь былъ очень недоволенъ если кто опоздаетъ къ обѣду или не

ѣстъ съ апетитомъ всѣхъ 7 блюдъ. (Два семейныхъ получали особыя приглашенія). Послѣ обѣда старшіе годами и кто либо изъ гостей, садились играть въ вистъ съ генералъ-губернаторомъ, а молодежь играла въ преферансъ съ его женою, если въ этотъ день не было бала, или концерта; иногда занимались музыкою. Театра въ Харьковѣ не было долгое время, а потомъ появился плохой.

Генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-адъютантъ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ, который 28-ми лѣтъ отъ роду былъ посланникомъ въ Персіи, а 30-ти лѣтъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ съ правомъ жизни и смерти во время Польскаго возстанія 1830—1831 годовъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ, въ Вильнѣ, князь Долгоруковъ влюбился въ графиню Забѣло, урожденную Вавжецкую и сталъ хлопотать о ея разводѣ съ мужемъ. Государь лично сказалъ ему: „если ты разведешь эту польку и женишся на ней, то я лишу тебя всего“. Однакоже князь развелъ ее и женился. Государь перевелъ его въ Харьковъ.

Здѣсь гордое Малороссійское дворянство смотрѣло на него только, какъ на чиновника, хотя высшаго, но никому не нужнаго; жены дворянъ не пріѣхали первыя съ визитомъ; когда въ собраніи предводителей дворянства онъ возвысилъ голосъ, то Полтавскій губернскій предводитель Александръ Васильевичъ Поповъ, въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, сталъ громко стучать саблею и сказалъ: „прошу Васъ не забывать, что Вы не передъ фронтомъ кавалергардскаго эскадрона (князь былъ кавалергардъ), а въ собраніи представителей дворянства“. До самой смерти князя, у него не было въ Харьковѣ ни одного близкаго семейства или человѣка; жизнь его, а въ особенности, красивой молодой, привыкшей къ роскоши и удовольствіямъ княгини, была невыносима, въ абсолютномъ одиночествѣ. Нѣсколько баловъ и одинъ, два, любительскихъ спектакля въ годъ не могли наполнять жизни.

Князь, какъ человѣкъ умный, примирился съ своимъ положеніемъ, посвящалъ все свое время службѣ и весьма многими мѣрами содѣйствовалъ развитію богатства края, а единственнымъ его удовольствіемъ было чтеніе серіозныхъ книгъ.

Глава 5.

Князь Долгоруковъ, Николай Андреевичъ, въ Вильнѣ. Внутренная политика нѣмецкая и русская. Эльзасъ-Лотарингія и Западныя губерніи.

Въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, князь Долгоруковъ, въ частной жизни, держалъ себя какъ настоящій русскій вельможа, а на службѣ какъ государственный человѣкъ, воспитанный на принципахъ, Великой Екатерины, которая сказала: „я не пріобрѣла западныхъ провинцій, а только возвратила Россіи то, что искони было Россіею“.

Какъ вельможа, князь жилъ широко, прожилъ около 2.000 душъ, т. е. около миліона рублей и заставилъ прожить гораздо больше польское дворянство, которое окружало его фиміамомъ; балы, охоты и празднества не прекращались, польки разорялись на туалеты; въ его десятилѣтнее управленіе краемъ былъ безпрерывный пиръ.

Какъ послѣдователь Екатерины онъ смотрѣлъ на западныя губерніи, какъ на коренныя русскія, потому что 99% населенія, за небольшими исключеніями, были русскіе; они говорили по русски и исповѣдывали православную вѣру. Это Россія, говорилъ князь Долгоруковъ, и только строго каралъ польскихъ крамольниковъ, точно также, какъ за

нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Петербургѣ, строго карали русскихъ крамольниковъ — декабристовъ.

Въ девяти западныхъ губерніяхъ одна сотая часть населенія быстро слилась бы съ остальнымъ русскимъ населеніемъ, еслибы Петербургское правительство помогало этому, даже некрутыми мѣрами, а только нравственнымъ вліяніемъ.

Сравнимъ нѣмецкую политику съ русскою въ завоеванныхъ провинціяхъ, въ которыхъ часть населенія одноплеменна съ завоевателемъ.

Въ 1873 году, въ 8 часовъ утра я пріѣхалъ въ Мецъ съ женою; мы остановились здѣсь до вечерняго поѣзда, чтобы осмотрѣть эту знаменитую крѣпость, въ которой, два года тому назадъ, безъ боя, положило оружіе 200.000 французскихъ войскъ, во главѣ съ генераломъ Базеномъ.

Когда поѣздъ ушелъ и вокзалъ очистился отъ публики, я сказалъ лакею по французски.

— Укажите намъ гдѣ можно умыться и почиститься.

— Vas wolen sie? (что прикажите) спросилъ лакей, очевидно не понимая французскаго языка, а когда я повторилъ тоже по нѣмецки, то онъ тотчасъ повелъ въ отдѣльную комнату, помогъ умыться, подалъ кофе и т. п.

— Откуда вы родомъ?—спросилъ я.

— Я здѣшній, родился здѣсь и ни куда не выѣзжалъ.

— Да какъ же вы не знаете французскаго языка

— О! пока я былъ французскимъ подданнымъ я не говорилъ иначе, какъ по французски, хотя зналъ и нѣмецкій языкъ, такъ какъ здѣсь много нѣмцевъ, но когда мы стали нѣмецкими подданными, то хозяинъ требуетъ, чтобы мы не произносили ни одного французскаго слова.

— А онъ нѣмецъ?

— Здѣшній же урожденецъ.

Въ городѣ католическій костелъ, двери настежъ, слышны органъ и пѣніе. Мы вошли.

Обѣдня оканчивалась, ксендзъ служилъ, разумѣется, по латыни, затѣмъ началось дополнительное богослуженіе, пѣніе псалмовъ, молитвы, какое то оповѣщеніе и все это на нѣмецкомъ языкѣ.

На Большой улицѣ, близъ крѣпости, книжный магазинъ; желая купить „Путеводителя по Мецу“, мы зашли и потребовали книгу опять же по французски.

— Васъ вюншенъ зи, мейнъ геръ?—Былъ отвѣтъ.

— Чертъ возьми! хуже Берлина, и тамъ въ большихъ магазинахъ говорятъ по французски,—сказалъ я женѣ по русски.

— Ахъ, какъ я радъ встрѣтить русскихъ, я родился и долго жилъ въ Петербургѣ, я Балэ, сынъ кондитера,—сказалъ хозяинъ магазина, на чистомъ русскомъ языкѣ.

— Но позвольте, я уже много лѣтъ покупаю шеколадъ и конфекты въ вашемъ магазинѣ, знаю вашего отца и вашу мать, они не выучились по русски и теперь еще, кажется, говорятъ только по французски, какъ же вы не знаете французскаго языка?

— Какъ не знать,—сказалъ онъ смѣясь.—Но теперь здѣсь Германія и правительство желаетъ, чтобы чувствовали это, какъ здѣшніе жители, такъ и пріѣзжіе.

— Чтоже, если будете говорить по французски, то васъ оштрафуютъ или въ тюрьму посадятъ?

— О, нѣтъ! Но правительство и здѣшніе нѣмцы будутъ косо смотрѣть, отвернутся.

— Ну, а здѣшніе французы?

—Они сразу примирились съ совершившимся фактомъ, правда они упали духомъ, но зная энергію и твердость характера нѣмцевъ, сами стали говорить по нѣмецки, такъ какъ здѣсь всѣ знаютъ два языка.

Кто не повѣритъ всему этому можетъ навести справку у владѣльцевъ кондитерской Балэ, въ Петербургѣ; вѣроятно въ семействѣ сохранилось преданіе о взятіи Меца и о его послѣдствіяхъ.

Англичане и французы вездѣ дѣйствуютъ также.

Въ Эльзасъ-Лотарингіи правительство сразу поставило вопросъ ребромъ, оно легко достигло цѣли, и теперь даже отмѣнило „Диктатуру“, потому, что тамъ половина населенія—нѣмцы; а въ западныхъ губерніяхъ 99% русскихъ или космополитовъ и не смотря на это западныя области не обрусѣли, а ополячились подъ русскимъ владычествомъ

и вотъ доказательство: въ началѣ столѣтія въ Кіевѣ было 1036 католиковъ и евреевъ, а теперь ихъ до 50.000, тоже и въ другихъ приднѣпровскихъ городахъ.

Кн. Н. А. Долгоруковъ въ Вильнѣ, какъ и Д. Г. Бибиковъ въ Кіевѣ, не могли въ западныхъ губерніяхъ поступить такъ, какъ поступаютъ нѣмцы въ Эльзасъ-Лотарингіи, а теперь въ Познаніи, куда переселяютъ нѣмцевъ даже изъ Россіи. У насъ же подъ вліяніемъ князя Чарторижскаго, Александръ I отождествлялъ западныя губерніи съ Польшею и всѣ петербургскіе чиновники раздѣляли это мнѣніе, которое укрѣпилось въ нихъ, когда возстаніе 1830 года и послѣдующія смуты появлялись въ западномъ краѣ въ тоже время, какъ и въ Польшѣ, хотя въ Польшѣ возставалъ весь народъ, а въ западныхъ губерніяхъ бунтовала только шляхта, крестьяне же ловили повстанцевъ и передавали ихъ въ руки правительства; но Петербургъ не обращалъ вниманія на это.

— Мы поляки! — кричали въ Петербургѣ шляхтичи всякихъ ранговъ, уроженцы девяти западныхъ губерніи. —

— Значитъ тамъ Польша — глубокомысленно разсуждали петербургскіе сановники.

Глава 6.

Полезные и вредные инородцы въ Россіи. Поляки и Евреи, населяющіе девять западныхъ губерніи и порабощеніе ими коренной Россіи на законномъ основаніи.

Хотя я харьковскій и уфимскій дворянинъ и помѣщикъ, однакоже мнѣ пришлось прожить около пятнадцати лѣтъ въ Западныхъ губерніяхъ, а потому и основательно изучить племена, населяющія ихъ

Живя послѣ того въ разныхъ губерніяхъ России и въ Петербургѣ, я провѣрялъ свои впечатлѣнія, изучалъ другія племена и подобно всѣмъ знающимъ Россію, пришелъ къ слѣдующему выводу, съ которымъ согласятся всѣ, сколько нибудь интересующіеся этимъ вопросомъ, а именно:

Высококультурные жители Прибалтійскихъ губерній, многочисленные Заволжскіе магометане, чуваши, тептяри, идолопоклонники—черемисы и многіе другіе племена, несмотря на различіе вѣры и обычаевъ, никогда не дѣлали зла Россіи, они живутъ съ русскими, какъ братья и содѣйствуютъ Россіи къ подъему, одни ея культурности, другіе ея богатства и могущества; всѣ они преданные дѣти своей матери—Россіи.

Но поляки, евреи и армяне никогда не сливались и не сольются съ русскимъ народомъ ни духовно, ни въ матеріальныхъ интересахъ по весьма естественной причинѣ,

потому что у каждаго изъ нихъ есть своя собственная, строгая мать, которая ведетъ его на прочныхъ помочахъ и не допускаетъ ни малѣйшаго уклоненія съ пути проложеннаго ею вѣками.

У поляковъ—идея собственнаго независимаго государства отъ моря—до моря, съ правымъ берегомъ Днѣпра, идея, которая побуждаетъ ихъ враждебно относиться къ Россіи и желать ей всякихъ бѣдствій, а не благополучія.

У евреевъ—Талмудъ, повелѣвающій ненавидѣть всѣхъ, кто не еврей.

У армянъ—и то и другое, хотя въ менѣе сильной степени, у нихъ въ умѣ и „Великая Арменія", и жажда воспользоваться богатствами сосѣдки, которая плохо охраняетъ ихъ; Россія покорила Кавказъ исключительно для нихъ (и для англичанъ, прибавимъ кстати).

Очевидно, что Россія обязана относиться къ первымъ, какъ добрая мать, давать имъ всѣ возможныя, матеріальныя и духовныя блага на равнѣ со своими родными русскими дѣтьми; ко вторымъ же должна относиться, какъ къ опаснымъ сожителямъ, охранять отъ нихъ свои матеріальныя и духовныя богатства и защищать отъ ихъ вліянія и эксплоатаціи остальныхъ своихъ дѣтей, которыя помогли ей стать на нынѣшнее высокое, міровое, положеніе.

Вотъ основныя начала, profession de foi, *которыя выработались во мнѣ, въ теченіи царствованія четырехъ императоровъ, которымъ я служилъ какъ помѣщикъ, писатель и чиновникъ*. А потому когда въ этой книгѣ повѣтствованіе касается внутренной политики, то я разсматриваю ее съ этой точки зрѣнія.

Приступимъ теперь къ изученію племенъ, обитающихъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.

1) *Жмудины*, живущіе въ сѣверной части Виленской и въ части Ковенской губерніи. Они говорятъ на особомъ языкѣ, который въ корняхъ словъ, близокъ къ церковнославянскому, но не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ; они католики, трудолюбивы и честны, занимаются исключительно земледѣліемъ, и никогда не принимали участія въ возстаніяхъ.

2) *Евреи* занимаются исключительно торговлею и ре-

меслами; они космополиты, для нихъ въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ „la raison du plus fort est toujorus la meilleure" (сильный всегда правъ) и они безропотно покоряются всякому сильному. — Жмудины и евреи не играютъ никакой политической роли.

3) *Русскіе*, искони вѣковъ и теперь знаютъ только русскій языкъ и исповѣдуютъ православную вѣру; они составляютъ около 80% населенія девяти западныхъ губерніи.

4) *Шляхта*, т. е. дворяне, утвержденные и не утвержденные въ дворянскомъ достоинствѣ. Они были прежде тоже православными и знали только русскій языкъ, какъ это видно изъ древнихъ государственныхъ актовъ; между прочимъ написанъ на русскомъ языкѣ и „Статутъ Литовскій", который былъ въ силѣ во всемъ западномъ краѣ въ теченіи трехсотъ лѣтъ, до 1842 года. Но Шляхта постепенно ополячивалась, приняла католическую вѣру и стала говорить исключительно по польски. Нѣкоторые шляхтичи владѣютъ имѣніями, и составляютъ дворянство западныхъ губерній, но значительное большинство пашетъ собственноручно или служитъ у помѣщиковъ приказчиками, лакеями, кучерами, пастухами; грамотные наполняютъ всѣ мѣстныя канцеляріи, а получившіе образованіе служатъ въ остальной Россіи.

Изъ среды шляхты формируется армія католическаго духовенства. Мальчикъ родился и растетъ среди русскихъ, говорящихъ только по русски, но какъ только онъ поступилъ въ католическое духовное училище, то сразу и на всю жизнь входитъ въ чисто-польскую атмосферу. Всѣ окружающіе его, отъ начальника училища до превратника, никогда не произносятъ при немъ русскаго слова, всѣ науки преподаются на польскомъ языкѣ и разумѣется преподаются въ духѣ Яна Собѣскаго и Великой Польши; онъ выходитъ изъ академіи наэлектризованный этими фантасмагоріями и ниодинъ ксендзъ во всей Россіи, отъ Петербурга и Одесы до Владивостока, не согласится употребить русскаго языка при крещеніи, вѣнчаніи, погребеніи, не скажетъ проповѣди на русскомъ языкѣ и даже за русскаго Царя въ Россіи молится по польски, хотябы церковь была полна католиками--ино-

страницами и русскими, не знающими польскаго языка. Великая Екатерина, найдя въ западныхъ губерніяхъ только одну сотую часть населенія враждебную Россіи, считала этотъ край русскимъ. Также смотрѣли на него потомъ князь Долгоруковъ въ Вильнѣ и Бибиковъ въ Кіевѣ, но Петербургъ не дозволялъ имъ поставить вопросъ ребромъ, а именно: 1-ое ввести въ западныхъ губерніяхъ, а потому и въ остальной Россіи, (кромѣ царства Польскаго), русскій языкъ въ дополнительное католическое богослуженіе (проповѣди, псалмы молитвы, въ томъ числѣ и за Царя) и 2) переселить туда, хотя не большими групами государственныхъ крестьянъ изъ центральной Россіи, которые, какъ уже давно свободные, да и вообще болѣе развитые нежели мѣстные русскіе крестьяне, имѣли бы на нихъ вліяніе и дали бы настоящую русскую физіономію мѣстному русскому же населенію, т. е Бѣлоруссамъ и Малороссамъ,

Но князю Долгорукову и Бибикову, (какъ потомъ Муравьеву, Кауфману и Безаку), Петербургъ не дозволялъ сдѣлать этого, и имъ удалось только настоять на закрытіи виленскаго университета и волынскаго лицея, которые были разсадниками полонизма въ этомъ русскомъ краѣ и ополячивали русскихъ православныхъ и уніатовъ, т. е. тѣхъ же православныхъ.

Князь Н. А. Долгоруковъ жилъ уже въ Харьковѣ, когда была уничтожена граница и таможня между Польшею и западными губерніями.—Онъ предвидѣлъ будущее и сказалъ, сначала своимъ приближеннымъ, а потомъ за параднымъ обѣдомъ: „Всѣ труды Великой Екатерины и наши пропали, „Польша возстановлена въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Теперь присоединена не Польша къ Россіи, а западная Россія къ Польшѣ, и когда поляки укрѣпятся матеріально и „умственно, то Россія не будетъ въ состояніи вторично поработить свои западныя области“.

И его пророчество близко къ осуществленію. Девять западныхъ губерній теперь гораздо больше польскія, нежели были сто лѣтъ тому назадъ; мы уже говорили, что въ началѣ этого столѣтія въ Кіевѣ было католиковъ и евреевъ 1036 человѣкъ, а теперь ихъ до 50.000, тоже произошло

и во многихъ искони русскихъ городахъ запада и юга Россіи.

Законъ (кажется) 14 Декабря 1864 года о водвореніи русскаго дворянства въ западныя губерніи не принесъ никакой пользы въ теченіи 40 лѣтъ, такъ какъ правительство ничего не сдѣлало для осуществленія его цѣли.—Сначала было ассигновано 5 мил., но они сейчасъ же были взяты для учрежденія злосчастнаго „Золотаго Банка", разорившаго многихъ дворянъ въ Россіи. Казенныя конфискованныя имѣнія были розданы не русскимъ крестьянамъ или помѣщикамъ, привыкшимъ къ сельскому хозяйству, а чиновникамъ, даже разночинцамъ, никогда не видавшимъ деревни. Изъ нихъ высшіе и ихъ дѣти остались на службѣ въ Петербургѣ, а имѣнія, вопреки закона, сдаютъ въ аренду полякамъ и евреямъ, называя ихъ арендаторами фруктоваго сада или мельницы или молочныхъ скоповъ, а маленькіе чиновники, хотя и поселились, но чтобы снискать благорасположеніе польскихъ дворянъ, ополячились со всѣми своими домочадцами.

Въ Познани все населеніе состоитъ исключительно изъ поляковъ, а потому Прусія напрасно старается онѣмечить ихъ; чехи и другіе славяне, такъ же какъ сѣверные италіанцы, не потеряли своей національности, даже Ирландія остается Ирландіею, а потому и Познань, и наша Завислянская Польша, всегда останутся Польшею.

Но въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, поляки составляютъ только $^{1}/_{100}$ часть населенія; они раньше были русскими, говорили на русскомъ языкѣ и исповѣдывали православную вѣру, а потому очевидно, что они должны исчезнуть въ русскомъ океанѣ; а между тѣмъ будучи возвращены Россіи, они ополячиваютъ остальные $^{99}/_{100}$ населенія этого края.

Повторяемъ, еще полъ столѣтія политики князя Чарторижскаго и либераловъ 70-хъ годовъ и Днѣпръ опять станетъ границею Россіи, хотя и не на географическихъ картахъ.

Наконецъ, разсмотримъ вопросъ о евреяхъ западныхъ губерній и о водворнніи ихъ въ коренной Россіи. Мнѣ пришлось долго жить въ гродненскомъ имѣніи. Ведя здѣсь

обширныя дѣла хлѣбныя, винныя и молочныя, я былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ евреями, единственными въ томъ краѣ купцами и торговцами, но ни одинъ еврей не знаетъ ни русской, ни даже польской грамоты, что крайне затрудняло при заочныхъ сношеніяхъ съ ними.

Это затрудненіе оказалось легко устранимымъ, такъ какъ всѣ евреи говорятъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, хотя и не литературномъ, а съ примѣсью многихъ польскихъ и русскихъ словъ, другаго разговорнаго языка у нихъ нѣтъ; только пишутъ древне-еврейскими буквами. А потому, уже нѣсколько привыкнувъ къ ихъ разговорному жаргону, я въ одинъ день изучилъ ихъ азбуку состоящую изъ 27-ми буквъ и съ того времени всѣ письма и условія были писаны по еврейски, т. е. на ужасномъ нѣмецкомъ жаргонѣ еврейскими буквами, а спорныя дѣла я предоставлялъ рѣшать раввинамъ.

Все это дало мнѣ возможность основательно изучить евреевъ.

Но для характеристики еврейской этики, еврейскаго міровоззрѣнія, не будемъ основываться исключительно на моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, а возмемъ въ основаніе цыфры, которыя даетъ намъ министерство юстиціи, а именно:

Уголовные суды приговариваютъ къ наказаніямъ.

Православнаго 1-го изъ 2790 жителей,

Еврея 1-го изъ 715 жителей.

Взявъ въ основаніе эти цифры, разберемъ подробно вопросъ о допущеніи евреевъ въ коренную Россію; но начнемъ съ двухъ свѣжихъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ концѣ прошлаго года, а уже потомъ тщательно разберемъ общій вопросъ.

1) Въ прошломъ году г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять въ кіевскій университетъ, сверхъ комплекта 16 евреевъ потому, что они окончили гимназію съ серебрянными медалями.

Но есть ли это газетная утка, потому что, когда принимается только опредѣленное число лицъ, то пріемъ долженъ производится по конкурсу; такъ неужели же всѣ принятые въ комплектъ имѣли золотыя медали?

Если это свѣдѣніе вѣрно, то очевидно, шестнадцать съ серебряными медалями раньше заручились обѣщаніемъ, что будутъ приняты сверхъ комплекта, а потому предоставили вакансіи другимъ, а затѣмъ обѣщаніе было исполнено.

Въ тоже время уже безъ всякихъ медалей, а только по ходатайству городскаго головы, г. министръ разрѣшилъ принять въ Одесскій университетъ 27 евреевъ, а въ Кіевскій 22 еврея сверхъ комплекта, т. е. отмѣнилъ комплектъ.

Это очень прискорбное явленіе вообще, а не только относительно евреевъ.

Въ теченіи 4 лѣтъ смѣнилось 4 министра народнаго просвѣщенія и если бы всякій изъ нихъ сталъ отмѣнять не только распоряженія своихъ предшественниковъ, но и законы, то какое же народъ могъ бы имѣть довѣріе къ правительству? Это бы означало, что министры необдуманно, зря, дѣлаютъ распоряженія и испрашиваютъ Высочайшія повѣленія, а потому ни народъ, ни Государь не могутъ довѣрять имъ

Разумѣется, что этого нѣтъ, а какъ произошелъ инцидентъ съ этими шестьюдесятью пятью евреями и происходятъ другіе подобные же, объяснено въ концѣ слѣдующей 7-ой главы. Прибавимъ только, что получено свѣдѣніе, что на медицинскомъ факультетѣ въ Харьковѣ 60% евреевъ и что они уже проявили себя, какъ и поляки, стараясь разогнать „Русское Собраніе“ и выбили всѣ стекла въ его помѣщеніи.

2) Въ гезетѣ „Новости“, въ началѣ 1903 года было оповѣщано, что подготовляется проэктъ закона, о предоставленіи всѣмъ евреямъ, хотя и не имѣющимъ права жить внѣ своей осѣдлости, покупать земли во всей Россіи, для занятія земледѣліемъ на отдѣльныхъ участкахъ въ 50 десятинъ или для образованія колоніи.

Извѣстіе это оказалось газетною уткою, такъ какъ Высочайшимъ повелѣніемъ 10 Мая того же 1903 года *временно* воспрещена покупка земли, даже имѣющимъ право жить внѣ черты.

Но слово „временно“ представляетъ большую опасность для Россіи. Правительствующій Синодъ не употребилъ этого слова, запртивъ, въ предѣлахъ коренной Россіи, крестить

евреевъ, опасныхъ не своею религіею, а своею національностью, такъ поступилъ и законодатель въ статьѣ 1106 запретивъ принимать въ дворянскую среду евреевъ крещенныхъ даже до 1765 года.

Для избѣжанія опасности отъ слова „временно" разсмотримъ во 1-хъ, есть ли въ Россіи избытокъ земли, который можно отдать вообще чужестранцамъ, а въ особенности безнравственному племени, не причиняя ущерба коренному русскому народу и во 2-хъ, возможно ли превращеніе евреевъ въ земледѣльцевъ.

Изъ свѣдѣній, которыя даетъ намъ статистика, видно, что за исключеніемъ заднѣпровскихъ губерніи, въ которыхъ предоставлено жить евреямъ, въ остальной Россіи съ Прибалтійскими губерніями, ежегодный приростъ населенія составляетъ 1.712.000 (ошибка можетъ быть только незначительная), слѣдовательно, спустя сто лѣтъ, будетъ до 300 миліоновъ людей живущихъ по сію сторону Днѣпра.

Наврядъ ли хватитъ для нихъ продовольствія, не смотря на всѣ заботы министра земледѣлія о каналахъ на нашихъ тундрахъ и на песчаныхъ степяхъ; колоніи же въ другихъ частяхъ свѣта у насъ нѣтъ и никогда небудетъ, такъ какъ европейцы уже завладѣли всѣми свободными землями на нашей планетѣ.

А сто лѣтъ быстро промчатся; отцы многихъ изъ нынѣшнихъ дѣятелей жили при Александрѣ I, также сыновья и внуки нашихъ дѣтей, будутъ еще живы чрезъ сто лѣтъ. А потому надо, покрайней мѣрѣ, обезпечить хлѣбомъ эти чада наши, а потомъ уже сказать: „Apres nous le deluge" (послѣ насъ потопъ), а не говорить этого теперь, какъ говорили въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, и роздали миліоны десятинъ лучшихъ земель людямъ чуждымъ Россіи, въ томъ числѣ дозволили купить и евреямъ; всѣ они, на всегда, останутся чуждыми русскому народу и не станутъ кормить его хлѣбомъ, собраннымъ на его земляхъ. Нѣмцы, поселившіеся еще при Екатеринѣ II и по нынѣ остаются чистыми нѣмцами, враждебными русскому народу.

Этой ошибки нельзя повторять, а потому слово „временно" должно быть замѣнено словомъ „вѣчно".

Затѣмъ евреи чрезъ своихъ друзей, русскихъ юдофиловъ, увѣряютъ, что они будутъ заниматься земледѣліемъ. Но они нигдѣ, на всемъ земномъ шарѣ не пашутъ и не косятъ, а потому не будутъ и у насъ.

Если кто либо повѣритъ въ возможность этого чуда, то достаточно справиться въ архивахъ министерства государственныхъ имуществъ, чтобы разубѣдиться въ этомъ. Въ концѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ, они тоже заявили, что желаютъ стать земледѣльцами; графъ Киселевъ повѣрилъ и отдалъ имъ въ западныхъ губерніяхъ много барскихъ конфискованныхъ имѣній, прекрасно обстроенныхъ и устроенныхъ. И чтоже? Ни одинъ еврей не взялъ плуга въ руки, а такъ какъ помѣщики и ихъ крѣпостные не нуждались тогда въ землѣ, то земли пустовали и заросли дикимъ кустарникомъ, а барскіе дома и всѣ многочисленныя постройки евреи продали въ сосѣднія мѣстечки, большею частью, на дрова; фруктовые сады они вырубили; сосѣдніе крестьяне выпрямили дороги и стали ѣздить чрезъ бывшія усадьбы, и мнѣ приходилось не разъ проѣзжать мимо фундаментовъ домовъ и толстыхъ пней фруктовыхъ деревьевъ, единственныхъ остатковъ величія польскихъ вельможъ, о благоустроенныхъ имѣній и о еврейской агрономіи.

Почти таже участь постигла 22 колоніи, пространствомъ 44.000 дес. въ Херсонской губерніи, а въ Екатеринославской 17 колоній.

Земли, уже совершенно опустошенныя, правительство взяло обратно и сдѣлало изъ нихъ другое употребленіе.

Казна потеряла милліоны и не превратила евреевъ въ хлѣбопашцевъ.

Наконецъ всѣмъ извѣстно, что въ концѣ 70-хъ годовъ евреи-сіонисты обратились къ барону Ротшильду съ просьбою помочь имъ поселиться въ бывшей ихъ „Обѣтованной землѣ“ и возстановить тамъ Царство Іудейское. Ротшильдъ принялъ дѣло къ сердцу, истратилъ много милліоновъ и теперь, спустя 25 лѣтъ, тамъ всего около 400 жалкихъ колонистовъ, которые живутъ не плодами земли, а мелкою торговлею и подаяніемъ Ротшильда.

Совершенно также были потеряны милліоны и заботы

барона Гирша и знаменитаго Монтефіоре, который лично докладывалъ императору Николаю I.

Очевидно, что право покупать земли нужно только для того, чтобы жить въ остальной Россіи и эксплоатировать русскій народъ, между прочимъ и отдавая ему въ аренду земли на жидовскихъ условіяхъ. Если евреямъ тѣсно въ Западныхъ губерніяхъ, то пусть кланяются въ другія государства, гдѣ уже есть ихъ соплеменники, но *не на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ ихъ никогда не было.*

Теперь разсмотримъ исторію евреевъ въ Россіи вообще.

Въ западныхъ губерніяхъ они поселились съ незапамятныхъ временъ и тогдаже все населеніе края раздѣлилось на два совершенно различныхъ класа, а именно: идолопоклонники, принявшіе потомъ православную вѣру, занялись исключительно земледѣліемъ, бѣдные сами обрабатывали землю, а богатые обрабатывали ее рабами или сдавали бѣднымъ за извѣстное вознагражденіе работою (барщина) или иначе, а сами служили королямъ. Евреи же не брали въ руки плуга, а занимались исключительно торговлею и ремеслами съ самаго появленія своего въ западнорусскомъ краѣ и по сегодня. Двѣ совершенно различныя національности, раздѣлили между собою весь народный трудъ, образовали двѣ касты и никогда не смѣшивались.

Министромъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ легко убѣдиться, что и теперь на сто лавокъ въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній, едва найдется одна не еврейская и на сто ремесленниковъ едва одинъ не еврей.

Тамъ, полное отдѣленіе земледѣлія отъ торговли установилось съ древнѣйшихъ временъ, это вошло въ плоть и кровь народа и онъ сроднился съ этимъ, какъ одни люди сроднились съ климатомъ экватора, другіе съ климатомъ тундръ и не желаютъ измѣнять своего положенія, которое стало нормальнымъ, а потому правительству нѣтъ надобности вмѣшиваться въ это дѣло въ западныхъ губерніяхъ.

Но въ остальной Россіи, мы видимъ совершенно противоположное. Съ древнѣйшихъ временъ вся торговля была исключительно въ рукахъ мѣстныхъ русскихъ жителей, переходящихъ отъ земледѣлія къ торговлѣ и ремесламъ.

Король польскій, Сигизмундъ-Августъ, ходатайствовалъ передъ Иваномъ IV за евреевъ, но Царь отвѣтилъ: „Тебѣ, братъ нашъ, негодится писать о жидахъ, зная ихъ злыя, лихія дѣла“. Въ тоже время были выселены евреи, проникшіе въ Полоцкъ и Новгородъ. При избраніи на русскій престолъ королевича Владислава было поставлено условіе: „Жидамъ въ Россійское государство съ торгомъ и ни которыми дѣлы не ѣздити“.—Петръ I писалъ: „Я хочу видѣть у себя лучше народы магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ; они обманщики и плуты“. (Спустя 200 лѣтъ М-во юстиціи подтвердило это цыфрами). Въ 1727 году, по указу Екатерины I всѣ „жиды“ были высланы изъ Украйны. Въ 1740 году Елизавета Петровна предписываетъ поголовное изгнаніе изъ Россіи евреевъ мужска и женска пола и недопущеніе ихъ впредь въ предѣлы имперіи. Наконецъ, хотя Екатерина II и объявила покровительство своимъ новымъ подданнымъ западныхъ губерній, но евреи не были допущены въ коренную Россію и ихъ здѣсь не было до половины XIX столѣтія.

Непрочно то государство, которое не пользуется уроками исторіи.

Всѣ правители государства строго оберегали русское купечество отъ евреевъ, а потому крупная и мелкая торговля была постоянно въ рукахъ исключительно русскихъ людей, вышедшихъ изъ крестьянскаго сословія. И Россія быстро росла матеріально и духовно и легко переносила всякіе двѣнадцатые и другіе годы.

Въ 40-хъ годахъ, вся русская интелигенція почувствовала себя уже достаточно зрѣлою, чтобы серіозно озаботиться о благѣ своихъ родныхъ братьевъ, о благѣ русскаго народа; она стала мечтать объ этомъ благѣ, а затѣмъ и принялась за осуществленіе своихъ идеаловъ и появились: освобожденіе крестьянъ, земство, новые суды и т. п.

Но, подобно большинству людей и подобно большинству государствъ, достигнувъ желаемой цѣли, интелигенція не ограничилась этимъ, а по инерціи стала няньчиться съ чуждыми и всегда враждебными Россіи племенами: съ поляками, евреями, финляндцами и армянами, русскіе либералы пре-

вратились изъ русскихъ въ космополитовъ, отечество уже не существовало для нихъ.

Евреи тотчасъ воспользовались этимъ и появились слѣдующія льготы въ пользу евреевъ, хотя ихъ этика не измѣнилась въ эти три столѣтія.

Во 1-хъ. Николаевскимъ салдатамъ—евреямъ дозволено оставаться въ тѣхъ великорусскихъ губерніяхъ, въ которыхъ, они были на службѣ; вскорѣ у всякаго изъ этихъ дряхлыхъ людей оказалось многочисленное потомство и они захватываютъ въ свои руки мелкую торговлю и ремесла.

Во 2-хъ. Было дозволено евреямъ ремесленникамъ селиться по всей Россіи, (точно до этого русскіе, какъ папуасы, ходили нагіе и босые) и вотъ всѣ города наполнились мастеровыми, которые хотя и открываютъ иногда мастерскія, но сами занимаются торговлею, ростовщичествомъ и разными аферами, а уже и теперь работаютъ у нихъ русскіе, бывшіе раньше самостоятельными хозяевами; русскія фамиліи на вывѣскахъ быстро исчезаютъ.

Во 3-хъ. Евреямъ, получившимъ высшее образованіе, дозволено жить и служить вездѣ въ Россіи, и уже въ 70-хъ годахъ евреи появились членами окружныхъ судовъ, даже старшими нотаріусами и выше; адвокатура переполнилась ими.

Но вѣдь чтобы получить высшее образованіе, надо провести всю молодость среди русской молодежи въ школахъ, а туда еврейская молодежь ходитъ изъ своихъ семействъ, которая, по удостовѣренію министерства юстиціи, въ четыре разъ преступнѣе русскихъ. Дѣти евреевъ, живя въ этой атмосферѣ обмана и мошеничества, переносятъ ее въ учебное заведеніе и заражаютъ ею своихъ русскихъ товарищей. Спросите тѣхъ, кто воспитывался въ заведеніяхъ, въ которыхъ много евреевъ и всѣ подтвердятъ, что съ перваго класа и до полученія высшаго образованія, еврейскія дѣти и юноши, торгуютъ въ школѣ всѣмъ, не исключая и своей совѣсти.

Въ 4-хъ. Купцамъ 1-ой гильдіи разрѣшено жить гдѣ угодно и вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено держать евреевъ приказчиковъ, повѣренныхъ и т. п., и вотъ появились цѣ-

лыя колоніи, члены которыхъ въ складчину покупаютъ какому либо почтенному, большею частью ученому, еврею права 1-ой гильдіи, получаютъ отъ него довѣренности и торгуютъ совершенно самостоятельно. Теперь уже на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, во всей Россіи, въ особенности если начальникъ полякъ, (а ихъ стало очень много), есть еврейчикъ мнимый приказчикъ купца 1-ой гильдіи, который имѣя въ карманѣ рублей 200 своихъ или чужихъ, скупаетъ у крестьянъ хлѣбъ или получаетъ его за гнилой ситецъ, наполняетъ вагонъ и отправляетъ тому еврейскому купцу, который даетъ копѣйкою дороже, посылаетъ ему дубликатъ накладной, тотчасъ получаетъ деньги и такъ пропускаетъ въ годъ сотни вагоновъ хлѣба, на десятки тысячъ рублей, обманывая, обсчитывая и обмѣривая крестьянъ и, съ разрѣшенія начальника станціи, распоряжаясь вагонами, какъ своею собственностью, а у русскихъ отправителей хлѣбъ гніетъ на станціяхъ.—И всѣ города Россіи уже переполнены приказчиками этихъ мнимыхъ купцовъ 1-ой гильдіи и т. д.

Русскіе купцы не могутъ бороться съ евреями уже потому, что русскіе, подобно всѣмъ кореннымъ жителямъ всякаго государства, ведутъ торговлю открыто, солидно и на свой личный страхъ и рискъ, между тѣмъ евреи, какъ сторона нападающая, какъ вторгающаяся въ чужое государство, всѣ солидарны между собою и помогаютъ другъ другу дѣлать подкопы, проламывать бреши, а на сколько честны мѣры употребляемыя ими, видно изъ выше приведеннаго отчета министерства юстиціи.

Если для этихъ завоеваній нужны деньги, то раввины назначаютъ одинъ день воздержанія отъ пищи, стоимость которой вносится въ общую кассу. И вотъ $3^1/_2$ миліона евреевъ не ѣли одинъ день и въ кассѣ оказался миліонъ рублей, для проведенія дѣла.

Англія затратила миліарды рублей и многія человѣческія жизни, чтобы получить возможность эксплоатировать маленькій Трансвааль и, разумѣется, евреи съ величайшею радостью воздержатся отъ пищи даже нѣсколько дней, чтобы получить возможность эксплоатировать необъятную, безпредѣльную Россію.

Если бы правительство допустило исчезновенiе въ коренной Россiи русскихъ купцовъ и ремесленниковъ, (а дѣло быстро подвигается къ этому), то что станется съ способнымъ, даровитымъ русскимъ крестьяниномъ, который пожелаетъ расширить свою дѣятельность, занявшись торговлею или ремесломъ?

По нынѣ, въ первомъ или во второмъ поколѣнiи онъ уже имѣлъ возможность дать образованiе своимъ сыновьямъ и изъ нихъ выходили болѣе культурные ремесленники, купцы и фабриканты, выходили земцы древнихъ и новыхъ временъ, выходили доктора, учителя, офицеры, чиновники и ученые; всѣ они не дилетанты, а серiозные работники и уже много сдѣлали для культурности Россiи.

При томъ русскiй купецъ, это преданный сынъ своей родины, любящiй свое отечество больше, нежели свои деньги. Уже не говоря о томъ, что русское купечество всегда жертвовало своимъ достоянiемъ, когда бѣдствiе постигало Россiю, но даже въ послѣднiе годы, одно московское купечество больше пожертвовало въ пользу народа, нежели въ теченiе чуть не тысячи лѣтъ, еврейское купечество пожертвовало въ пользу народа въ западныхъ губернiяхъ, хотя оно всегда было единственнымъ обладателемъ капиталовъ. Гдѣ въ западныхъ губернiяхъ тѣ громадныя благотворительныя и учебныя учрежденiя, тѣ школы музеи и т. п., которые въ Россiи были учреждены русскимъ купечествомъ

Ихъ нѣтъ ни одного.

Ихъ не будетъ и въ Россiи, когда исчезнетъ русскiй купецъ.

Тогда некуда будетъ дѣться смышленому, способному, даровитому мужику; онъ заглохнетъ въ своей средѣ, какъ заглохли, превратились въ „быдло“ (скотъ) крестьяне девяти западныхъ губернiй.—Но тамъ это создала тысячелѣтняя исторiя, а въ Россiи создаетъ это, фальшиво понятый либерализмъ, какого нѣтъ во всемъ мiрѣ.

Ультра либеральная Америка не пускаетъ на свой берегъ не имущихъ евреевъ и отправляетъ ихъ назадъ чрезъ океаны, подвергая голодной смерти на обратномъ пути, а внутри с. Америки, по словамъ В. Макъ-Гахенъ („Земля

обѣтованная") судъ и полиція относятся къ евреямъ гораздо строже, нежели къ другимъ гражданамъ; въ гостинницахъ вывѣшиваются объявленія „Евреи не принимаются", если же они проникнутъ въ гостинницу, то или выселяютъ ихъ или другіе жильцы уходятъ. Очевидно, американцы, болѣе внимательно, нежели русскіе, относятся къ цыфрамъ сообщаемымъ русскимъ министромъ юстиціи.

Битье евреевъ въ Россіи приписываютъ не культурности русскаго народа. Но вѣдь ихъ бьютъ и въ Австріи, и во Франціи и даже въ культурнѣйшей Англіи, а именно: на дняхъ, 31 Августа 1903 г., въ м. Дауларѣе, собралась громадная толпа, враждебная евреямъ и не смотря на всѣ усилія полиціи защитить ихъ, были тяжело ранены 20 евреевъ, а въ еврейскихъ домахъ выбиты всѣ стекла. На слѣдующій день болѣе 300 евреевъ должны были забарикадировать свои жилища и полиція охраняла ихъ нѣсколько дней.

Въ с. Америкѣ около ста разныхъ религій, въ Россіи ихъ около сорока; однакоже мѣстные жители живутъ со всѣми въ мирѣ и согласіи; очевидно что *не разница религіозныхъ обрядовъ и вѣрованій, а разница нравственныхъ началъ возбуждаетъ во всѣхъ народовъ ненависть къ евреямъ.* Вотъ почему Великая Екатерина запретила причислять къ дворянству крещеныхъ евреевъ, а теперь, въ 1903 году Святѣйшій Синодъ, видя бездѣйствіе свѣтскихъ властей, запретилъ крестить евреевъ, живущихъ внѣ черты ихъ осѣдлости.—Эти законы, какъ и побоища, являются не противъ религіи, а противъ этики евреевъ, а мы настежъ роскрываемъ имъ двери въ дѣвственную Россію.—На Уралѣ новый законъ о свободной продажѣ золота, не ограничилъ въ этомъ отношеніи правъ евреевъ и въ одно лѣто они купили на много миліоновъ исключительно *краденнаго* золота, разоряя этимъ русскихъ золотопромышленниковъ—развращая народъ.

Притомъ ультра либеральная Англія не поселяетъ у себя въ Англіи своихъ подданыхъ индійцевъ, или канадцевъ, которые несравненно нравственнѣе и трудолюбивѣе евреевъ; они нашли бы здѣсь прекрасный заработокъ, но такъ какъ это было бы въ ущербъ кореннымъ англійскимъ

рабочимъ, то Англія и не поселяетъ ихъ у себя. Такъ поступаютъ и всѣ другія государства.

И Россія должна поступить также, а потому немедленно остановить массовое нашествіе евреевъ, остановить всепоглощающую грязную волну, состоящую изъ людей безнравственныхъ и порочныхъ.

Для того, чтобы остановить эту волну, нѣтъ надобности отнимать у евреевъ тѣ основныя принципіальныя права, которыя уже даны имъ. Только наши ультра-либералы всегда требуютъ радикальной ломки; консерваторы же, хотя видятъ съ болью въ сердцѣ прискорбный фактъ, но не требуютъ, чтобы онъ былъ насильственно исторгнутъ изъ народной жизни; они лишь стараются, чтобы онъ приносилъ по возможности меньше вреда и чтобы постепенно возстановилось нормальное кровообращеніе въ организмѣ русскаго народа.

А потому:

Во 1-хъ. Пусть останутся въ коренной Россіи николаевскіе солдаты и ихъ уже многочисленное потомство; надо только тщательно провѣрить ихъ права и ихъ родословныя, но провѣрить не чрезъ квартальныхъ и урядниковъ, а какимъ либо инымъ способомъ.

Во 2-хъ. Пусть ремесленники поселяются въ городахъ коренной Россіи, но всѣ они должны получить удостовѣреніе о знаніи своего ремесла въ своемъ губернскомъ городѣ, при участіи администраціи и отъ экспертовъ не евреевъ, и подобно тому, какъ въ Америкѣ, еврей обязанъ внести въ мѣстное губернское казначейство денежное обезпеченіе, хотя рублей сто или двѣсти на каждаго члена семейства; деньги пересылаются въ тотъ городъ, въ который переѣзжаетъ еврейское семейство, дабы гарантировать ему средства существованія и выдаются помѣсячно въ теченіи перваго года.

Въ октябрѣ минувшаго года Сенатъ разъяснилъ, что мостовщиковъ, землекоповъ, каменщиковъ, плотниковъ и штукатуровъ нельзя считать ремесленниками, а потому они не имѣютъ права жить внѣ черты еврейской осѣдлости; но остались для нихъ и другія лазейки напримѣръ: еврей прочелъ въ календарѣ рецептъ приготовленія домашнимъ способомъ уксуса, сдѣлалъ его четверть ведра, получилъ отъ

своихъ же евреевъ патентъ и поселяется въ русскомъ городѣ. Здѣсь онъ нанимаетъ большую квартиру, хорошо обставляетъ и надъ подъѣздомъ вывѣшиваетъ огромную вывѣску: „Фабрика уксуса". Но если добродушный обыватель придетъ на эту „Фабрику", то хозяинъ смѣется и даетъ ему бутылку уксуса, взятую въ сосѣдней лавкѣ, самъ же онъ ведетъ торговлю лѣсомъ, хлѣбомъ или даетъ деньги подъ залоги или торгуетъ краденными вещами и т. п.

Еврей купилъ машинку для вязанія чулокъ, машинка связала одну дюжину и еврей пріобрѣтаетъ право жить, гдѣ ему угодно. Чулокъ онъ не дѣлаетъ, но если кто принесетъ нитокъ, то его жена или откажется отъ работы или съ кухаркою пуститъ въ ходъ машинку, а „ремесленникъ" продолжаетъ бѣгать по городу и дѣлать разные гешефты или торгуетъ чѣмъ попало, кромѣ чулокъ и т. д. и т. д.

Все это списано съ натуры, это факты, а не предположенія.

Неужели такія „ремесла" могутъ дать право селиться среди русскаго народа, людямъ въ четыре раза преступнѣе и порочнѣе его? Да и со всякими ремеслами справлялся же русскій человѣкъ въ теченіи 1000 лѣтъ

Въ 3-хъ. Пусть евреи, получившіе высшее образованіе, пользуются во всей Россіи всѣми тѣми правами, которыя уже предоставлены имъ и пусть дѣти тѣхъ, которые *на основаніи этихъ новыхъ законовъ*, будутъ жить въ коренной Россіи, воспитываются въ томъ городѣ, въ которомъ ихъ родители имѣютъ постоянное мѣсто жительства, но по достиженію совершеннолѣтія, должны быть тотчасъ выселены въ черту осѣдлости евреевъ, разумѣется, если раньше не пріобрѣли личныхъ правъ остаться внѣ черты на основаніи этихъ новыхъ законовъ. Но дѣти не имѣющихъ права жить внѣ черты, должны получать образованіе на мѣстѣ жительства или заграницею, а не въ коренной Россіи.

И въ 4-хъ. Пусть купцы 1-ой гильдіи свободно живутъ и торгуютъ во всей безпредѣльной Россіи, но они должны имѣть приказчиковъ, конторщиковъ и повѣренныхъ не евреевъ. Разумѣется, что это не относится до присяжныхъ повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.

Евреямъ внѣ черты ихъ осѣдлости должно быть абсолютно запрещено: 1-е быть редакторами и издателями русскихъ газетъ и журналовъ, 2-е быть медиками (докторами), и 3-е принимать какое либо участіе въ аптекахъ и въ продажѣ медикаментовъ.

Относительно аптекъ ссылаюсь на труды г. Лазарева, который доказалъ цыфрами и фактами, что ни больной, ни докторъ, въ весьма многихъ случаяхъ, не могутъ, безъ химическаго анализа, замѣтить обмана въ лекарствѣ, а нѣтъ сомнѣнія, что еврей воспользуется этимъ, отпуская лекарство христіанину.

Эти три поприща не должы быть въ рукахъ людей, которые по удостовѣренію г, министра юстиціи, въ четыре раза преступнѣе русскихъ.

Выше указанными четырьмя законами не будетъ закрыта евреямъ дверь въ коренную Россію, но они будутъ входить въ нее нормально, а не врываться какъ разбушевавшаяся стихія, которая все разрушаетъ и топитъ въ своихъ грязныхъ волнахъ.

Разумѣется, что вмѣстѣ съ изданіемъ этихъ законовъ должна быть произведена строгая провѣрка евреевъ имѣющихъ право и впредь оставаться внѣ черты своей осѣдлости, а всѣ не имѣющіе этого права по новымъ законамъ, должны быть высланы: бѣдные немедленно, а владѣющіе недвижимымъ имуществомъ, на основаніи ст. 959 и 960 т. IX. въ теченіи шести мѣсяцевъ, высланы на счетъ казны и не этапнымъ порядкомъ, а съ особою заботливостью о женщинахъ и дѣтяхъ и съ достаточнымъ продовольствіемъ во время пути, а на мѣстѣ водворенія должно быть оказано вспомоществованіе дѣйствительно бѣднымъ.

Россія уже дала много доказательствъ своей гуманности, она должна доказать ее и въ данномъ случаѣ, но нѣтъ ничего общаго между гуманностью и фальшивымъ либерализмомъ, который причиняетъ матеріальный и нравственный вредъ русскому народу.

Есть еще одинъ вопросъ, кажется, не предусмотрѣнный закономъ, а именно: *передача своимъ потомкамъ права жить внѣ еврейской осѣдлости.*

Здравый смыслъ и законодательство, какъ русское, такъ и всего міра говорятъ, что право, пріобрѣтенное на короткій срокъ или пожизненно, не можетъ быть передаваемо потомкамъ, но такъ какъ въ Сводѣ законовъ, кажется, нѣтъ спеціальной статьи объ этомъ (или она не исполняется), то евреи усвоили себѣ эту преемственность, а именно: ученый, купецъ 1-ой гильдіи и ремесленникъ, получивъ разрѣшеніе жить внѣ черты осѣдлости, переселяется туда, разумѣется, только съ женою и съ малолѣтними дѣтьми. Но затѣмъ, живъ ли онъ или померъ, его сыновья и внуки, даже по достиженіи совершеннолѣтія, а также вдова продолжаютъ жить внѣ черты, хотя не имѣютъ права. Всѣ знаютъ это и намъ лично извѣстны многіе примѣры.

А потому необходимъ прямой и ясный законъ, повелѣвающій выселять въ черту еврейской осѣдлости всякаго совершеннолѣтняго еврея, не имѣющаго лично для себя одного изъ этихъ четырехъ дипломовъ, хотя бы онъ былъ сынъ или внукъ дипломированнаго, а также немедленно выселять вдову съ малолѣтними дѣтьми. Этого требуетъ, какъ здравый смыслъ, такъ и основной принципъ всѣхъ законодательствъ.

На сколько евреи считаютъ лично пріобрѣтенное ими право на жительство внѣ черты, уже незыблемымъ и для своихъ потомковъ, служитъ доказательствомъ покупка ими значительныхъ недвижимыхъ имуществъ, хотя ремесленнику и ученому, это право жить внѣ черты дается только пожизненно, ему лично, а право купца 1-ой гильдіи ограничивается однимъ годомъ, на который онъ взялъ купеческое свидѣтельство по 1-ой гильдіи и представилъ доказательства, что его торговые обороты достигаютъ опредѣленной закономъ суммы. На основаніи ст. 959 и 960 т. IX наслѣдники умершаго обязаны продать недвижимое имѣніе въ теченіи шести мѣсяцевъ, но это никогда не исполняется.

Въ Россіи запрещено владѣть поземелною собственностью иностранцамъ, хотя они и ихъ потомки имѣютъ право безпрепятственно и повсѣмѣстно жить во всей Россіи; какъ же разрѣшать это купцамъ, получившимъ только на одинъ годъ право жить внѣ черты осѣдлости и ремеслен-

никамъ и ученымъ, имѣющимъ только личное пожизненное право?

Не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ несообразностей въ законодательствѣ, какъ у насъ относительно евреевъ. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1903 г. № 298, сказано: не хватитъ человѣческой жизни на изученіе всѣхъ законовъ, касающихся евреевъ.

Глава 7.

Продолженіе о евреяхъ. Главное Управленіе торговаго мореплаванія. Юдофильскіе помощники при начальникахъ отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ и при министрахъ.

Мы позволимъ себѣ выразить мнѣніе, что еврейское дѣло, отъ начала до конца, должно бы быть возложено на губернскихъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, хотя и присодѣйствіи губернаторовъ и ихъ подчиненныхъ, а для однообразія, подъ общимъ строгимъ контролемъ чиновниковъ, состояшихъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, *не юдофиловъ*.

Разумѣется, что жандармскіе штабъ-офицеры должны быть снабжены денежными средствами почти безотчетно, или покрайней мѣрѣ, безъ стѣснительныхъ формальностей на расходы по этому дѣлу, начиная отъ повѣрки правъ на жительство, до снабженія платьемъ женщинъ и дѣтей совершенно не имущихъ, подлежащихъ высылкѣ, и до вспомоществованія имъ на пути и на мѣстѣ водворенія, а затѣмъ для усиленія наблюденія за выполненіемъ новыхъ законовъ.

Если правительство дастъ жандармамъ даже миліонъ рублей изъ народныхъ денегъ, то народъ выиграетъ многіе миліарды деньгами, а въ нравственномъ отношеніи, онъ останется тѣмъ могучимъ и прогресирующимъ богатыремъ,

какимъ былъ въ теченіе тысячи лѣтъ; но если эти мѣры не будутъ приняты, то погибнетъ его мощь, его духовная сила потому, что безъ средняго сословія между крестьянствомъ и высшими класами невозможно существованіе государства, а кромѣ нашихъ западныхъ губерній, евреи нигдѣ и никогда не служили звеномъ между этими двумя класами населенія.

Пусть же въ западныхъ губерніяхъ и остается порядокъ, сложившійся многими столѣтьями, но остальная Россія должна держаться порядка, который существуетъ у ней уже въ теченіи тысячи лѣтъ и существуетъ во всѣхъ государствахъ на земномъ шарѣ.

Нельзя не обратить вниманія на то, что никогда не была самостоятельнымъ государствомъ огромная область, составляющая нынѣ наши западныя губерніи, область, изобилующая всѣми дарами природы, жители которой говорятъ на одномъ языкѣ и исповѣдуютъ одну православную вѣру—но въ которой среднее сословіе составляютъ евреи, между тѣмъ какъ коренная Польша и остальныя государства Европы, въ которыхъ мало евреевъ, и Россія, въ которой ихъ вовсе не было, развивались нормально и стали могущественны; если же коренная Польша пала, то уже никакъ не отъ того, что христіане, а не евреи составляли въ ней среднее сословіе.

Наконецъ теперь учреждено Главное Управленіе „Торговаго мореплаванія и портовъ“, во главѣ которыхъ поставленъ высокочтимый русскимъ народомъ Великій Князь Александръ Михайловичъ.

Но для кого учреждено это Управленіе? Главный предметъ торговли, это хлѣбъ, а не только русскіе, но и прибалтійскіе хлѣбные торговцы быстро вытѣсняются евреями; на югѣ они уже почти одни; а между тѣмъ они до того уронили вѣру въ русскихъ экспортеровъ, что англійскія страховыя общества страхуютъ хлѣбъ и кудель исключительно одного Алексѣя Яковлевича Прозорова. Не знаемъ какъ теперь, но такъ было еще очень недавно.

Чтобы новое министерство приносило пользу русскому народу, необходимо устранить евреевъ отъ этого дѣла, устра-

нить вполнѣ, во всѣхъ частяхъ, отрасляхъ, фазахъ и мѣстахъ дѣятельности министерства.

Дѣло совершенно новое, а потому недопущеніе въ него евреевъ, не будетъ отнятіемъ у нихъ уже данныхъ имъ правъ; пусть они торгуютъ хлѣбомъ и всѣмъ чѣмъ хотятъ, но, если имъ будетъ оставлена хотя малѣйшая лазейка въ это громадное новое дѣло, то оно станетъ исключительно еврейскимъ, русское же купечество, пока еще есть у него прежнія деньги, будетъ строить благотворительныя заведенія, а затѣмъ и совершенно исчезнетъ.

Въ заключеніе скажемъ о государственныхъ учрежденіяхъ въ Россіи и объ отношеніи къ нимъ евреевъ.

Мы коснемся здѣсь только уѣзда, какъ ячейки, какъ почвы, въ которой зарождается все то, что составляетъ могущество или слабость государства, коснемся и Петербурга, въ которомъ переработываются эти зародыши и появляются уже въ видѣ законовъ, ведущихъ госрдарство къ величію или къ упадку; губернскіе же городъ и администрація, это передаточныя мѣста, въ которомъ нужды и дѣла не нарождаются и не созрѣваютъ.

Какъ въ уѣздномъ городѣ, такъ и въ Петербургѣ у всякаго начальника отдѣльной части есть два дѣла: первое внѣшнее, почти исключительно механическое, а именно, обязательное участіе во всякихъ открытіяхъ, закрытіяхъ, юбилеяхъ, встрѣчахъ и проводахъ; обязательное участіе въ комисіяхъ, комитетахъ и совѣщаніяхъ, сверхъ того и по его вѣдомству всѣ бумаги, даже самыя пустыя, пишутся на его имя и всѣ отвѣты идутъ за его подписью, хотя онъ физически не имѣетъ возможности вникнуть въ сущностъ тѣхъ и другихъ.

Все это отнимаетъ много времени, крайне утомляетъ и не даетъ возможности достаточно сосредоточиться и углубиться во второе, въ главное дѣло, составляющее его спеціальность, его призваніе.

Разумѣется, что какъ въ уѣздѣ сословія и губернское начальство, такъ и въ Петербургѣ высшее начальство, назначаютъ на отвѣтственныя должности надежныхъ людей, любящихъ Россію; разумѣется, что, какъ при Александрѣ

III, такъ и при его преемникѣ, не будетъ избранъ сословіями, или назначенъ правительствомъ-юдофилъ.

Но мы сейчасъ доказали, (а евреи это прекрасно знаютъ), что этотъ хорошій русскій человѣкъ теряетъ много времени и силъ на механическія дѣла, а потому, хотя у него есть прекрасныя, высокія стремленія и благіе помыслы, но чтобы провести ихъ въ жизнь *ему нужны помощники*.

И евреи непремѣнно приставятъ къ нему помощника—юдофила, который можетъ быть самымъ честнымъ, благороднымъ человѣкомъ, даже идеалистомъ, поэтомъ, но у него свои мнѣнія, для него нѣтъ русскаго, поляка, еврея и т. д., а есть только „человѣкъ", а потому нѣтъ и отечества.

Это спеціальность русскихъ; заграницею такихъ людей нѣтъ, а если появится,—то его втопчутъ въ грязь, хотя бы онъ былъ и великій Золя; тамъ онъ измѣникъ, а у насъ въ почетѣ.

И вотъ евреи отыскиваютъ юдофила секретаря или члена земской управы, въ полиціи отыскиваютъ становаго или другого чиновника, отыскиваютъ дворянина, близкаго предводителю, на желѣзной дорогѣ поляка, отыскиваютъ даже среди духовенства юдофила—священника, въ родѣ отца Петрова, и т. д., а къ губернатору уже обязательно приставятъ юдофила. Всѣ они, несмотря на груды еврейскаго золота, можетъ быть и безъ всякой корыстной цѣли вліяютъ на обремененнаго дѣлами начальника отдѣльной части и тотъ ослабляетъ возжи, удерживающія евреевъ отъ вторженія на дѣвственную русскую почву.

Тоже относится и къ Петербургу, потому что хотя тамъ занимаютъ высшія должности люди надежные, даровитые, и большею, частью геніальные, но все же они располагаютъ только 24 часами въ суткѣ, они не геркулесы и не всеобъемлющіе духи, а потому не могутъ обойтись безъ помощниковъ; евреи же не были бы евреями, еслибы не съумѣли приставить къ главному начальнику помощника—юдофила, какъ поляки—полонофила.

А въ Петербургѣ есть еще много чиновниковъ съ идеалами уже не 40-хъ, а 70-хъ годовъ, съ лозунгомъ: нѣтъ русскихъ—а есть только „люди", и служатъ этимъ „лю-

дямъ“ можетъ быть и безкорыстно, но на погибель русскихъ и Россіи. Еще на дняхъ русскій князь, Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій, въ своей газетѣ выходящей хотя и подъ орломъ, но все-таки не русской, воспѣлъ хвалебный гимнъ Бобрищеву—Пушкину за то, что для него не было „ни эллина, ни іудея“ и что онъ наполнилъ свое вѣдомство евреями и поляками, хотя многіе русскіе кандидаты правъ нищенствовали, ожидая мѣстъ.

Глава 8.

Русская полиція. Смуты въ Кишиневѣ и Златоустѣ. Характеристика губернаторовъ прошлаго столѣтія и желательный губернаторъ XX столѣтія. Скромныя требованія народа. Неудачный прыжокъ чрезъ столѣтія.

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что нельзя разсчитывать на нашу полицію и дѣйствительно, развѣ были бы возможны тѣ страшные разгромы помѣщичьихъ имѣній въ Харьковской, Полтавской и другихъ губерніяхъ, если бы понимали свою обязанность губернаторы, и ихъ подчиненные становые и урядники, живущіе въ деревняхъ, среди того народа, который готовится совершить разгромъ, а потомъ и совершаетъ его безпрепятственно; развѣ были бы возможны: страшный бичъ русскаго народа — конокрадство, поджоги, открытая покупка „живого товара“ для нуждъ мѣстныхъ и для турецкихъ гаремовъ, безчисленные грабежи, изъ которыхъ наказываются очень не многіе, свободное распространеніе въ народѣ, въ теченіе долгого времени, ложныхъ политическихъ и другихъ слуховъ? Вѣдь и скандалы съ „Контрабантистами“ не возможны ни въ Англіи, ни въ Абисиніи, да и не появились бы вступительныя слова Манифеста 26 Февраля 1903 года, еслибы полиція знала и исполняла свои обязанности.

Въ послѣднее полстолѣтіе измѣнился весь строй провинціи, не осталось камня на камнѣ изъ прежнихъ многочисленныхъ зданій, а между тѣмъ для руководства губернаторовъ и ихъ агентовъ остались старые законы, которые Высочайше утверждены 3 іюня 1837 года и составлены, какъ гласитъ Высочайшее повеленіе „не отступая отъ коренныхъ постановленій 1775 года“. И вотъ по сегодня нѣтъ другихъ законовъ для губернаторовъ. (См. соч. Вл. Гессена).

Слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ 1837 году, въ вѣдѣніи губернатора, не было ни одного сельскаго жителя, а теперь въ каждой губерніи около двухъ миліоновъ людей *въ полной зависимости отъ него*, не только въ административномъ отношеніи, но и въ судебномъ, а между тѣмъ положеніе губернатора въ губерніи осталось тоже, какъ и въ 1837 году.

Затѣмъ никто никогда не повѣряетъ дѣятельности губернатора и онъ, въ свою очередь, никогда не повѣряетъ ничьей дѣятельности, въ томъ числѣ и дѣятельности земскихъ начальниковъ и становыхъ приставовъ, хотя это ближайшіе къ народу слуги Царя и отъ ихъ дѣятельности зависитъ благосостояніе всего населенія губерніи. Я говорю „дѣятельности“, а не „дѣлъ“ такъ какъ между живою, личною дѣятельностью и веденіемъ дѣлъ, переписки такая же разница, какъ между днемъ и ночью. Вслѣдствіе этого ни губернаторы, ни Петербургъ не имѣютъ никакого понятія о „житьѣ—бытьѣ“ жителей государства, о ихъ невзгодахъ, объ обидахъ, наносимыхъ имъ судьбою, ворами и грабителями, а иногда и начальствомъ, какъ административнымъ, такъ и судебнымъ.

Появилась на губерніи миліонная недоимка и Петербургъ спѣшитъ разсрочивать, слагать ее; появилась повальная цинга, тифъ, голодъ и Петербургъ сейчасъ даетъ сотни тысячъ на хлѣбъ, мясо, лимоны; выгораютъ цѣлые села и Петербургъ шлетъ вспомоществованіе; недовольные разбрасываютъ прокламаціи, бьютъ жидовъ и полиція стрѣляетъ въ нихъ, и т. п. *Но почему появились недоимки, болѣзни, голодъ, пожары, люди недовольные правительствомъ и т. п. Петербургъ и не знаетъ и не можетъ знать*, потому

что у него нѣтъ въ провинціи агентовъ, которые были бы обязаны знать причины этихъ бѣдствій; очевидно, что и своевременно отклонить ихъ не можетъ ни губернаторъ, ни Петербургъ.

Всякій губернаторъ, о своей губерніи, долженъ по чистой совѣсти, повторить слова пѣсни Беранже: Si je sais comment l'on s-y-comporte Je veu bien que le diable m'emporte. А вѣдь губерніи наши по числу жителей равны Даніи, Швейцаріи, Греціи и др., а потому по пространству больше ихъ. И губернаторъ не виноватъ, потому что онъ не дѣятель, а только предсѣдатель многихъ присутствій, т. е. бюрократическихъ автоматовъ, которые видятъ бумагу, а не жизнь народную; Присутствія хороши для рѣшенія юридическихъ или общегосударственныхъ вопросовъ, для выработки законовъ, но не для упроченія благосостоянія народа.

О присутствіяхъ я писалъ тоже самое 50 лѣтъ тому назадъ въ моемъ докладѣ министру государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьеву. Министръ, Государственный совѣтъ и Государь согласились съ моимъ мнѣніемъ, и колегіальныя палаты государственныхъ имуществъ были замѣнены „Управляющими", которые лично стали отвѣчать за свои дѣйствія и за благосостояніе государственныхъ христіанъ.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что необходимы новые законы для губернаторовъ и полиціи, но скажу о нихъ послѣ, теперь же обратимъ вниманіе на то, что полиція не исполняетъ своихъ обязанностей не только вслѣдствіе отсутствія законовъ, но и вслѣдствіе низкаго интелектуальнаго уровня всѣхъ ея чиновъ и ихъ неподготовленности къ исполненію своихъ обязанностей.

Возьмемъ для примѣра уѣздныхъ исправниковъ, причемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что наши уѣзды, нерѣдко, по пространству, и даже по числу жителей, больше многихъ самостоятельныхъ нѣмецкихъ государствъ.

Положеніе исправника въ уѣздѣ слѣдующее:

Во 1-хъ. Онъ членъ всѣхъ присутствій, въ томъ числѣ и училищнаго совѣта, онъ ревизуетъ школы, и можетъ давать указанія учителямъ. Въ нѣкоторыхъ присутствіяхъ исправникъ можетъ замѣщать предводителя дворянства.

Во 2-хъ. На его обязанности лежитъ благоустройство всего уѣзда и находящихся въ немъ городовъ.

Въ 3-хъ. На его отвѣтственности лежитъ безопасность всѣхъ жителей уѣзда, предупрежденіе и пересѣченіе всякихъ преступленій, составленіе о нихъ протоколовъ, безъ которыхъ слѣдователь не приступаетъ къ слѣдствію; раскрытіе всякихъ злоумышленниковъ, въ томъ числѣ и политическихъ, преслѣдованіе ихъ до и послѣ совершенія преступленія.

Въ 4-хъ. Вообще онъ правитель маленькаго государства и въ его полномъ распоряженіи отъ 500 до 1000 правительственныхъ и выборныхъ помощниковъ его.

А между тѣмъ изъ 372 исправниковъ въ центральной, коренной Россіи, только *шесть* съ высшимъ образованіемъ, и то, очевидно „неудачники" (ветеринаръ, полковникъ генеральнаго штаба и т. п.); съ среднимъ образованіемъ всего 67 исправниковъ, остальные же около 300 только грамотны или окончили низшія училища, а какъ люди вышедшіе, большею частью, изъ низшихъ класовъ населенія, они не воспитаны и не развиты. Само собою понятно, что ни одинъ изъ нихъ не опредѣлитъ къ себѣ станового, квартальнаго или урядника стоящаго на высшей ступени культурности, нежели онъ самъ.

На сколько полиція и даже губернаторы не подготовлены къ исполненію своихъ обязанностей, служитъ примѣромъ Златоустовское возмущеніе, которое хорошо извѣстно мнѣ какъ мѣстному жителю и близкому знакомому всѣхъ участниковъ усмиренія.

Впрочемъ, я только повторю почти *буквально то, что собственноручно написалъ губернаторъ и напечаталъ въ № 27 Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, отъ 20 марта 1903 года, т. е. спустя недѣлю послѣ безпорядковъ.

Златоустъ большой городъ въ 35.000 жителей; на заводѣ работаетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ громадное большинство изъявили согласіе принять новыя „Разсчетныя книжки", только прокатный цѣхъ, въ числѣ 160 человѣкъ, 7 марта заявилъ, что если начальство не оставитъ имъ тѣхъ „Разсчетныхъ книжекъ", кото-

рыя были у нихъ постоянно съ 19 Февраля 1861 года, до 10 марта, они не выйдутъ на работу.

Такимъ образомъ 7 марта, весь штатъ полиціи былъ предупрежденъ о предстоящей забастовкѣ.—Объ этомъ долженъ бы знать и губернаторъ.

Однакоже ни мѣстная полиція, ни губернаторъ не приняли никакихъ мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ, неминуемо сопряженныхъ съ забастовкою.

10 марта, въ 5 часовъ утра, 160 человѣкъ не явились на работу, а пришли на площадь къ конторѣ завода; къ нимъ стали присоединяться разные зѣваки, такъ что къ полудню на площади было уже до 500 человѣкъ. Они шумятъ, объясняясь съ начальствомъ завода.

Но полиція бездѣйствуетъ, а губернаторъ не ѣдетъ.

11 марта шумятъ на площади уже 2000 человѣкъ, требуя освобожденія изъ тюрьмы депутатовъ, которыхъ они выставили для объясненія съ начальствомъ.

Но исправникъ, его помощникъ и вся полиція бездѣйствуетъ, не обращаются къ помощи воинскаго начальника, у котораго три роты солдатъ, а губернатора все еще нѣтъ.

11 марта вечеромъ, спустя 5 дней послѣ предупрежденія о забастовкѣ и послѣ двухъ дней серьезныхъ смутъ, исправникъ телеграфировалъ губернатору, что его присутствіе необходимо.

12-го, въ 7 часовъ вечера, ровно черезъ сутки по полученіи телеграмы исправника, и спустя три дня послѣ начала серьезныхъ смутъ пріѣхалъ губернаторъ и сейчасъ же телеграфировалъ въ Уфу о присылкѣ еще двухъ ротъ солдатъ, которые прибыли 13-го около полудня.

Все волненіе двухъ тысячъ рабочихъ, состояли уже не въ разсчетныхъ книжкахъ, а въ требованіи освобожденія изъ тюрьмы депутатовъ. Губернаторъ отказалъ, а предложилъ имъ прислать другихъ депутатовъ; толпа не согласилась и требовала освобожденія неправильно арестованныхъ, угрожая солдатамъ кулаками (буквально), а нѣсколько рабочихъ, отдѣлившись отъ толпы, выстрѣлили изъ револьверовъ и легко ранили двухъ человѣкъ.

Губернаторъ приказалъ стрѣлять въ двухтысячную толпу.

Солдаты сдѣлали три залпа, которыми убито 45, тяжело ранены 41 (изъ нихъ многіе тогда же умерли), легче ранено 42 и сверхъ того, многіе раненые были унесены родными не въ больницу, а на свои квартиры, но сколько ихъ, неизвѣстно. Вообще убито и ранено гораздо больше того числа людей, которые за недѣлю передъ тѣмъ спокойно и миролюбиво просили объ оставленіи старыхъ „Разсчетныхъ книжекъ", но убиты и ранены не они, а другіе и въ томъ числѣ многіе бывшіе на базарной площади, даже съ возами, которыхъ полиція не удалила передъ трехкратною стрѣльбою.

Это свѣдѣнія оффиціальныя (№ 27 Губ. Вѣдомостей); также пострадали женщины и дѣти, о которыхъ не упоминается въ оффиціальномъ отчетѣ.

Такого избіенія, большею частью невинныхъ, никогда не было заграницею, хотя тамъ забастовки гораздо крупнѣе, а цѣль ихъ гораздо серьезнѣе и опаснѣе, какъ для хозяина завода, такъ и для государства. Такихъ побоищъ не бываетъ заграницею потому, что тамъ полиція умѣетъ „предупреждать и пересѣкать преступленія", что составляетъ и у насъ ея прямую обязанность, но исполнители закона другіе заграницею.

Кишиневскіе безпорядки 6 Апрѣля, это фотографическій снимокъ съ Златоустовскихъ.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ циркулярѣ отъ 28 Апрѣля 1903 года говоритъ: „Въ мартѣ и въ началѣ апрѣля появились въ обращеніи листки, призывающіе населеніе Кишинева къ избіенію евреевъ". Значитъ въ Кишиневѣ, какъ и въ Златоустѣ, полиція была предупреждена, но не приняла никакихъ мѣръ, и результатомъ этого было много убитыхъ и раненыхъ, и страдаютъ семейства преданныхъ суду и подвергнутыхъ наказанію; всѣ пострадали здѣсь, какъ и въ Златоустѣ, исключительно вслѣдствіе бездѣйствія или неумѣнія дѣйствовать агентовъ полиціи.

Заграницею не запрещены сборища, митинги и т. п., однакоже полиція всегда заранѣе знаетъ о нихъ и заранѣе принимаетъ всѣ мѣры къ„ предупрежденію и пересѣченію

преступленій“, У насъ же, хотя ее и заранѣе извѣщаютъ, но она является только тогда, когда уже нельзя обойтись безъ кровопролитій.

Кишеневскій губернаторъ былъ наказанъ правительствомъ, а уфимскій спустя два мѣсяца, былъ убитъ, говорятъ въ отомщеніи за пролитую кровь въ Златоустѣ.

Мы видѣли выше, что и помимо этихъ двухъ кровавыхъ инцидентовъ, наша полиція совершенно не пригодна для исполненія своихъ прямыхъ обязанностей. Это происходитъ частью отъ отсутствія точныхъ законовъ, частью отъ того, что во всемъ громадномъ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, т. е. имперіи вообще всего около 2% съ высшимъ образованіемъ и не болѣе 15% или 20% съ среднимъ, а остальные 80% люди полуграмотные, не культурные и *вышедшіе изъ полудикихъ* семействъ.

При такомъ составѣ не возможны въ Россіи ни порядокъ, ни разумная внутренняя политика, въ томъ числѣ не возможна и борьба съ конокрадами, съ пожарами, съ евреями, да и съ тѣми злоумышленниками, о которыхъ упоминается въ началѣ манифеста 26 февраля 1903 г., а чтобы министерство врутреннихъ дѣлъ могло снабдить себя людьми интелигентными, необходимы тѣ четыре реформы нашихъ школъ, о которыхъ сказано въ главѣ 1 этого сочиненія.

Губернаторъ—начальникъ полиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ единственный въ провинціи „высшій представитель самодержавной власти“, а это двѣ совершенно различныя функціи.

Я имѣлъ случай близко ознакомиться съ дѣятельностію губернаторовъ во время моей долгой жизни въ разныхъ областяхъ Россіи, а такъ какъ все изложенное въ этомъ сочиненіи основано исключительно на личныхъ моихъ впечатлѣніяхъ, то назову фамиліи тѣхъ восемнадцати губернаторовъ, изъ которыхъ съ одними, я былъ въ непосредственныхъ служебныхъ отношеніяхъ, а съ другими, какъ помѣщикъ трехъ губерній, въ теченіи полустолѣтія, въ свѣтскихъ и, большею частью, дружескихъ отношеніяхъ.

Губернаторы эти слѣдующіе: Мухановъ, Трескинъ, Ознобишинъ, Гессе, Фонъ-деръ-Ховенъ, Васьковъ, Скворцовъ,

Зуровъ, Стремоуховъ, Данзасъ, (см. гл. 40) Бороздна, Жедринскій, Чарыковъ, Тройницкій, Левшинъ, Нордъ, Логвиновъ и Богдановичъ.

Губернаторъ, не находя въ сводѣ законовъ точнаго указанія своихъ обязанностей и не имѣя свѣдѣній о политикѣ правительства въ данный періодъ, уже въ теченіи трехъ царствованій дѣйствуетъ по своему личному усмотрѣнію и согласно личному міровоззрѣнію, которое выработалось въ немъ предыдущею его жизнью при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, какъ воспитанія, такъ и службы; до этого онъ былъ или предводителемъ дворянства и часто въ опозиціи съ губернаторомъ, или кропотливымъ бюрократомъ, знавшимъ только дѣла своего отдѣленія, или лихимъ гвардейскимъ офицеромъ. Насколько была различна жизненная школа, которую проходилъ каждый изъ нихъ, на столько же была различна и его дѣятельность на должности „высшаго представителя правительства въ губерніи".

За исключеніемъ двухъ, трехъ больныхъ или съ странностями (изъ нихъ одинъ былъ глухой, другой, во время восточной войны, строго приказывалъ городскимъ и уѣздными полиціямъ замѣнитъ сборы въ пользу Краснаго креста, сборомъ въ пользу театра, который строилъ и долженъ былъ увѣковѣчить его имя), всѣ остальные губернаторы были люди образованные, умные и преисполненные добрыми желаніями; они могли бы приносить реальную пользу жителямъ провинціи и правительству, но не зная политики высшаго правительства, не видя прямого закона и имѣя помощниками грубыхъ, полудикихъ людей, одни воевали со всякимъ самоуправленіемъ, другіе поощряли всѣ его увлеченія; одни воевали съ судомъ, другіе съ военными; одни удерживали наплывъ евреевъ, другіе сожалѣли, что евреи не пріѣзжаютъ въ губернію цѣлыми поѣздами. Видя въ другихъ вѣдомствахъ неурядицы, нѣкоторые порывались защитить жителей, но имъ говорили: «стопъ! всякъ сверчекъ, знай свой шестокъ», а потому рѣшили, что они принесутъ больше пользы, если предоставятъ все «волѣ Божьей» и дѣйствительно ничего не дѣлали; они только автоматически предсѣдательствовали въ присутствіяхъ. Разумѣется, что всѣ

ихъ подчиненные слѣдовали ихъ примѣру и тоже ничего не дѣлали.

Объ этихъ 18 губернаторахъ я могъ бы написать 18 объемистыхъ брошюръ, которыхъ главный интересъ состоялъ бы въ томъ, что изъ числа 18 губернаторовъ не было двухъ, которыхъ дѣятельность была бы совершенно одинаковая, тождественная; каждый изъ нихъ дѣйствовалъ точно вт другомъ государствѣ и при другомъ образѣ правленія, а такъ какъ губернаторы мѣняются очень часто, то очевидно, что въ провинціи не можетъ быть порядка, а потому и прогрессивнаго развитія благосостоянія и неразрывной съ нимъ культурности.

Дѣятельность губернаторовъ крайне различна не только по существу, но и по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ. Возьмемъ для примѣра двѣ ревизіи, въ которыхъ я принималъ косвенное участіе.

Въ пятидесятыхъ годахъ, уѣзжая изъ Гродны, я заѣхалъ проститься съ губернаторшей; она оставила меня завтракать; вскорѣ пришелъ и губернаторъ, Фонъ-деръ-Ховенъ, кажется, Христофоръ Христофоровичъ.

— Вы еще здѣсь? А я расчитывалъ завтра переночевать у Васъ въ имѣніи,—сказалъ Ховенъ.

— Очень радъ, я буду дома, такъ какъ сейчасъ уѣзжаю.

— Не хотите ли ѣхать со мною? переночуемъ въ Волковыскѣ, завтра утромъ я буду ревизовать присутствія, а на ночь къ вамъ.

Въ Волковыскъ пріѣхали вечеромъ, прямо на казенную квартиру; поваръ, котораго Ховенъ бралъ съ собою вмѣсто лакея, поставилъ самоваръ, разогрѣлъ жаркое и пріѣзжіе уже ужинали, когда явился городничій, а исправникъ уѣхалъ къ сосѣднему помѣщику на имянины. Никто не ожидалъ пріѣзда губернатора.

— Позвольте мнѣ присутствовать при ревизіи—сказалъ я.— Когда я состоялъ при генералъ-губернаторѣ, то и самъ ревизовалъ и ѣздилъ съ нимъ на ревизіи, а потому могу помочь вамъ.

Присутствуйте, если хотите,—отвѣтилъ Ховенъ,—но ревизую всегда я самъ, а потому никогда не беру чиновника съ собою.

Дѣйствительно въ обѣихъ полиціяхъ онъ весьма тщательно и съ знаніемъ дѣла пересмотрѣлъ дѣла, книги и бумаги, дѣлалъ замѣтки на особомъ листѣ и приказалъ снять копіи съ нѣсколькихъ бумагъ. Также онъ ревизовалъ немногочисленныя дѣла опеки и уголовнаго стола въ уѣздномъ судѣ, работая съ 8 часовъ утра до трехъ. Во все это время онъ только выпилъ два стакана чаю, предложенные предводителемъ дворянства, но отъ обѣда у него отказался.

Въ 4 часа, послѣ скромнаго, но вкуснаго своего обѣда, Ховенъ заплатилъ хозяину за квартиру, за дрова и за провизію и мы уѣхали на почтовыхъ до первой станціи въ м. Рожаны. Городничій, исправникъ и всѣ прочіе, зная требованія губернатора, простились съ нимъ на подъѣздѣ и никто не скакалъ впередъ, не разгонялъ кнутомъ встрѣчные обозы и не оралъ во все горло, какъ это часто практикуется у насъ и теперь.

Въ м. Рожаны надо было взять обывательскихъ лошадей и губернаторъ спокойно ждалъ пока соберутъ ихъ подъ двѣ коляски.

Переночевавъ у меня, онъ послѣ обѣда, поѣхалъ въ близь лежащее мѣстечко, Деречинъ, произвелъ ревизію дѣлъ становогo пристава и, вѣроятно, тщательную, потому что по возвращеніи въ Гродну, уволилъ его отъ службы. На третій день, на моихъ лошадяхъ, онъ поѣхалъ въ уѣздный городъ Слонимъ, гдѣ его тоже никто не ждалъ.

Такъ, раза по два въ годъ, всѣ губернаторы ревизовали свои губерніи, когда сельское населеніе не было еще въ ихъ вѣдѣніи и они получали около 4000 рублей жалованья.

Затѣмъ правительство возложило на каждаго губернатора отвѣтственность за благосостояніе около 2.000.000 крестьянъ, которые были раньше въ вѣдѣніи помѣщиковъ и государственныхъ имуществъ и дало въ помощь губернатору: земскія управы, земскихъ начальниковъ и урядниковъ, учредило въ губернскомъ городѣ много новыхъ присутствій

и подняло жалованье до 10.000 рублей,— но, какъ это ни странно, оставило тѣже законы 1837 года, основанные на законахъ 1775 года.

Губернаторы превратились въ бюрократовъ, бумага всецѣло поглотила ихъ; ревизіи стали производить разъ въ 10—15, лѣтъ и ревизуютъ исключительно уѣздныя присутственныя мѣста, не касаясь дѣятельности земскихъ начальниковъ, становыхъ, урядниковъ, волостныхъ правленій и судовъ, отъ дѣятельности которыхъ вполнѣ, всецѣло зависитъ бытъ, а иногда и судьба населенія, живущаго внѣ городовъ.

Ревизію производитъ теперь уже не губернаторъ; ее дѣлаетъ совершенно самостоятельно пріѣхавшій съ нимъ, не заинтересованный въ благосостояніи сельскаго населенія чиновникъ, который поэтому смотритъ на дѣло только съ формальной стороны, обращаетъ вниманіе на бумажную дѣятельность присутственныхъ мѣстъ, являющихся тоже безжизненными автоматами, а не живыми органами съ душею и сердцемъ.

Внѣшняя же обстановка нынѣшней губернаторской ревизіи приблизительно слѣдующая.

Всякій, жившій въ деревнѣ, знаетъ, что іюль и августъ самые дорогіе мѣсяцы въ году; кто проболѣлъ или прогулялъ ихъ, тотъ близокъ къ разоренію, а иногда и разоренъ.

И вотъ, въ іюлѣ губернаторъ оповѣщаетъ, что будетъ ревизовать губернію, а потому и проѣзжать по проселочнымъ дорогамъ, но по какимъ и когда именно, неизвѣстно.

Всѣ власти засуетились и мечутся какъ шальныя; полиція забыла о ворахъ и убійцахъ и занята исправленіемъ дорогъ и мостовъ, а для этого выгоняетъ на работу все сельское населеніе.

Собственно говоря, въ громадномъ большинствѣ уѣздовъ коренной Россіи, нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ, дорога тамъ, гдѣ весною нашла болѣе удобнымъ пройти первая лошадь съ телѣгою: по сѣнокосу ли, или по пахатной землѣ, или по вырубленному лѣсу; мосты же всѣ снесены въ половодье, сообщенія нѣтъ; та деревня, которой нуженъ

проѣздъ на базаръ или въ городъ, сваливаетъ въ рѣчку или въ болото воза два, три хвороста, прикрываетъ его соломою и мостъ готовъ; на большихъ рѣчкахъ, послѣ половодья, ставятъ на дно рѣчки толстые колья или жерди, или дѣлаютъ изъ нихъ козлы, соединяютъ жердями, а на нихъ кладутъ прутья и солому. На этихъ мостахъ проѣзжающіе всегда отпрягаютъ пристяжныхъ и сами идутъ пѣшкомъ, хотя-бы и въ проливной дождь.

По такимъ дорогамъ и мостамъ еще можно бы везти прежняго, скромнаго губернатора, который пѣшкомъ, прошелъ бы опасное мѣсто; но нельзя везти предсѣдателя многочисленныхъ присутствій, получающаго 10.000 рублей жалованья, тѣмъ болѣе, что онъ расчитываетъ скакать по 20 верстъ въ часъ(!)

Итакъ, все населеніе, близкое и дальнее, выгнано на дороги для ихъ починки, а полевыя работы у крестьянъ и у землевладѣльцевъ прекратились; такъ случалось не разъ и въ одномъ изъ моихъ имѣній, по удостовѣренію моего управляющаго, по крайней мѣрѣ. И вотъ дороги и мосты въ губерніи стали прекрасны для проѣзда по нимъ одинъ разъ; но прошелъ сильный ливень, смылъ все, и дороги и мосты надо починять снова.

Наконецъ объявленъ день проѣзда губернатора.—Уже за недѣлю всѣ лошади и люди ждутъ на мѣстахъ для того только, чтобы видѣть какъ десятокъ экипажей промчится, какъ метеоръ.

Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что губернаторъ или раздумалъ, или по другимъ причинамъ возвратился во свояси, не проѣхавъ по этимъ бутафорскимъ дорогамъ и мостамъ, а населеніе губерніи потеряло самое дорогое въ году рабочее время.

Изучая въ теченіи полустолѣтія народную жизнь и дѣятельность губернаторовъ, попробую обозначить, въ общихъ чертахъ, какое именно должно быть положеніе губернатора въ Россіи въ XX-мъ столѣтіи.

Цѣль всякаго правительства состоитъ *въ упроченіи благосостоянія жителей государства.* Другой цѣли у правительства нѣтъ и не можетъ быть, а потому таже цѣль дол-

жна быть и у „высшаго представителя правительства въ губерніи“.

Благосостояніе жителей гусударства имѣетъ двѣ степени, два фазиса, а именно: первый, составляющій краеугольный камень всего зданія, это благосостояніе въ настоящемъ, при наличныхъ условіяхъ, благосостояніе, ощущаемое въ данный моментъ и состоящее въ удовлетвореніи скромныхъ, будничныхъ нуждъ населенія. Вторая степень благосостоянія, это высшія матеріальныя и духовныя блага, къ которымъ стремятся, всѣ люди.

Но достиженіе вторыхъ благъ также не возможно безъ прочнаго обладанія первыми благами, какъ невозможна постройка величественнаго зданія, безъ скромныхъ, зарытыхъ въ землю, камней фундамента.

Эти скромныя, мало замѣтныя блага, составляющіе благосостояніе первой степени слѣдующія:

1-ое. Чтобы личное имущество каждаго человѣка было охранено отъ воровъ, а этого нѣтъ у насъ въ провинціи, только случай иногда выдаетъ воровъ, а полиція почти никогда не отыскиваетъ ихъ.

2-ое. Чтобы всякіе сборы требовались, а въ случаѣ не уплаты и взыскивались тогда, когда у человѣка есть или могутъ быть деньги; это время всѣмъ извѣстно, но взыскивающіе не соображаются съ этимъ.

3-ое. Чтобы можно было проѣхать черезъ рѣчку или ручей, не утопивъ лошади.

4-ое. Чтобы въ деревняхъ не было тайныхъ продавцовъ водки, которые спаиваютъ даже малолѣтковъ, получая отъ нихъ вещи, украденныя у родителей.

5-ое. Чтобы не полиція, а педагогическій персоналъ, наблюдалъ за внѣкласною жизнью воспитанниковъ всякихъ учебныхъ заведеніи.

6-ое. Чтобы свидѣтели преступленія не имѣли надобности скрываться и говорить „не знаемъ, не вѣдаемъ“, для избѣжанія волокиты по становымъ, слѣдователямъ и судамъ.

7-ое. Чтобы дѣла рѣшались быстро, а вслѣдствіе этого, съ одной стороны, чтобы истецъ не ждалъ годами удовлетворенія, съ другой стороны, чтобы до суда человѣкъ

преступный, а тѣмъ болѣе, какъ это случается очень часто, невинный, не сидѣлъ въ тюрьмѣ многіе мѣсяцы, а иногда и годы.

8-ое. Чтобы въ уѣздномъ земскомъ собраніи были гласные отъ каждой волости, между тѣмъ, какъ теперь всѣ гласные изъ 5—10 волостей, а изъ остальныхъ 15—20 нѣтъ ни одного.

9-ое. Чтобы у каждаго крестьянина была лошадь.—19 февраля 1861 не было безлошадныхъ, а теперь ихъ отъ 20 до 40 процентовъ въ каждой губерніи и всѣ они нищіе.

10-ое. Чтобы оканчивающій сельскую школу былъ настолько развитъ и могъ-бы интересоваться книгою и чтобы подходящая книга была для него.

11-ое. Чтобы хорошо подготовленный мальчикъ, или юноша, былъ непремѣнно принятъ въ то учебное заведеніе, въ которое желаетъ поступить, а не отвергнутъ за недостаткомъ мѣста и т. д., и т. д., и т. д.

Такихъ будничныхъ благъ масса. Глядя на нихъ изъ Петербурга, они могутъ казаться мелкими и ничтожными, но они служатъ краеугольнымъ камнемъ благосостоянія народа и первою ступенью къ высшимъ духовнымъ и матеріальнымъ благамъ.

Этого высшаго блага не дадутъ трехмиліонные мосты, пока не будетъ трехрублевыхъ, не дастъ теоретическое правосудіе, пока будутъ долго мучить невинныхъ и даже пострадавшихъ, пока школа выпускаетъ людей дикихъ, вредныхъ обществу, пока въ земскомъ собраніи гласные не знаютъ нуждъ населенія и т. д.

Во всѣхъ государствахъ Европы благосостояніе и культурность народа начинались съ этихъ же примитивныхъ благъ, Въ то время какъ Англія, Шотландія, Ирландія, Бургундія, Нормандія, Лангедокъ, и т. д., не говоря уже о маленькихъ государствахъ Италіи и Германіи, въ томъ числѣ и Бранденбурга, были не больше одной или двухъ нашихъ среднихъ губерній, а потому правитель жилъ среди народа, дѣлилъ съ нимъ радости и горе, и лично зналъ всѣ его нужды, лично работалъ надъ подъемомъ и упроченіемъ благосостоянія народа, давалъ ему тѣ мелкія, будничныя блага,

которыхъ нѣтъ у жителей коренной Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, сначала при содѣйствіи духовенства, а потомъ и въ свѣтскихъ школахъ, поднималъ культурность высшихъ класовъ населенія и она уже сама собою, проникала въ низшіе класы.

Простой русскій народъ, такъ называемый „мужикъ", силенъ тѣломъ и духомъ, что онъ и доказалъ въ теченіи тысячи лѣтъ, но въ культурномъ отношеніи, онъ не далеко ушелъ отъ временъ Гостомила, а Царь и вообще Петербургъ не могутъ входить въ личныя сношенія съ ста миліонами жителей, разбросанныхъ на почти 1/6 части материка земного шара.

А потому у Петербурга должны быть въ провинціи не воеводы, не фискалы, не прокуроры, не высокопарные орлы, а сердечные люди, съ развитымъ умомъ, которые бы сблизились съ населеніемъ, изучили его скромныя, будничныя нужды, какъ матеріальныя, такъ и духовныя и частью лично, частью посредствомъ Петербурга, довели порученные имъ уголки государства до того положенія, въ которомъ находятся маленькія государства Германіи, описанныя мною въ гл. 35, а также и другія, находятся наша Финляндія и отчасти Привислянскія и Прибалтійскія губерніи.

Нынѣшняя организація губерніи не требуетъ никакой крупной ломки; но необходимо вложить душу въ этотъ механизмъ, необходимо, чтобы подъ надзоромъ опытнаго механика каждое колесо, каждая шестерня дѣйствовала осмысленно, стремясь къ достиженію единственной цѣли всякаго правительства, а именно: къ матеріальному и культурному подъему всѣхъ класовъ, населяющихъ губернію.

Въ безбрежной Россіи судьба народа зависитъ теперь отъ бумаги изъ Петербурга, но глазъ того, кто пишетъ бумагу въ Петербургѣ не можетъ проникнуть во внутрь громаднаго русскаго муравейника, а потому внутри этого муравейника должны быть люди, изучающіе и врачующіе страданія народа и дающіе ему тѣ примитивныя блага, которыя дѣлаютъ жизнь сносною и которыя служатъ первою ступенью къ дальнѣйшему развитію благосостоянія и культурности.

Эти люди, т. е. губернаторы, должны быть уполномо-

ченными всѣхъ вѣдомствъ, но, разумѣется, непосредственно подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, на обязанности котораго лежитъ забота о благѣ всѣхъ 140 миліоновъ жителей Россіи, такъ какъ всѣ они находятся въ его вѣдѣніи отъ рожденія, когда онъ записываетъ ихъ на приходъ въ свои списки и до смерти, когда онъ выводитъ ихъ въ расходъ, а во время ихъ жизни министръ внутреннихъ дѣлъ печется о ихъ здоровіи, а также о благополучіи каждаго изъ нихъ, какъ члена одного изъ сословій которыя всѣ въ его вѣдѣніи, которыхъ устройство и подъемъ составляютъ его прямую обязанность. При томъ, и это главное, онъ руководитель внутренной политики государства, а потому долженъ наблюдать, чтобы всѣ вѣдомства въ губерніи слѣдовали тойже политикѣ.

Очевидно что Губернаторъ обязанъ, не касаясь рѣшенія дѣлъ по существу, тщательно ревизовать всѣ судебныя учрежденія, отъ окружныхъ судовъ до волостныхъ судовъ включительно и доискиваться причинъ медленности и всего, что причиняетъ стѣсненіе пострадавшимъ, свидѣтелямъ, а иногда и подсудимымъ.

Губернаторъ, не касаясь системъ преподаванія, долженъ имѣть надзоръ за дѣятельностію педагоговъ относительно воспитанія юношества и разсматривать жалобы на педагогическій совѣтъ.

Точно также, и относительно всѣхъ другихъ государственныхъ и сословныхъ учрежденій въ губерніи, губернатору слѣдуетъ дать право контроля и вмѣшательства. Разумѣется, что онъ долженъ частью лично, посредствомъ своихъ чиновниковъ, производить тщательныя, внезапныя ревизіи дѣятельности, а не переписки подвѣдомственныхъ ему учрежденій и лицъ, до волостныхъ правленій и урядниковъ, включительно, чего онъ никогда не дѣлаетъ теперь. Его помощниками въ уѣздѣ должны быть предводители дворянства, они оправдаютъ довѣріе правительства.

Итакъ, по всѣмъ отраслямъ народной жизни, губернаторъ долженъ стремиться къ упроченію благосостоянія жителей, которое составляетъ единственную цѣль, единственное raison d'être, всякаго правительства, а потому ему

долженъ быть порученъ надзоръ за дѣятельностью всѣхъ гражданскихъ установленій и должностныхъ лицъ въ губерніи.

Если его замѣчанія не уважены какимъ либо вѣдомствомъ, ему не подчиненнымъ, то обѣ стороны представляютъ свои соображенія подлежащему министру, а губернаторъ и министру внутреннихъ дѣлъ.

Для исполненія этой высокой мисіи губернатору нужно свободное время; а потому на вице-губернатора должно быть возложено предсѣдательство во всѣхъ безчисленныхъ присутствіяхъ, а губернаторъ только даетъ указанія вице-губернатору, самъ же предсѣдательствуетъ тогда, когда разсматриваются дѣла, имѣющія серьезное или принципіальное значеніе и всегда, когда найдетъ это нужнымъ. Вице-губернаторъ лично отвѣчаетъ за всѣ рѣшенія, не согласныя съ политикою правительства, а потому и губернатора.

Губернаторъ представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ полугодовыя свѣдѣнія о своей дѣятельности, а чиновники министра, отъ времени до времени, провѣряютъ существующіе въ губерніи порядки, то въ высшихъ, то въ низшихъ учрежденіяхъ.

Что же касается *спеціально полиціи*, то какъ у городской, такъ и у земской всегда было и должно быть двѣ функціи, одна наружная, состоящая во внѣшнемъ благоустройствѣ края и городовъ, въ устройствѣ и содержаніи въ порядкѣ дорогъ и мостовъ, будь это при содѣйствіи земства, городской управы или иначе, во взысканіи разныхъ сборовъ, въ наблюденіи за съѣстными продуктами и т. д.; вторая функція тайная, состоящая не только въ розысканіи воровъ, грабителей и всякихъ злоумышленниковъ, но и въ предупрежденіи ихъ дѣяній, въ открытіи ихъ притоновъ и т. п.

Въ отношеніи первой обязанности полиція, разумѣется, непосредственно подчинена губернатору, въ отношеніи второй она должна бы быть подчинена жандармскому штабъ-офицеру.

Это не будетъ двоевластіемъ, потому что и жандармы должны быть въ вѣдѣніи губернатора, который обязанъ зорко слѣдить за ихъ дѣятельностію, имѣющею громадное вліяніе на благосостояніе жителей.

Основываясь на близкомъ и, большею частью, интимномъ знакомствѣ съ восемнадцатью губернаторами и столькими же вице-губернаторами, позволю себѣ выразить мнѣніе о порядкѣ опредѣленія на должность губернатора.

Принято, прежде чѣмъ сдѣлать губернаторомъ предводителя дворянства, военнаго или гражданскаго чиновника, назначать его вице-губернаторомъ.

Разумѣется, это необходимо для того, чтобы онъ ознакомился съ множествомъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, съ сложнымъ механизмомъ которыхъ не знакомъ даже и предводитель дворянства. Но къ сожалѣнію, почти всѣ губернаторы какъ будто бы скрываютъ отъ нихъ секретъ своего управленія и никогда не поручаютъ имъ ревизію уѣзда, что впрочемъ и сами дѣлаютъ очень рѣдко и то поверхностно, не касаясь сути дѣла.

Но было бы весьма полезно, если бы кандидатъ въ губернаторы побылъ нѣкоторое время чиновникомъ при министрѣ и исполнилъ нѣсколько серьезныхъ порученій, въ томъ числѣ и ревизіи нѣкоторыхъ губернскихъ или уѣздныхъ учрежденій въ разныхъ губерніяхъ. При этомъ министръ, входя съ кандидатомъ на губернатора въ личныя отношенія, во первыхъ узнаетъ, можетъ ли онъ, по своимъ способностямъ быть надежнымъ „представителемъ высшаго правительства въ губерніи“ и двинуть впередъ благосостояніе и культурность населенія, во вторыхъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, можетъ ознакомить его съ внутреннею политикою, которой слѣдуетъ царствующій Государь, а это необходимо.

Если къ этимъ двумъ главнымъ условіямъ прибавить новые законы, не мелочные, не предусматривающіе отдѣльные случаи, которыхъ и нельзя предусмотрѣть, а выражающіе общія обязанности всѣхъ чиновъ, подвѣдомственныхъ министру внутреннихъ дѣлъ, да еще, если дать въ помощь губернаторамъ людей болѣе интелигентныхъ, нежели нынѣшніе, то будетъ достигнута цѣль, къ которой стремится всякое правительство, а именно будетъ упрочено скромное, будничное благосостояніе 140 миліоновъ подданныхъ Государя и будетъ положено прочное основаніе дальнѣйшему матеріальному и культурному развитію населенія.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что для переустройства губернскихъ учрежденій, теперь разрабатываются новые законы, которые будутъ опубликованы, можетъ быть и раньше выхода изъ печати этой книги.

Но повторяемъ, что какія бы не были новыя присутствія и колегіи, они не дадутъ населенію тѣхъ мелкихъ, будничныхъ благъ, о которыхъ мы говорили выше и съ которыхъ начали всѣ правители Греціи, Рима и новыхъ государствъ Европы.

Россія не идетъ по ихъ стопамъ и, не давъ населенію этихъ благъ, она старается перепрыгнуть черезъ нѣсколько столѣтій и сразу стать такою, какъ ея старшіе братья.

Возьмемъ для примѣра народное образованіе, Россія узнала, что въ остальной Европѣ почти все сельское населеніе грамотно, вотъ и она стала „выколачивать" съ бѣднаго, полуголоднаго сельскаго населенія, сотни миліоновъ рублей, чтобы выучить его грамотѣ.

Но вѣдь въ Греціи и Римѣ для высшихъ класовъ были уже академіи, давшія величайшихъ юристовъ, историковъ, поэтовъ и государственныхъ людей въ то время, когда сельское населеніе состояло изъ рабовъ, о просвѣщеніи которыхъ никто не заботился. Тоже въ западной Европѣ. Университетъ въ Падуѣ былъ открытъ въ 1222 году, вслѣдъ за нимъ въ Оксфордѣ; затѣмъ были открыты другіе, и они быстро распространили по всей Европѣ науки и искуства въ то время, когда сельскіе жители были не только безграмотны, но не считались людьми и убить простолюдина не считалось преступленіемъ.

Тамъ просвѣщеніе, укрѣпившись въ верхнихъ слояхъ, постепенно, само собою, перешло въ низшіе класы населенія.

У насъ же, вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на культурность и просвѣщеніе, сотни милліоновъ рублей, затраченные на грамотность крестьянъ, не дали Россіи, въ теченіе сорока лѣтъ, почти ни одного мужика, который бы интересовался книгою; онъ и не можетъ интересоваться книгою, когда ее не беретъ въ руки ни одинъ волостной писарь, ни урядникъ, ни становой, ни исправникъ, ни купецъ какъ городской такъ и сельскій, ни мелкій землевладѣлецъ и почти

ни одинъ земскій начальникъ, помѣщикъ или чиновникъ, хотя бы даже не малаго ранга, когда даже и писать книгъ для народа некому.

А не беретъ книгъ въ руки весь этотъ средній класъ населенія потому, что въ коренной Россіи на 2¹/₂ миліона жителей губерніи, среднюю школу оканчиваетъ всего 30—40 человѣкъ, а высшую 2—3 человѣка т. е. чуть не въ сто разъ меньше, нежели въ тѣхъ государствахъ, наровнѣ съ которыми желаетъ стоять Россія. Грамотный крестьянинъ весьма желателенъ, но его не будетъ въ Россіи, пока высшіе слои погружены въ мракъ и невѣжество.

Русскіе люди не сверхъ-человѣки, а обыкновенные смертные, а потому и должны идти по тому же пути, по которому шли всѣ другіе народы, хотя и быстрѣе ихъ, такъ какъ путь уже торный, но не перескакивать черезъ столѣтія.

Это должны бы принять въ соображеніе и наши пустоголовые конституціонисты.

Резюмируемъ все сказанное въ этой главѣ: что касается случайно вышедшаго сюда вопроса о просвѣщеніи, то необходимо серьезно озаботиться тѣмъ, что указано въ главѣ первой этого сочиненія. Что же касается единственной цѣли всякаго правительства, т. е. благосостоянія всѣхъ его подданныхъ, то по нашему мнѣнію, только указанныя здѣсь мѣры могутъ дать русскому народу тѣ матеріальныя и культурныя блага, которыми обладаютъ цивилизованныя государства Европы и Америки.

Когда губернаторы будутъ занимать то высокое положеніе, которое указано здѣсь, то они не могутъ быть переводимы изъ одной губерніи въ другую и должны получать щедрые награды, но не за годà службы, а за результаты свей дѣятельности.

Глава 9.

Комитетъ министровъ. А. Н. Куломзинъ. Причины неуспѣшности работъ разныхъ совѣщаній и комисій. Имѣютъ-ли министры возможность исполнять всѣ, лежащія на нихъ обязанности? Какъ устранить препятствія.

Въ концѣ главы 7-ой я сказалъ, что всѣ начальники отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ и министры, обременены массою, не имѣющихъ ничего общаго съ ихъ спеціальностію дѣлъ, которыя отнимаютъ у нихъ много времени и силъ.

Этого нѣтъ въ другихъ государствахъ, тамъ маленькій мэръ и всемогущій министръ знаютъ только одно свое дѣло, руководятъ имъ и не подписываютъ десятковъ тысячп пустыхъ бумагъ.

Тамъ министры собираются исключительно: или для обсужденія общей политики государства или для изготовленія проэкта закона; нашему же комитету министровъ некогда заниматься ни тѣмъ, ни другимъ, потому что онъ заваленъ, затэпленъ масою самыхъ пустыхъ, мелкихъ дѣлъ, которыя заграницею разрѣшаются низшими чиновниками, а не совокупными силами всѣхъ министровъ государства.

Приведу примѣръ изъ моей личной практики, какъ и все въ этомъ сочиненіи.

Я не служака, не карьеристъ и уже окончательно по-

селившись въ деревнѣ, не думалъ о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, потерявшемъ теперь всякое значеніе, подобно всѣмъ остальнымъ гражданскимъ чинамъ; но бывшее мое начальство, исполняя заурядную формальность, представило меня къ этому чину, такъ какъ на послѣдней службѣ я получилъ нѣсколько благодарностей, внесенныхъ въ формуляръ.

И что же? Это пустѣйшее изъ пустыхъ, заурядныхъ дѣлъ, должны были разсматривать, обсуждать и рѣшать министры: морской, военный, путей сообщенія и даже иностранныхъ дѣлъ, вѣроятно изъ опасенія конфликта съ Англіею.

Я ближе ознакомился съ дѣятельностію комитета министровъ, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, по дѣлу одного изъ предводимыхъ мною дворянъ. Дѣло это частное, пустое, но проходило тоже черезъ комитетъ министровъ, а потому я поѣхалъ къ управляющему дѣлами этого комитета, Анатолію Николаевичу Куломзину, на его квартиру на Сергіевской. Послѣ получасовой бесѣды я всталъ и хотѣлъ проститься, но А. Н. взялъ меня за руку, опять усадилъ на диванъ и сказалъ: „если вы свободны, то побесѣдуемъ еше".

Анатолій Николаевичъ искренній народолюбецъ. Мнѣ приходилось не разъ вести частныя бесѣды съ государственными людьми и кромѣ упоминаемыхъ въ этомъ сочиненіи, но я ни въ комъ не встрѣчалъ такой теплой любви къ своимъ русскимъ меньшимъ братьямъ и къ своему русскому отечеству. А. Н. Куломзинъ, главный дѣятель по постройкѣ одной изъ величайшихъ въ мірѣ желѣзныхъ дорогъ, но его любвеобильное русское сердце и безъ желѣзныхъ дорогъ всегда проникало въ отдаленнѣйшіе уголки, населенные его братьями-русскими.

Достаточно было побесѣдовать съ нимъ одинъ разъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Что же касается дѣла, по которому я пріѣхалъ, то Анатолій Николаевичъ подробно разъяснилъ мнѣ организацію комитета министровъ и посовѣтовалъ обратиться за мотивами этого дѣла къ министру юстиціи, что я и исполнилъ.

Затѣмъ, тогда же, пріѣхалъ ко мнѣ, въ Европейскую гостиницу, сынъ князя Константина Гагарина, моего бывшаго товарища и искренняго друга. Обрадовавшись ему, я приказалъ подать завтракъ и бутылку шампанскаго; мы бесѣдовали очень долго, между прочимъ и о комитетѣ министровъ, такъ какъ оказалось, что Гагаринъ служитъ тамъ, чего я и не зналъ раньше.

Я просилъ его перечислить занятія комитета министровъ и я узналъ, что въ немъ есть все, кромѣ того, что должно составлять единственный предметъ занятій этого комитета, а именно, нѣтъ вопросовъ внутренней политики.

Объяснимъ. Одинъ министръ пожелалъ облагодѣтельствовать польскихъ помѣщиковъ западнаго края и осушилъ имъ Пинскія болота, возвысивъ этимъ цѣнность ихъ земель на сотни миліоновъ, также осушаетъ Сибирскія тундры; между тѣмъ какъ въ коренной, Центральной Россіи, среди кореннного русскаго населенія, есть такія же болота и осушка ихъ обогатила бы русскихъ, а не инородцевъ; другой министръ поступаетъ вопреки ст. 547-й горнаго устава, по своему личному усмотрѣнію; третій разрѣшаетъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія евреямъ, получившимъ только на одинъ годъ право жить внѣ черты еврейской осѣдлости.

Министръ переселяетъ малоземельныхъ русскихъ крестьянъ на Кавказскіе хребты, въ Сибирскія болота, въ дикій башкирскій край, при чемъ, безъ всякой надобности, поднимаетъ цѣну земли съ существующей цѣны въ двадцать рублей до шестидесяти рублей. Всѣ эти крестьяне раззоряются и бѣгутъ или гибнутъ, а въ тоже время въ западныхъ губерніяхъ, въ благодатномъ климатѣ и окруженныя желѣзными дорогами, продаются съ публичныхъ торговъ и почти по той же цѣнѣ, многія имѣнія, вполнѣ устроенныя, гдѣ русскій крестьянинъ не только самъ бы блаженствовалъ, но и внесъ бы русскій элементъ, русское православіе и обычаи и этимъ поддержалъ бы мѣстныхъ русскихъ, православныхъ крестьянъ, погибающихъ подъ гнетомъ польскихъ помѣщиковъ, но тамъ поселили нѣмцевъ и чеховъ, чуждыхъ всему русскому.

Каждый министръ строитъ школы, строитъ ихъ для кого и гдѣ вздумаетъ. Въ моей брошюрѣ „Сословія" цыф-

рами и документами доказано, что въ Россіи получаютъ образованіе на одного русскаго три инородца, а между тѣмъ и теперь высшія школы строятся преимущественно для инородцевъ.

Еврейскій вопросъ въ Россіи зависитъ отъ личнаго взгляда не только каждаго изъ министровъ, но и сената, дѣйствующаго въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію, напримѣръ, сенатъ постоянно повелѣвалъ депутатскимъ собраніямъ причислять евреевъ къ мѣстному дворянству, хотя статья 1106 запрещаетъ причислять, даже и крещеныхъ, евреевъ. Сенатъ разрѣшаетъ евреямъ торговать подъ чужою фамиліею, хотя присвоеніе чужой фамиліи карается, какъ во всѣмъ мірѣ, такъ и нашими законами. И т. д., и т. д., и т. д.

Въ теченіи шестидесяти лѣтъ, о которыхъ мы говоримъ, смѣнилось чуть не пятьдесятъ министровъ и не менѣе сенаторовъ, у всякаго была своя личная политика и вслѣдствіе этой шаткости, весь русскій народъ и всѣ его дѣла точно флюгеръ, зависящій отъ вѣтра, постоянно мѣняются.

Между тѣмъ, еслибы всѣ эти принципіальные вопросы и подобные имъ, *относящіеся къ внутренной политикѣ*, обсуждались министрами въ комитетѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что русскіе министры рѣшали бы ихъ, слѣдуя твердой, непоколебимой русской, національной политикѣ, на пользу кореннаго русскаго народа.

Это было бы даже „по европейски", потому что въ Европѣ и Америкѣ, какъ консерваторы, такъ и либералы предоставляютъ всѣ блага прежде всего кореннымъ жителямъ страны, господствующему племени, а Познанія, Ирландія, Индія, Алжиръ, даже Чехія, Моравія, Галиція и т. д. и ихъ жители стоятъ на второмъ планѣ.

Это общій и главный вопросъ.

Теперь разсмотримъ дѣятельность разныхъ временныхъ комитетовъ, совѣщаній и т. п.

Тѣже министры, сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей и сверхъ обязанности участвовать во всякихъ свѣтскихъ и церковныхъ торжествахъ, состоятъ членами и многихъ

другихъ совѣтовъ, коммитетовъ, комисій и совѣщаній, постоянныхъ или временныхъ.

Изъ этихъ послѣднихъ я знаю 14, и большая часть ихъ, послѣ многихъ лѣтъ существованія, исчезла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ; нѣкоторыя кое что сдѣлали, но не выработали ничего цѣльнаго, общеполезнаго.

Уголовные и гражданскіе законы разработываются уже 20 лѣтъ и не видно конца той работѣ.

Возьмемъ для примѣра недавно закрытое „Особое Совѣщаніе по дворянскимъ дѣламъ". Работая четыре года, оно придумало нѣсколько мелкихъ, частичныхъ законоположеній, безъ связи и системы. Такъ, напримѣръ, появился законъ, запрещающій причислять къ помѣстному дворянству лицъ іудейскаго исповѣданія, но „Совѣщаніе" не обратило вниманія на старый законъ (ст. 1106), запрещающій принимать въ дворянскую среду крещенныхъ евреевъ; законъ этотъ не исполняется вовсе и евреи постоянно причисляются къ дворянству, а потому „Совѣщаніе" должно было или отмѣнить или воскресить этотъ забытый законъ.

„Совѣщаніе" издало законъ, затрудняющій полученіе дворянства; но это затрудненіе относится только къ кореннымъ, православнымъ русскимъ людямъ, а поляки, татары и кавказцы, безъ всякой службы и заслугъ, прямо изъ пастуховъ, лакеевъ или колодниковъ, будутъ, какъ прежде, такъ и теперь, тысячами причисляться къ русскому потомственному дворянству, такъ что въ недалекомъ будущемъ они одни составятъ высшее сословіе въ Россіи. Я вполнѣ доказалъ это цыфрами въ брошюрахъ: «О Дворянствѣ» стр. 5—14 и „Сословія" стр. 55—69, а Ф. Н. Бергъ въ своей газетѣ утверждаетъ, что всѣ они получаютъ дворянство, платя по 25 рублей.

Но русское спеціальное „Дворянское Совѣщаніе" не занялось этимъ вопросомъ, самымъ важнымъ для русскаго дворянства.

«Особое Совѣщаніе» не повысило, а понизило значеніе предводителей дворянства, назначивъ имъ, въ награду за ихъ службу, чины, въ которыхъ теперь никто не нуждается

въ Россіи, даже и для полученія казенныхъ должностей, а тѣмъ болѣе, живя въ деревни и т. д. и т. д.

Работы „Дворянскаго Совѣщанія“ (какъ и многихъ другихъ) были неуспѣшны потому, что ими занимались люди, обремененные служебными и другими обязанностями, а дворяне или другія лица, приглашаемые только на время засѣданій, не были подготовлены къ вопросамъ, предлагаемымъ d'emblée, вдругъ, которыхъ они не изучили предварительно.

Да наврядъ-ли хотя одинъ членъ „Совѣщанія“ тщательно изучилъ древніе и позднѣйшіе законы о дворянствѣ: русскіе, польскіе, татарскіе и кавказскіе. А вѣдь это было необходимо.

Въ 35 лѣтъ ни одна комисія не выработала чего либо цѣльнаго, капитальнаго для блага народа, между тѣмъ и громадный сводъ законовъ и законы 1861 года составились быстро и удовлетворительно потому, что Сперанскій и Ростовцевъ, окружили себя помощниками, которые всецѣло посвятили себя этому дѣлу, а инородцы тогда еще не проявляли своей жизненности, своего стремленія господствовать въ Россіи; теперь же законы разрабатываются людьми обремененными другими обязанностями и не безъ косвеннаго вліянія инородцевъ или ихъ русскихъ приверженцевъ.

Вотъ причины неуспѣха нынѣшнихъ работъ всѣхъ комисій, совѣщаніи и комитетовъ.

Высочайшими повелѣніями послѣдняго времени на министровъ возложено составленіе проэктовъ „Децентрализаціи“ и новыхъ законовъ, которыми измѣнится чуть не весь внутренній строй государства.

Какъ же справиться министрамъ съ этимъ громаднымъ дѣломъ такъ, чтобы не пострадали дѣла своего, тоже громаднаго вѣдомства и чтобы результаты работы были плодотворнѣе и цѣльнѣе работъ предъидущихъ комисіи и совѣщаніи?

Намъ кажется, что не только для даннаго случая, но и давно уже пора:

Во 1-хъ. Каждому министру освободиться отъ значительной части тѣхъ бумагъ, которыя въ количествѣ отъ 30 до 70 тысячъ въ годъ пишутся на его имя и идутъ отъ его

имени. Всѣ мелкія текущія дѣла долженъ бы разрѣшать товарищъ министра и лично отвѣчать за свои распоряженія, незаконныя или не согласныя съ направленіемъ, которому слѣдуетъ министръ. Выборъ товарища долженъ зависитъ, разумѣется, отъ министра.

Во 2-хъ. Комитету министровъ тоже пора освободиться отъ дѣлъ, не имѣющихъ государственнаго значенія. Въ немъ должны бы разрабатываться: во первыхъ проэкты законовъ, которые теперь разрабатываются или комисіями и совѣщаніями, или лично министрами, по письменному соглашенію съ нѣкоторыми другими и во вторыхъ, всѣ вопросы, относящіеся къ внутренней политикѣ. Часть этихъ вопросовъ мы перечислили выше.

Въ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ дѣлъ примутъ живое участье всѣ министры, такъ какъ всѣ они преданные слуги русскаго Царя и Россіи.

Разумѣется, что въ комитетѣ министровъ могутъ быть приглашаемы спеціалисты или ученые и другія лица, а если они состоятъ на службѣ, то должны бы быть временно освобождаемы отъ нее, какъ это было при составленіи Свода Законовъ и должны бы получать особое вознагражденіе за свой трудъ.

Глава 10.

Недоимки. Особый способъ взысканія ихъ.

Первое порученіе, которое генералъ-губернаторъ, возложилъ на меня, было „взысканіе недоимокъ въ зміевскомъ уѣздѣ“—(Предписаніе отъ 19 Августа 1845 года)

Мнѣ шелъ 21 годъ, когда въ концѣ августа я пріѣхалъ къ зміевскому предводителю дворянства, Барону Радену.—Здѣсь я встрѣтилъ человѣкъ 15 помѣщиковъ, собравшихся съ псарями, съ гончими и борзыми, для начала охоты. На другой же день я сѣлъ на лошадь и переѣзжая отъ помѣщика къ помѣщику, съ постоянно мѣняющеюся компаніею, безпрерывно охотился весь сентябрь и октябрь, то травя зайцевъ и волковъ, то устраивая въ семейныхъ домахъ танцы и музыкальные утра и вечера, то бесѣдуя со стариками. За исполненіе этого порученія мнѣ была „изъявлена признательность генералъ-губернатора, такъ какъ я привезъ проэктъ совершенно новаго, кажется еще небывалаго въ Россіи способа взысканія недоимокъ со всѣхъ дворянъ и государственныхъ крестьянъ трехъ губерній, а именно *взысканія вмѣсто денегъ хлѣбомъ*, котораго, при отсутствіи путей сообщенія, некуды было дѣвать земледѣльцамъ.

Вслѣдъ за этимъ, 25 Декабря, я былъ посланъ въ Изюмскій уѣздъ, чтобы узнать мнѣніе объ этомъ проэктѣ

предводителя дворянства Мартынова и мѣстнаго богатаго дворянства. Потомъ, съ той же цѣлью былъ командированъ въ Сумской и Ахтырскій уѣзды. Спустя полтора года этотъ способъ взысканія недоимокъ былъ уже въ полномъ ходу и 8 Января 1847 года мнѣ было поручено „при содѣйствіи „предводителей дворянства (трехъ губерній) собрать свѣ„дѣнія о настоящемъ положеніи и ходѣ поставокъ хлѣба „за недоимку, а также о томъ, какіе виды можетъ имѣть „правительство на дальнѣйшее участіе дворянства въ этой „операціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено произвести ревизію во всѣхъ городахъ по пути отъ Харькова до станціи Бровары, т. е. вплоть до самого Кіева, при чемъ Кн. Долгоруковъ далъ письмо къ кіевскому генералъ-губернатору Бибикову, съ просьбою частнымъ образомъ сообщить ему свое мнѣніе объ этой операціи, такъ какъ собираемый хлѣбъ предназначался для кіевской крѣпости и для войскъ квартировавшихъ въ его губерніяхъ.

Наконецъ 25 мая 1848 года, я былъ командированъ въ Кременчугъ: „*для наблюденія*“ за поставкою около 2 „мил. пудовъ провіанта въ уплату недоимокъ по 1845 годъ „накопленной, а также, *за пріемомъ, сдачею и отправленіемъ* „*провіанта*“, чѣмъ я и завершилъ этотъ первый циклъ, совершенно новой въ Россіи экономической и финансовой операціи.

Взысканіе недоимокъ хлѣбомъ не было введено въ остальной Россіи, а между тѣмъ оно бы принесло громадную пользу, какъ населенію, такъ и правительству, которое съ того времени, т. е. въ теченіи около 50 лѣтъ, вынуждено было сложить, простить и уменшить платежи, т. е. потерять, приблизительно, миліардъ рублей.

Чтоже касается жителей деревни, то всѣмъ извѣстно правдивые и легендарные разсказы о «выколачиваніи» недоимокъ полиціею.

Но откуда было взять денегъ мужику, да и помѣщику? Изъ Харьковской и сосѣднихъ губерній чумакъ могъ съѣздить въ Одессу или Таганрогъ не болѣе двухъ разъ въ лѣто, т. е. отвезти около 50 пудовъ въ годъ, но и то едва

одинъ изъ ста домохозяевъ, а изъ средней и сѣверной Россіи, уже совсѣмъ некуда было возить хлѣба; къ тому же одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, была введена акцизная система, вслѣдствіе которой $^3/_4$ сельскохозяйственныхъ винокуреныхъ заводовъ закрылись и на столько же уменьшилась мѣстная потребность въ хлѣбѣ; войска же всегда стояли на окраинахъ.

Вотъ земледѣлецъ и продавалъ хлѣбъ скупщикамъ за безцѣнокъ или кормилъ имъ крысъ и мышей.—Между тѣмъ какъ казна имѣла полную возможность взять эту часть хлѣбной операціи въ свои руки, подобно тому, какъ сдѣлалъ это кн. Долгоруковъ въ своихъ трехъ губерніяхъ.

Это дѣло минувшихъ временъ, однакоже и теперь эта мѣра могла бы принести значительную пользу сельскому хозяйству во многихъ „медвѣжьихъ углахъ“ нашего обширнаго отечества.

Глава 11.

Бродяги въ половинѣ XIX столѣтія.

Въ первомъ уже году моей службы, 30 октября, мнѣ было поручено генералъ-губернаторомъ „разслѣдованіе о проживательствѣ бродягъ и дезертировъ на границѣ Харьковской и Полтавской губерній съ Екатеринославскою (не подвѣдомственною генералъ-губернатору) и поимку ихъ“.— Въ формулярѣ сказано: „За поимку 104 бродягъ и дезертировъ въ Харьковской и Полтавской (а также и Екатеринославской) губерніяхъ, изъявлена ему *совершенная признательность* генералъ-губернатора 22 декабря 1845 года.

Я исполнилъ это порученіе слѣдующимъ образомъ. Взявъ студента университета Шустамскаго (изъ Орловской губерніи) я пріѣхалъ съ нимъ въ уѣздный городъ, сейчасъ же вечеромъ, потребовалъ отъ окружнаго начальника государственныхъ имуществъ предписаніе моимъ волостнымъ старшинамъ, указаннымъ мною, безпрекословно исполнять всѣ мои распоряженія. Тогда государственные крестьяне были почти въ крѣпостной зависимости у окружныхъ начальниковъ (отъ этого они освободились при моемъ участіи въ 1858 году и слѣдующихъ годахъ, о чемъ сказано въ гл. 22) и разумѣется, что окружные начальники, въ свою очередь, трепетали передъ высшимъ начальствомъ.

Получивъ три предписанія, составленныя безъ участія канцеляріи, и сказавъ окружному, чтобы до возвращенія моего, вѣроятно чрезъ недѣлю, онъ никому не говорилъ объ этомъ, я уѣхалъ въ первую волость. Прибывъ ночью, велѣлъ разбудить старшину и писаря и приказалъ къ вечеру собрать до 300 человѣкъ верховыхъ, каждый съ запасомъ хлѣба на два дня и исполнять всѣ приказанія Шустамскаго (одѣтаго какъ и я въ казакинъ и при саблѣ), а самъ, давъ всѣ нужныя инструкціи Шустамскому, въ туже ночь переѣхалъ въ другую волость и тоже приказалъ собрать тотчасъ около 300 верховыхъ крестьянъ.

Въ лунную, свѣтлую ночь обѣ арміи, выступили въ походъ и не разбирая, чья губернія, своя или чужая, постепенно разставляли часовыхъ и окружили ими пространство, приблизительно, верстъ въ 40 или 50 въ діаметрѣ, на которомъ, по словамъ этихъ же своеобразныхъ солдатъ, въ хуторкахъ, разбросанныхъ въ оврагахъ, ютятся бродяги и дезертиры, перебѣгающіе границу губерніи, при слухѣ о приближеніи полиціи, вѣроятно, жившей съ ними въ ладахъ.

Волостные старшины, которымъ, тоже надоѣли бродяги, были вродѣ начальниковъ штаба и состояли при каждомъ изъ военачальниковъ, сельскіе старосты были начальниками небольшихъ партій.

Цѣпь все суживалась, бродяги, видя это, старались убѣгать, но ихъ ловили, связывали и клали на подводы. Я и Шустамскій старались быть вездѣ, мѣняя измученныхъ лошадей. Я узналъ, что нахуторкѣ, верстахъ въ пяти внѣ цѣпи, справляютъ поминки, на которыя всякій имѣетъ право явиться безъ приглашенія хозяина.

Ночь была темная; я взялъ шесть верховыхъ, разставилъ ихъ кругомъ хуторка, но въ далекомъ разстояніи, чтобы не былъ слышенъ шумъ или крикъ ловимыхъ бродягъ и приказалъ вязать всѣхъ, выходящихъ изъ хуторка, самъ же вошелъ въ избу.

Мой казакинъ, широкіе шаравары и охотничіе сапоги, (саблю я оставилъ у конвоя) казалось не должны были возбуждать подозрѣнія; хозяинъ усадилъ меня за одинъ изъ

столовъ, которыхъ было два, съ 40 или 50 гостями разнаго званія и одѣянія.

Передо мною поставили жбанъ „варенухи", миску съ кашею и ломоть хлѣба съ кускомъ свинаго сала. Я быстро уничтожилъ все это послѣ двухъ сутокъ поста и двухъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ на лошади. Варенуха, это простая водка, смѣшанная на половину съ водою; въ нее кладутъ сушеныхъ яблокъ и грушъ, медъ, перецъ, гвоздику и корицу, если они есть, кипятятъ и пьютъ очень горячую; это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно превосходный напитокъ.

Народъ былъ уже подвыпивши, шла веселая бѣсѣда, пѣли пѣсни, но нѣкоторые гости тихонько вставали и изчезали. Спустя около 1/2 часа, полагая, что уловъ уже достаточно великъ, я всталъ, простился съ хозяиномъ, отвязалъ свою лошадь, бывшую у крыльца, и уѣхалъ. Дѣйствительно, мой пикетъ уже поймалъ семь человѣкъ, которыхъ и повели къ главнымъ силамъ.— Было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ жизнь моя и Шустамскаго подвергалась серьезной опасности, но это къ дѣлу не относится.

Въ теченіи двухъ сутокъ, не сходя съ лошади, мы обшарили все пространство, съ которымъ соприкасаются три губерніи и поймали 208 бродягъ. Послѣ тщательнаго разбора въ уѣздномъ городѣ, продолжавшагося три дня, я оставилъ 104 человѣка, которыхъ и сдалъ подъ росписку удивленной и пораженной полиціи, ничего не знавшей объ облавѣ и при себѣ посадилъ всѣхъ въ острогъ.

Все изложенное здѣсь, даже участье въ дѣлѣ студента Шустамскаго, есть почти дословная копія рапорта, по повѣркѣ котораго, генералъ-губернаторъ изъявилъ мнѣ „совершенную признательность, за поимку 104 бродягъ и дезертировъ".

По закону, мнѣ слѣдовалъ орденъ за поимку бродягъ, но я не хлопоталъ о немъ, а другіе упустили это изъ виду.

Здѣсь подробно описанъ эпизодъ изъ моей службы потому, что многіе русскіе интелигенты, подъ вліяніемъ инородцевъ, преимущественно поляковъ, постоянно плачутся, стонутъ, что Россія далеко отстала отъ Европы.

Но Россія не «отстала», а только «не догнала» Европы и это совершенно естественно, потому что въ то время, когда

она была еще подъ игомъ татаръ, въ Англіи, Франціи и Венгріи уже были почти тѣже учрежденія, которыя существуютъ и нынѣ, и были великіе ученые и писатели; даже въ нашей Польшѣ, въ 1575 г., были изданы законы, дѣйствовавшіе до послѣдняго времени, и уже давно былъ Коперникъ, когда въ Россіи не было еще ни одной свѣтской книги.

Но что Россія быстро «догоняетъ» Европу, между прочимъ и въ экономическомъ отношеніи, доказываетъ этотъ разсказъ о бродягахъ, а именно: нынѣ богатѣйшіе уѣзды, въ которыхъ цвѣтущее земледѣліе, а потому земля дошла до баснословныхъ цѣнъ, уѣзды, снабжающіе нынѣ почти всю Россію сталью, желѣзомъ, каменнымъ углемъ, и отчасти, сахаромъ, солью и пшеницею—всего 50 лѣтъ тому назадъ были до того пустынны, что въ нихъ свободно разгуливали не только дикіе звѣри, но и дикіе люди, которыхъ два юноши, въ два дня, изловили 104, а въ числѣ ихъ были клейменые каторжники, дезертиры, а также разбойники и воры, отыскиваемые полиціею.

Нѣтъ, и быстротечная Сѣверная Америка не можетъ похвастаться такимъ быстрымъ перерожденіемъ.

Глава 12.

Винокуреніе и его отношеніе къ сельскому хозяйству.

Порученія, возлагаемыя на меня были самыя разнообразныя, между прочимъ 19 октября 1846 года, мнѣ было поручено осмотрѣть большіе винокуренные заводы и „собрать свѣдѣнія относительно предполагаемаго введенія акцизной системы, въ замѣнъ винокуренной пошлины“.

Такъ какъ въ имѣніи, принадлежащемъ моимъ роднымъ (перешедшемъ потомъ ко мнѣ) былъ винокуренный заводъ, то я имѣлъ уже нѣкоторое понятіе о винокуреніи. Пополнивъ эти свѣдѣнія осмотромъ многихъ винокуренныхъ заводовъ, я составилъ проектъ (какъ потомъ оказалось сходный съ системою, существующею въ Германіи), состоящій въ томъ, чтобы предоставить всѣмъ землевладѣльцамъ полную свободу винокуренія и продажи вина, облагая пошлиною только заторные чаны и нѣкоторыя другія посуды, объемомъ не меньше извѣстной нормы.

При этой системѣ, во 1-хъ, значительная часть хлѣба перерабатывалась бы въ спиртъ, который, будучи въ пять разъ легче того хлѣба, изъ котораго онъ выдѣланъ, удешевилъ бы на столько же его доставку заграницу, уже въ видѣ спирта, а потому эта система способствовала бы развитію земледѣлія; во 2-хъ, увеличивая количество хлѣба, превращаемаго въ спиртъ, а потому увеличивая и количество

барды, содѣйствовала бы развитію скотоводства и наши мясные продукты, въ видѣ живаго скота или замороженнаго мяса, отправляемые заграницу, тоже подняли бы экономическое положеніе народа. Въ 3-хъ, усовершенствованіе въ способѣ выкурки вина шло бы на пользу владѣльца завода, а потому всякое новое открытіе, всякій новый шагъ впередъ въ химіи и физикѣ были бы немедлено примѣняемы у насъ и этимъ улучшалось бы качество вина и удешевлялось бы его производство, такъ что конкуренція на рынкѣ съ иностранными государствами была бы не опасна. Разумѣется, что акцизъ, т. е. плата съ емкости винокуренной посуды, возвышалась бы постепенно, положимъ чрезъ каждые 10 лѣтъ, сообразно прогресу техники въ болѣе цивилизованныхъ государствахъ и у насъ, а это понуждало бы отставшихъ рутинеровъ двигаться впередъ. Наконецъ, въ 4-хъ, фискальные расходы министерства, дошедшіе теперь чуть не до ста миліоновъ въ годъ, были бы самые незначительные, а доходъ тотъ же, какъ и теперь.

Въ Харьковѣ этотъ проэктъ былъ одобренъ и представленъ въ Петербургъ, но тамъ приняли проэктъ, представленный, кажется, новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Вскорѣ послѣ этого въ моемъ имѣніи, я самъ выстроилъ винокуренный заводъ (по системѣ Писторіуса), самъ много лѣтъ курилъ вино и все болѣе и болѣе убѣждался въ правильности моего взгляда, на винокуреніе *печаталъ объ этомъ въ журналѣ* Вернадскаго „Богатства“ (или что то въ этомъ родѣ), лично докладывалъ на совѣщаніяхъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Грота, изъ приглашенныхъ со всей Россіи, болѣе извѣстныхъ, владѣльцевъ винокуренныхъ заводовъ, и печаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (сохранился только одинъ номеръ 1871 г. 15 марта).

Но правительство не измѣнило принятаго имъ направленія, а вслѣдствіе этого закрылось около 75% сельскохозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ.

Производство спирта въ центральныхъ губерніяхъ продолжаетъ уменьшаться; въ прошломъ году было выкурено на 12% меньше, противъ третьяго года, т. е. на 12% увеличился

вывозъ заграницу тяжелаго и дешеваго хлѣба, вмѣсто спирта, который въ пять разъ легче его и на 12% уменьшилось количество корма скоту въ Россіи, а въ западныхъ губерніяхъ производство спирта увеличилось, вслѣдствіе льготы данныхъ правительствомъ и польскій спиртъ идетъ уже не заграницу, а въ Россію и Сибирь. Притомъ, это громадное дѣло, которое исключительно относится къ области сельскаго хозяйства, производится чиновниками. На заводѣ чиновникъ, подъ наблюденіемъ котораго находится заводъ, а потому и его хозяинъ, помѣщикъ или купецъ; затѣмъ приготовленіе вина для употребленія производится уже прямо чиновниками въ казенныхъ заводахъ, также какъ и продажа вина, все равно, какъ еслибы всѣ мельницы, пекарни и булочныя были казенными. Этого нѣтъ и быть не можетъ нигдѣ, а въ особенности на пространствѣ 10.000 верстъ Русскаго государства.

Разумѣется, что послѣ затраты сотенъ миліоновъ рублей, система эта продержится нѣкоторое время, но затѣмъ, эта отрасль промышленности, подобно всѣмъ другимъ отраслямъ, станетъ свободною, а памятникомъ С. Ю. Витте будутъ служить общества трезвости, если дѣйствительно народъ пойдетъ въ читальни, въ чайныя и въ театры, вмѣсто кабака.

Глава 13.

Свѣтлѣйшій князь Суворовъ—Рымникскій, Александръ Аркадіевичъ. Резервные баталіоны и бороньба полей солдатами, вмѣсто лошадей. Безнаказнныя преступленія.

Въ Харьковѣ, въ 1846 году, въ сырую мрачную осень, въ 5 часовъ по полудни, когда у генералъ-губернатора, кн. Н. А. Долгорукова, собирались садиться за столъ, подкатила къ подъѣзду перекладная, на которой сидѣло два человѣка въ военныхъ фуражкахъ; шинели были покрыты грязью.

Такъ какъ кабинетъ и семейная столовая были внизу, то князь увидѣлъ подъѣхавшихъ и, опасаясь, чтобы хотя на минуту не была задержана подача супа (закуски передъ обѣдомъ никогда не было), сказалъ адъютанту—„кажется фельдъегерь, проводите пріѣхавшихъ въ запасныя комнаты и прикажите подать имъ обѣдъ, а я приму послѣ обѣда“ Самъ же сѣлъ за столъ.

Но дверь отворилась и вошелъ въ комнату богатырь ростомъ, и осанкою съ прекраснымъ, мужественнымъ лицомъ.—Князь всталъ, они обнялись и сердечно поцѣловались.

— Простите княгиня—сказалъ гость по французски, поздоровавшись съ нею и поклонившись остальнымъ,—что

я сяду за столъ не переодѣваясь, я уже нѣсколько почистился на послѣдней станціи; но я знаю, что князь гастрономъ, и что «un diner rechauffé ne vaut jamais rien» (подогрѣтый обѣдъ никуда не годится), а потому будемте обѣдать, о дѣлахъ же поговоримъ послѣ, хотя я долженъ уѣхать сегодня же.

Затѣмъ обратившись къ адъютанту генералъ—губернатора, сказалъ:

— Будьте любезны приказать вашему дежурному жандарму, скакать во весь опоръ къ жандармскому штабъ-офицеру и сказать ему, что его проситъ немедленно пріѣхать сюда, командированный по Высочайшему повѣленію флигель-адъютантъ, князь Суворовъ.

Супъ ѣли молча, затѣмъ кн. Суворовъ заговорилъ о погодѣ, о дорогѣ, но разговоръ не вязался; тогда князь Долгоруковъ сказалъ:

— Здѣсь, за столомъ, нѣтъ никого посторонняго, все это моя семья, мои ближайшіе друзья и сотрудники и отъ нихъ у меня нѣтъ секретовъ, лакеи же не знаютъ французскаго языка, а потому разскажите намъ, куда вы стремитесь.

Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ князь Суворовъ,—да это и необходимо, такъ какъ послѣ обѣда будетъ много дѣла.

— Вы знаете,—началъ онъ,—что въ Харьковской и въ Екатеринославской губерніяхъ есть резервные баталіоны по 4000 человѣкъ каждый, въ нихъ обучаютъ солдатъ 4 года и затѣмъ всякій баталіонъ обязанъ ежегодно выслать на Кавказъ 1000 человѣкъ, но туда приходитъ обыкновенно едва половина, иногда даже около 400 изъ баталіона. Князь Воронцовъ (Михаилъ Семеновичъ, главнокамандующій на Кавказѣ) писалъ объ этомъ военному министру и наконецъ донесъ Государю, который призвалъ Тришатнаго, показалъ ему письмо князя Воронцова и приказалъ тотчасъ ѣхать, на мѣстѣ, лично произвести самое строгое дознаніе, и доложить Государю.—(Тришатный генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ, былъ начальникомъ всѣхъ резервныхъ, или что то въ этомъ родѣ, войскъ въ Россіи).

— Знаю,—отвѣтилъ князь Долгоруковъ,—весною на пути туда и обратно, Тришатный, по обыкновенію, заѣзжалъ

ко мнѣ, а спустя недѣли три опять пріѣхалъ, но взволнованный, ругалъ Воронцова и весь Петербургъ и, не отдохнувъ, поскакалъ дальше. Пробылъ онъ въ пути около трехъ недѣль и пріѣхалъ спокойный и довольный, и говорилъ, что нашелъ все въ совершнномъ порядкѣ, каждый баталіонъ высылаетъ почти полный комплектъ, 1000 человѣкъ, за исключеніемъ очень немногихъ, умершихъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, а что, проходя 2000 верстъ, по безводнымъ степямъ и по горамъ Кавказа, умираетъ значительное количество, несмотря на заботы докторовъ и на всѣ госпитальныя принадлежности, въ томъ не виноваты ни баталіонные командиры, ни Добрышинъ (генералъ, начальникъ всѣхъ четырехъ баталіоновъ), а тѣмъ менѣе онъ, Тришатный. На все есть документы, книги, метрики и все это въ полномъ порядкѣ. Пускай англоманъ, Воронцовъ, устроитъ намъ англійскія дороги, станція и лазареты со всѣмъ англійскимъ комфортомъ и тогда уже ябедничаетъ.

— Правда,—прибавилъ князь Долгоруковъ, указывая на меня—вотъ этотъ юный чиновникъ слышалъ за обѣдомъ разсказъ Тришатнаго, потомъ былъ въ томъ краѣ, послѣ его проѣзда, и, возвратясь, говорилъ мнѣ, что всѣ смѣются надъ его ревизіею и, съ свойственною юношѣ горячностью, сталъ разсказывать мнѣ какіе то ужасы, но я приказалъ ему молчать и во время командировокъ имѣть дѣло только съ молодыми барышнями и барынями, а не со старыми сплетницами.

Всѣ разсмѣялись.

Затѣмъ князь Суворовъ разсказалъ, что, когда по возвращеніи Тришатнаго, Государь отвѣтилъ Воронцову, что его донесеніе вздоръ, то онъ послалъ двухъ надежныхъ человѣкъ, которые отъ Тифлиса до Бахмута и Изюма по пути, по которому слѣдуютъ партіи этихъ солдатъ, а также на мѣстѣ постояннаго пребыванія баталіоновъ, секретно все разузнали, собрали самыя подробныя свѣдѣнія, а гдѣ можно было, то добыли и документы и Воронцовъ отправилъ весь этотъ матеріалъ въ собственныя руки Государя, который тотчасъ повелѣлъ ему, князю Суворову, ѣхать сюда для провѣрки этихъ свѣдѣній.

— Кстати,—продолжалъ Суворовъ—я хотѣлъ просить

васъ, дать мнѣ въ помощь одного изъ вашихъ чиновниковъ особыхъ порученій.

— Вы и поѣзжайте—сказалъ мнѣ кн. Долгоруковъ.

Около 10 часовъ ночи, отъ подъѣзда генералъ-губернатора отъѣхали пять троекъ; на первой, часомъ раньше, два жандарма, на второй князь Суворовъ со мною, на третей наши лакеи, а на остальныхъ двухъ четыре жандарма.

Около трехъ часовъ слѣдующей ночи мы были у подъѣзда квартиры полковника Максимовича (или Максимова).

Услыхавъ шумъ, деньщикъ выбѣжалъ въ одной рубашкѣ.

— Дома полковникъ?

— Спятъ-съ.

— Веди въ спальню!

— Сейчасъ раздую огонь.

— Веди въ спальню!!

Всѣ вошли; кн. Суворовъ сбросилъ шинель и сталъ у кровати, жандармы окружили его. Полковникъ проснулся, вскочилъ и сталъ на ноги. Окна не завѣшаны и слабаго свѣта луны было достаточно, чтобы разглядѣть громаднаго флигель-адъютанта и жандармовъ. Томительная тишина продолжалась минуты двѣ.

Когда деньщикъ принесъ свѣчу, раздался спокойный но, громкій, зычный голосъ.

— Я флигель-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ, по повелѣнію Государя Императора арестую васъ, полковникъ. Жандармъ, обнажи саблю, не отступай ни на шагъ отъ него и не дозволяй выйти изъ комнаты. (Кн. Суворовъ сдѣлалъ это на свой рискъ, но этимъ сразу привелъ къ сознанію).

— Виноватъ ваше сіятельство,—возопилъ полковникъ, бросившись на колѣни и прильнувъ къ ногамъ князя.

— Встаньте, гдѣ ваши деньги?

— Всѣ здѣсь, въ сундукѣ, ваше с-во!

— Почему вы ихъ держите при себѣ?

— Генералъ Тришатный приказалъ не медлить съ выходомъ въ отставку, вотъ я собралъ всѣ свои деньги, приторговалъ имѣніе и нашелъ себѣ невѣсту; прошеніе объ отставкѣ уже послано—говорилъ плаксивымъ голосомъ, тол-

стый пятидесятилѣтній, голый человѣкъ, едва прикрытый рубашкою.

— Опоздали! одѣвайтесь! Денщикъ, позови сюда всю прислугу полковника, кучеровъ лакеевъ, вѣстовыхъ и другихъ, а потомъ зажги всѣ лампы и свѣчи во всемъ домѣ.

Всѣ тотчасъ явились.

— Ты кто?

— Поваръ.

— Ступай, приготовь, чѣмъ накормить нашу прислугу и жандармовъ, да и намъ зажарь что нибудь.

— Ты кучеръ? Иди съ двумя жандармами и тотчасъ приведи сюда баталіоннаго адъютанта, какъ есть, хотя въ рубашкѣ. Жандармы! не дозволяйте адъютанту жечь или рвать бумагъ и разговаривать съ кѣмъ либо; привести тотчасъ.

Двумъ солдатамъ и двумъ жандармамъ князь далъ тоже приказаніе относительно казначея и старшаго доктора.

Какому то солдату и одному жандарму тоже относительно старшаго священника. Еще одного или двухъ солдатъ послалъ за всѣми офицерами баталіона.

Затѣмъ приказалъ принести два кресла, на которыхъ мы усѣлись и моментально заснули. А домъ освѣщенъ „а джіорно", трепещущій полковникъ одѣвается и жандармъ, съ саблею наголо, не сводитъ съ него глазъ.

Всѣ собрались очень скоро; четверо обвиняемыхъ вошли окруженные жандармами.

— Полковникъ во всемъ сознался, сознайтесь добровольно и вы,—сказалъ имъ Суворовъ—судъ приметъ это во вниманіе.

— Во многомъ виноваты ваше сіятельство, —тихо, скорбно сказали всѣ четверо.

Князь предъявилъ всѣмъ Высочайшее повѣленіе и инструкцію военнаго министра, назначилъ старшаго офицера исправляющимъ должность командира баталіона, другого адъютантомъ, третьяго казначеемъ, написалъ имъ коротенькій приказъ объ этомъ и получилъ отъ нихъ расписку.

Хотя два передовые жандарма приказывали заготовлять лошадей для ѣдущихъ по Высочайшему повелѣнію, однако-

же на станціяхъ, въ особенности ночью, приходилось иногда ждать довольно долго, пока запрягутъ двѣнадцать лошадей, а потому путешественники пользовались этимъ временемъ, чтобы изъ свѣдѣніи сообщенныхъ Воронцовымъ составить краткіе вопросные пункты. Во время пути они совѣщались, а во время остановокъ работали.

Все было готово, князь вынулъ изъ карамана эту записку и по ней спрашивалъ подсудимыхъ, требуя только краткихъ отвѣтовъ, преимущественно „да“ или «нѣтъ», записывалъ отвѣты, а окончивъ, прочелъ громко и приказалъ подписать. Всѣ четверо подсудимыхъ исполнили это безпрекословно.

Затѣмъ новые баталіонный командиръ и адъютантъ, а также я, какъ чиновникъ генералъ-губернатора, удстовѣрили собственноручную подпись четырехъ подсудимыхъ.

Наконецъ князь Суворовъ сдалъ новому баталіонному командиру полковника, его адъютанта, казначея и доктора, приказавъ держать ихъ подъ строгимъ карауломъ, а въ случаѣ надобности и заковать въ кандалы и получилъ въ пріемѣ ихъ расписку, подписанную новымъ командиромъ, адъютантомъ и двумя старшими офицерами. Священнику же сказалъ:

— Я вамъ не судья, а потому ступайте съ жандармомъ къ себѣ, соберите нужные вамъ вещи и сейчасъ же будете отвезены въ Харьковъ, прямо къ преосвященному.

Когда увели арестованныхъ, неутомимый кн. Суворовъ съ двумя офицерами, съ жандармами и со мною, оставивъ двухъ жандармовъ при сундукѣ и бумагахъ полковника, вышелъ и опечаталъ помѣщеніе канцеляріи и архива, въ которыхъ были также и книги священника, съ записью объ умершихъ, и запечаталъ баталіонную кассу. Вездѣ къ дверямъ и окнамъ были поставлены часовые.

Только тогда, уже около полудня, князь и его спутники сѣли за первую трапезу послѣ выѣзда изъ Харькова и отдохнули, проспавъ до поздной ночи.

Вставъ и напившись чаю, ночью же, мы отправились въ канцелярію и въ присутствіи новыхъ баталіоннаго командира, адъютанта и двухъ старшихъ офицеровъ, присту-

пили къ повѣркѣ кассы и къ разборкѣ книгъ и бумагъ, дѣлали выписки, а нѣкоторые документы и книги, они обвязывали бичевою и опечатывали печатями князя и баталіонною.

Наконецъ, въ присутствіи хозяина сундука, полковника Максимовича, его бывшаго адъютанта, новаго баталіоннаго и двухъ старшихъ офицеровъ, были сосчитаны деньги, которыхъ оказалось около полумиліона рублей и разобраны бумаги полковника, большую часть которыхъ тоже пришлось опечатать.

Охарактеризовавъ кн. А. А. Суворова, скажемъ вкратцѣ, что и въ другихъ баталіонахъ князь дѣйствовалъ съ тою же быстротою, хотя и не при одинаковыхъ условіяхъ и представимъ общій сводъ злоупотребленій во всѣхъ четырехъ баталіонахъ.

1-ое. Одни баталіонные командиры засѣвали хлѣбомъ значительное количество земли, при чемъ солдаты не только производили всѣ работы въ полѣ и на сѣнокосѣ, а также жали и молотили хлѣбъ, но иногда и *таскали на себѣ бороны, замѣняя собой лошадей*

Другіе баталіонные командиры отдавали солдатъ на частныя работы, разумѣется, оставляя плату за нихъ у себя. —Только тѣ, для которыхъ не находилось работы, кое чему обучались въ баталіонахъ, но это случалось рѣдко.

2-ое. Солдаты, занятые полевыми работами въ пользу полковника, и всѣ не сданные на работы землевладѣльцамъ. получали въ пищу хлѣбъ самаго дурнаго качества и только призракъ приварка; больные не получали улучшенной пищи и почти никакихъ лекарствъ.

3-е. Одежду и обувь должны были носить два и три срока, такъ что кромѣ одежды, сложенной въ цейхгаузъ для исключительныхъ случаевъ, на солдатахъ были одни обрывки одежды.—Солдатъ сданныхъ на работу, изъ жалости, иногда одѣвали наниматели.

4-ое. Вслѣдствіе всего этого огромное количество солдатъ умирало даже въ первый годъ по прибытіи въ баталіонъ, но почти всѣ они числились на лицо въ теченіи четырехъ лѣтъ, а что бы не было ежедневныхъ похоронъ, зимою скла-

дывали мертвыя тѣла въ груды, въ сараяхъ и хоронили потомъ въ одну яму, а лѣтомъ хоронили не на кладбищахъ, а въ оврагахъ или байракахъ и заравнивали землю.—При отправкѣ на Кавказъ показывали наличныхъ около 900 человѣкъ, а всѣхъ недостающихъ, докторъ и священникъ показывали будтобы умершими въ пути, составляли метрики, посылали рапорты и т. п.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, злоупотребленія, открытыя княземъ Суворовымъ.—Часть свѣдѣній, сообщенныхъ Воронцовымъ, не подтвердилась; предвидя это, кн. Суворовъ дѣлалъ подсудимымъ только общіе вопросы по запискѣ, приготовленной во время пути, не входя ни въ какія частности.

Въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ ниже былъ чинъ, тѣмъ менѣе былъ виноватъ, потому что солдата, поручика и выше, пошедшаго противъ теченія, спасло бы развѣ бѣгство за границу. Баталіонныхъ командировъ и генерала Добрышина, наказали очень строго, а генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Тришатный былъ лишенъ дворянства, чиновъ и орденовъ и приговоренъ къ ссылкѣ.

Почти въ тоже время, такой же участи подвергся генералъ-адъютантъ графъ Левашовъ и нѣкоторые другіе; но со вступленія на престолъ Александра II-го, правительство нашло нужнымъ, виновныхъ только удалять отъ государственной службы.

На дняхъ разбиралось слѣдующее дѣло: полковникъ Бѣлинъ и кол. совѣтникъ Фонъ-Моренширьдъ, въ теченіи чуть не десяти лѣтъ, самымъ наглымъ образомъ, насильно брали до 10 процентовъ съ денегъ, которыя слѣдовали купцамъ, поставлявшимъ въ морское вѣдомство разный товаръ на весьма значительныя суммы. Около десяти русскихъ и иностранныхъ купцовъ и артельщики подтвердили это подъ присягою, *а виновныхъ приговорили къ увольненію отъ службы*. Такимъ образомъ они, въ мундирахъ, орденахъ и съ деньгами въ карманѣ будутъ свободно пользоваться радостями жизни и искать новаго поприща для грабежа.

Почти также окончились крупныя судебныя дѣла о шосейныхъ дорогахъ въ Могилевской губерніи; о какихъ то

дамбахъ (или чтото въ этомъ родѣ) на Волгѣ, о погибели броненосца и многія другія.

Князь Суворовъ, за блистательное исполненіе командировки въ баталіонахъ былъ произведенъ въ генералы и вскорѣ назначенъ генералъ адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній, а въ 1851 году ему пожалованъ титулъ свѣтлости.

Трудно повѣрить, что исторія съ баталіонами происходила всего 50 лѣтъ тому назадъ, однакоже все сказанное здѣсь совершенно вѣрно, могутъ быть ошибки только въ часностяхъ, вслѣдствіе полустолѣтія, протекшаго съ того времени.

Спустя болѣе десяти лѣтъ, я опять видѣлся съ княземъ Суворовымъ, тогда уже петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Онъ былъ также дѣятеленъ, но занимался «толченіемъ воды». Рано утромъ онъ ѣздилъ, (иногда и со мною), въ гимнастическое заведеніе у Синяго моста, а остальное время до обѣда, проводилъ въ своей канцеляріи, на Б. Морской, какъ татарскій ханъ. Въ углахъ большаго кабинета стояли десятки разныхъ чубуковъ къ услугамъ многочисленныхъ посѣтителей, которые полулежа на турецкомъ диванѣ, пили чай, а въ это время онъ, въ разстегнутомъ сюртукѣ, безъ галстуха, разбиралъ поссорившихся или подравшихся бабъ, мастеровыхъ и т. п., мирилъ или приказывалъ уплатить долгъ или вознагражденіе за разорванную юбку или пиджакъ, непокорныхъ сажалъ въ кутузку, особый секретарь писалъ рекомендательныя письма ко всѣмъ властямъ, для всякаго кто просилъ рекомендаціи.

— Да вы знаете его?—спрашивалъ я.

Не знаю, но если не хорошъ, то пусть выгонятъ, я не буду въ претензіи, а если проситъ, то какъ отказать? (Популярность обуяла тогда всѣхъ сановниковъ въ Петербургѣ,

И такъ всю зиму.

Я пространно описалъ мои встрѣчи съ кн. Суворовымъ), какъ для выясненія его личности, такъ и для характеристики двухъ эпохъ, непосредствено слѣдовавшихъ одна за другою.

Глава 14.

Варшава. Маскарадная интрига. Графиня Ридигеръ. Кн. Горчаковъ, кн. Паскевичъ, Безакъ, Стороженко. Вредъ отъ связи Привислянской Польши съ Россiею. Польша—метрополiя, а Россiя—ея колонiя.

Въ 1847 году я былъ „командированъ въ губернiи: „Черниговскую, Минскую, Гродненскую, Виленскую, Ковенскую и въ царство Польское для розысканiя и поимки „неизвѣстнаго лица, получавшаго въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ „казначействахъ, Полтавской и Черниговской губернiй деньги по фальшивымъ указамъ, составленнымъ отъ имени казенныхъ палатъ“.

Хотя неизвѣстное лицо, оказавшееся маiоромъ Душенкевичемъ, и было поймано во время исполненiя мною этой командировки, но само собою понятно, что я могъ только вручать отношенiя губернаторамъ и разсылать городничимъ и исправникамъ циркуляры, напечатанные раньше на цѣлой стопѣ бумаги, а потому эта командировка превратилась въ громадную partie de plaisir, (увеселительная прогулка) изъ которой главные моменты и описаны здѣсь, равно какъ и характеристика нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми я встрѣчался.

У всѣхъ губернаторовъ были взрослыя дочери или племянницы и ихъ подруги и появленiе 23 лѣтняго чинов-

ника, въ мундирѣ съ густо вышитымъ воротникомъ и съ такимъ оригинальнымъ порученіемъ, вызывало у губернаторовъ недоуменіе, а у барышень и барынь хохотъ, имѣвшій естественнымъ послѣдствіемъ танцы, катанія, пѣсни и ежедневные тосты за здоровіе ловца и ловимаго.

Въ Варшаву я пріѣхалъ въ январѣ 1848 года, въ 11 часовъ вечера, остановился въ Англійской гостинницѣ, приказалъ подать бифштексъ и хотѣлъ тотчасъ лечь спать, но вмѣстѣ съ бифштексомъ лакей принесъ и афишу.

Фредерико! - крикнулъ я своему лакею—италіанцу— скорѣй приготовъ фракъ и все прочее, ѣду въ маскарадъ.

Въ обширныхъ залахъ театра находилось много самыхъ фантастическихъ и чрезвычайно изящныхъ костюмовъ, но большинство дамъ было въ домино и маскахъ, а мужчинъ во фракахъ, безъ масокъ. Спустя нѣкоторое время двѣ дамы въ домино подошли ко мнѣ и одна изъ нихъ стала говорить со мною разумѣется по французски, (въ Польшѣ всѣ прилично одѣтые люди говорятъ по французски) и интриговать меня, намекая на разные инциденты моей жизни, на мои шалости, сердечныя увлеченія и т. д.

Это продолжалось долго и любопытство мое дошло до крайняго предѣла.

Надѣясь на снятіе или хотя поднятіе маски, я предложилъ выпить шампанскаго, что было принято съ удовольствіемъ но подъ широкое кружево, бакалъ проходилъ такъ ловко, что нельзя было видѣть даже подбородка. Ни ея голосъ, ни ея прекрасные черные глаза, то нѣжные, то пламенные, ни ея бѣлоснѣжная рука, которою она держала бокалъ, никого не напоминали мнѣ.

Когда стали разъѣзжаться, я объявилъ, что непременно узнаю кто она.

— Прошу Васъ не слѣдовать за мною сегодня ночью, но даю вамъ слово завтра, около двухъ часовъ дня, когда варшавскій beau nonde гуляетъ на Краковскомъ предмѣстіи, быть тамъ, а чтобы вы меня узнали я приложу палецъ къ губамъ, вотъ, такъ, сказала она, прикладывая къ губамъ, покрытымъ кружевомъ, палецъ красивой, нѣжной правой руки. бывшей безъ перчатки.

Въ часъ слѣдующаго дня я уже былъ на гуляніи; появлялось все больше и больше нарядныхъ дамъ, пѣшкомъ и въ экипажахъ; между прочимъ шла легкою рысью пара кровныхъ англійскихъ, свѣтлорыжихъ лошадей, съ подстриженными хвостами и гривами, запряженныхъ въ изящную коляску. Обѣ сидѣвшія въ ней дамы смотрѣли на гуляющихъ

Я узналъ въ той, которая была ближе къ тротуару 26—27 лѣтнюю графиню Ридигеръ, съ которою познакомился въ прошломъ году въ Кіевѣ; знакомство продолжалось не долго, такъ какъ ея мужъ, корпусный командиръ, былъ тогда же куда то переведенъ и они уѣхали въ Петербургъ; но лицо ея я хорошо помнилъ, потому что молодежъ и нѣкоторыя дамы провожали ихъ, т. е. её и устроили на первой станціи отъ Кіева празднество съ музыкою, танцами, ужиномъ и жженкою, продолжавшимися почти всю ночь, къ великой досадѣ старика генерала, ея мужа.

Я поклонился, но дама только удивленно посмотрѣла на меня.

Спустя четверть часа, та же пара лошадей шла шагомъ вдоль тротуара, а дамы пѣшкомъ.

Я остановился и опять поклонился. Дама выразивъ еще большее удивленіе, замедлила шагъ. Я подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы не узнаете меня, а между тѣмъ годъ тому назадъ, въ Кіевѣ, на почтовой станціи, вы дали мнѣ на память розу, снятую прямо съ вашего корсажа и сказали: „я не забуду васъ до тѣхъ поръ, пока будетъ у васъ эта роза“, а она свято хранится у меня.

— Простите пожалуйста,—сказала она, сердечно пожимая мою руку,—но послѣ Кіева, я сдѣлала такъ много новыхъ знакомствъ, что у меня все перепуталось въ головѣ, да при томъ, въ Кіевъ вы пріѣзжали, кажется изъ дальняго востока, изъ края казаковъ, и я никакъ не ожидала встрѣтить васъ на крайнемъ западѣ. Вы гуляете, а потому пойдемъ вмѣстѣ.

Начались обоюдные разспросы, между прочимъ о томъ, давно ли я въ Варшавѣ и дошла рѣчь до приключенія на вчерашнемъ маскарадѣ.

— Это очень интересно,— сказала графиня,—будемъ всѣ наблюдать. Смотри и ты, обратилась она къ сопровождавшей ее молчаливой дамѣ, (баронеса Фредериксъ, ея двоюродная сестра),—Не такой ли знакъ обѣщала она сдѣлать,— спросила графиня, прикладывая палецъ къ лицу.

— Нѣтъ, не такъ, она обѣщала приложить палецъ къ самымъ губамъ,—сказалъ я.

— Значитъ вотъ такъ?

И началось строгое наблюденіе за всѣми гуляющими— но, увы, напрасно.

Солнце скрылось за облакомъ, стало какъ будто холоднѣе. Она сняла перчатку съ правой руки, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу своей мѣховой мантиліи.

А незнакомка не появлялась.

— Нѣтъ, или она васъ обманула, или обѣщала сдѣлать не такой знакъ—сказала графиня прикладывая къ губамъ палецъ руки безъ перчатки.

— Да это вы! воскрикнулъ я, схватывая обѣими руками ея руку и цѣлуя её.

Фи донкъ! En pleine rue, (на улицѣ), скромно опустивъ глаза,—сказала она, пряча руку въ муфту;—но мой мужъ будетъ очень радъ, возобновить знакомство съ вами, а потому пріѣзжайте сегодня обѣдать къ намъ, въ шесть часовъ; постороннихъ не будетъ,—закончила она, садясь въ коляску,

Кивокъ головы, обворожительная улыбка, молнія изъ черныхъ глазъ, и все исчезло въ снѣжной пыли, поднятой лошадьми.

Мы описали эту маскарадную интригу для характеристики графини Ридигеръ. Она, нѣмка по рожденію, не различала національностей, а такъ какъ знатные молодые поляки были вкрадчивѣе русскихъ чиновниковъ и офицеровъ, то она окружила себя поляками, а польская аристократія воспользовалась этимъ, чтобы, при ея посредничествѣ, осуществлять свои тенденціи. Какъ женщина выдающяся по уму, образованію, положенію мужа, да и по красотѣ, притомъ веселая и подвижная, она имѣла сильное вліяніе на дѣла, а адъютантъ графа, полякъ полковникъ Трембовскій, былъ правою рукою графини.

Я привезъ письма къ двумъ сестрамъ, урожденнымъ Нечаевы, изъ Полтавской губерніи, старшая была за мужемъ за министромъ внутреннихъ дѣлъ Стороженкомъ.—Не красивая, она плохо одѣвалась, держала всегда въ карманѣ мѣлъ и секретно грызла его; угощала гостей плохими обѣдами и непремѣнно требовала, чтобы послѣ обѣда играли съ ней въ преферансъ, за которымъ она волновалась, съ досады невѣрно записывала и уже явно грызла мѣлъ. Самъ Стороженко былъ человѣкъ угрюмый, не общительный, но въ минуты откровенія удивлялся зачѣмъ здѣсь русскій министръ внутреннихъ дѣлъ, у котораго нѣтъ, да и не должно быть никакого дѣла.

Младшая ея сестра, жена начальника артилеріи Александра Павловича Безака (потомъ оренбургскій, а за тѣмъ кіевскій генералъ губернаторъ), была женщина прекрасно образованная и воспитанная, красавица, не держащая подъ спудомъ своей красоты, привѣтливая и веселая; она постоянно устраивала благотворительныя и другія увеселенія и до упаду танцовала на нихъ.

Она устраивала вечера и у себя, хотя залъ былъ не великъ, въ ихъ красивомъ домѣ, entre cour et jardin, въ концѣ Краковскаго предмѣстья. Самъ Безакъ былъ человѣкъ свѣтскій, общительный и хотя, разумѣется, дипломатъ, однакоже, когда бывали его сверстники, то онъ не скрывалъ своего разногласія съ правительствомъ относительно внутренней политики въ царствѣ Польскомъ.

Кругъ моихъ знакомыхъ быстро расширялся, такъ что едва только недѣли чрезъ двѣ по пріѣздѣ, въ исполненіе даннаго мнѣ порученія, я нашелъ время представиться генералъ-губернатору князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову, жившему въ Брюловскомъ палацѣ (дворцѣ). Пріемная была маленькая комната, въ одно окно; въ ней находился жесткій диванъ, а передъ нимъ столъ и два старинныя кресла съ деревянными спинками, (Это въ великолѣпномъ замкѣ или дворцѣ и въ изящной Варшавѣ).

Входитъ или, вѣрнѣе, вбѣгаетъ генералъ безъ эполетъ, очень высокій, очень худой и съ очень длинною шеею, на которой посажена совершенно круглая, коротко остриженная

ная, маленькая голова; онъ скороговоркою распрашиваетъ въ чемъ дѣло, слушая, быстро ходитъ по комнатѣ, наконецъ садится на ручку кресла, которое валится вмѣстѣ съ нимъ; его поднимаетъ съ пола адъютантъ при моей помощи, онъ опять распрашиваетъ.

— Хорошо, я сдѣлаю всѣ нужныя распоряженія; а вы долго пробудете въ Варшавѣ?

— Вѣроятно до конца зимы, у меня нашлось здѣсь много знакомыхъ.

— Ваши малоросы?

Я назвалъ нѣсколько семействъ.

— Такъ познакомтесь и съ моею женою.

Сказавъ адъютанту—чтобы онъ провелъ меня книгинѣ,— будущій неудачный главнокамандующій въ Крыму, а затѣмъ, также неудачный, намѣстникъ Царства Польскаго; исчезъ за дверью; при немъ поляки приготовлялись къ возстанію, 1863 года, Польша раздѣлилась на революціонные округа, а жители на правильно организованные кружки и т. д.

Княгиня, совершенная противуположность мужу, она была спокойнаго, серьезнаго характера, всегда скромно одѣтая, очень образованная и знакомая съ серьезною европейскою и русскою литературою. Ихъ дочь, такая же симпатичная, какъ и мать, выходила тогда за мужъ за Панкратьева и мнѣ пришлось бывать на балахъ и обѣдахъ у нихъ и у ихъ знакомыхъ.

Когда я былъ у намѣстника Царства Польскаго, князя Паскевича, генераль-фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, графа Эриванскаго, меня поразилъ входъ къ нему. Извозчикъ подвезъ къ боковому подъѣзду, я поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ комнмту, перегороженною простою, старою ширмою, изъ за которой вышелъ денщикъ; у него на рукѣ былъ надѣтъ сапогъ, а въ другой рукѣ онъ держалъ сапожную щетку.

— Вѣроятно я подъѣхалъ не къ тому крыльцу? мнѣ надо представиться князю,—сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ, въ простые дни, всѣ господа входятъ чрезъ этотъ подъѣздъ, дайте шинель и пожалуйте въ пріемную. (Тоже патріархальность, неумѣстная у представителя

великаго государства). Пройдя изъ передней еще чрезъ одну невзрачную комнату, я очутился въ великолѣпныхъ залахъ съ фресками и золочеными карнизами. На раутъ я вошелъ уже съ параднаго, королевскаго, подъѣзда.

Кн. Паскевичъ былъ угрюмый старикъ, безъ опредѣленной политической програмы, которой не было и въ Петербургѣ.

Я познакомился съ поляками у графини Ридигеръ и бывалъ у нихъ на балахъ и пикникахъ. Графъ Ожаровскій, предсѣдатель варшавскаго благотворительнаго общества, игравшаго видную роль во время революціи, лично ознакомилъ меня со всѣми учрежденіями, и я былъ единогласно избранъ членомъ общества, 14 марта 1848 года.

У графовъ Августа и Франциска Потоцкихъ и у другихъ бывали настоящіе, пышные, торжественные балы, обставленные всей европейской роскошью, между тѣмъ какъ въ русскихъ домахъ устраивались хотя и многолюдныя собранія, но скорѣе вечеринки, нежели балы. Бросалась въ глаза разница между древними, осѣдлыми жителями страны и пришлыми случайными, хотя и высокопоставленными, богатыми чиновниками.

Смуты, возникшія въ польшѣ, а оттуда перешедшія и въ западную Россію, въ томъ же 1848 году, и повторявшіяся потомъ почти вплоть до 1863 года, оправдали пессимизмъ Стороженки, Безака, Ушакова и многихъ другихъ русскихъ въ Варшавѣ.

По ихъ мнѣнію девять западныхъ губерній составляли исконную Россію; тамъ, какъ подъ владычествомъ Польши, такъ и теперь, $^{9}/_{10}$ жителей говорятъ по русски и исповѣдуютъ православную вѣру; а потому и остальная $^{1}/_{10}$ часть жителей должна стать русскою. Но въ Привислянскихъ губерніяхъ, во 1-хъ всѣ жители до единаго поляки по происхожденію, во 2-хъ, всѣ они говорятъ исключительно на польскомъ языкѣ и исповѣдуютъ римско-католическую вѣру, въ 3-хъ, они значительно культурнѣе русскихъ, и въ 4-хъ, они проживаютъ бокъ о бокъ съ своими одноплеменниками, познанскими и галицiйскими поляками и продолжаютъ жить одною съ ними духовною жизнью—у нихъ одинъ языкъ,

одна литература и одна религія, а потому они никогда не сольются съ русскими.

Очевидно, что все, что дѣлается для „сліянія", а тѣмъ болѣе для „обрусенія" Царства Польскаго, безполезно и напрасно усугубляетъ вражду поляковъ въ Россіи, и безъ того исконныхъ ея враговъ. Такъ говорили въ 1848 году.

Теперь спустя полъ столѣтія, уже всѣ тѣ, кто изучаетъ положеніе дѣлъ въ Россіи, убѣдились, что это сліяніе гибельно для Россіи, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ политическомъ отношеніи сліяніе гибельно потому, что всѣ мечты и вожделенія жителей Царства Польскаго одновременно являются у поляковъ западныхъ губерній, и хотя они составляютъ здѣсь всего $^{1}/_{100}$ часть населенія, однако же весь край приходитъ въ волненіе и уже много крови пролилось тамъ изъ за этого. (См. гл. 6 предсказаніе кн. Долгорукова въ 1846 году).

Чтоже касается вреда въ экономическомъ отношеніи, то въ первой половинѣ минувшаго столѣтія у Россіи было все свое; только очень богатые люди покупали заграничныя, въ томъ числѣ и польскія, издѣлія; съ уничтоженіемъ же границы и таможни между Россіею и Польшею, всѣ производства исчезаютъ въ Россіи; изъ бумажныхъ тканей теперь выдѣлываютъ въ Россіи только дешевые ситцы, а изъ шерстяныхъ, почти только валенки и войлоки, даже солдатъ одѣваютъ преимущественно въ польскія сукна. На всемъ пространствѣ Россіи отъ Гродна до Самарканда и Владивостока, вездѣ польскія издѣлія, даже желѣзныя, привозятъ на Уралъ. А русскіе заводы и фабрики исчезаютъ весьма быстро.

Все это подтвердятъ гг. податные инспектора и интендантство.

Въ тоже время въ Царствѣ Польскомъ производительность фабрикъ въ 20 лѣтъ, съ 18 повысилась до 90 миліоновъ рублей, число же рабочихъ увеличилось въ 25 разъ и всѣ выдѣланные товары идутъ исключительно въ Россію.

Является вопросъ: *кто метрополія, а кто колонія*, долженствующая приносить ей пользу.

Отвѣтъ даютъ вышеприведенныя цифры и многія другія.

Польша—это метрополія, въ родѣ Англіи, Франціи, а ея колонія—Россія, въ родѣ Индіи, Трансваля, Алжира.

Не намъ, землепашцамъ, указывать министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, какъ защитить русскую промышленность, что надо сдѣлать, чтобъ она развивалась, а не исчезла окончательно; но необходимо защитить ее.

Этого требуетъ „внутренная національная политика“, которую мы тщательно изучаемъ въ другихъ государствахъ, а у себя, не всегда обращаемъ на нее вниманіе.

Глава 15.

Листъ, извѣстный композиторъ и піанистъ. Удалые молодые люди половины XIX столѣтія.

Въ 1847 году, я провелъ въ Кіевѣ, часть зимы вмѣстѣ съ Листомъ. Знакомство наше началось слѣдующимъ образомъ.

Графъ (въ послѣдствіи князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, генералъ-губернаторъ Южнаго края, былъ знакомъ съ Листомъ заграницею и пригласилъ его въ Одессу; Листъ остановился въ Hotel de Rome, гдѣ жилъ и я, пріѣхавъ изъ Харькова, въ то время еще студентомъ; мы познакомились, онъ представилъ меня графу, а затѣмъ, въ большомъ обществѣ дамъ и мужчинъ, по приглашенію графа, всѣ отправились въ Крымъ, въ чудную Алупку, въ которой графъ только что окончилъ постройку великолѣпнаго дворца, въ чисто мавританскомъ стилѣ, какъ снаружи, такъ и внутри.—Огромную мраморную лѣстницу—терасу охраняли шесть громадныхъ мраморныхъ львовъ, вѣковой лѣсъ былъ превращенъ въ паркъ; гондолы у пристани, а верховыя и упряжныя лошади въ конюшнѣ ждали желающихъ кататься, а музыка играла и за обѣдомъ, и для танцевъ, и хотя весь день.

Листъ такъ сошелся съ молодыми людьми, что обѣщалъ

переписываться съ нѣкоторыми изъ нихъ и отчасти исполнилъ это.

Спустя пять лѣтъ Листъ извѣстилъ меня, что въ началѣ января 1847 года пріѣдетъ концертировать въ Кіевъ, а потому я испросилъ себѣ у харьковскаго генералъ-губернатора, при которомъ состоялъ, командировку въ Кіевъ и мнѣ были даны разныя порученія въ Полтавскую и Черниговскую губерніи, а также къ кіевскому генералъ-губернатору, о чемъ было сказано въ Гл. 15.—Я извѣстилъ Листа, что въ январѣ буду въ Кіевѣ.

Тамъ, съ Крещенія, начиналась знаменитая тогда ярмарка, называемая „Контрактовою", потому что заключались всѣ контракты и договоры о запродажѣ и арендѣ имѣній, о запродажѣ сельскихъ продуктовъ, а также сахара, вина и т. п., закупалось чуть не на весь годъ то, что нужно для домашняго обихода, а дамы снабжали себя туалетами по послѣдней парижской модѣ.

На Рождество и на Контракты, въ Кіевъ съѣзжалось все именитое польское дворянство трехъ юго-западныхъ губерніи, а русское изъ Черниговской и отчасти изъ Полтавской губерніи. Безостановочно чередовались балы, маскарады, обѣды, пикники съ катаніемъ за Днѣпръ и концерты, и все это продолжалось до начала разлива рѣкъ, когда возвращеніе домой было уже невозможно. Всѣ семейные пріѣзжали на своихъ лошадяхъ въ каретахъ, поставленныхъ на полозья, но везли съ собою и колеса, нужныя какъ въ Кіевѣ, такъ и на обратномъ пути. Теперь, при желѣзныхъ дорогахъ и экипажныхъ безъ лошадей смѣшно даже вспомнить объ этомъ; а между тѣмъ какъ хорошо жилось тогда!

По пріѣздѣ въ Кіевъ, исполняя возложенное на меня порученіе, я сейчасъ же явился генералъ-губернатору Дмитрію Гавриловичу Бибикову, который пригласилъ меня къ обѣду въ тотъ же день; здѣсь я познакомился съ его штатомъ и очень скоро со всѣмъ обществомъ.

Въ Кіевѣ я получилъ эстафету, которою Листъ извѣщалъ меня, что пріѣдетъ чрезъ три-четыре дня, а потому я взялъ въ гостинницѣ еще два номера, рядомъ съ своимъ, и перенесъ туда концертный, заграничный рояль, который

любезно предложилъ мнѣ хорошій музыкантъ, камеръ юнкеръ Селецкій, состоявшій при генералъ-губернаторѣ (потомъ кіевскій губернаторъ).

Узнавъ о пріѣздѣ Листа, дамы и мужчины взволновались. Всѣ получали тогда иностранныя газеты и всѣ знали о немъ, а многіе слышали его заграницею. Но они волновались, ожидая Листа не только какъ артиста, но и какъ бывшаго ярого Сенъ-Симониста (нынѣшніе соціалисты), а дамы—какъ поэтическаго любовника графини Д' Агу, которую онъ похитилъ въ Парижѣ, и долго скрывался съ нею въ долинахъ и ущеліяхъ Швейцаріи, о чемъ сочинялись фантастическія легенды.

Дамы требовали, чтобы Листъ тотчасъ по пріѣздѣ познакомился съ ними, что онъ и исполнилъ; между прочимъ онъ поѣхалъ къ княгинѣ Каролинѣ Витгенштейнъ, урожденной Ивановской, которая обладала всѣми прелестями ума, души и тѣла, хотя лицо ея не имѣло античной, классической правильности; но вѣдь и Венера Милосская скорѣе хорошенькая, нежели красавица.

Этотъ первый визитъ продлился дольше, нежели требовалъ этикетъ; на слѣдующій день Листъ говорилъ только о ней, а на третій день поѣхалъ къ ней и ихъ судьба была рѣшена на всю жизнь; сначала Листъ жилъ въ Кіевѣ только для нея, а потомъ увезъ ее (или она увезла его) заграницу, гдѣ они уже не разлучались.

Въ вихрѣ удовольствій, и въ особенность послѣ знакомства его съ княгинею Витгенштейнъ, Листъ не торопился съ концертами; первый былъ назначенъ только приблизительно чрезъ мѣсяцъ, а второй и третій съ промежуткомъ по три дня.

На первый концертъ собралось около 600 человѣкъ, съ платою по полуимперіалу (5 р.) за входъ. Послѣ каждаго изъ двухъ первыхъ отдѣленій оваціямъ не было конца.

Когда Листъ началъ третье отдѣленіе, то, спустя минутъ пять остановился на полутактѣ и задумался.

Стали кричать, что ему дурно, требовать воды. Но онъ головою и рукою сдѣлалъ отрицательный знакъ, всталъ блѣдный, съ поникшею головою и сказалъ:

— Pardon, je ne me rappelle pas ce qui suit, je jouerai autre chose (Простите, дальше я забылъ, но сыграю что либо другое).

Послышались свистки, нѣкоторые встали и вышли изъ залы, гордое дворянство обидѣлось за это невниманіе.

Еще раньше Листъ пригласилъ человѣкъ пятнадцать, преимущественно изъ молодежи, ужинать къ себѣ послѣ концерта. Во время ужина Листъ былъ въ угнетенномъ состояніи, несмотря на всѣ усилія убѣдить его, что это пустая случайность ,что никто не обидѣлся; ни шутки, ни тосты не вызвали улыбки на его лицѣ.

Послѣ ужина, онъ приказалъ поставить рядомъ два ломберныхъ стола и принести карты, пошелъ въ сосѣднюю комнату, принесъ полныя пригоршни полуимперіаловъ, высыпалъ ихъ на столъ, сѣлъ въ концѣ его и пригласилъ желающихъ принять участіе въ банкѣ.

Спустя часъ золотая гора исчезла, Листъ позвалъ своего неотступнаго, пожилаго спутника, вѣрнѣе дядьку, Беллини (родственникъ творца „Пуритане"), и потребовалъ денегъ; тотъ принесъ еще пригоршню золотыхъ и бумажекъ и высыпалъ на столъ. Гости просили прекратить игру, но Листъ настаивалъ.

Всѣ играли уже вяло, нехотя, куши были ничтожные, уже не гнули картъ; нѣкоторые стали то играть на рояли, то пѣть, но Листъ просилъ оставить это; нѣкоторые хотѣли уѣхать, но онъ велѣлъ спрятать шубы, все это съ чрезвычайною мягкостью, деликатностью и грустью; а потому, видя его удручное состояніе, всѣ подчинялись ему.

Исчезла и вторая гора золота, онъ позвалъ Беллини и приказалъ принести еще, но тотъ заявилъ, что осталось только для уплаты за ужинъ и въ гостинницу (Листъ не зналъ, какой былъ сборъ, онъ вполнѣ вѣрилъ Беллини).

Листъ бросилъ карты, всталъ, откинулъ назадъ длинные волосы и вдругъ просіялъ.

— Слава Богу, что исчезли эти проклятыя деньги, такъ не заслуженно взятыя съ публики,—сказалъ онъ весело.—Теперь, господа, выпьемъ жженки, а пока ее притотовятъ, я вамъ сыграю то, что забылъ во время кон-

церта.—Онъ сѣлъ за рояль и долго, долго лились чудныя звуки. Разъѣхались мы на разсвѣтѣ.

Беллини потомъ говорилъ мнѣ, что осталось еще больше двухсотъ полуимперіаловъ и что въ запасѣ есть и привезенныя деньги, и прибавилъ, что ему уже не первый разъ приходится такимъ образомъ обманывать Листа; „вѣдь онъ какъ ребенокъ", закончилъ старикъ.

Больше всѣхъ выигралъ у Листа Коцюжинскій, сынъ богатаго польскаго помѣщика, красавецъ, пѣвецъ, музыкантъ, танцоръ, дуэлистъ, лихой наѣздникъ и кутила. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ лучшаго соціальнаго положенія, какъ быть студентомъ университета, а потому, надѣвъ студенческій мундиръ, треуголку и шпагу, не снималъ ихъ очень долго, пока, какъ говорили, не спустилъ значительной части состоянія. И дѣйствительно это былъ милѣйшій и увлекательнѣйшій собесѣдникъ, собутыльникъ, и покоритель женскихъ сердецъ.

Мнѣ припоминается одинъ случай изъ жизни этого Коцюжинскаго.

Въ Кіевъ, въ описываемое мною время, пріѣхалъ плюгавенькій, плохо воспитанный и вѣчно полупьяный молодой человѣкъ, котораго звали Александръ Березовскій. Его, разумѣется, нигдѣ не принимали; но какъ человѣкъ богатый и имѣвшій на родинѣ знатныхъ родственниковъ, онъ втирался кое куда; барышни отказывали ему въ танцахъ, и тутъ же шли съ Коцюжинскимъ и другими; молодежь не охотно терпѣла его въ своемъ кругу, тѣмъ болѣе, что, будучи пьянъ, онъ постоянно затѣвалъ скандалы.

Однажды человѣкъ 20 молодежи собралось, чтобъ ѣхать на пикникъ. Какъ разъ въ то время когда Коцюжинскій предлагалъ устроить какой то сюрпризъ для дамъ и всѣ его окружили, подскочилъ Березовскій и ударилъ его по лицу.

Коцюжинскій, съ презреніемъ посмотрѣлъ на него, надѣлъ фуражку и уѣхалъ, не сказавъ ни слова.

Всѣ сначала оцѣпенѣли, затѣмъ хотѣли набросится на Березовскаго, но онъ уже улизнулъ чернымъ ходомъ. Такъ какъ однако лошади стояли у подъѣзда, а дамы у себя ждали кавалеровъ, то было рѣшено отложить дѣло до завтра и всѣ разъѣхались; остались только Гудимъ-Левковичъ, графъ

Михаилъ Тышкевичъ (товарищъ мой по гимназіи), Листъ и я; мы должны были ѣхать прямо за Днѣпръ безъ дамъ.

Разумѣется, что мы были крайне взволнованы; Листъ былъ блѣдный, недоумѣвалъ и мы рѣшили ѣхать къ Коцюжинскому, чтобы предложить ему свои услуги, зная что это дѣло можетъ имѣть только одинъ исходъ, т. е. дуэль.

Коцюжинскій спокойно лежалъ на диванѣ и читалъ французскій романъ, а на наше предложеніе посредничества сказалъ:

— Они,—онъ указалъ на Тышкевича и Гудимъ-Левковича знаютъ, что я не даю промаха попадаю туда, куда хочу; но такъ какъ вы двое не знаете этого, то вотъ два пистолета и прошу васъ зарядить ихъ.

Затѣмъ, онъ открылъ настежъ двери изъ залы въ гостинную и дальше въ спальню, послюнилъ кусочекъ бумажки, величиною въ серебрянный рубль и приложилъ его къ обоямъ, въ спальни, послѣ чего изъ залы, почти не цѣлясь, всадилъ въ бумажку обѣ пули.

— Вы видите, что разстояніе гораздо больше, нежели бываетъ на дуэли, а потому мнѣ ничего не стоитъ попасть Березовскому прямо въ сердце; но вѣдь онъ былъ пьянъ, т. е. не вмѣняемъ, и я бы никогда не простилъ себѣ смерти или даже увѣчья невиннаго человѣка; но такъ какъ послѣ этого, Березовскій не долженъ быть терпимъ въ порядочномъ обществѣ, то его надо удалить такъ, чтобы онъ больше сюда не возвращался. Я уже послалъ въ казначейство за подорожною на имя моего лихаго кучера; вы господа, пріѣзжайте ко мнѣ завтра, въ 9 часовъ утра, съ вашими лакеями и мы всѣ вмѣстѣ отправимся къ Березовскому. Наши лакеи разложатъ на полу коверъ, положатъ на него Берозовскаго и будутъ держать его, а я дамъ ему 25 легкихъ ударовъ розгами; затѣмъ мы его посадимъ въ кибитку и съ моими двумя людьми отправимъ его въ деревню, къ его матери, а когда мои люди возвратятся, тогда отправимъ его лакея съ вещами. (До имѣнія Березовскаго было около 400 верстъ).

— Вы понимаете,—продолжалъ Коцюжинскій, что послѣ этого, онъ очень долго, а можетъ быть и всю жизнь, будетъ избѣгать общества; и отлично, пусть помогаетъ въ хозяйствѣ

своей матери—вдовѣ и поправляетъ свои разстроенныя дѣла.

Все это было исполнено буквально. Лакей Листа, нѣмецъ Вильгельмъ, принималъ живое участіе въ экзекуціи; мой-же лакей, италіанецъ изъ Венеціи, Фредерико, вознегодовалъ и убѣжалъ, въ немъ заговорила старинная республиканская кровь.—Разумѣется, что Коцюжинскій не причинилъ боли Березовскому,—это было только лишеніе дворянской чести.

Листъ былъ въ оцепѣненіи; ему казалось, что это сонъ. Спустя 20 лѣтъ, въ Веймарѣ, Листъ говорилъ мнѣ, что онъ постоянно всѣмъ разсказываетъ объ этомъ; онъ и тогда еще повторялъ: „c'était phénomenal, c' était grandiose, colossale!!"

Коцюжинскій, по складу своего ума, по воспитанію и отчасти, даже по наружности, былъ положительно близнецомъ когда-то знаменитаго князя Льва (Léon, какъ его всѣ называли) Гагарина, который изъ за пустого пари, въ шесть недѣль разстроилъ влюбленную пару и женился на невѣстѣ своего бывшаго друга. Онъ, какъ ремонтеръ, каждую зиму пріѣзжалъ въ Харьковъ на Крещенскую ярмарку. Въ то время биліардъ былъ, хотя въ миніатюрѣ, почти тѣмъ же, что теперь „тотошка" и не имѣя ни малѣйшаго понятія о биліардѣ, я выигралъ въ одинъ часъ тысячу рублей, держа за Гагарина, противъ петербургскаго игрока, который раньше уже успѣлъ очистить многіе карманы въ эту зиму.

На ярмаркѣ, въ Харьковѣ, богатый барышникъ продалъ ремонтеру, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ лошадей, пѣгую лошадь, выкрашенную въ эту масть. Гагаринъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ солдатамъ, какъ своимъ, такъ и бывшимъ при другихъ ремонтерахъ, сѣсть на своихъ лошадей, взять по двѣ лошади барышника и отвезсти ихъ въ деревню за 20 верстъ, запретивъ барышнику возвращаться на ярмарку. Сначала купецъ просилъ защиты у товарищей, но всѣ только смѣялись надъ нимъ, а между тѣмъ лошади были уже уведены и обширныя конюшни барышника заняты ремонтерскими лошадьми, разумѣется съ уплатою впередъ денегъ хозяину дома.

Все обошлось благополучно для всѣхъ, кромѣ барыш-

ника, который не возвратился на ярмарку съ своими 80 или болѣе лошадьми.

Объ этомъ вскорѣ узнала вся русская кавалерія и всѣ барышники, въ назиданіе себѣ.

Я описываю здѣсь только то, что происходило въ моемъ присутствіи, но о Léon Гагаринѣ есть много легендъ.

Разскажу еще про одного сорви-голову, моего товарища.

Проказникъ и шалунъ Иванъ Абрамовичъ Шаховъ, кое какъ окончивъ университетъ, поступилъ въ кирасиры и, по закону, долженъ бы быть произведенъ въ офицеры; но постоянныя жалобы на него такъ надоѣли дивизіонному генералу Пилеру-Фонъ-Пильхау, а чрезъ него и корпусному командиру генералу Офенбергу, что Шаховъ былъ не только вычеркнутъ изъ списка лицъ, подлежавшихъ представленію Государю къ производству въ офицеры, но даже посаженъ на гауптвахту, подъ строгій караулъ, на все время пребыванія Государя въ Чугуевѣ.

Здѣсь былъ огромный плацъ-парадъ, окруженный двумя рядами деревьевъ и двумя рядами высокой изгороди. На этомъ плацу Государь ежегодно дѣлалъ смотръ юнкерамъ всѣхъ оружій, собраннымъ изъ всѣхъ южныхъ военныхъ поселеній и поздравлялъ ихъ офицерами. (Чугуевъ въ 30 верстахъ отъ Харькова).

Когда Государь былъ на плацу, Шаховъ, на виду у часовыхъ, выбѣжалъ изъ гауптвахты, вскочилъ на ожидавшаго его кровнаго арабскаго воронаго жеребца, на скаку пристегнулъ поданную ему саблю, какъ птица перелетѣлъ чрезъ двѣ высокія изгороди и чрезъ часть плаца и сталъ въ ряды. „Молодецъ, молодецъ!“ громко сказалъ Государь и этимъ зажалъ ротъ двумъ взбѣшеннымъ нѣмцамъ.

Когда юнкера шагомъ, по одному, проѣзжали мимо Государя, его зоркій глазъ сейчасъ узналъ арабскаго жеребца. „Молодецъ, поздравляю офицеромъ, но впередъ не опаздывай“, сказалъ Государь.

Находясь въ свитѣ генералъ-губернатора, я видѣлъ все это; добрые нѣмцы простили Шахову его проказы и въ

тотъ же день я пировалъ съ своимъ университетскимъ товарищемъ, который былъ въ полной офицерской формѣ.

Всѣ эти Коцюжинскіе, Гагарины, Шаховы и подобные имъ, ихъ современники, это послѣдніе Могикане старинной, удалой, дворянской молодежи, есть и теперь шалуны, но они мельче, сѣрѣе и, къ сожалѣнію, большею частью грязноваты.

Однако возвратимся къ Листу.

Послѣ перваго концерта Листъ сердился долго на себя. Его бѣсило, что онъ, который давалъ концерты въ столицахъ Европы еще восьми лѣтнимъ ребенкомъ, онъ, который тринадцати лѣтъ, сочинилъ оперу „Донъ-Санхо", съ большимъ успѣхомъ шедшую въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, онъ, знающій наизустъ весь фортепьянный репертуаръ, вдругъ забылъ пьесу, которую собственноручно помѣстилъ въ афишѣ!!

Но безсонная ночь, проспанный день, а потомъ усиленное подготовленіе къ слѣдующему концерту не дали ему времени вдуматься въ серьезность этого дѣла. За то второй концертъ произвелъ въ немъ совершенный переворотъ.

Громадный залъ былъ пустъ, собралось всего человѣкъ сто случайныхъ слушателей и друзей; многіе, взявшіе билеты на всѣ три концерта, возвратили ихъ.—Это случилось въ первый разъ за всю его 26 лѣтнюю артистическую практику.

Листъ былъ уничтоженъ; со слезами на глазахъ онъ объявилъ своимъ друзьямъ, *что это послѣдній концертъ въ его жизни*.

И онъ сдержалъ слово, онъ отмѣнилъ третій концертъ, и съ этого, 1847 года *Листъ уже никогда не давалъ концертовъ*, хотя прожилъ еще ровно 40 лѣтъ. Онъ игралъ публично только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ.

Если залъ былъ пустой во время втораго концерта Листа, то случилось это не только потому, что Листъ забылъ пьесу, которую долженъ былъ сыграть. Я думаю, что если бы онъ далъ первый концертъ тотчасъ же по пріѣздѣ, то желаніе ближе узнать знаменитаго виртуоза, заставило бы всѣхъ простить ему его небрежность; но послѣ того, что онъ въ теченіи мѣсяца съ утра до поздней ночи находился

среди людей, самыхъ различныхъ сферъ и класовъ общества, гдѣ его просто разрывали на части, любопытство большинства было удовлетворено; а предпочтенiе, оказанное имъ одной дамѣ, вооружило противъ него остальныхъ дамъ.

Все это очень естественно. Однако же Листъ не хотѣлъ принять этого въ соображенiе; онъ казнилъ самаго себя *и выдержалъ свое покаянiе до конца жизни.* Послѣ случившагося, онъ бы сейчасъ уѣхалъ, но уже не могъ разстаться съ княгинею Витгенштейнъ.—Онъ переѣхалъ на квартиру къ Селецкому, отказался отъ общества и проводилъ время въ маленькомъ кружкѣ своихъ друзей или у своей возлюбленной, съ которою вскорѣ и уѣхалъ.

Спустя 20 лѣтъ, въ 1868 году, я еще разъ видѣлся съ Листомъ, въ Веймарѣ, гдѣ въ 1902 году, поставленъ ему великолѣпный памятникъ.

Листъ прiѣхалъ уже монахомъ изъ Рима въ Веймаръ, чтобы дирижировать общенѣмецкимъ съѣздомъ пѣвцовъ или музыкантовъ; я же прiѣхалъ для свиданiя съ нимъ изъ водолечебнаго заведенiя; но, не желая перерывать леченiя, не остался на предстоящихъ празднествахъ здѣсь и, кажется, въ Вартбургѣ, я провелъ съ нимъ только одинъ день.

Листъ уже давно готовился къ смерти, вслѣдствiе чего и поступилъ въ монахи; а потому, встрѣтивъ человѣка, котораго зналъ въ блестящую эпоху своей юности и который былъ свидѣтелемъ какъ переворота, давшаго новое направленiе его дѣятельности и его мiровозрѣнiю на жизнь, такъ и его встрѣчи съ княгинею Витгенштейнъ, дружба съ которой продолжалось всю жизнь, онъ излилъ передъ нимъ свою душу, разобралъ всю свою дѣятельность и каялся въ своихъ прегрѣшенiяхъ. Рѣдко бываютъ столь задушевныя бесѣды.

Вѣроятно всѣ артисты, а можетъ быть и нѣкоторыя любители, знаютъ, что во второй половинѣ своей жизни, Листъ не давалъ концертовъ; но извѣстна ли имъ причина этого стран наго явленiя? А между тѣмъ, съ одной стороны —это поучительно для артистовъ, съ другой— это интересно съ точки зрѣнiя психологической.

Когда могущественный Король V спасся бѣгст-

вомъ изъ Инсбурга и потерялъ три города, (Мецъ, Туль, и Вердюнъ), то хотя не былъ побѣжденъ и у него оставалось чуть не половина Европы,—однакоже отказался отъ престола и поселился въ монастырь; когда союзныя войска вошли въ Парижъ, то Наполеонъ I, еще далеко не побѣжденный, отказался отъ престола, точно также, когда Листъ въ Кіевѣ, потерпѣлъ фіаско,—то отказался отъ концертовъ, дававшихъ ему значительный доходъ. Психическое состояніе всѣхъ ихъ одинаковое, и только богатыри способны на такой подвигъ.

Глава 16.

Мартыновъ, Николай Соломоновичъ, убiйца Лермонтова. Соображенія о дуэли и мнѣніе о ней генерала Драгомирова.

Въ Кіевѣ, въ зиму 1847 года, которую я провелъ вмѣстѣ съ Листомъ, мой лакей доложилъ мнѣ однажды, что меня спрашиваетъ господинъ Мартыновъ. Это былъ убійца Лермонтова. Онъ былъ небольшого роста, бѣлокурый, съ очень помятымъ или испитымъ лицомъ.

— Мнѣ передавали—сказалъ онъ—что вы знакомы съ моимъ братомъ, Дмитріемъ, и даже принимали участіе въ его неудачной дуэли; я же не получаю отъ него никакихъ извѣстій, а потому рѣшился обратиться къ вамъ за свѣдѣнімми.

Его братъ, ремонтеръ, жилъ въ Харьковѣ, а участіе мое въ дуэли было слѣдующее: ремонтеръ Бугаевскій, сынъ друга генералъ—губернатора князя Долгорукова, пріѣзжая въ Харьковъ, останавливался у князя, а потому былъ близокъ съ состоявшими при князѣ чиновниками. Однажды онъ поссорился съ Мартыновымъ и послѣдовала дуэль. Мартыновъ цѣлилъ въ сердце, но такъ какъ Бугаевскій, вытянувъ впередъ правую руку съ пистолетомъ, стоялъ нѣсколько бокомъ, то пуля только задѣла за грудь и прошла подъ лѣвую руку.

Тогда Бугаевскій сказалъ:—ты обидилъ меня и, вмѣсто

того, чтобы извиниться, хотѣлъ еще и убить, но я не убью тебя, а только надолго лишу тебя возможности танцовать—и всадилъ ему пулю въ колѣно. Мартыновъ упалъ, его отнесли въ карету, и онъ уѣхалъ съ докторомъ. Между тѣмъ Бугаевскій разстегнулъ сюртукъ и изъ подъ него хлынула кровь, онъ опустился на землю и потерялъ сознаніе.

Я приложилъ свой носовой платокъ къ ранѣ и сильно прижалъ его рукою; лакей и кучеръ уложили Бугаевскаго въ карету и, не отымая руки отъ раны, я повезъ его шагомъ. Проѣзжая мимо квартиры доктора Каленченки, лакей вызвалъ его, онъ вскочилъ въ карету, чтобы взглянуть на больного и его повезли безъ шляпы, а я не отымалъ руки отъ раны.

Генералъ-губернаторъ сейчасъ пришелъ въ комнату больнаго; были приняты всѣ нужныя мѣры и Бугаевскій скоро оправился, а рана была приписана неосторожности при стрѣльбѣ въ цѣль.

Удивительно, какъ Пушкинъ, такъ и многіе другіе дуэлисты, пріѣзжали въ назначенное мѣсто на саняхъ или на пролеткахъ, а не въ каретахъ съ приспособленіемъ для лежанія; эта небрежность влечетъ за собою иногда даже смерть, и во всякомъ случаѣ причиняетъ лишнія страданія.

Мартыновъ разсказалъ мнѣ, что за убійство Лермонтова, онъ немного посидѣлъ въ крѣпости, а теперь отбываетъ въ Кіевѣ епитемію, которая состоитъ въ томъ, что разъ въ мѣсяцъ приходитъ къ нему монахъ за полученіемъ извѣстной суммы въ пользу монастыря.—А можетъ быть и въ свою,— сказалъ Мартыновъ—и вотъ, при этихъ условіяхъ, я уже нѣсколько лѣтъ живу въ Кіевѣ.

— Благодарю Васъ за свѣдѣнія о братѣ,—продолжалъ онъ,—и прошу васъ посѣтить меня; да вотъ, кстати, у меня сегодня вечеромъ соберутся мои друзья; неоткажите безъ церемоніи завернуть ко мнѣ на чашку чая. И такъ, досвиданія—сказалъ онъ, выходя.

О дуэли съ Лермонтовымъ я не спрашивалъ его; я зналъ подробности изъ газетъ и по разсказамъ, а хладнокровно говорить съ убійцею, объ убійствѣ, выше силъ нормалнаго человѣка.

Убійца!— съ негодованіемъ разсуждалъ я самъ съ собою—сознательный убійца Лермонтова, этой послѣдней надежды Россіи! у Пушкина былъ готовый преемникъ, а послѣ Лермонтова что? пустыня Сахара, безъ озаисовъ! Мнѣ стыдно, что я подалъ ему руку,—мысленно бранилъ я себя.

Но анотомія человѣческой души, гораздо болѣе интересна, нежели анатомія человѣческаго тѣла; любопытство превозмогло надъ отвращеніемъ и я поѣхалъ вечеромъ къ Мартынову.

Взявъ меня подъ руку, онъ подвелъ меня къ полной, рослой, дебелой женщинѣ, бѣлой какъ бѣлила, розовой какъ разведенный карминъ и сказалъ:

— А. А. Плансонъ, другъ (? ?) моего брата. М-те Шимановская, моя подруга и хозяйка.

Затѣмъ назвалъ еще нѣсколько женскихъ и мужскихъ польскихъ фамилій и сейчасъ предложилъ выпить и закусить.

Я отказался, но Мартыновъ и нѣкоторые другіе акуратно, исполнили это, хотя только что подали чай.

Общество состояло изъ какихъ то странныхъ мужчинъ, которыхъ я не встрѣчалъ въ другихъ домахъ; они относились къ „москалю" хозяину, очевидно, только снисходительно, оказывая ему вниманіе за то, что онъ убилъ великаго „москаля"; а невозможныя дамы пили, курили, играли въ банкъ наравнѣ съ мужчинами.

Не было произнесено ни одного рускаго слова, говорили только по польски или по французски; но у русскихъ знаніе французскаго языка доказываетъ тщательное воспитаніе, доказываетъ, что о человѣкѣ заботились въ его дѣтствѣ, поляки же, еще въ учебномъ заведеніи стараются выучиться кое какъ говорить по французски, чтобы избѣжать употребленія русскаго языка; и этому подчинялись всѣ русскіе „власть имѣющіе", до вступленія на престолъ Александра III.

Основательно изучивъ духовный организмъ убійцы Лермонтова, я уѣхалъ и приказалъ своему лакею никогда больше не допускать ко мнѣ Мартынова, и говорить всегда: „дома нѣтъ", что тотъ и исполнялъ въ точности, во все время пребыванія моего въ Кіевѣ.

Узнавъ ближе Мартынова, нельзя удивляться, что онъ умышленно убилъ Лермонтова: это злоба урода ко всему прекрасному; но должны быть покрыты позоромъ, быть прокляты Столыпинъ, Глѣбовъ, Трубецкой и Васильченковъ, мнимые друзья Лермонтова, которые знали, какъ онъ дорогъ Россіи; они не должны были ставить его на одну линію съ такою личностью, какъ Мартыновъ. Они должны были поступить съ Мартыновымъ такъ, какъ Коцюжинскій поступилъ съ Березовскимъ, а не устраивать дуэли. Въ крайнемъ случаѣ, они должны были поступить такъ, какъ поступили секунданты Бисмарка и Вирхова, которые стали на ихъ мѣста и собирались стрѣлять другъ въ друга, потому что честь ихъ друзей была также дорога имъ, какъ ихъ собственная; однако этому помѣшалъ Бисмаркъ, который видя самоотверженіе секундантовъ протянулъ руку Вирхову, такъ что дуэль не состоялась.

Европейскіе законы безсмыслены въ отношеніи наказанія за дуэлъ; они должны казнить секундантовъ и вообще лицъ, знающихъ о предстоящей дуэли, т. е. знающихъ о покушеніи на убійство и содѣйствующихъ убійству, а не самихъ дуэлистовъ, которымъ иногда и нельзя не принять вызова или не вызвать обидчика; секунданты же, или вообще люди, знающіе о предстоящей дуэли, всегда могутъ не допустить до нея тѣмъ или другимъ способомъ.

Вообще, теперь дуэль есть явленіе ненормальное, въ особенности въ Россіи. Въ средніе вѣка дрались холоднымъ оружіемъ, что практикуется и по нынѣ во многихъ цивилизованныхъ государствахъ; у насъ же стрѣляютъ почти въ упоръ т. е. разрѣшено прямо убить человѣка, даже ни въ чемъ не повиннаго, даже пострадавшаго уже отъ нанесенной ему обиды.

Очевидно, что было бы гораздо справедливѣе и гуманнѣе разрѣшить „Вендетту", потому что тогда будетъ убитъ виновный а не невинный.

Въ 1902 году въ журналѣ „Развѣдчикъ" генералъ Драгомировъ помѣстилъ статью о дуэли, въ которой сказалъ, что гораздо легче остаться съ пощечиной, нежели имѣть на совѣсти смерть человѣка, тѣмъ болѣе, если онъ не виновенъ.

Все человѣчество, всѣ народы, отъ самыхъ дикихъ до самыхъ культурныхъ, признаютъ убійство человѣка высшею степенью преступленія; большаго преступленія не было и нѣтъ, а разница между ударомъ по лицу и ударомъ по рукѣ или по ногѣ есть понятіе условное; разницу эту признаютъ только очень не многіе люди на земномъ шарѣ; а потому разрѣшать за это условное преступленіе смертную казнь, это черное пятно на XX столѣтіи.

Глава 17.

Почему князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ сталъ военнымъ министромъ? Краткая характеристика графа Никитина и графа Орлова-Денисова. Удалая казачка.

Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, братъ кн. Николая Андреевича, при которомъ я состоялъ, былъ на маневрахъ въ Чугуевѣ; онъ утромъ уѣхалъ отъ брата полковникомъ, а въ тотъ же день вечеромъ возвратился генералъ-адъютантомъ и вскорѣ былъ назначенъ военнымъ министромъ.

Кажется страннымъ, что человѣкъ еще молодой, не совершившій никакого военнаго подвига, не написавшій никакой военной книги, служащій въ глухихъ украинскихъ военныхъ поселеніяхъ, вдругъ выдвигается государемъ на высшій военный постъ въ государствѣ.

Для новыхъ поколѣній это непонятно, а потому объяснимъ.

Въ царствованіе Николая Павловича главною заслугою военныхъ людей всѣхъ ранговъ была выносливость и точное исполненіе внѣшнихъ формальностей, хотя, большею частью, безсмысленныхъ, напримѣръ: цѣлая шеренга солдатъ должна была стоять на одной ногѣ и малѣйшее колыханіе тѣла считалось преступленіемъ, въ тоже время вторая нога должна

была подниматься медленно, убийственно медленно и держаться на воздухѣ, вытянутая безъ малѣйшаго сгиба въ колѣнѣ, а всѣ концы сапогъ должны были торчать на воздухѣ въ одну линію, пока не скомандуютъ „три“. Тогда всѣ ноги должны были упасть на землю и всѣ груды солдатъ подвинуться впередъ, опять же въ одну линію во всей шеренгѣ; вершокъ впередъ или назадъ велъ за собою тычекъ, пощечину, а при повтореніи и серьезное наказаніе. Такъ было во всемъ.

Мы уже видѣли въ гл. 13, что и для Кавказской войны, преимущественно партизанской, четыре года обучали солдатъ этимъ же премудростямъ. Все это невѣроятно, но вѣрно.

Совершенно тоже-хотя, разумѣется, въ другихъ формахъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности—требовалось и отъ всѣхъ военныхъ людей: физическая и духовная выносливость, субординація и полное отсутствіе собственнаго „я“, составляли главную заслугу офицеровъ всѣхъ ранговъ.

Генералъ Никитинъ (кажется Алексѣй Петровичъ), въ послѣдствіи графъ, былъ начальникомъ всѣхъ малороссійскихъ военныхъ поселеній; онъ жилъ въ Кременчугѣ, тогда еще маленькомъ, грязномъ городкѣ, безъ пароходовъ, а потому и безъ всякой торговли.

Никитинъ былъ „бурбонъ“ въ полномъ значеніи этого слова; вставалъ въ 5 часовъ утра, отправлялся на базаръ. часто самъ покупалъ соленые огурцы и моченыя яблоки, ругался съ торговками, употребляя (какъ и съ солдатами) нецензурныя выраженія; обѣдъ его состоялъ изъ щей съ мясомъ, которое онъ ѣлъ съ солеными огурцами и изъ каши; соблюдалъ всѣ посты, употребляя исключительно конопляное масло; рюмка простой водки и солдатскій квасъ были единственнымъ напиткомъ; обстановка квартиры казарменная и грязная.

Однажды, будучи въ Кременчугѣ, я вздумалъ явиться Никитину, частью считая это нужнымъ по службѣ, частью изъ любопытства.

— Останьтесь обѣдать у меня—сказазъ Никитинъ;—обѣдъ постный, простой, но рыба свѣжая, самъ купилъ живую на базарѣ.

Послѣ обѣда былъ вистъ по грошу, а затѣмъ жиденькій чай, который Никитинъ пилъ въ прикуску, съ блюдечка.

И вотъ, къ нему Государь назначилъ начальникомъ штаба князя В. А. Долгорукова, блестящаго гвардейскаго офицера и вельможу, гранъ-сеньера по рожденію, воспитанію, богатству, да и по женитьбѣ на графинѣ (кажется) Шуазель, герцогинѣ д'Амбуазъ.

Въ Кременчугѣ, князь барски обставилъ свою квартиру, а по требованію своего повара—француза, часто посылалъ нарочныхъ въ Одессу за всѣмъ, что нужно для самого утонченнаго, гастрономическаго стола, а также за винами, фруктами, конфектами и. т. п.

Онъ выписывалъ много газетъ и книгъ на разныхъ языкахъ.

Однажды я пріѣхалъ въ Кременчугъ вечеромъ, недѣли на двѣ, и остановился у князя, который помѣщался въ четырехъ комнатахъ, такъ какъ княгиня съ дѣтьми уѣхала заграницу и остальныя комнаты были заперты. Князь приказалъ поставить кровать для меня въ своей спальнѣ и просилъ, чтобы я самъ заказывалъ себѣ завтраки и обѣды, потому что въ отсутствіи семейства онъ всегда обѣдаетъ у Никитина, а такъ какъ теперь постъ, то и у него ужинъ на постномъ маслѣ.

— Такъ что же, его щи на конопляномъ маслѣ будутъ для васъ завтракомъ, а обѣдать въ 6 часовъ будемъ вмѣстѣ; но почему это у васъ постный ужинъ? спросилъ я.

— Не ловко, обидится генералъ,—серіозно сказалъ кн. Долгоруковъ,—столъ у него постный, а потому и у меня должно быть также какъ и у него.

Утромъ, на слѣдующій день, князь надѣлъ полную мундирную форму, разумѣется форму того времени, т. е. такую стянутую, сжатую, что теперь офицеръ не выдержалъ бы и получаса, да притомъ надѣлъ и шарфъ.

— Что это вы такъ парадно, царскій день, что ли, сегодня?

— Я хожу съ докладомъ не иначе, какъ въ полной формѣ и при шарфѣ,—спокойно отвѣчалъ кн. Долгоруковъ.

— Но портфель вашъ полонъ бумагъ, вы не скоро окон-

чите докладъ, а стянутымъ, какъ вы теперь, и сидѣть не удобно?

— Вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ, какъ я докладываю генералу дѣла и бумаги, ежедневно въ теченіи около двухъ часовъ и еще ни разу не сидѣлъ во время доклада; я сижу при немъ только во время обѣда, виста и чая.

Это то и оцѣнилъ Николай Павловичъ въ князѣ Долгоруковѣ, въ этомъ настоящемъ вельможѣ.

Князь былъ не инціаторъ и не реформаторъ, а только исполнитель, блюститель существовавшихъ порядковъ. Онъ также поступалъ и будучи военнымъ министромъ въ злосчастную Крымскую войну.—Генералъ Никитинъ, былъ вдовецъ; его единственная дочь воспитывалась въ Петербургѣ и тамъ же вышла замужъ за казака, графа Федора Васильевича Орлова-Денисова. Однажды, на пикникѣ въ ресторанѣ Дюсо, она и другія дамы ея круга, нѣсколько перешли границы обыкновеннаго ужина и это дошло до свѣдѣнія Государя. Никитинъ вызвалъ ее въ Кременчугъ и строго наказалъ, несмотря на то, что она была уже женою генерала и графинею Орловою-Денисовою.

А была она чисто русская красавица и стала лихою казачкой.

Для усмиренія Венгріи, казаки были отправлены подъ начальствомъ гр. Ф. В. Орлова-Денисова. Въ Новочеркаскомъ паркѣ казаки устроили прощальный, всенародный пиръ; графинѣ поднесли золотой казачій киверъ, величиною въ стаканъ и съ султаномъ украшеннымъ бриліантами, а графу золотой башмакъ по мѣркѣ съ ноги графини; башмачекъ наполняемый шампанскимъ обошелъ все казачество, а графиня чокалась съ каждымъ казакомъ и неоднократно опорожняла киверъ.

Въ народномъ казачьемъ костюмѣ, она плясала съ простыми казаками, казачки во главѣ съ нею, пѣли пѣсни и лихо отплясывали „казачка“ и „трепака“. Дѣйствительно пиръ былъ всенародный и въ старинномъ казачьемъ духѣ.

Гр. Федоръ Васильевичъ былъ сыномъ графа Василія Васильевича Орлова-Денисова, одного изъ очень рѣдкихъ у

насъ „Малькoнтентовъ“, людей открыто недовольныхъ правительствомъ.

Гр. В. В. Орловъ-Денисовъ прервалъ всѣ сношенія съ Петербургомъ и съ Дономъ и поселился въ Харьковѣ.

Онъ былъ вдовецъ; его три сына уже служили, а двѣ дочери съ гувернантками жили при немъ, въ Харьковѣ; и я часто танцовалъ или проводилъ время съ прелестною 16—19 лѣтнею Любовь Васильевною, а потомъ посѣщалъ ее въ Петербургѣ, въ ея дому, на углу Фонтанки и Графскаго переулка, когда она уже была княгинею Трубецкою. Она мать князя Петра Николаевича Трубецкаго, нынѣшняго московскаго губернскаго предводителя дворянства. Старшая ея сестра (кажется) Надежда, послѣ разрыва съ женихомъ, Иловайскимъ, куда то уѣхала изъ Харькова.

Глава 18.

Что значитъ выраженіе: „мастеръ своего дѣла". Графы Бобринскіе, Алексѣй Алексѣевичъ и Владиміръ Алексѣевичъ.

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что генералъ Никитинъ пригласилъ меня обѣдать. Это повторилось и на слѣдующій день.

Хотя я не стѣснялся, возвращаясь отъ него въ шесть часовъ, весьма солидно обѣдать у князя Долгорукова, но тѣмъ не менѣе, этотъ принудительный завтракъ на конопляномъ маслѣ и пять часовъ на вытяжку, были не особенно пріятны.

Но вѣроятно потому, что, играя роберъ съ Никитинымъ, я напрягалъ все свое вниманіе, чтобы не дѣлать ошибокъ и не вызывать этимъ гнѣва генерала, а слѣдующій роберъ игралъ небрежно и крупно (по грошу) и проигрывалъ генералу, онъ пригласилъ меня и на третій день.

Тогда я сказалъ, что завтра утромъ долженъ уѣхать, а потому, къ сожалѣнію, вынужденъ отказаться отъ чести, обѣдать у его высокопревосходительства.

Когда мы съ Долгоруковымъ вышли отъ Никитина, то оба стали въ тупикъ.

Не уѣхать, по мнѣнію князя, было невозможно.—Его В. Пр-во узнаетъ, обидится и разсердится, какъ на меня, такъ

и на него; надо непремѣнно уѣхать, а ѣхать некуда, да и дѣло не окончено въ Кременчугѣ.

Но я вспомнилъ, что верстахъ въ ста отъ Кременчуга есть сахарные заводы, принадлежащіе графу Бобринскому, въ мѣстечкѣ Смѣла, расположенномъ хотя въ Кіевской губерніи, но на границѣ съ Полтавскою.

Мелкіе заводы, почти кустарные, существовали и раньше, а графъ устроилъ ихъ въ большихъ размѣрахъ и открылъ еше не бывалый въ этомъ краѣ, рафинадный заводъ.

Я не былъ знакомъ съ производствомъ сахара, а потому съ удовольствіемъ хватился за этотъ спасительный якорь и на слѣдующее утро отправился въ мѣстечко или имѣніе Смѣла, гдѣ были заводы.

Часовъ въ 8 вечера я подъѣхалъ къ дому управляющаго заводами. Но домъ былъ запертъ и кто то сказалъ, что управляющій съ семействомъ уѣхалъ заграницу. Во время разспросовъ у собравшихся людей, о томъ, нѣтъ ли гостинницы и вообще, гдѣ бы переночевать, изъ другого дома пришелъ человѣкъ и спросилъ, кто пріѣхалъ, затѣмъ, возвратясь, доложилъ, что графъ проситъ къ себѣ.

Гр. Бобринскій принялъ меня въ своей спальнѣ, въ халатѣ и очевидно готовясь ко сну, а нѣсколько поговоривъ со мною, сказалъ;

— Я очень радъ всякому посѣтителю; дѣло новое и чѣмъ больше лицъ знакомятся съ нимъ, тѣмъ лучше; я желаю для этого края и для Россіи вообще развитія (мною) производства сахара, оно со временемъ обогатитъ и населеніе и казну (спустя 50 лѣтъ казна получаетъ уже 80 міліоновъ акциза отъ сахара). Прошу васъ жить у меня сколько угодно, вы меня ни сколько не стѣсните, а потому и сами не стѣсняйтесь, осматривайте заводы, когда угодно, а если пожелаете получить какія либо объясненія, то на заводѣ, или за обѣдомъ и ужиномъ спрашивайте меня и я съ удовольствіемъ все разскажу, объясню и покажу. Вообще, я весь къ вашимъ услугамъ.

— Очень вамъ благодаренъ, но я могу пробыть здѣсь только одинъ день, такъ какъ дѣла ждутъ меня въ Кременчугѣ, а между тѣмъ желалъ бы ознакомиться съ производ

ствомъ сахара отъ промывки свекловицы до обвязыванія бечевою головъ рафинада.

— А можете вы встать завтра, въ четыре часа утра?

— Разумѣется, могу.

— Въ такомъ случаѣ, человѣкъ проводитъ васъ въ отведенную вамъ комнату, подастъ вамъ ужинъ и вы ложитесь спать, а завтра онъ васъ разбудитъ въ четыре часа, мы вмѣстѣ напьемся чаю, а затѣмъ пойдемъ на заводы и я лично покажу и объясню вамъ все производство сахара.

Утромъ я засталъ графа уже одѣтымъ; онъ былъ въ высокихъ, смазныхъ сапогахъ, въ кожаныхъ курткѣ и панталонахъ, а кожаные фуражка и перчатки лежали на столѣ. За чаемъ мы вели обыкновенный, политико-литературный разговоръ; графъ, очевидно, зорко слѣдилъ за всѣмъ, происходившимъ въ Россіи и заграницею, читалъ и говорилъ на многихъ языкахъ.

Услышавъ звонъ колокола, призывающаго рабочихъ, мы съ графомъ пошли на заводы, которыхъ было пять; четыре выдѣлывали сахарный песокъ, а одинъ переработывалъ его въ рафинадъ. На каждомъ заводѣ имѣлся особый управляющій—техникъ, а уѣхавшій въ отпускъ англичанинъ, завѣдывалъ всѣмъ дѣломъ и вотъ теперь графъ исправлялъ его должность.

Меня крайне удивляли практическія познанія графа и умѣніе все дѣлать; онъ отсылалъ куда либо рабочаго, работалъ за него въ совершенствѣ, иногда и долгое время; вкусъ и обоняніе замѣняли для него снаряды и, по повѣркѣ, его опредѣленіе всегда оказывалось вѣрнымъ.

Въ это утро я вполнѣ изучилъ производство сахарнаго песка.

Въ 12 часовъ, колоколъ извѣстилъ объ обѣдѣ.

Когда послѣ обѣда подали кофе и ликеры, графъ сказалъ почти буквально слѣдующее.

(Въ тотъ же вечеръ я записалъ сказанное графомъ).

— Вы человѣкъ молодой; передъ вами вся жизнь, а потому я вамъ подробно изложу мой взглядъ на дѣлового человѣка вообще, а вы въ теченіи еще долгой жизни вашей,

провѣряйте мою теорію и если вы убѣдитесь, что она правильная, то и сами слѣдуйте ей.

— Какимъ бы дѣломъ человѣкъ ни занимался — началъ графъ — будь онъ заводчикъ или кустарный столяръ, крупный помѣщикъ или однодворецъ, высшій сановникъ, или исправникъ, онъ долженъ быть „мастеромъ своего дѣла“, долженъ основательно знать свою отрасль, не полагаясь на техниковъ или на подмастерьевъ, или на секретарей всякихъ ранговъ. Вы видѣли, что я умѣю все дѣлать; это необходимо всякому дѣятелю, не для того, чтобы самому все дѣлать, а чтобы указать другимъ и умѣть провѣрить ихъ работу. Я, какъ заводчикъ, долженъ знать сорта свекловицы, подходящіе къ нашему климату и къ нашей почвѣ и дающіе большій выходъ сахара; я долженъ знать качество сахара, требуемое покупателемъ и болѣе выгодные рынки для сбыта продукта; столяръ долженъ сразу узнавать степень сухости дерева и качество матеріаловъ, долженъ знать требуемыя на рынкѣ формы мебели. Крупный помѣщикъ долженъ основательно знать, какъ съ меньшими расходами, выгоднѣе утилизировать свои обширныя земли, выгоднѣе ли скотоводство, овцеводство или посѣвы хлѣба, а эти послѣдніе при переложной или трехпольной, или интенсивной системѣ. Однодворцу для извлеченія дохода съ своей десятины, эти обширныя свѣдѣнія не нужны, но онъ долженъ умѣть пахать въ совершенствѣ, долженъ умѣть открыть первые зародыши вредныхъ микробовъ и уничтожить ихъ, чтобы потомъ червь не уничтожилъ его капусты, овощей или виноградника. Но у насъ заводчикъ, ремесленникъ и земледѣлецъ не слѣдуютъ этимъ правиламъ, они работаютъ, какъ работали ихъ отдаленные предки и не приносятъ пользы ни себѣ, ни государству.

Графъ прошелся по комнатѣ, закурилъ сигару и продолжалъ:

Сановникъ, сверхъ знанія своей спеціальности, долженъ знать политику правительства и неуклонно слѣдовать ей. Между тѣмъ, въ Россіи, поклонники и строгіе послѣдователи „Гатчинской“ политики Павла Петровича, преблагополучно управляли обширными вѣдомствами въ либеральное, по-

этическое царствованіе Александра I, а теперь, въ царствованіе Николая Павловича, многія высшія вліятельныя должности заниматюъ „Декабристы", которые не отреклись отъ своихъ фантастическихъ идеаловъ и ведутъ въ этомъ духѣ свои отдѣльныя части. Исправники же, которыхъ обязанность состоитъ въ „предупрежденіи и пересѣченіи преступленій", даже и не знаютъ что это ихъ обязанность, а ограничиваютъ свою дѣятельность прислуживаніемъ губернатору. Разумѣется, что дѣятельность всѣхъ этихъ чиновниковъ, погубна для государства, которое при такомъ сумбурѣ, не можетъ развиваться нормально. (Прибавимъ отъ себя что и теперь въ XX-мъ столѣтіи, либералы 70-хъ годовъ, ғрудуютъ въ пользу поляковъ, евреевъ и армянъ, во вредъ коренному русскому народу).

Все сказанное здѣсь, - немного подумавъ, продолжалъ графъ—-доказываетъ, что Россія еще не перешагнула грани между юношескимъ и зрѣлымъ возрастомъ, но она быстро приближается къ этой грани; а такъ какъ вы слѣдите за русскою литературою и, вѣроятно, находитесь въ общеніи съ вашими университетскими товарищами, то вы не можете не чувствовать приближенія весны; уже вѣетъ теплый, оживляющій вѣтеръ, организмъ пріобрѣтаетъ бодрость, и расширяется кругозоръ русскихъ людей. (Онъ говорилъ это 1848 году). Мнѣ около пятидесяти лѣтъ и наврядъ ли я доживу до новой эры; вы же будете свидѣтелемъ русской весны и побѣды Ормузда надъ Ариманомъ—закончилъ графъ свою длинную рѣчь.

(Графъ умеръ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ свидѣтелемъ этой побѣды и имѣлъ счастье не быть свидѣтелемъ обратной побѣды Аримана, въ 70-хъ годахъ).

Въ теченіе моей долгой жизни я убѣдился, на сколько разумны правила, изложенныя графомъ. Дѣйствительно, приносили пользу себѣ и государству только тѣ, кто буквально слѣдовалъ этимъ правиламъ, а кто не изучилъ своего дѣла и того, что уже далъ опытъ другихъ, тотъ погибалъ самъ и погибало дѣло, порученное ему Богомъ, людьми или государствомъ.

Только что прозвонилъ колоколъ, призывающій къ ра-

ботѣ, какъ послышались на дворѣ шумъ, крики, плачъ, топотъ.

Собесѣдники выбѣжали на крыльцо; оказалось, что одинъ изъ оленей или лосей, бывшихъ въ паркѣ, проломалъ изгородь и вбѣжалъ на огромный дворъ, на которомъ запрягали лошадей въ рабочія телѣги и двигалось много народа; всѣ переполошились лошади и люди бросились въ разныя стороны.

Въ это время приближалась четверка лошадей, запряженныхъ въ открытую коляску: въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ.

Видя происходящее на дворѣ, онъ поднялся съ мѣста, взялъ ружье, стоявшее возлѣ него, выстрѣлилъ и олень упалъ. Пуля прошла чрезъ мозгъ.

Лошади подхватили, но кучеръ справился съ ними и, сдѣлавъ кругъ, остановился у крыльца.

Молодой человѣкъ былъ сынъ графа, Владиміръ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія. Онъ, безъ сомнѣнія помнитъ этотъ замѣчательный выстрѣлъ.

Впрочемъ, живъ ли онъ еще? я, въ моемъ уфимскомъ, отшельничьемъ скитѣ, (Ermite de l'Oural,—мой псевдонимъ подъ французскими сочиненіями), уже давно не слѣжу за сверстниками, а тогда, у графовъ Бобринскихъ, я провелъ около двухъ недѣль, но уже не на грязныхъ заводахъ, а у милыхъ сосѣдокъ и на охотѣ съ графомъ Владиміромъ Алексѣевичемъ. Празднества эти омрачились тѣмъ, что преданный слуга мой, Фредерико, упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу.

Глава 19.

Два доктора медицины, не признающіе медицины, но дающіе здоровье людямъ. Охота за волками и дрофами.

Пріѣхавъ въ 1868 году въ Лейпцигъ для полученія изъ типограіфи моей брошюры, я остановился у Голингеровъ, въ ихъ красивомъ, двухъ этажномъ домѣ на Розенъ или Розенталь улицѣ. Съ этимъ симпатичнымъ, патріархальнымъ семействомъ я познакомился на водахъ.

Я уже осмотрѣлъ съ ихъ сыномъ, студентомъ, картинную галерею, въ которой обращаетъ на себя вниманіе только одна мурильевская головка мальчика; онъ точно живой и смотритъ изъ окна, а не изъ рамы; объѣхалъ поле трехдневнаго сраженія, бывшаго въ 1813 году, на которомъ рѣшилась судьба Наполеона 1-го; въ „Фаустѣ" слышалъ Люку, которой нѣмцы дѣлали оваціи не столько за ея голосъ, какъ за ея дружбу съ Бисмаркомъ и т. д.

Наканунѣ отъѣзда, за ужиномъ, кто то назвалъ фамилію доктора Бока.

— Господи! А про Бока я и забылъ, позвольте завтра остаться у васъ до вечерняго поѣзда, а утромъ я съѣзжу къ нему—сказалъ я.

— Очень рады, оставайтесь и дольше, но ѣхать къ Боку будетъ напрасно; онъ не лечитъ и не принимаетъ боль-

ныхъ, онъ только профессоръ и писатель, даже часто печатаетъ объ этомъ въ „Гартенлаубэ“.

— Ну, хотя бы посмотрѣть на него; вѣдь весь міръ, въ томъ числѣ и Россія, зачитываются его книгою „О здоровомъ и больномъ человѣкѣ“; она имѣется во всѣхъ семейныхъ домахъ въ Россіи.

— Развѣ вотъ что—сказалъ хозяинъ—прикажите его прислугѣ доложить, что вы пріѣхали изъ Москвы спеціально для того, чтобы посовѣтоваться съ нимъ; онъ былъ когда то въ Россіи, можетъ быть смягчится и приметъ васъ.

Въ 9 часовъ утра извозчикъ остановился у красивой невысокой желѣзной рѣшетки; за нею виднѣлся цвѣтникъ, чистый, выхоленный и весь въ самыхъ разнообразныхъ цвѣтахъ; далѣе—небольшой двухъ этажный домъ, въ которомъ видны были только окна и крыша, такъ какъ все остальное было покрыто зеленью; за домомъ—большія, густыя деревья.

Изъ за клумбы георгинъ появился мужчина лѣтъ около шестидесяти, средняго роста, плотнаго сложенья, съ свѣжимъ, здоровымъ лицомъ. Шляпа плантаторская, шея и часть груди открытыя; на немъ—широчайшіе желтые, нанковые пиджакъ и брюки и, разумѣется, по нѣмецки, туфли.

— Что вамъ угодно—спросилъ онъ чрезъ рѣшотку.

— Я пріѣхалъ изъ Москвы исключительно для того, чтобы посовѣтоваться съ профессоромъ Бокомъ—повторилъ я слова моего хозяина.

Бокъ (это былъ онъ), подошелъ къ калиткѣ, отворилъ ее, сказалъ „Kommen sie“ (идите) и пошелъ впередъ.

По наружной лѣстницѣ вошли въ залъ или вѣрнѣе въ оранжерею, потомъ въ кабинетъ, тоже обставленный растеніями; Бокъ сѣлъ за письменный столъ и, указавъ на плетеное кресло, сказалъ:

— Чего вы желаете отъ меня?

— Здоровья—отвѣтилъ я и разсказалъ ему о всѣхъ своихъ недугахъ, (хотя я уже вполнѣ освободился отъ нихъ въ это лѣто на водахъ).

Бокъ молчитъ.

Я сталъ дополнять, пополнять, наконецъ, и выдумыватъ страданья, а Бокъ все молчитъ.

Наконецъ, видя что весь запасъ моихъ болѣзней истощился, онъ всталъ, всталъ и я.

— Все это послѣдствія неправильной жизни и неправильнаго питанія; исполняйте то, что указано здѣсь и будете здоровы—сказалъ Бокъ, снявъ печатанный листокъ бумаги въ восьмушку, съ кучки такихъ же листковъ, и передавъ его мнѣ, вышелъ изъ комнаты.

Я послѣдовалъ за нимъ; въ гостинной Бокъ остановился у этажерки, взялъ книгу въ красивомъ переплетѣ и передавая ее мнѣ сказалъ:

— Это послѣднее мое сочиненіе, его еще нѣтъ въ продажѣ, а потому примите отъ меня на память.

Пройдя впереди меня до калитки, Бокъ промычалъ Leben sie wohl—(прощайте), не подавая мнѣ руки, вѣроятно опасаясь, чтобы я не всунулъ въ руку ему денегъ, противъ чего онъ неоднакратно возставалъ въ печати.

Но я зналъ это, а потому въ кабинетѣ, на видномъ мѣстѣ стола, положилъ пять талеровъ, а теперь широко раскрывъ пальцы, протянулъ руку ладонью вверхъ и сказалъ:

— Благодарю васъ за подарокъ, а главное за пріемъ и совѣтъ, я постараюсь буквально исполнять напечатанное въ цедулкѣ (Zettelchen).

Бокъ, улыбаясь, сердечно пожалъ мою руку

И дѣйствительно, я и до сихъ поръ стараюсь точно исполнять напечатанное въ цедулкѣ и послѣ этого, въ теченіи 35 лѣтъ, живъ и вполнѣ здоровъ.

А на цидулкѣ было напечатано:

1-ое. Ѣсть медленно.

2-ое. Тщательно пережевывать пищу.

3 е. Во время ѣды быть въ хорошемъ расположеніи духа.

4-ое. Не смѣшивать горячей пищи съ холодною, это вредно не только для зубовъ, но и для желудка.

5-ое. Пить преимущественно чистую, свѣжую, сырую воду; можно и всѣ другіе напитки, но въ очень ограниченномъ количествѣ и только во время ѣды или послѣ нея.

6-ое. Проводить по возможножности больше времени на свѣжемъ воздухѣ, внѣ комнатъ, а комнаты часто вентилировать.

7-ое. Ежедневно дѣлать два, три раза моціонъ на свѣжемъ воздухѣ, въ видѣ прогулки или гимнастики.

8-ое. Ложиться спать рано и уже непременно раньше полуночи.

9-ое. Спать на жесткомъ тюфякѣ и часто провѣтривать его, какъ и подушки.

10-ое. Въ комнатахъ не допускать пыли на мебели, книгахъ, карнизахъ. И т. д. и т. д.

Вообще все то, что всякому извѣстно, но чего почти никто не исполняетъ.

Встрѣча моя со вторымъ докторомъ медицины, не признающимъ медицины, была при слѣдующихъ обстоятельствахъ, еще въ 1843 году, когда я былъ студентомъ.

Жившій въ Харьковѣ казакъ Иловайскій (кажется Петръ Львовичъ), въ Августѣ, пригласилъ къ себѣ въ деревню, недѣли на двѣ, меня и моего отца, на охоту за волками и дрофой.

Въ степяхъ пріемы охоты совершенно особые, а именно: такъ какъ волкъ гораздо выносливѣе лошади, то напрасно скакать непосредственно за нимъ; вслѣдствіе этого доѣзжачіе (пикеры) сначала высматриваютъ, гдѣ есть волкъ, иногда вывозятъ въ степь барана и скрывшись въ травѣ, или иначе, выжидаютъ, пока не увидятъ одного или нѣсколькихъ волковъ.

Они тотчасъ извѣщаютъ охотниковъ, которые выѣзжаютъ въ степь, становятся въ одну линію, на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго и легкою рысью двигаются впередъ, соблюдая дистанцію между собою.

Тотъ передъ кѣмъ появится волкъ пускаетъ лошадь вскачъ, но не вслѣдъ за волкомъ, а въ прямомъ направленіи. Волкъ сворачиваетъ въ сторону, но сосѣдъ перваго охотника скачетъ тоже въ прямомъ направленіи, а волкъ продолжаетъ уходить отъ нихъ, положимъ влѣво. Тогда находящіеся на лѣвомъ флангѣ во всю прыть своихъ лошадей преграждаютъ дорогу волку, который сворачиваетъ назадъ и идетъ въ противоположную сторону, т. е. на право передъ

фронтомъ охотниковъ, но тѣ сдерживаютъ лошадей, чтобы волкъ свободно дошелъ до праваго фланга, гдѣ ему тоже заградятъ дорогу и опять погонятъ къ лѣвому флангу. А потому, если всадники сдѣлаютъ пятнадцать верстъ, то волкъ сдѣлаетъ тридцать и больше.

Волкъ, совершенно ослабѣвъ, садится на заднія лапы, злобно смотритъ на охотниковъ, скалитъ зубы и уже не тронется съ мѣста; всѣ подскакиваютъ и убиваютъ его плетьми, на концѣ которыхъ свинцовыя пули.

Если явится нѣсколько волковъ, то охота гораздо оживленнѣе, но половина волковъ почти всегда убѣжитъ, потому что разгоряченные охотники перестаютъ соблюдать дистанцію между собою, а волкъ пользуясь этимъ, круто сворачиваетъ и убѣгаетъ между ними за линію и тогда онъ уже пропалъ для охотниковъ.

Такимъ образомъ, въ одинъ или въ два пріема, затравливаютъ нѣсколько волковъ въ день, разумѣется не безъ отдыха, съ роскошнымъ приваломъ въ степи, куда собирается все общество съ дамами, а иногда и съ музыкою.

Охота на дрофу, происходитъ тоже безъ ружья, но требуетъ большой ловкости.

Пикеры съ вечера отыскиваютъ стадо дрофъ, расположившееся на ночь; если они избрали совершенно открытое мѣсто, то пикеры, какъ бы проѣзжая мимо, стараются не спугнуть дрофъ, а только передвинуть стадо въ такое мѣсто, гдѣ хотя съ одной стороны есть бугорокъ или какое либо прикрытіе и извѣщаютъ охотниковъ.

Дрофы успокаиваются, засыпаютъ, а въ это время роса смачиваетъ ихъ громадныя крылья и слѣпляетъ перья на нихъ.

Охотники, до восхода солнца дѣлая иногда большой объѣздъ, приближаются къ стаду дрофъ изъ за бугорка или другого прикрытія и соблюдаютъ всѣ мѣры осторожности, чтобы дрофы не замѣтили ихъ.

Когда уже нельзя больше скрываться, охотники съ гикомъ и крикомъ, всей массою бросаются на стадо.

Дрофа тяжела какъ индюкъ; она вообще, а въ особенности съ мокрыми крыльями, не можетъ сразу подняться

вверхъ; она сначала быстро бѣжитъ, помогая себѣ крыльями, а потомъ уже поднимается по немногу и затѣмъ улетаетъ.

У охотника въ рукѣ арапникъ длиною сажени въ три, съ тонкимъ концомъ; исскуство охотника состоитъ въ томъ, чтобы конецъ его арапника обмоталъ шею или крыло птицы и этимъ далъ ему возможность притянуть ее къ себѣ.

Все стадо всполошилось, дрофы быстро мчатся по землѣ въ разныя стороны, сильно бьютъ крыльями и по немногу поднимаются; охотникъ гонитъ передъ собою три, четыре дрофы, но онѣ разбѣжались въ разныя стороны и уже на два, на три аршина поднялись надъ землею; онъ преслѣдуетъ одну и если упуститъ, то пропалъ, хоть сквозь землю провались! барышни и барыни засмѣютъ на привалѣ, да и послѣ не дадутъ прохода, хоть бѣги!

Я былъ въ такомъ „горестномъ“ положенiи послѣ первой охоты.

Но въ слѣдующiй разъ я привезъ двѣ дрофы, а это весьма рѣдкiй случай. Надо сознаться, что одна была хромая и лошадь еще пришибла ее копытомъ, но я поскакалъ за намѣченною, притянулъ ее арапникомъ, а потомъ уже руками схватилъ ковылявшую, и, разумѣется, по обычаю всѣхъ охотниковъ, увѣрялъ, что обѣ поймалъ арапникомъ.

Барыни и барышни были въ восторгѣ, пили за мое здоровье, увѣнчали меня вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и пѣли хоромъ хвалебные гимны, а вечеромъ меня одного выбирали въ мазуркѣ; мужчины же, хотя подозрѣвали, что дѣло не чисто, но, будучи и сами не безъ грѣха относительно охотничей правды, не омрачали торжества своимъ скептицизмомъ.

Однажды холодный дождь промочилъ охотниковъ и мой отецъ почувствовалъ боль въ ногахъ. Хозяинъ, его родственница старушка и другiе приняли живое участiе; посыпались совѣты, наконецъ рѣшили, что надо на ночь обложить ноги свѣжими березовыми листьями.

Сказано—сдѣлано. Принесли нѣсколько корзинъ сырыхъ листьевъ, обложили ноги, опеленали ихъ одѣялами и успокоились; танцы и гульба пошли своимъ чередомъ. Между тѣмъ боли въ ногахъ усиливались, а старушка няня увѣряла,

что это къ лучшему: поболитъ и пройдетъ; нашъ крѣпостной лакей, хохолъ, плакалъ, видя страданія своего барина, хотѣлъ позвать меня, но больной приказалъ никого не тревожить.

Утромъ ноги оказались распухшими, какъ колоды, и боль стала невыносимою.

Тотчасъ, на тюфякѣ и перинѣ уложили больного въ нашу коляску и на шестерикѣ Иловайскаго, а потомъ на почтовыхъ, мы помчались въ Таганрогъ, городъ полуевропейскій, а потому съ болѣе надежнымъ медицинскимъ персоналомъ, нежели Новочеркаскъ.

Мы пріѣхали вечеромъ, остановились въ домѣ общественнаго клуба, гдѣ были и номера для пріѣзжающихъ; больного внесли на рукахъ вмѣстѣ съ тюфякомъ и периною и тотчасъ пригласили двухъ докторовъ.

Они осматривали, щупали, качали головами, о чемъ то совѣщались въ первой комнатѣ, удаливъ постороннихъ; прописали мазь и микстуру и объявили мнѣ что дѣло плохо, что болѣзнь можетъ продлится очень долго, но что они окончательно опредѣлятъ болѣзнь только завтра, въ 9 часовъ утра, когда больной вполнѣ отдохнетъ послѣ дороги.

Мазь и микстура не оказали никакого дѣйствія, опухоль и боли не уменьшались, больной уже двѣ ночи не смыкалъ глазъ.

Утромъ, хозяинъ гостинницы, кажется грекъ, сказалъ, что въ Таганрогѣ французскимъ консуломъ докторъ Моніе; онъ рѣдко лечитъ, но человѣкъ очень ученый и уважаемый всѣми.

Я бросился къ нему. Моніе, старикъ большаго роста съ гордою осанкою, съ длинными, совершенно бѣлыми волосами и бородою, принялъ живое участіе въ горѣ 18-ти лѣтняго студента и сейчасъ же поѣхалъ со мною. Вскорѣ прибыли и два вчерашнихъ доктора.

Консиліумъ продолжался больше часа; посылали за лекарствами, сами втирали, отмѣняли лекарства и затѣмъ рѣшили, что для полнаго развитія болѣзни, для образованія нарывовъ, а потомъ для излеченія нужно три, четыре мѣсяца, а потому для ухода за больнымъ, они пришлютъ

фельдшера; а такъ какъ лекціи въ университетѣ уже начинаются, то пусть молодой Плансонъ возвращается въ Харьковъ и сейчасъ же присылаетъ сюда свою мать, которая и будетъ жить въ Таганрогѣ до полнаго выздоровленія своего мужа.

Я былъ въ отчаяніи, то посылалъ за почтовыми лошадьми, то отмѣнялъ приказаніе, чтобы хотя часа два, три провести съ фельдшеромъ, ознакомиться съ его пріемами и знать на кого я оставлю отца.

Но, *къ счастію*, фельдшеръ долго не приходилъ.

Было уже около 12 часовъ, когда парень, съ глупою физіономіею и съ постоянно открытымъ ртомъ, просунулъ въ двери голову и шепотомъ сказалъ:

— Панычъ, а панычъ, пидъ сюды.

Я вошелъ.

— Слухайте панычъ, хозаинъ каже (говоритъ), што вси воны дурни и твій батько помрэ, а мини жалко—сказалъ парень со слезами на глазахъ, слыша стоны моего отца. А отъ (вотъ) дохтуръ пріизжае часто изъ Адэсы; винъ вылэчитъ, винъ всэ знаэ. Винъ туточки, (здѣсь) опять пріихавъ вчора.

— Что же ты не позвалъ его?

— Вчора забуду, а заразъ (теперь) ходыу зваты, а якъ сказау іому, щобъ оинъ швыдько (скорѣй) тоу, то винъ мини бацъ въ морду. (Дѣйствительно одна щека была красная). Я стау плакаты, а винъ дае червонэцъ и каже: „дау въ морду, щобъ ты нэ лизъ, колы я диломъ занятъ, а даю гроши (деньги) щобъ ты нэ плакау". Говоря это хохленокъ раскрылъ пальцы и показалъ золотой.

— Чѣмъ же онъ занятъ?

— Въ карты грае, якъ силы вчора вэчэромъ, такъ усэ граютъ.

— Веди къ нему.

Пошли въ верхній этажъ; хохолъ пріотворилъ дверь.

— Ось винъ, що безъ штаніу сыдытъ—сказавъ это, хлопецъ быстро скрылся, вѣроятно опасаясь второй пощечины, но уже безъ червонца.

Я вошелъ въ большой, свѣтлый залъ и нѣсколько разъ прошелся по немъ.

По срединѣ стоялъ столъ, за которымъ сидѣло шесть человѣкъ безъ верхняго платья и галстуховъ. Судя по усамъ и панталонамъ двое были казаки, одинъ пѣхотинецъ и два штатскихъ; шестой же въ одномъ бѣльѣ, безъ панталонъ, худощавый брюнетъ лѣтъ сорока пяти, металъ банкъ, а возлѣ него на стулѣ, стояла наполненная золотыми и бумажками посудина, которую нельзя назвать при дамахъ, да неудобно и въ неспеціальной книгѣ.

Выждавъ, когда окончилась колода и докторъ сгребъ въ посудину кучку денегъ, я подошелъ къ нему и взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Что же господа, отдохнемъ немного, при томъ надо помыться и поѣсть—сказалъ онъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, взявъ подъ мышку посудину съ деньгами, крикнулъ мнѣ: „Веди къ отцу“ и быстро пошелъ впередъ.

Вбѣжавъ въ комнату больнаго, онъ поставилъ посудину на столъ у его изголововья, сорвалъ одѣяло и тряпки съ мазью и не говоря ни слова, осмотрѣлъ ноги, распухшія до самаго живота и представлявшія двѣ неподвижныя колоды.

Докторъ сразу преобразился; движенія стали медленныя, осторожныя; лихорадочныя жгучія глаза затуманились. Онъ, съ перерывами и задумываясь, разспросилъ о всѣхъ предъидущихъ болѣзняхъ какія когда либо были у паціента, слушалъ біеніе сердца, движеніе легкихъ и, очевидно утомленный, сѣлъ въ кресло и молчалъ около пяти минутъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, у открытыхъ настежъ дверей, собралась чуть не вся гостинница; хозяинъ, вся прислуга, даже посторонніе, въ томъ числѣ и два игрока казака, уже въ офицерской формѣ; всѣ затаили дыханіе ожидая, чѣмъ кончится это необыкновенное зрѣлище. Студентъ утиралъ слезы.

Наконецъ докторъ всталъ, и опять быстро и рѣзко, какъ бы злобно, громко сказалъ мнѣ:

— Химія портитъ тѣ лекарства, которыя природа предназначила для излеченія болѣзней человѣка, ею же создан-

наго; создатель все предусмотрѣлъ, а потому всѣ химическіе препараты вредны, безъ нихъ же, не чрезъ четыре мѣсяца, а чрезъ четыре дня, твой отецъ будетъ здоровъ, а такъ какъ пароходъ въ Ростовъ ходитъ съ музыкою, то мы и потанцуемъ съ нимъ на палубѣ парохода.

Не ожидая отвѣта, онъ быстро схватилъ изъ посудины золотой, далъ одному изъ лакеевъ и приказалъ скакать въ обѣ аптеки и купить сколько есть можжевельныхъ ягодъ, хоть пудъ. Другому лакею далъ тоже золотой и приказалъ купить полъ пуда льняной пряжи (кудели), чистой безъ кострики и аршинъ пять бѣлой, толстой фланели; хозяину приказалъ, чтобы въ первой комнатѣ день и ночь кипѣло два самовара и чтобы онъ сейчасъ приказалъ повару сварить фунта два, три шепталы (урюкъ—сушеные абрикосы, дѣствующіе, какъ слабительное). Затѣмъ схватилъ посудину и быстро вышелъ, крикнувъ:

— Когда привезутъ ленъ и можжевельникъ, позовите меня.

Громкій, повелительный голосъ, этого, чуть не голаго человѣка, его рѣзкія движенія, странныя слова „чрезъ четыре дня, вмѣсто четырехъ мѣсяцевъ", произвели магическое дѣйствіе.

Оба лакея и хозяинъ моментально выбѣжали; посторонніе въ первой комнатѣ, давъ дорогу доктору, сбились въ кучку молча, я такъ и замеръ, а лакей, рыдая, повторялъ: конецъ нашему барину, конецъ!

Спустя полчаса все было готово и пришелъ фельдшеръ.

Въ первой комнатѣ докторъ, уже одѣтый, хотя и неряшливо, приказалъ отворить оба окна и печь, всыпалъ можжевельныхъ ягодъ по горсти въ каждый самоваръ, надъ однимъ самъ держалъ паклю, а надъ другимъ велѣлъ держать мнѣ и показывалъ, какъ надо поворачивать и сколько прибавлять можжевельника въ самоваръ и т. д. Между тѣмъ фельдшеръ снялъ съ ногъ больнаго тряпки съ мазью и вытеръ ноги. Докторъ со мною приложилъ горячую паклю къ ступнямъ и пальцамъ ногъ и покрылъ фланелью, потомъ обматывалъ ноги паклею выше и такъ мы дошли до живота, причемъ уже работалъ фельдшеръ вмѣсто доктора; а затѣмъ

опеленали обѣ ноги вмѣстѣ фланелью и накрыли двумя одѣялами.

Докторъ приказалъ каждые полчаса, днемъ и ночью, мѣнять паклю, начиная тоже со ступней и, прослѣдивъ, за работою моею и фельдшера, сказалъ:

— Теперь онъ скоро заснетъ, не будите его, не шумите и не мѣняйте пакли во время сна; проснувшись, онъ попроситъ ѣсть, дайте ему этотъ компотъ, пусть ѣстъ сколько хочетъ, дайте и бѣлаго хлѣба, но только маленькій кусочекъ; затѣмъ онъ попроситъ пить, дайте стаканъ комнатной воды. Исполняйте это въ точности въ теченіи всѣхъ четырехъ дней; я больше не нуженъ, но все же навѣдаюсь.

Все предсказанное докторомъ сбылось вполнѣ. Спустя четыре дня, коляска съ лакеемъ была отправлена въ Ростовъ, больной надѣлъ теплые чулки и валенки, а также пантолоны на ватѣ и почти безъ посторонней помощи дошелъ до извозчика, взошелъ на пароходъ и подъ музыку нѣсколько разъ прошелся съ докторомъ по палубѣ.

Отецъ мой умеръ 84-хъ лѣтъ и ни разу боль въ ногахъ не возвращалась.

Фамилія доктора Слезневскій; онъ уроженецъ Черниговской губерніи, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ и кажется здѣсь же защищалъ свои диссертаціи.

А Присницъ! Простой Силезскій крестьянинъ Присницъ! Сколькимъ тысячамъ, а можетъ быть и миліонамъ людей возвратилъ здоровье безъ аптечныхъ лекарствъ.

На пароходѣ Слезневскій сказалъ:

— Медицина станетъ великою и полезною наукою только тогда, когда медики будутъ вполнѣ ознакомлены съ человѣческимъ организмомъ и когда будутъ лечить средствами изготовленными природою, а не химіею.

И это торжество науки и природы, слава Богу, быстро приближается.

Глава 20.

Бибиковъ, Дмитрій Гавриловичъ. Неудавшійся увозъ. Я три дня въ тюрьмѣ.

Въ 1848 году, моему отцу предстояло принять въ свое вѣдѣніе значительное имѣніе.

Дѣло было очень запутанное, приходилось вѣдаться чуть не съ десяткомъ разныхъ лицъ и учрежденій. Это оказалось не по силамъ человѣку, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, а потому надо было ѣхать мнѣ и для этого оставить службу.

Неизвѣстно, на что бы я рѣшился, еслибы не слѣдующій инцидентъ.

Во время командировки въ Кіевъ, зимою предъидущаго, 1847 года, я пробылъ тамъ около трехъ мѣсяцевъ, бывалъ у генералъ-губернатора Дмитрія Гавриловича Бибикова, какъ по службѣ такъ и по приглашенію и близко сошелся съ директоромъ его канцеляріи Писаревымъ, (потомъ съ олонецкимъ губернаторомъ) и съ его женою знаменитою красавицею. Они предлагали мнѣ перейти на службу къ Бибикову и для этого обѣщали извѣстить, когда откроется вакансія штатнаго чиновника особыхъ порученій; и дѣйствительно Писаревъ извѣстилъ меня въ началѣ августа 1848 года.—Но въ Кіевъ влекли меня и другія побужденія, не имѣющія ничего общаго со службою.

Въ 10 часовъ утра, 26 августа, я пріѣхалъ къ Бибикову, который принялъ меня очень благосклонно, поговорилъ о прежней моей службѣ и сказалъ: „передайте прошечіе директору канцеляріи и будете переведены ко мнѣ; надѣюсь, „что будемъ взаимно довольны другъ другомъ".

Въ 6 часовъ вечера того же дня, т. е. спустя 8 часовъ, я сидѣлъ въ грязной козелецкой тюрьмѣ, которую я же ревизовалъ въ минувшемъ году, и при участіи предводителя дворянства и городничаго составилъ протоколъ о необходимости сломать и построить новую.—Но пришлось сидѣть въ старой

Городъ Козелецъ въ 70 верстахъ отъ Кіева, въ Черниговской губерніи, подвѣдомственной харьковскому генералъ-губернатору.

Заперевъ меня, козелецкія власти тотчасъ послали въ Кіевъ стряпчаго (въ родѣ нынѣшняго товарища прокурора), для собранія свѣдѣній, какъ на станціяхъ, чрезъ которыя я проѣзжалъ, такъ и въ Кіевѣ.

Доложили Бибикову, который на свой рискъ приказалъ освободить арестанта, хотя Козелецъ не подчиненъ ему.

Я былъ въ отчаяніи, не вслѣдствіе сидѣнія три дня въ тюрьмѣ и вѣроятной потери должности у Бибикова, а вслѣдствіе истиннаго горя, которое постигло меня.

Произошло это слѣдующимъ образомъ: (прибавляю это по желанію лицъ читавшихъ рукопись).

За четыре дня до представленія генералъ-губернатору, я узналъ, что на дняхъ пріѣхала въ Кіевъ любимая мною дѣвушка съ своими родителями, которые намѣревались пить здѣсь минеральныя воды, т. е пробыть покрайней мѣрѣ недѣль шесть, и что остановились въ обширномъ домѣ своего зятя Я тотчасъ поѣхалъ къ нимъ.

Лакей, обрадовавшись хорошо знакомому барину, отворилъ дверь въ гостинную.

Хозяева смутились, увидя меня, такъ какъ считали меня въ Харьковѣ, за 500 верстъ, но какъ благовоспитанные люди приняли вѣжливо, только мать тотчасъ вышла на минуту, вѣроятно для того, чтобы приказать дочери не приходить въ гостинную.—Разговоръ плохо вязался; хозяева намекнули,

что обѣщали быть у кого то и я скоро уѣхалъ вмѣстѣ съ другими гостями.

Затѣмъ еще два дня я ѣздилъ къ нимъ утромъ и вечеромъ, но отворялъ ли дверь лакей или горничная—„господъ нѣтъ дома“—былъ постоянный отвѣтъ.

Когда на четвертый день, Бибиковъ сказалъ мнѣ „передайте прошеніе директору канцеляріи“, то я поѣхалъ въ казначейство за гербовою бумагою, но на первомъ перекресткѣ извозчичья лошадь остановилась, потому что, чуть не задѣвъ за ея морду, пронеслась четверка лошадей, запряженныхъ въ фургонъ, въ которомъ сидѣли знакомые мнѣ поваръ и горничная, а непосредственно за фургономъ шестерикъ, запряженный въ четырехмѣстную карету, на переденемъ мѣстѣ которой сидѣла моя возлюбленная Юля. Она увидала меня и прильнула лицомъ къ стеклу кареты.

— Пошелъ за ними, не отставай! крикнулъ я извозчику.

Тогда нельзя было иначе проѣхать изъ Кіева на Днѣпровскій мостъ, какъ сдѣлавъ большой объѣздъ чрезъ крѣпость; извозчикъ значительно отставалъ, а потому проѣхавъ за Никольскую церковь, я приказалъ ему слѣдовать за экипажами, а самъ бросился по крутымъ обрывамъ, пространствомъ не менѣе версты и, то цѣпляясь за кустарникъ, то скатываясь по песку, добѣжалъ до моста раньше экипажей, сталъ за будкою сторожа, опять увидѣлъ радостное, удивленное лицо Юли и рѣшился повидаться съ нею.

Тотчасъ за Днѣпромъ былъ большой постоялый дворъ; я надѣялся добыть тамъ лошадей до первой станціи, а затѣмъ скакать хоть на край свѣта за своею Юлею.

Когда извозчикъ доѣхалъ до середины моста, то былъ остановленъ, такъ какъ въ 12 часовъ дня разводили мостъ для пропуска судовъ. Ни мольба, ни предложенная четвертная не помогли.

Вдругъ, къ несчастью моему на берегу послышался колокольчикъ и крикъ „фельдъегерь, фельдъегерь!“, который вскорѣ и прискакалъ. Поднялась возня, остановили суда и стали наводить мостъ.

На мои просьбы взять съ собою, фельдъегерь отвѣтилъ:

— Что вы! Да меня разжалуютъ въ солдаты, если я буду возить пасажировъ,—но затѣмъ сжалился и довезъ меня до первой отъ Кіева станціи Бровары, которая въ Черниговской губерніи.

Юля уже уѣхала, но я былъ здѣсь какъ дома; годомъ раньше я ревизовалъ эту, какъ и другія почтовыя станціи, а за недѣлю передъ тѣмъ я проѣзжалъ и меня узнало начальство и ямщики, а потому тотчасъ дали лошадей, хотя и безъ подорожной, что тогда было строго воспрещено.

На станціи я оставилъ свой цилиндръ и легкую камлотовую шинель, а надѣлъ ямщицкія шапку и армякъ.

На третьей станціи я догналъ экипажи, пошелъ пѣшкомъ во дворъ станціи и попросилъ смотрителя вызвать горничную, давъ которой хорошій подарокъ, получилъ ея согласіе на то, чтобы въ Козельцѣ, гдѣ уже въ сумерки родители Юли намѣревались пить чай, вывести барышню въ тѣнистый садъ, бывшій позади станціи и изъ котораго какъ зимою, такъ и за недѣлю до этого, я видѣлъ калитку въ переулокъ.

У меня составился планъ приготовить у этой калитки тройку курьерскихъ лошадей и увезти Юлю, на что она, безъ сомнѣнія, согласилась бы; а такъ какъ въ августѣ ночи уже холодныя, то я взялъ на одной изъ станцій женскую шубу на заячьемъ меху и большую шаль.

Времени оставалось немного, а потому тройка мчалась вскачь.

Въ Козельцѣ на площади, въ концѣ которой была уже видна станція, сломалась ось; перекладная перевернулась въ верхъ колесами и я очутился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ телѣги.

Пока я поднялся, будучи сильно ушибленъ, ко мнѣ подошло нѣсколько человѣкъ гулявшихъ на площади, подбѣжалъ квартальный и видя человѣка въ ямщицкой шапкѣ и въ армякѣ сверхъ изящнаго платья, да и съ женскою шубою и шалью, потребовалъ отъ меня видъ или подорожную, которыхъ, разумѣется, не было.

Это происходило въ 1848 году, когда смуты взволно-

вавшія всю Европу, проникали чрезъ Польшу въ западныя губерніи, а отчасти и по другую сторону Днѣпра.

Я узналъ квартальнаго, который въ минувшемъ году двое сутокъ дежурилъ у меня въ передней, когда я ревизовалъ Козелецкія правительственныя учрежденія; я напомнилъ ему объ этомъ, но квартальный былъ не умолимъ и отвелъ меня къ городничему, раненому кавказскому офицеру Гулевичу. Тотъ сейчасъ приказалъ очистить одну камеру въ тюрьмѣ и когда я шелъ туда, то проѣхала Юля и навсегда исчезла для меня, такъ какъ ее насильно выдали за предводителя дворянства Д. Я., котораго она вскорѣ бросила и поселилась заграницею, а я вышелъ въ отставку, переѣхалъ на Сѣверъ и уже не возвращался на Югъ.

Пріѣхавъ изъ Козельца обратно въ Кіевъ, я тотчасъ послалъ своего человѣка за почтовыми лошадьми и хотѣлъ уѣхать, ни съ кѣмъ ни видясь, но городовой, который по приказанію генералъ-губернатора былъ приставленъ къ моей квартирѣ, доложилъ мнѣ, что о пріѣздѣ моемъ приказано сейчасъ извѣстить директора канцеляріи, что уже и сдѣлано.

Дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ Писаревъ, распросилъ о всѣхъ подробностяхъ, много смѣялся и просилъ не уѣзжать, пока онъ не пріѣдетъ отъ Бибикова.

Коляска стояла уже у подъѣзда, когда возвратился Писаревъ и уговорилъ меня, сейчасъ ѣхать къ генералъ-губернатору.

Я былъ въ такомъ настроеніи, что уже все было безразлично, а потому, одѣтый въ дорожнее платье, я сѣлъ на пролетку Писарева и въ 9 часовъ вечера, пріѣхалъ съ нимъ къ Бибикову, у котораго было какое то засѣданіе въ большомъ залѣ, куда и вошли пріѣхавшіе.

Бибиковъ, не вставая съ предсѣдательскаго мѣста, протянулъ мнѣ свою единственную руку (вторую оторвало ядро) и громко сказалъ по французски:

— Можно любить, можно... но нельзя дѣлать скандаловъ, а потому необходимо отложить дѣло на неопредѣленный срокъ.

— Я пріѣхалъ только благодарить васъ за освобожденіе

меня изъ тюрьмы и просить у васъ прощенія въ причиненномъ вамъ безпокойствѣ.

— Прощать нечего,—сказалъ смѣясь Бибиковъ,—я самъ былъ молодъ и, можетъ быть, продѣлывалъ такія же штуки; а вы не виноваты, что сломалась ось и вышелъ скандалъ; но вы понимаете, что объ немъ сейчасъ узнаютъ всѣ три губерніи подвѣдомственныя мнѣ, а потому не удобно посылать васъ туда. А жаль, что не удался увозъ; если бы вы пріѣхали сюда съ барышней, то я бы уговорилъ родителей и съ удовольствіемъ былъ бы вашимъ посаженымъ отцомъ; а пока до свиданья.

Въ Петербургѣ, когда Бибиковъ былъ уже министромъ, онъ при первой встрѣчѣ со мною, самъ вспомнилъ о Кіевскомъ происшествіи, а потомъ Харьковскіе знакомые мои камеръ-юнкеръ Александръ Н. Искрицкій и кн. Василій Петровичъ Голицынъ передавали мнѣ, что онъ и имъ говорилъ объ этомъ.

Д. Г. Бибиковъ займетъ видное мѣсто въ исторіи западнаго края, а потому отношеніе его къ описанному здѣсь дѣлу и его распоряженіе объ освобожденіи изъ не подвѣдомственной ему тюрьмы человѣка подозрѣваемаго въ политическихъ козняхъ, въ самый разгаръ смутъ 1848 года, могутъ прибавить еще одну черту къ характеристикѣ этого, ненавистнаго полякамъ, но истиннаго русскаго богатыря.

Глава 21.

Деревня, Петербургъ и нѣкоторыя мои сочиненія.

Тотчасъ послѣ Кіевской катастрофы, я вышелъ въ отставку, пробывъ на службѣ около четырехъ лѣтъ.

Изъ многихъ, исполненныхъ мною порученій, приведены здѣсь только тѣ, которыя характеризуютъ эпоху или выдающихся людей. Кромѣ того я составилъ „*Руководство слѣдователямъ*“ и „*Руководство для веденія въ присутственныхъ мѣстахъ книгъ, журналовъ и всего дѣлопроизводства*“.

По дѣламъ моего отца, я переѣхалъ въ Гродненскую губернію, поселился въ имѣніи и прожилъ тамъ 15 лѣтъ.

Первое время я никуда не выѣзжалъ, занимаясь дѣлами и устройствомъ имѣнія; но спустя лѣтъ пять, сталъ ѣздить зимою, мѣсяца на три въ Петербургъ, гдѣ между прочимъ работалъ и въ Публичной библіотекѣ. Въ первыя три зимы 1854, 1855 и 1856 годовъ, я напечаталъ въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“, большую статью „*О Русскомъ Сельскомъ Хозяйствѣ*“, за которую былъ единогласно избранъ членомъ общества; затѣмъ статья эта была напечатана отдѣльною брошюрою, а въ 1865 году вышла вторымъ изданіемъ; перевелъ съ англійскаго американскую повѣсть для юношества „*Фонар-*

щикъ“ (The lamplighter) Миссъ Кольминъ, напечатанную въ четырехъ небольшихъ томикахъ; помѣщалъ свои статьи въ „Пантеонѣ“ и въ другихъ журналахъ; между прочимъ въ 1854 году, былъ напечатанъ мой *„Разборъ сочиненій Вильяма Вильки-Коллинса“*, тогда же появились статьи *„Новая школа романистовъ въ Германіи“*, *„Новѣйшіе англійскіе романисты* и другія большія статьи.

Глава 22.

Зародышъ, освобожденія крестьянъ. Государственные крестьяне. Муравьевъ, Михаилъ Николаевичъ.

Зимою съ 1856 на 1857 годъ всѣ умы были заняты уже нарождающеюся надеждою на крестьянскую реформу; всякій излагалъ и навязывалъ другимъ свое мнѣніе и всѣ волновались, это дѣло такъ интересовало меня, что я собрался уѣхать изъ Петербурга только въ концѣ мая, 1857 года, и въ одно изъ воскресеній поѣхалъ проститься съ княгинэю Луціею Іосифовною Долгоруковой, вдовою моего бывшаго начальника.—У княгини я засталъ Ростовцева (знаменитаго Якова Ивановича), а также одного родственника княгини и трехъ ея знакомыхъ изъ Литвы, у которыхъ въ рукахъ былъ *проэктъ освобожденія крестьянъ*, представленный затѣмъ, Государю 18 августа того же, 1857 года. Для обсужденія этого проэкта пріѣхалъ къ княгинѣ Долгоруковой Ростовцевъ, тогда еще противникъ освобожденія крестьянъ, а тѣмъ болѣе съ землею.

Дѣло въ томъ, что польскіе помѣщики трехъ сѣверозападныхъ губерній, зная, что освобожденіе крестьянъ, котораго желали два императора, должно, наконецъ, совершиться и опасаясь менѣе выгодныхъ для себя условій, составили проэктъ, по которому, какъ во всѣхъ государствахъ Ев-

ропы и въ царствѣ Польскомъ, крестьяне освобождались *безъ земли*. Они просили Государя дозволить имъ исполнить это сейчасъ, прямо отъ себя, proprio motu. Это былъ первый зародышъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Многіе либералы „Европейцы", хотѣли согласится съ мнѣніемъ поляковъ, и Ростовцевъ сначала не соглашался только съ частностями; но русская партія, зная, что крестьянинъ составляетъ самый надежный элементъ государства, составляетъ его опору, настояла на надѣлѣ крестьянъ землею, къ чему потомъ присоединился и Ростовцевъ.

Однакоже вліяніе поляковъ было такъ сильно въ высшихъ сферахъ, что положеніемъ 19 февраля предоставлялось крестьянамъ *не брать земли* и дѣйствительно многіе, побуждаемые злоумышленниками, отказались отъ земли. Крестьяне эти вотъ уже въ теченіе 40 лѣтъ причиняютъ правительству много хлопотъ. Ихъ сдѣлали мѣщанами, хотя они остались въ деревняхъ, городское самоуправленіе путалось съ этими фиктивными мѣщанами, никогда не бывшими въ городѣ, а для полиціи и волостныхъ правленій они были язвою. Наконецъ, только теперь, спустя 40 лѣтъ, правительство стало кое гдѣ надѣлять ихъ землею.

И такъ я находился съ прощальнымъ визитомъ у княгини Долгоруковой. Во время горячей бесѣды вдругъ открылась дверь въ гостинную, и лакей княгини сказалъ:

— Пожалуйте, принимаютъ.

Въ гостинную вошелъ генералъ, лѣтъ шестидесяти, средняго роста, тучный, съ большею круглою головою. Княгиня не успѣла познакомить съ нимъ своихъ гостей, какъ Ростовцевъ уже втянулъ генерала въ горячій споръ съ представителями Литвы; серьезная бесѣда продолжалась болѣе часа и я принималъ въ ней живое участіе.

Затѣмъ когда подали чай, споръ нѣсколько утихъ и генералъ, сидѣвшій рядомъ со мною спросилъ:

— Вы живете въ Петербургѣ?

— Нѣтъ я живу постоянно въ деревнѣ и только зимою, мѣсяца на два, пріѣзжаю сюда; но теперь разрабатываются здѣсь такіе жгучіе вопросы, что я засидѣлся.

— И нигдѣ не служите?

— Не служу, т. е. никогда не былъ на службѣ и не знаю въ чемъ состоятъ мои обязанности, но числюсь въ М-вѣ Госуд. Имуществъ.

— Вы у меня служите? Очень радъ, что познакомился съ вами, сказалъ генералъ;—если вы свободны завтра утромъ въ 10 часовъ, то будьте любезны пріѣхать ко мнѣ, на Владимірской, второй домъ отъ церкви; и такъ до свиданья—сказалъ онъ протягивая мнѣ руку, и, простившись съ остальными, уѣхалъ.

Оказалось, что это Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, не задолго передъ тѣмъ назначенный министромъ Госуд. Имуществъ, другъ покойнаго князя Долгорукова, раза два въ годъ навѣщавшій княгиню.

На другое утро, въ своемъ кабинетѣ Муравьевъ сначала задавалъ мнѣ короткіе вопросы и слушалъ разъясненія, пронизывая меня насквозь своими необыкновенными глазами, и только послѣ этого экзамена, сталъ уже самъ, очень подробно развивать свои мысли, говорить о томъ, что ему извѣстно и перечислять то, что ему не извѣстно въ управленіи государственными имуществами.

Спустя нѣсколько дней и послѣ еще двухъ бесѣдъ, предписаніемъ отъ 3 Іюня 1857 года за № 396, Муравьевъ поручилъ мнѣ: во 1-хъ собрать свѣдѣнія *о результатахъ* системы „принятой при устройствѣ государственныхъ иму„ществъ и при управленіи ими; во 2 хъ *представить со„ображенія* о степени и свойствѣ вліянія системы этой на „земледѣліе и на благосостояніе государственныхъ крестьянъ, „сравнительно съ прежнимъ порядкомъ; въ 3-хъ *представить соображенія* о лучшемъ порядкѣ управленія крестьянами и „о способахъ извлеченія болѣе значительныхъ доходовъ съ „государственныхъ имуществъ, безъ увеличенія денежныхъ съ „крестьянъ сборовъ и безъ стѣсненія частной производи„тельности.„ На этомъ предписаніи Муравьевъ своею рукою прибавилъ: въ верху „конфиденціально", а внизу „Доносить мнѣ, адресуя въ собственныя руки".

Государственныя имущества во всей Россіи управлялись однимъ закономъ, а потому, для тщательнаго изученія „результата" этихъ законовъ, я ограничился раіономъ своего

гродненскаго имѣнія, т. е. сѣверо-западными губерніями, а потомъ уже провѣрилъ свои наблюденія въ центральной Россіи и въ дѣлахъ министерства.

Когда зимою, того-же 1857 г. я явился Муравьеву во время общаго пріема, то Муравьевъ приказалъ прійти на другой день въ 9 часовъ утра, и разрѣшилъ всегда въ этотъ часъ приходить къ нему, если встрѣтится надобность. (Онъ тогда, въ халатѣ, пилъ чай и курилъ изъ длиннаго чубука).

Я нѣсколько разъ пользовался этимъ разрѣшеніемъ, и разговоръ у насъ велся не только о государственныхъ, но и о помѣщичьихъ крестьянъ, которыми тогда были заняты всѣ умы въ Россіи,

Я полагалъ, что крѣпостные должны быть освобождены непремѣнно съ землею, *но выкупъ помѣщикамъ должны платить сами крестьяне, а не казна*, разумѣется, съ правомъ до срока выкупить свою землю. При этомъ крестьяне, лично, стали бы сразу свободными гражданами, но еще въ теченіи около 40 лѣтъ, были бы матеріально связаны съ помѣщикомъ; ихъ взаимное отношеніе не было бы нарушено; бѣдные платили бы помѣщику, какъ и прежде работою, болѣе состоятельные деньгами, вносимыми въ казначейство, а богатые сейчасъ бы выкупили свои земли.

Муравьевъ приказалъ мнѣ представить объ этомъ краткую записку и въ нѣсколькихъ экземплярахъ передалъ ее главнымъ дѣятелямъ по крестьянскому дѣлу; онъ горячо защищалъ этотъ проектъ въ комитетѣ, который былъ образованъ 8 январи 1858 г. т. е. именно въ это время.

Но Ланской, Блудовъ, Бутковъ, а потомъ и Ростовцевъ, совершенно измѣнившій свой взглядъ на крестьянское дѣло, были противъ этого проекта; они требовали, чтобы всѣ отношенія крестьянъ къ помѣщику сразу прекратились.

„И цѣпь порвалась, и однимъ концомъ ушибла мужика, а другимъ помѣщика", и больно очень больно ушибла обоихъ, что и видно теперь, спустя 40 лѣтъ, послѣ 19 Февраля 1861 года, когда оба эти сословія обнищали. Порванная цѣпь больно ушибла и казну, потерявшую сотни милioновъ на выкупномъ дѣлѣ, вынужденную теперь давать

дворянамъ сотни миліоновъ изъ $3^1/_2{}^0/_0$, когда сама платитъ $4^0/_0$ и больше, и вынужденную помогать во всѣхъ видахъ крестьянамъ.

Объ этой запискѣ еще недавно вспомнилъ Николай Евгеніевичъ Боратынскій (сынъ поэта, казанскій предводитель дворянства) и подробно разобралъ ее въ своей критикѣ моей брошюры „О Дворянствѣ“.

Въ февралѣ 1858 г., я представилъ Муравьеву свой служебный докладъ на двухъ дестяхъ бумаги, и приложенія къ нему, составившія кипу въ аршинъ вышины.

Докладъ этотъ, согласно предписанію, начинался съ подробнаго историческаго очерка „устройства государственныхъ имуществъ и управленія ими“ съ древнихъ временъ; затѣмъ я изложилъ „результаты“ этой системы и „соображенія“ о нѣкоторыхъ необходимыхъ реформахъ, изъ которыхъ главныя, для всей Россіи, сводились къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: во 1-хъ, въ губерніи палата государственныхъ имуществъ, т. е. колегіальное управленіе государственными имуществами и крестьянами, *должна быть замѣнена управляющимъ* т. е. однимъ лицомъ отвѣтственнымъ за все происходящее въ губерніи. Необходимость этого была доказана мною теоретически и подтверждалась многими фактами и документами. Во 2-хъ, *должна быть упразднена должность окружнаго начальника,* который злоупотреблялъ своею властью и относился къ казеннымъ крестьянамъ, какъ помѣщикъ къ своимъ крѣпостнымъ.

Проэктъ этотъ былъ цѣликомъ утвержденъ законодательнымъ порядкомъ и отчасти приведенъ въ исполненіе самимъ Муравьевымъ, все же преобразованіе было закончено его преемникомъ Зеленымъ. *Палаты во всей Россіи были замѣнены управляющими, а окружные начальники упразднены.* Были исполнены и нѣкоторыя другія мои предложенія.

Муравьевъ, на поляхъ доклада сдѣлалъ 28 распоряженій и замѣтокъ, а на первомъ листѣ написалъ: „Прошу П. А. Валуева (назначеннаго тогда директоромъ департамента) „прочесть эту записку и познакомиться съ г. Плансономъ, „который сообщитъ ему много полезныхъ свѣдѣній“. Я былъ раньше лично знакомъ съ Валуевымъ, а вслѣдствіе этой

резолюціи Муравьева, мы провели вмѣстѣ нѣсколько вечеровъ, бесѣдуя о служебныхъ и о всякихъ дѣлахъ, волновавшихъ тогда всѣ умы.

2 марта Муравьевъ послалъ за мною и выйдя изъ кабинета въ пріемную, въ присутствіи Валуева, Лазаревскаго, Рыжева, директора канцеляріи и еще около десятка служащихъ и постороннихъ, подошелъ прямо ко мнѣ, подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ за докладъ. Вы превзошли мои ожиданія. Чѣмъ могу вознаградить васъ?

— Я счастливъ, что оправдалъ довѣріе В. В. П-ва— сказалъ я,—но теперь позвольте мнѣ, завтра же, уѣхать въ деревню, такъ какъ дорога портится, а моя жена въ послѣднемъ періодѣ беременности, осенью же, если я буду вамъ нуженъ, то пріѣду опять.

— Возьмите какое либо порученіе, которое не затруднитъ Васъ; все же вы будете, какъ бы на службѣ.—Напишите сейчасъ же предписаніе и дайте мнѣ подписать,— сказалъ онъ директору канцеляріи.

Спустя часа два курьеръ привезъ мнѣ запечатанный конвертъ; не распечатывая, я положилъ его въ карманъ и въ ту же ночь, 2 марта 1858 года, уѣхалъ съ женою въ каретѣ, поставленной на полозьяхъ, которыя долженъ былъ бросить на пути и пріѣхалъ въ имѣніе на колесахъ,

Я больше не возвращался на службу въ Петербургъ и въ октябрѣ, тогоже 1858 года, вышелъ въ отставку.

Глава 23.

Графъ Шуваловъ, Петръ Андреевичъ, какъ начальникъ штаба корпуса жандармовъ и какъ помощникъ кн. Горчакова на Берлинскомъ конгрессѣ.

Если бы гр. Шуваловъ остался навсегда петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ или жандармомъ то, разумѣется, что я не упоминалъ бы и о немъ; но онъ былъ инцiаторомъ постыднаго для Россiи Берлинскаго конгресса и игралъ на немъ главную роль, а потому даже маленькiй эпизодъ изъ его жизни, можетъ помочь къ выясненiю этой, уже исторической, личности.

Утромъ я былъ въ собранiи дворянъ, прiѣзжавшихъ тогда во множествѣ въ Петербургъ, а вечеромъ былъ на журъфиксѣ, но безъ обычныхъ картъ и танцевъ, а превратившемся въ эту зиму въ маленькiй парламентъ или клубъ, разумѣется не якобинцевъ и не карбонарiевъ, но въ которомъ всякiй свободно выражалъ свое мнѣнiе. (Неудобно назвать фамилiю этаго семейства, такъ какъ члены его и теперь живутъ въ Петербургѣ).

Спустя день начальникъ штаба корпуса жандармовъ, графъ Шуваловъ, потребовалъ меня къ себѣ, въ III-е Отдѣленiе у Цѣпнаго моста.

Въ прiемной было нѣсколько человѣкъ.

Пожилой жандармскій полковникъ пошелъ доложить; выйдя изъ кабинета пригласилъ туда какую то молодую даму, всю въ черномъ, но судя по скромному и изящному туалету и по манерамъ, принадлежащую къ высшему кругу и сказалъ мнѣ: „ступайте къ графу послѣ этой дамы“, а самъ вышелъ изъ пріемной.

Дама не притворила двери въ кабинетъ и оттуда явственно доносился крикъ графа; онъ бранилъ ее за дурное отношеніе къ мужу. (Тогда мирить супруговъ, была одною изъ функцій жандармовъ). Дама вышла вся въ слезахъ.

Я вошелъ; передо мною была огромная комната, кажется, въ пять или шесть оконъ на Фонтанку; въ концѣ комнаты, поперекъ, стоялъ письменный столъ, за которымъ сидѣлъ генералъ, лѣтъ сорока.

Едва я вошелъ, графъ, красивый мужчина большаго роста, съ широкою грудью, вскочилъ и сталъ громко кричать. Сдѣлавъ шаговъ 5 или 6, я остановился, поднялъ руку и сказалъ:

— Позвольте, я притворю дверь, а то все слышно въ пріемной.

И повернувшись, не спѣша, пошелъ къ двери, которую и затворилъ плотно.

Когда я обратился лицомъ къ графу, то тотъ стоялъ уже по эту сторону стола и опять сталъ кричать, но звукъ былъ уже фальшивый, дѣланный. Первый крикъ при появленіи моемъ былъ естественный, и хотя не простительный, однако же возможный у человѣка раздраженнаго; но когда моментъ раздроженія миновалъ, когда я остановилъ его и послѣдовала тишина, крикъ былъ уже дѣланный, нота была фальшивая и я, невольно, улыбнулся. Я шелъ медленно и остановился шагахъ въ трехъ отъ графа.

Крикъ, грубыя слова, угроза выслать въ 24 часа, а то и сейчасъ, топаніе ногами и угрожающіе жесты продолжались очень долго.

Я стоялъ безмолвно, опустивъ глаза; мнѣ стало грустно, больно.

Во 1-хъ, когда происходила эта грубая сцена, эта брань? Въ ту минуту, когда вся Россія и весь цивилизован-

ный міръ ликовали, видя приближеніе новой эры, признанія свободы человѣческой личности и человѣческаго достоинства.

Во 2-хъ, на кого кричалъ онъ? На человѣка интеллигентнаго, принадлежащаго къ тому класу людей, которые вырабатывали и освобожденіе крестьянъ, и земство, и гласный судъ. Крича на него, онъ кричалъ на всѣхъ сотрудниковъ Государя, потому что всѣ были солидары между собою, и, не смотря на вопль ретроградовъ сдѣлали свое великое дѣло.

Въ 3-хъ, кто кричалъ и топалъ ногами? Человѣкъ, который по рожденію и по своему положенію долженъ бы быть представителемъ порядочности, который раньше другихъ долженъ былъ усвоить требованія вѣка и требованія гуманнаго, доблестнаго ученика Жуковскаго.

Съ грустью вышелъ я изъ кабинета гр. Шувалова.

Изъ передней вела на верхъ великолѣпная лѣстница, покрытая ковромъ.

— Что тамъ на верху?—спросилъ я швейцара, державшаго мою шубу.

— Квартира князя Долгорукова, (Шефъ жандармовъ).

— Дома князь?

— Дома, но они теперь не принимаютъ.

Я пошелъ на верхъ, разумѣется не жаловаться, а отвести душу.

Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, былъ роднымъ братомъ князя Николая Андреевича, бывшаго харьковскаго генералъ-губернатора и въ сороковыхъ годахъ состоялъ начальникомъ штата у генерала Никитина (впослѣдствіи графа), начальника всѣхъ южныхъ военныхъ поселеній, жившаго въ Кременчугѣ; князь часто пріѣзжалъ въ Харьковъ, останавливался у брата и все время проводилъ въ обществѣ его маленькаго штаба. Онъ ближе сошелся съ боевымъ, пожилымъ полковникомъ Караяни, отбывшимъ персидскую и польскую кампаніи, и со мною, такъ какъ по возрасту я былъ моложе его всего лѣтъ на десять. Бывая въ Кременчугѣ, я останавливался у него и большею частью спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, потому что лѣтомъ, въ отсутствіи княгини, часть дома запиралась.

Я вспомнилъ, какъ въ одномъ бѣльѣ, сидя на кровати князя, мы читали запрещеннаго тогда „Демона“ и многое другое и какъ мы восторгались; вспомнилъ, какъ вели бесѣды о любви къ ближнему, къ человѣчеству; вспомнилъ, какъ въ Харьковѣ совершали длинныя прогулки верхомъ, опаздывали къ обѣду и получали строгій выговоръ отъ хозяина-гастронома; вспомнилъ, какъ князь въ Чугуевѣ рано утромъ уѣхалъ отъ брата на маневры—полковникомъ, а вечеромъ того же дня возвратился генералъ-адъютантомъ и съ полнымъ генералъ-адъютанскимъ мундиромъ, который подарилъ ему Наслѣдникъ Цесаревичъ и какъ за чаемъ, онъ сердечно пожалъ руки бывшихъ здѣсь полковника Караяни и мою, и сказалъ: «я на всегда останусь вашимъ другомъ».

И князь исполнилъ обѣщаніе, данное 14 лѣтъ тому назадъ, въ которые онъ былъ военнымъ министромъ и шефомъ жандармовъ; онъ дружески встрѣтилъ меня и, взявъ подъ руку, повелъ завтракать.

Княгиня, одѣтая по домашнему, въ утренней блузѣ, была въ маленькой комнатѣ, въ два окна во дворъ, передъ ней стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ, а возлѣ нея на туабреткѣ, самоваръ. За столомъ сидѣли сынъ князя и молодая гувернантка. Княгиня удивилась, видя незнакомаго, встала и хотѣла уйти, но князь просилъ ее остаться и отрекомендовалъ меня старымъ товарищемъ, а хотя она мало знала меня, однакожъ вскорѣ вспомнила, когда князь заговорилъ про Кременчугъ и Харьковъ, куда и она пріѣзжала иногда.

Князь сѣлъ противъ меня и разстегнулъ сюртукъ, подъ которымъ не было ни жилета, ни галстуха, а только мягкая бѣлая рубашка съ отложными воротничками.

Разговоръ былъ оживленный; держа на вилкѣ кусокъ котлетки и нагнувшись надъ столомъ, я что то разсказывалъ, а князь хохоталъ откинувшись на спинку стула, при чемъ сюртукъ совсѣмъ распахнулся, такъ что была видна не только рубашка, но и часть не прикрытой груди. Княгиня и юноша тоже смѣялись.

Лучшей семейной картины или дружескаго кружка и Маковскій не придумаетъ.

Противъ княгини отворилась дверь и вошелъ гр. Шуваловъ.

Нѣтъ! Каменный Командоръ, явившись передъ Донъ-Жуаномъ и Доной-Анной былъ менѣе истуканомъ, нежели Шуваловъ стоя въ дверяхъ.

— Здравствуйте графъ, подойдите же къ намъ,—сказалъ наконецъ князь, очевидно удивленный этимъ.

Шуваловъ машинально, какъ лунатикъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Позвольте васъ познакомить...

— Мы знакомы,—перебилъ я князя и не вставая, а только немного повернувъ голову въ сторону Шувалова, протянулъ руку и сердечно жалъ его руку.

Да, сердечно! „Лежачаго не бьютъ"; а Шуваловъ былъ низвергнутъ съ пьедестала.

Князь и княгиня предложили ему завтракъ и чай, но онъ поблагодарилъ, сказалъ, что спѣшитъ, сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ.

— Что это съ нимъ сегодня?—спросила княгиня,—даже не поздаровался со мною, да и съ тобою тоже?

А потомъ, какъ самонадѣянно и гордо онъ ломалъ и уничтожалъ на Берлинскомъ конгрессѣ все сдѣланное русскимъ народомъ и Александромъ II.

Въ Берлинѣ онъ былъ помощникомъ князя Горчакова, но въ сущности, онъ еще въ Лондонѣ, гдѣ былъ посланникомъ, подготовилъ съ Биконсфельдомъ и Салисбери всѣ условія этого постыднаго конгресса, такъ что въ Берлинѣ князю Горчакову уже нечего было дѣлать; а потому онъ выписалъ изъ Петербурга своего постояннаго партнера въ вистъ, состоящаго при министерствѣ, А. И. Энгельгарта (знакомаго мнѣ по Смоленску), игралъ по 12 роберовъ въ день и только подписывалъ, уже подписанное Шуваловымъ. Жалкая роль умирающаго льва.

Глава 24.

Канунъ возстанія поляковъ въ 1863 году. Назимовъ, виленскій генералъ-губернаторъ.

Въ 1861 и 1862 годахъ весь Западный край былъ въ волненіи: крупное польское дворянство и мелкая шляхта собирали оружіе и деньги подъ угрозою смерти, даже съ русскихъ и съ евреевъ; чиновники ходили на службу въ польскихъ старинныхъ чамаркахъ (со шнурами на груди, вродѣ гусарскаго мундира); русскимъ крестьянамъ, которые составляютъ въ западныхъ губерніяхъ около 80% населенія, обѣщали отдать землю даромъ, безъ выкупа и ополяченные дворовые люди соблазнялись этимъ, а потомъ пошли за шляхтою въ банды. Въ 1861 году были образованы кружки, каждый членъ которыхъ зналъ только двухъ участниковъ, совершенно какъ было въ Польшѣ, при кн. Горчаковѣ. Все это было извѣстно всѣмъ властямъ, но правительство молчало.

Я жилъ еще тогда въ своемъ гродненскомъ имѣніи, ликвидируя здѣсь свои дѣла. Однажды лѣтомъ, рано утромъ, я поѣхалъ въ уѣздный городъ Слонимъ, и встрѣтилъ на улицѣ уѣзднаго предводителя Евстафія Воловича.

— Стой, стой, стой!—кричалъ онъ.

— Здравствуйте,—сказалъ я, выйдя изъ экипажа.

— Вы мнѣ ужасно нужны; сейчасъ хотѣлъ посылать за вами нарочнаго, какъ и за другими дворянами. А вашъ экипажъ просто находка. (Двухмѣстная коляска, запряженная тройкой шестивершковыхъ вороныхъ лошадей въ русской сбруѣ, покрытой высеребреными бляхами и съ бубенчиками, кучеръ въ бархатной безрукавкѣ и въ ямской шляпѣ съ павлинымъ перомъ. Кучеръ и лакей, мои харьковскіе крѣпостные).

— Да въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.

— Я только что получилъ эстафету, что завтра вечеромъ или ночью пріѣдетъ нашъ генералъ-губернаторъ Назимовъ, а потому приглашаю всѣхъ дворянъ; а главное, нужны знающіе французскій языкъ, потому что съ польскими дворянами Назимовъ любитъ говорить на дипломатическомъ языкѣ. (Это уже послѣ того, какъ 30 лѣтъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Литвы введено преподаваніе на русскомъ языкѣ).

— Да я тутъ при чемъ? Я живу здѣсь давно, и не причислялся къ вашему дворянству, не участвую въ дворянскихъ собраніяхъ и дѣлахъ; я харьковскій, а не гродненскій дворянинъ, здѣсь же я только гость.

— Все равно, вы дворянинъ и живете здѣсь, вотъ я и приглашаю васъ завтракать и обѣдать со мною, а послѣ завтра—съ генералъ-губернаторомъ; пожалуйста не откажите, а свой русскій экипажъ предоставьте въ распоряженіе генералъ-губернатора, мы, хотя и поляки, а все же числимся подданными русскаго Царя, вотъ у насъ и будетъ экипажъ „а ля рюссъ", а у всѣхъ насъ польская или англійская упряжь.

Спустя два дня, около 5 часовъ, когда у Воловича сидѣло за столомъ около 15 человѣкъ съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, я былъ свидѣтелемъ слѣдующей картины. Всѣ окна открыты. Изъ сосѣдняго католическаго собора выходитъ процесія, (вродѣ крестнаго хода), огромная толпа съ духовенствомъ во главѣ, идетъ по улицѣ и поетъ революціонную пѣсню, прося Бога о возстановленіи Польши „отъ моря до моря и до Днѣпра", т. е. не исключая дома предводителя дворянства, въ которомъ сидитъ за столомъ генералъ-губернаторъ, представитель русскаго Царя. Назимовъ однако не обратилъ никакого вниманія на эту, очевидную

демонстрацію и оживленный разговоръ за столомъ продолжался; только пришлось говорить громче, такъ какъ пѣніе мѣшало.

Послѣ обѣда пили кофе и ликеры на балконѣ, выходящемъ въ тѣнистый садъ. Спустя нѣкоторое время Назимовъ приказалъ своему адъютанту позвать городничаго.

Толстый, курносый, пожилой офицеръ, безъ эполетъ, сталъ въ дверяхъ и замеръ.

— У васъ поютъ революціонныя пѣсни?

— Поютъ В. В. П-во.

— И часто?

— Въ праздники, а иногда и въ другіе дни В. В. П-во.

— Вы не должны допускать этого; смотрите, чтобы впредь не пѣли. Ступайте!

И начатый разговоръ о расчисткѣ проходящаго чрезъ Слонимъ стараго канала князя Огинскаго, продолжался.

А „отъ моря до моря и до Днѣпра", продолжали пѣть во всѣхъ городахъ съ католическими костелами революціонныя пѣсни, открыто собирали деньги и оружіе, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ полилась уже и кровь „отъ моря до моря и до Днѣпра", хотя тамъ $^{9}/_{10}$ населенія православные русскіе, знающіе только русскій языкъ.

Глава 25.

Эпизодъ изъ возстанія 1863 года. Повѣшенный священникъ.

Въ 1862 году оставаться въ этомъ гродненскомъ имѣніи мнѣ уже нельзя было по двумъ причинамъ. Во первыхъ, возстаніе явно приближалось, а такъ какъ я не раздѣлялъ взглядовъ мѣстнаго дворянства, къ которому и не причислялся, оставаясь харьковскимъ дворяниномъ, то положеніе мое было фальшивымъ въ этомъ краѣ вообще, а тѣмъ болѣе среди сосѣдей, съ которыми я сдружился. Во вторыхъ, мои четыре сына требовали уже гувернантокъ или учителей, конечно не поляковъ. А такъ какъ другихъ тамъ не было, то я постепенно ликвидировалъ всѣ дѣла, въ гродненской губерніи, распродалъ все имущество, сдалъ имѣніе въ аренду на 12 лѣтъ и въ 1863 году переѣхалъ въ ближайшій русскій городъ Смоленскъ, въ 40 верстахъ отъ котораго купилъ 1000 дес. земли на рѣкѣ Касплѣ. Въ той же гродненской губерніи, былъ помѣщикъ Лукашевичъ. Окончивъ московскій университетъ со степенью кандидата, онъ поступилъ на должность помощника акцизнаго надзирателя, потому что на этой должности онъ могъ жить въ своемъ имѣніи и вести хозяйство, и ѣздить на заводы для повѣрки дѣятельности подвѣдомственныхъ ему надсмотрщиковъ.

Онъ хорошо игралъ на роялѣ, былъ человѣкъ очень

общительный, а потому, скоро сошелся со мною и съ моимъ семействомъ, такъ что я даже отвелъ ему особую комнату, въ которой Лукашевичъ останавливался и оставлялъ часть бумагъ и вещей, когда ѣхалъ на ревизію сосѣднихъ заводовъ. Но съ января 1863 года онъ уже не пріѣзжалъ болѣе ко мнѣ.

Я окончательно переѣхалъ въ Смоленскъ, только въ августѣ этого же года.

Возстаніе въ это время уже было въ полномъ разгарѣ, хотя до слонимскаго уѣзда еще не доходило; но какъ разъ въ августѣ, банда повстанцевъ, приблизительно въ 300 человѣкъ, изъ волковысскаго уѣзда подошла къ старо-сельскому волостному правленію, находившемуся въ верстѣ отъ моей усадьбы. Старшина въ кафтанѣ съ золотымъ галуномъ и наличныя сельскія власти встрѣтили начальника банды съ низкими поклонами. Это былъ никто иной какъ Лукашевичъ.

— Дома Плансонъ?—спросилъ начальникъ банды.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старшина,—третьяго дня онъ совсѣмъ уѣхалъ, останавливался здѣсь и прощался съ нами.

— А его жена, родители?

— Всѣ уѣхали въ двухъ каретахъ и двухъ фургонахъ съ вещами.

— Кто же здѣсь остался?

— Жидъ арендаторъ и больше никого.

— А мебель, вино въ подвалахъ? Вѣроятно есть въ амбарахъ мука, овесъ?

— Все распродали, домъ заколоченъ, амбары пусты, а хлѣбъ еще въ полѣ.

— Эка досада, а я назначилъ у него двухдневный отдыхъ,—сказалъ предводитель отряда, мой другъ, Лукашевичъ.—Нечего дѣлать отправимся къ Вольбеку, (богатый польскій помѣщикъ, владѣлецъ мѣстечка Озерницы), чрезъ часъ или полтора будемъ у него. (Повстанцы никогда не предупреждали о своемъ приходѣ, чтобы помѣщикъ не скрылся или не извѣстилъ русскаго отряда, если онъ былъ по сосѣдству).

Не доходя до помѣщичьей усадьбы около версты, въ мѣстечкѣ Озерницѣ, Лукашевичъ повѣсилъ на воротахъ церкви

православнаго священника за то, что тотъ не встрѣтилъ его съ почетомъ. И это сдѣлалъ кандидатъ московскаго университета!

Затѣмъ небольшой отрядъ русскихъ войскъ разбилъ ихъ потому, что пинскія болота (теперь осушенныя казною), не дали возможности соединиться двумъ бандамъ; многіе повстанцы потонули въ болотахъ, а Лукашевичъ былъ убитъ. (Смотри брош. „Сословія“ стр. 52).

За пріемъ повстанцевъ помѣщикъ Вольбекъ просидѣлъ два года въ тюрьмѣ, а имѣніе было взято въ казенную администрацію и раззорено; возвратясь, онъ не нашелъ ни хлѣба, ни скота; при обыскѣ сорвали паркетные полы, которыхъ Вольбекъ потомъ уже не исправлялъ, оставляя сломанные полы памятникомъ 1863 года.

Очевидно таже участь постигла бы меня и мое имѣніе, но Богъ спасъ.

Глава 26.

Второй эпизодъ изъ возстанія 1863 года.

Я сказалъ уже, что въ августѣ 1863 года я со всѣмъ семействомъ и имуществомъ уѣхалъ изъ Литвы надолго, а потомъ оказалось, что даже и навсегда.

Я избралъ мѣстомъ жительства Смоленскъ, какъ ближайшій къ имѣнію русскій городъ. Но такъ какъ въ Смоленскѣ не было ни желѣзной дороги, ни транспортныхъ конторъ, которыя взялись бы доставить туда мои вещи, то я рѣшилъ ѣхать на Гродну, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, пробыть тамъ нѣкоторое время, отправить свой громадный багажъ чрезъ транспортную контору и ужъ потомъ ѣхать налегкѣ въ Смоленскъ.

Въ Гродну мы пріѣхали поздно ночью, кое какъ переночевали въ гостинницѣ и въ экипажахъ, выкормили хорошо лошадей и въ 9 часовъ утра уже были на вокзалѣ; поѣздъ въ Петербургъ шелъ въ 11 часовъ. Семейство занялось чаемъ, а я, вмѣстѣ съ провожавшимъ насъ приказчикомъ,—сдачею багажа; въ 10½ часовъ все было окончено и четыре экипажа съ 19 лошадьми были отправлены обратно въ имѣніе.

Тогда, принявшись за завтракъ, я сказалъ женѣ:

— Ты вотъ прожила шесть лѣтъ въ сосѣдствѣ съ Варшавою, а не видала этого полу-европейскаго города, совер-

шенно непохожаго на наши столицы и на другіе русскіе города; поѣздъ идетъ въ Варшаву въ 12 часовъ; давай-ка съѣздимъ туда съ двумя старшими мальчиками, а въ Петербургъ мы пріѣдемъ всего тремя днями позже нашихъ.

Всѣ узнали о возстаніи въ Польшѣ, объ открытой войнѣ, которая велась тамъ, но подробности не доходили до деревни; сосѣди поляки не сообщали ихъ намъ, а русскихъ и совсѣмъ не было въ нашихъ краяхъ. Банда Лукашевича первая появилась въ Слонимскомъ уѣздѣ и о приходѣ ея мы, разумѣется, не узнали; однако же мой отецъ и мать испугались, услыхавъ о моемъ намѣреніи ѣхать въ Варшаву то-есть въ самый центръ военныхъ дѣйствій!

Но я держался правила, «смѣлымъ Богъ владѣетъ», а потому простившись въ 11 часовъ съ плакавшими и благословлявшими насъ родителями моими, я съ женою и двумя старшими мальчиками остался на вокзалѣ, имѣя при себѣ только небольшой саквояжъ, и отправивъ стариковъ своихъ съ двумя другими мальчиками въ Петербургъ. Въ это время пріѣхалъ на вокзалъ Андрей Львовичъ Кожевниковъ, бывшій гродненскій управляющій государственными имуществами и сталъ отговариватъ меня ѣхать, но, не добившись ничего, насильно всунулъ мнѣ въ карманъ крошечный револьверъ, тогда еще новинку, говоря: «авось пригодится, береженаго и Богъ бережетъ».

Я приказалъ подать бутылку шампанскаго, Кожевниковъ тоже и мы растались въ прекрасномъ расположеніи духа.

Въ предѣлахъ царства польскаго лѣса были вырублены по обѣ стороны желѣзной дороги приблизительно на полъ версты; на всѣхъ станціяхъ стояли войска: казаки, группами по четыре человѣка, разъѣзжали вдоль всей линіи; сторожевые домики почти оказались сожженными повстанцами, и обгорѣлыя бревна валялись по бокамъ дороги, а сторожа, назначенные изъ солдатъ, жили въ палаткахъ.

Подъѣзжая на разсвѣтѣ слѣдующаго дня къ предмѣстью Варшавы, Прагѣ, которую Суворовъ взялъ съ неимовѣрнымъ трудомъ, (Варшава сдалась ему затѣмъ уже безъ боя) пассажиры увидѣли домикъ сторожа въ пламени; это уже въ виду Варшавы. Контролеръ и оберъ-кондукторъ разсказывали,

что въ Варшавѣ каждый день много убійствъ; убиваютъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, не желающихъ принять участіе въ возстаніи. Разсказывали что на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ сидятъ и лежатъ солдаты, стоятъ заряженныя ружья въ козлахъ, что народу на улицахъ мало, и что вообще Варшава неузнаваема.

Мы остановились въ „Англійской" гостинницѣ и во время чая горничная разсказывала намъ разные ужасы; нѣсколько дней передъ этимъ, въ той же гостинницѣ убили кого то, но полиція не закрыла гостинницы, какъ дѣлала это всегда, потому что убійца былъ тутъ же пойманъ прислугою, которая, впрочемъ, сейчасъ же разбѣжалась, боясь мести поляковъ и т. д. и т. д.

Разумѣется, я не повезъ бы семейства въ Варшаву, если бы зналъ обо всемъ этомъ; но дѣло было все сдѣлано, не отступать же было со срамомъ.

Нѣсколько почистившись, мы пошли мимо Брюловскаго дворца; знакомаго мнѣ съ 1848 года, когда я бывалъ у кн. Горчакова, и направились къ памятнику пяти генераловъ, павшихъ во время возстанія 1831 года. Въ числѣ этихъ пяти былъ генералъ, графъ Гауке, съ вдовою и дочерью котораго я познакомился въ 1854 году. (См. гл. 32) Затѣмъ мы прошли въ великолѣпный Саксонскій садъ. Все это находится рядомъ, въ двухъ шагахъ одно отъ другого. Наконецъ мы наняли коляску до вечерняго поѣзда; осмотрѣли городъ и часа за три до заката солнца отправились въ „Лазенки", загородный дворецъ королей Польскихъ. На пути и здѣсь стояли вездѣ солдаты, имѣя ружья въ козлахъ; военные разъѣзжали не иначе, какъ окруженные казаками, такъ же какъ и нѣкоторые гражданскіе, вѣроятно, высшіе чиновники. Между тѣмъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ (нашъ Невскій проспектъ, но тогда почти безлюдный), обгоняетъ насъ открытая двумѣстная коляска; въ ней сидѣлъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ въ гусарскомъ мундирѣ, напоминающемъ польскую чамарку и В. Княгиня Александра Іосифовна, въ бархатной полосатой ротондѣ амарантоваго цвѣта, считавшагося поляками эмблемой неизмѣняемости ихъ вожделѣній. На передней, приставной скамеечкѣ, сидѣлъ

одинъ мальчикъ, а другой на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ; два конвойныхъ ѣхали далеко позади коляски, а не рядомъ, какъ при сопровожденiи другихъ чиновниковъ.

Выѣхавъ на новый свѣтъ, т. е. въ концѣ города, мы увидѣли В. К. Константина Николаевича, который шелъ пѣшкомъ, подъ руку съ В. Княгинею; мальчики бѣжали впереди, играя съ бѣлою болонкою, а сзади, въ почтительномъ отдаленiи, шелъ одинъ конвойный, неся на рукѣ ротонду В. Княгини; еще дальше ѣхала коляска, позади которой конвойный велъ въ поводу двухъ лошадей.

Идилiя—на почвѣ, которая ежечасно поливалась человѣческою кровью! Да и послѣ покушенiя на жизнь самого Великаго князя.

Лазенки это громадный паркъ съ прудами. На одномъ изъ маленькихъ островковъ, поросшемъ вѣковыми деревями, устроена сцена для балета и, говорятъ, что живыя Наяды, Нимфы и Русалки, плавали когда-то въ этой настоящей водѣ, выскакивали на берегъ, танцовали и кокетничали съ прекрасными юношами и увлекали ихъ въ настоящую воду. Такъ гласитъ преданiе, которому вполнѣ вѣрятъ поляки, какъ всему фантастическому о своей родинѣ.

Въ паркѣ была только нарядная. какъ бы избранная публика; вдругъ, на перекресткѣ двухъ темныхъ алей, покатился большой гутаперчевый мячъ; два мои мальчика бросились за нимъ, а съ другой стороны подбѣжали еще два мальчика и собачка; всѣ они смѣшались надъ мячикомъ. Я подозвалъ своихъ дѣтей и поклонился Велико-княжеской четѣ; наши два семейства вскорѣ еще разъ встрѣтились въ Лазенкахъ въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ этого я замѣтилъ, что жандармъ неотступно ходитъ за мною и не спускаетъ съ меня глазъ, какъ среди публики такъ и въ пустынныхъ алеяхъ. Очевидно причиною этому были встрѣчи никому неизвѣстнаго человѣка съ Великимъ Княземъ и это бы нисколько не смутило меня, если бы у меня не было револьвера въ карманѣ; а то вездѣ и всегда, первое дѣло осмотръ кармановъ, обыскъ, и если найденъ револьверъ, то пожалуйте въ крѣпость «до собранiя справокъ», т. е. на неопредѣленное и, большею частью,

весьма продолжительное время; а тутъ въ Варшавѣ на рукахъ у меня жена и дѣти, а въ Петербургѣ мои старики съ внуками, бонною и прислугою, ожидающіе пріѣзда чрезъ три дня.

Я рѣшился сказать жандарму, чтобы онъ велъ меня къ офицеру, которому я показалъ бы мой видъ, объяснилъ бы ему какъ и зачѣмъ пріѣхалъ, и даже попросилъ бы, что бы жандармъ проводилъ меня и мое семейство до вокзала, а если нужно, то и наблюдалъ за нами до отхода поѣзда.

Усадивъ жену на скамейку, я пошелъ къ жандарму: но жандармъ какъ въ воду канулъ; нигдѣ его нѣтъ, а публика направляется къ выходу.

— Что это всѣ вдругъ стали уходить, хотя еще не поздно?—спросилъ я пожилого господина.

— Великій князь уѣхалъ, гуляніе кончилось и всѣ гости разъѣзжаются. Вы развѣ не были приглашены?

— Нѣтъ, я сегодня пріѣхалъ въ Варшаву и показывалъ женѣ паркъ.

Господинъ вѣжливо поклонился и ушелъ.

Идя съ семействомъ возлѣ одного изъ прудовъ, я, со всего размаха, бросилъ револьверъ въ воду, далеко отъ берега и разсказалъ удивленной женѣ о той опасности, которой мы подвергались изъ за револьвера.

На желѣзной дорогѣ, въ одномъ вагонѣ съ нами, ѣхали въ отпускъ пожилой жандармскій полковникъ; я разсказалъ ему случай въ Лазенкахъ и онъ объяснилъ, что еслибы эти двѣ встрѣчи были въ началѣ, а не въ концѣ гулянія, то, разумѣется, что я подвергся бы всему, что предвидѣлъ; но такъ какъ великій князь вскорѣ уѣхалъ, то меня оставили въ покоѣ. „И безъ того намъ много дѣла", прибавилъ онъ, махнувъ рукою.

Глава 27.

Третій эпизодъ изъ возстанія 1863 года. Добродушные казаки.

Изъ Варшавы я выѣхалъ съ женою и двумя мальчиками поздно ночью, съ такъ называемымъ «заграничнымъ» поѣздомъ, шедшимъ прямо изъ Вѣны въ Петербургъ, безъ третьяго класса, вродѣ теперешняго курьерскаго или скораго; ѣхали преимущественно иностранцы и русскіе, возвращающіеся изъ-за границы, и хотя поѣздъ конвоировало человѣкъ 20 солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, но вообще поѣздъ состоялъ изъ пасажировъ безвредныхъ для поляковъ. Почтовый и другіе поѣзда выходили изъ Варшавы днемъ.

Утромъ, недоѣзжая до Бѣлостока, вдругъ послышались свистки, шипѣніе тормазовъ, крики и остановка; вагоны заперли, выходъ былъ запрещенъ.

Въ заперти пробыли пасажиры около часа, а потомъ еще больше на свободѣ.

Что же случилось?

Дорожный сторожъ, осматривая свой участокъ, шелъ правою стороною рельсовъ (считая отъ Варшавы) и предполагалъ идти обратно лѣвой стороной, хотя на его обязанности лежали только исправность рельсовъ, осмотръ же насыпи и окрестностей лежалъ на обязанности четырехъ каза-

ковъ, которые передъ приходомъ поѣзда объѣзжали свой участокъ, по два съ каждой стороны насыпи и въ случаѣ малѣйшаго подозрѣнія должны были изслѣдовать окрестный вырубленный лѣсъ, ближайшій кустарникъ, оврагъ или гору.

Вдругъ казаки видятъ, что человѣкъ десять въ русскихъ цвѣтныхъ рубашкахъ и въ широкихъ шароварахъ въ сапоги, копаютъ съ лѣвой стороны откосъ очень высокой насыпи надъ болотомъ.

— Что вы это дѣлаете? - спрашиваютъ казаки.

— А вотъ исправляемъ полотно, видите осыпалась земля,—отвѣчаетъ одинъ на чистомъ русскомъ языкѣ.

— А кто вамъ приказалъ?

— Начальство прислало, а мѣсто показалъ дорожный сторожъ, онъ не давно былъ здѣсь, чай встрѣтили, да онъ и опять придетъ сюда осмотрѣть работу до прихода поѣзда.

— Не успѣетъ. Вотъ онъ идетъ еще въ ту сторону, а поѣздъ долженъ быть скоро,—сказалъ унтеръ-офицеръ, вынувъ изъ бокового кармана часы.

— Да и что ему смотрѣть, мы только для этого и выписаны изъ Россіи; знаемъ свое дѣло, не ему учить насъ.

— Ну, Богъ въ помощь, ребята!—сказали казаки и шагомъ поѣхали дальше, по два съ каждой стороны насыпи.

Отъѣхавъ версты три, т. е. спустя около получаса, казаки встрѣтили поѣздъ, быстро мчавшійся по наклону къ болоту, они остановились и смотрятъ ему въ слѣдъ съ возвышенности, онъ уже едва замѣтенъ, но съ низины долженъ бы подниматься въ гору, а не поднимается, значитъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ были рабочіе, казаки помчались къ поѣзду.

Оказалось, что послѣ проѣзда казаковъ, сторожъ возвращался другимъ бокомъ дороги и увидѣлъ свѣже разрытую землю, хотя и прикрытую дерномъ. Поѣздъ, опоздавшій на 18 минутъ, (что и дало сторожу возможность дойти до этаго мѣста) приближался: сторожъ флагомъ и фуражкою сталъ размахивать, предупреждая машиниста объ опасности, но въ то же мговеніе послѣдовали выстрѣлы и онъ упалъ, раненый въ ногу и въ правую руку; однако же и лежа онъ

продолжалъ махать фуражкою, которая была у него въ лѣвой рукѣ.

Машинистъ, увидя сигналы, а затѣмъ упавшаго сторожа, остановилъ поѣздъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и не замѣтилъ, что пули были направлены въ локомотивъ и въ тендеръ, какъ оказалось при осмотрѣ, т. е. и въ него.

Злоумышленники потерпѣвъ неудачу, на виду у всѣхъ побѣжали чрезъ кусты въ лѣсъ, но солдаты не могли оставить поѣздъ, а потому не преслѣдовали ихъ, да оно было бы и безполезно въ лѣсу и на болотѣ.

Когда поѣздъ остановился, кондуктора, машинисты, солдаты и нѣсколько пасажировъ, успѣвшихъ выскочить до закрытія вагоновъ, спустились съ полотна дороги и нашли двѣ проволоки, выходящія изъ подъ насыпи, и на другомъ концѣ ихъ въ кустахъ, трава была измята, лежали носилки, кирки, желѣзныя лопаты и еще кое что. Этими же лопатами разрыли насыпь и какъ разъ подъ рельсами нашли окованную желѣзомъ бочку съ порохомъ, въ которую и были пропущены концы проволокъ.

Исправили насыпь и на вражьихъ носилкахъ солдаты понесли бочку съ порохомъ, подъ конвоемъ тѣхъ же четырехъ казаковъ, которые сказали злодѣямъ „Богъ вамъ въ помощь, ребята" и этимъ, случайно спасли себя отъ вѣрной смерти, но поѣздъ былъ бы взорванъ, если бы не опоздалъ. Вскорѣ прибылъ изъ Бѣлостока экстренный поѣздъ съ войскомъ, докторомъ и фельдшерами, вслѣдствіе неизвѣстности, что сталось съ поѣздомъ между двухъ станцій.

Въ пользу сторожа и машиниста пасажиры собрали около 500 рублей.

Въ теченіи одной недѣли, я и мое семейство были спасены отъ трехъ серьезныхъ несчастій, и спасены исключительно провидѣніемъ, потому что нельзя было предвидѣть ни прихода Лукашевича, ни встрѣчи съ Великимъ Княземъ въ Лазенкахъ, ни покушенія на поѣздъ съ пасажирами безвредными для поляковъ.

Описанные здѣсь четыре эпизода изъ польскаго возстанія характеризуютъ политику, какъ русскаго правительства, такъ и поляковъ.

Правительство знало о приготовленіяхъ къ возстанію въ девяти западныхъ губерніяхъ, за полтора года до его начала, а въ царствѣ Польскомъ за 5 лѣтъ, еще при князѣ Горчаковѣ, и не принимало рѣшительно никакихъ мѣръ, что бы не допустить до вооруженнаго возстанія; оно даже не увеличило войскъ въ томъ краѣ, такъ что первый вспомогательный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Черткова, былъ двинутъ только въ февралѣ, спустя чуть не шесть недѣль послѣ начала кровопролитій.

Поляки же, начавъ въ январѣ съ ночной рѣзни русскихъ, не стѣснялись взрывать поѣзда, въ которыхъ ѣхали люди, совершенно нейтральные, въ томъ числѣ и поляки, они не стѣснялись губить польскихъ же помѣщиковъ и были сотни случаевъ такихъ же, какъ съ помѣщикомъ Вольбекомъ, между тѣмъ, какъ постанцы могли бы останавливаться на дневки и на ночлеги въ деревняхъ, а брать припасы у помѣщиковъ посредствомъ реквизиціи, причемъ помѣщики не отвѣчали бы передъ русскимъ правительствомъ; поляки вѣшали старшинъ и православныхъ священниковъ, если они не встрѣчали ихъ бандъ съ почетомъ и т. д.

Нѣтъ, въ теченіи всего возстанія 1863 и 1864 годовъ, дикими варварами были не русскіе и не Муравьевъ, хотя онъ сжегъ одну деревню и выселилъ жителей въ Сибирь,—а поляки; для нихъ возстаніе было кровавою пирушкою, было разгуломъ, а не войною, впрочемъ, какъ и всѣ ихъ войны со времени Сигизмунда Ш, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій существованія Польши.

Глава 28.

Императоръ Вильгельмъ I и французъ, увѣренный въ реваншѣ. Нѣмецкій жандармъ. Владѣлецъ секрета Одеколона.

Въ главѣ 26 я разсказывалъ, какъ въ Варшавѣ жандармъ наблюдалъ за мною. Нѣчто подобное случилось со мною и въ Германіи, а потому разскажу объ этомъ теперь, хотя это было десятью годами позже.

Въ 1873 году, оставивъ дочь съ гувернанткою въ Крейценахѣ, я проѣхалъ съ женою на пароходѣ по живописной части Рейна и остановился на нѣсколько часовъ въ Эмсѣ, чтобы осмотрѣть этотъ курортъ и главное, чтобы посмотрѣть на недавно появившагося въ Европѣ, втораго германскаго императора, который пилъ здѣсь воды. Первый германскій императоръ, это австрійскій императоръ, Францъ-Іосифъ

Возлѣ курзала стояла публика, я спросилъ, гдѣ можно видѣть императора Вильгельма.

— Да вотъ, онъ сидитъ у втораго окна въ бэльэтажѣ и читаетъ газету, но онъ скоро выйдетъ и пойдетъ гулять по этому парку.

Дѣйствительно вышелъ изъ праваго флигеля императоръ. Онъ былъ очень большаго роста, стройный, держался совершенно прямо, съ военною выправкою. Онъ, какъ и его адъютантъ, былъ въ изящномъ, черномъ, застегнутомъ штат-

скомъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ, въ перчаткахъ застегнутыхъ на всѣ пуговицы, съ зонтикомъ не толще трости и въ цилиндрѣ особаго фасона.

Спустя нѣсколько дней, въ шляпномъ магазинѣ въ Парижѣ, я потребовалъ самый модный цилиндръ; мнѣ показывали разныхъ фасоновъ, но все не то; наконецъ дали совершенно такой, какъ у Вильгельма.

— Вотъ этотъ я возьму, а онъ развѣ не по послѣдней модѣ?

— Да, это послѣдняя мода; ихъ не много выпущено и то изъ одной только фабрики; въ Парижѣ еще почти никто не знаетъ о нихъ; не раньше, какъ чрезъ недѣли двѣ магазины будутъ снабжены ими и тогда уже они появятся въ Булонскомъ лѣсу и заграницею, теперь у меня всего три такія шляпы. Но вы кажется иностранецъ, какъ же вы узнали, что это послѣдняя мода?

— Нѣсколько дней тому назадъ, я видѣлъ такіе цилиндры на императорѣ Вильгельмѣ и на его адъютантѣ,— отвѣтилъ я.

— О Боже!—воскликнулъ хозяинъ магазина, поднявъ руки къ верху.—Эти проклятые нѣмцы живутъ только нами; а у нихъ нѣтъ ни своихъ писателей, ни своего театра, ни своихъ машинъ, ни даже своихъ шляпъ, у нихъ все французское, все наше; но и этого имъ мало, они еще отняли у насъ двѣ лучшія провинціи!! Но не надолго,—прибавилъ съ увѣренностью французъ.—Мы получимъ ихъ обратно и съ прибавкою: весь берегъ Рейна будетъ нашъ, закроемъ для нихъ границу и ничего не дадимъ изъ своихъ произведеній, пусть превратятся въ дикихъ людей, какими были бы и до сихъ поръ безъ нашей цивилизаціи.—Это я вамъ говорю! C'est moi dui wous le dit!—закончилъ онъ обычною фразою самонадѣянныхъ французовъ и спросилъ, куда отнести мою мягкую дорожную шляпу. Узнавъ, что въ гостинницу „Лувръ", воскликнулъ.

— Они были въ нашихъ дворцахъ Лувръ и Тюльери, а теперь мы вскорѣ будемъ въ ихъ императорскомъ дворцѣ. Это я вамъ говорю! C'est moi qui wous le dit!.

Этою надеждою были проникнуты всѣ французы тогда,

въ годъ выхода нѣмецкихъ войскъ изъ Франціи, а многіе и теперь, кажется.

Выйдя изъ большаго зданія, императоръ, Вильгельмъ, выпилъ кружку воды и пошелъ по аллеѣ тутъ не далеко находится кофейная и подъ деревьями столы; за однимъ изъ нихъ сидѣли мужчины и двѣ дамы. Вильгельмъ подошелъ къ нимъ, элегантно, какъ юноша, поздоровался съ ними, поговорилъ; а потомъ онъ и адъютантъ продолжали прогулку уже подъ руку съ этими дамами.

Императоръ, то шелъ бодро, размахивая зонтикомъ, то останавливался и оживленно говорилъ, то всѣ смѣялись; вообще изъ далека, его можно было принять за тридцатилѣтняго человѣка, т. е. сбросить около сорока лѣтъ.

Кто не былъ въ Эмсѣ, тому надо объяснить, что паркъ длиною чуть не въ версту, но очень узокъ и состоитъ всего изъ двухъ почти паралельныхъ алей, потому что съ одной стороны парка рѣка, а съ другой улица съ однимъ рядомъ домовъ, упирающихся въ подножье высокой горной цѣпи, идущей паралельно рѣкѣ, такъ что для парка остается не болѣе 30—40 сажень въ ширину.

Императоръ шелъ по прямой дорожкѣ вдоль рѣки, у чугунной рѣшетки; мы шли по второй дорожкѣ, извилистой, которая то приближалась къ первой, то нѣсколько удалялась отъ нея. Паркъ былъ совершенно пустъ; въ немъ не было ни души, кромѣ одного прилично одѣтаго господина въ котелкѣ.

Господинъ этотъ, то отставалъ, то опережалъ насъ и садился на скамейку; но въ томъ и другомъ случаѣ съ лѣвой стороны, между нами и императоромъ. Моя жена, видя это, сказала:

— Вѣдь онъ наблюдаетъ за нами; опять какъ въ Варшавѣ; въ паркѣ никого нѣтъ, кромѣ насъ, пойдемъ назадъ. Видѣли императора и довольно.

— Въ концѣ парка, отвѣтилъ я, есть маленькій готическій дворецъ, въ которомъ жилъ нашъ Государь. Надо посмотрѣть его. А этотъ переодѣтый жандармъ слѣдитъ за нами потому, что мы говоримъ по французски, станемъ говорить по русски и онъ сейчасъ исчезнетъ.

Между тѣмъ „котелокъ", нѣсколько опередилъ насъ и сѣлъ на скамейку, также спиною къ императору.

— Отдохнемъ немножко,—сказалъ я женѣ громко по русски, садясь рядомъ съ жандармомъ.—дай-ка коробку съ пастилками.

— Ви говоритъ русскій языкъ?—спросилъ „котелокъ".

— Да какъ же мнѣ не говорить по русски, когда я русскій генералъ,—сказалъ я для лучшаго воздѣйствія, хотя былъ статскимъ совѣтникомъ.

— А вотъ вы гдѣ выучились по русски?

— Я быль при послянникъ Петербургъ, віучиль маленькій, я ошенъ люблю русскій шеліовѣкъ.

— Здѣсь можно курить?

— О да! мошно.

— Такъ вотъ, выкурите русскихъ папиросъ,—сказалъ я по нѣмецки, давая ихъ жандарму;—не безпокойтесъ, мы не убьемъ вашего императора, мы любуемся имъ; рыцарь, побилъ французовъ и любезничаетъ съ хорошенькими дамами.

Жандармъ разговорился и сказалъ, что всѣ знаютъ, когда гуляетъ императоръ, а потому изъ деликатности, никто тогда не входитъ въ паркъ, а простаго народа не впускаютъ; въ это же время три жандарма, въ партикулярномъ платьѣ, идутъ по тротуару внѣ парка и не спускаютъ глазъ съ него, а трое плывутъ на лодкѣ вдоль алеи, какъ будто катаются; но когда жандармы услышали близъ курзала, что я говорю съ женою по французски и увидѣли, что мы пошли за императоромъ, то этотъ послѣдовалъ за нами, а два другіе идутъ рядомъ по тротуару и тоже наблюдаютъ.

— Если бы вы сдѣлали шагъ на лѣво или какое либо подозрительное движеніе, мы бы сейчасъ арестовали васъ; въ крайности, я бы выстрѣлилъ въ васъ,—сказалъ онъ вынимая револьверъ изъ праваго кармана, въ которомъ дѣйствительно, онъ все время держалъ руку. Странно, что мы васъ не знаемъ, вы вѣроятно пріѣхали съ послѣднимъ поѣздомъ и не заходили въ гостинницу, потому что мы слѣдимъ за всѣми пріѣзжими.

— Да, мы только что пріѣхали, оставили вещи на вокзалѣ, пошли пѣшкомъ и сегодня же уѣдемъ въ Кельнъ.

— Здѣсь близко французская граница и надо охранять императора; вѣдь Оскаръ Беккеръ уже однажды сильно ранилъ его. Впрочемъ и вездѣ охраняютъ его и Бисмарка.

Между тѣмъ императоръ уже прошелъ обратно, а мы двинулись дальше.

Выйдя изъ парка мы взяли извозчика, осмотрѣли Эмсъ и вечеромъ уѣхали въ Кельнъ, гдѣ на слѣдующій день въ пяти магазинахъ увѣрили насъ, что хозяинъ магазина именно тотъ единственный наслѣдникъ Jean Marie Farina, который обладаетъ секретомъ одеколона, остальные же обманщики. Пришлось купить у всѣхъ пяти.

Глава 29.

Чѣмъ питаются бельгійскіе и французскіе рабочіе. Нравоученіе.

Въ Кельнѣ, мы пообѣдали въ четыре часа и поѣхали въ зоологическій садъ; возвратясь, сейчасъ легли спать, потому что поѣздъ выходилъ въ шесть часовъ утра.

На другой день, мы рано утромъ проснулись и стали быстро укладывать свои вещи, между прочимъ бѣлый хлѣбъ, сыръ и масло, которые всегда были съ нами для того, чтобы перекусить въ дорогѣ, такъ какъ буфеты очень рѣдки. Когда я укладывалъ хлѣбъ, то жена сказала:

— Брось, онъ еще изъ Эмса, на вокзалѣ будемъ пить кофе и возьмемъ свѣжихъ булокъ.

Но только сказка скоро сказывается, а тутъ, пока все уложили, да пока разсчитались съ соннымъ конторщикомъ, да пока нашли фіакра—пріѣхали на вокзалъ передъ самымъ отходомъ поѣзда, бросились, кто брать билеты, кто сдавать багажъ и умчались безъ кофе и булокъ.

Ѣдемъ, ѣдемъ, проскальзываемъ чрезъ безчисленные тонели, а буфета нѣтъ остановки рѣдки и на полъ минуты. Въ нашемъ купэ никого посторонняго не было, кондукторъ ни разу не появлялся, но на вокзалахъ, вдоль рельсовъ, много рабочихъ. Я въ окно показываю имъ большую серебрянную монету и кричу:

— Возьмите и дайте кусокъ хлѣба. (Масло, сыръ и ветчина имѣлись въ достаточномъ количествѣ).

— У насъ нѣтъ хлѣба.

— Что же вы ѣдите?

— Картофель, отвѣчаютъ они.

И такъ на всѣхъ станціяхъ Бельгіи и восточной Франціи до трехъ часовъ дня, когда поѣздъ остановился на три четверти часа и всѣ сѣли за табльдотъ, приготовленный по числу пасажировъ двухъ первыхъ классовъ.

Пришлось быть сутки безъ пищи и узнать, чѣмъ питаются рабочіе въ богатой Бельгіи и въ прекрасной Франціи, которымъ мы такъ завидуемъ и которыя такъ щедро снабжаютъ насъ деньгами, а русскій рабочій никогда не бываетъ безъ хлѣба.

Нравоученіе: 1) Не разсчитывать на будущія блага, а имѣть всегда въ запасѣ то, что можетъ понадобиться при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы не пришлось голодать сутки или много больше. 2) Помнить что: „Славны бубни за горами", а потому не завидывать иностранцамъ, а идти своею дорогою, какъ шли 1000 лѣтъ.

Глава 30.

Новосельскій, Николай Александровичъ.

Все изложенное въ этомъ сочиненіи относится къ серединѣ XIX столѣтія, начиная съ сороковыхъ годовъ, когда не было въ Россіи человѣка, не только образованнаго, но и смышленаго, котораго умъ не работалъ бы надъ разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ и который бы не старался утилизировать всѣ свои духовныя силы на пользу отечества.

Относительно экономическихъ вопросовъ, типомъ дѣятелей этой эпохи можетъ служить Новосельскій, характеристику котораго мы и помѣстимъ здѣсь.

Новосельскій, сынъ небогатаго курскаго помѣщика, маленькаго роста, съ умнымъ, веселымъ лицомъ былъ студентомъ 3-го, а я 1-го курса харьковскаго университета, въ 1841 году.

Новосельскій и я, какъ тщательно воспитанные и хорошіе танцоры, приглашались на балы, танцовали визави и вошло въ обычай, что я, на своихъ лошадяхъ, отвозилъ Новосельскаго домой съ бала, а иногда и изъ университета. Мы стали друзьями.

Спустя года четыре, въ Харьковѣ разнесся слухъ, что синодъ командировалъ своего чиновника для ревизіи монастырей, благочиній и т. д. Потомъ стали говорить, что

ревизоръ прислалъ своего камердинера занять лучшіе нумера въ гостинницѣ и нанять карету по мѣсячно. Наконецъ, при колокольномъ звонѣ, ревизоръ посѣтилъ архіерея и пріѣхалъ къ генералъ-губернатору, который, равно какъ я, и другіе чиновники, были поражены, увидя бывшаго студентика, маленькаго Новосельскаго.

Онъ пробылъ въ Харьковѣ мѣсяца три, живя все время въ лучшихъ нумерахъ гостинницы, разъѣзжая въ каретѣ и радушно принимая и угощая своихъ посѣтителей, въ томъ числѣ и меня.

Спустя три года, зимою, я былъ командированъ въ Варшаву. Однажды, въ дождь и слякоть, я ѣхалъ въ коляскѣ съ поднятымъ верхомъ; вдругъ мой лакей, Фредерико, съ козелъ сказалъ мнѣ: Vedete il signior Novoselski (Смотрите господинъ Новосельскій),—указывая на человѣка въ старомъ пальтишкѣ, съ поднятымъ воротникомъ, въ мокрой фуражкѣ, и панталоны котораго были высоко засучены, я посмотрѣлъ и ругнулъ лакея; но когда спустя нѣсколько дней лакей указалъ на того же прохожаго, то я узналъ Новосельскаго, выскочилъ изъ экипажа, обнялъ его и повезъ къ себѣ

Новосельскій разсказалъ, что въ Петербургѣ хотя служилъ въ синодѣ, однакоже затѣялъ большое дѣло, которое стало давать значительный доходъ, но пайщики расхитили деньги и оно провалилось, а у него оказалось 15,000 долга; при томъ, состоя членомъ всякихъ благотворительныхъ обществъ, онъ взялъ на себя содержаніе одиннадцати сиротъ, а отцовское имѣньице заложено и перезаложено. Видя свое безвыходное положеніе, онъ все распродалъ, чтобы уплатить за сиротъ до конца года и, кое какъ поладивъ съ кредиторами, хотѣлъ ѣхать въ деревню, хотя бы собственноручно пахать и косить, но Костомиловъ, губернаторъ одной изъ губерній царства польскаго, предложилъ ему заняться въ Варшавѣ разводомъ съ женою, назначилъ ему 50 руб. въ мѣсяцъ и наградныя по окончаніи дѣла. Вотъ онъ живетъ здѣсь на эти 50 рублей уже около года, а, окончивъ дѣло, уѣдетъ въ деревню.

Спустя шесть лѣтъ, въ 1853 году, я пріѣхалъ къ Рождеству изъ деревни въ Петербургъ, здѣсь въ обществѣ, въ

клубахъ и вездѣ только и было разговоровъ, что о какомъ то Новосельскомъ; говорили, что онъ первый въ Россіи учреждаетъ акціонерныя общества, изъ которыхъ одно уже строитъ въ Екатеринбургѣ громадный заводъ для „Разработки животныхъ продуктовъ", другое общество купило „Невскій стеариновый заводъ", чуть не единственный тогда въ Россіи и расширяетъ его, что Новосельскій учреждаетъ еще какія то общества; говорили что онъ при содѣйствіи В. Кн. Константина Николаевича учреждаетъ общество „Пароходства и Торговли на Черномъ морѣ и т. д. и т. д.

Кто онъ, откуда онъ, никто не зналъ; тоже его имени или не знали или называли разно.

Узнавъ адресъ этой знаменитости, я, изъ любопытства, поѣхалъ къ нему въ большой барскій, двухэтажный домъ, на Фонтанкѣ. Швейцаръ внушительный.

— Въ которой квартирѣ живетъ г. Новосельскій?— спросилъ я.

— Они живутъ не въ квартирѣ, а занимаютъ весь домъ; пожалуйте во второй этажъ.

Въ передней два лакея во фракахъ; я разспросилъ какой это Новосельскій, изъ Курской ли губерніи, и т. д.; оказывается тотъ же Николай Александровичъ, а потому даю карточку и прошу доложить.

— Теперь нельзя, у нихъ въ кабинетѣ проситель (!!), а когда выйдетъ, я доложу; пока подождите въ залѣ.

Здѣсь было человѣкъ пять во фракахъ и сюртукахъ и одна нарядная дама.

„Проситель" вышелъ, лакей доложилъ.

Послѣ сердечнаго привѣтствія Новосельскій сказалъ:

— Я все утро или разъѣзжаю по дѣламъ или у меня полная пріемная посѣтителей.

— „Просителей", какъ назвалъ ихъ твой лакей.

— Пожалуй и вѣрно, но просители, которые не просятъ у меня денегъ, а предлагаютъ мнѣ сотни тысячъ, а иногда и милліоны. Вечеромъ я занимаюсь съ своими секретарями и помощниками, пишемъ проекты и уставы, повѣряемъ отчеты, посылаемъ приказы и т. д.; даю же я себѣ отдыхъ только по четвергамъ съ пяти часовъ вечера, а по-

тому пріѣзжай послѣ завтра обѣдать и я весь вечеръ буду твой безраздѣльно.

Я пріѣхалъ въ четвергъ, познакомился съ его красавицею женою и его или ея личными друзьями и дѣйствительно «безраздѣльно» провелъ съ нимъ вечеръ. Оказалось, что онъ поселился въ деревнѣ и женился на очень богатой сосѣдкѣ, а его тесть, строго проэкзаменовавъ его въ деревнѣ въ теченіи около двухъ лѣтъ, далъ ему carte blanche распоряжаться его значительными капиталами и что все, о чемъ говорили мнѣ, совершенно вѣрно, также какъ то, что съ В. Кн. Константиномъ Николаевичемъ онъ устраиваетъ „Общество Пароходства и Торговли".

Дѣйствительно, Новосельскій вскорѣ поѣхалъ заграницу для покупки, кажется восемнадцати морскихъ пароходовъ и флотъ былъ сразу такъ прочно организованъ, что существуетъ и по нынѣ уже чуть не пятьдесятъ лѣтъ.

До Новосельскаго, въ Россіи, кажется, не было русскихъ акціонерныхъ обществъ; а на сколько онъ разшевелилъ это дѣло, видно изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ.

Какой то кн. Голицынъ надоѣлъ Новосельскому и онъ перестал принимать его.—Тогда, узнавши, что онъ со мною „на ты", Голицынъ пришелъ ко мнѣ и объяснилъ, что заложилъ свое имѣніе и получилъ нѣсколько десятковъ тысячъ, а у его товарища есть около ста тысячъ, приготовленныхъ для того, чтобы учредить «Акціонерное общество утилизаціи зайцевъ» (фактъ) т. е. ловли ихъ и выдѣлки чего то изъ ихъ шерсти и чего то изъ шкуръ, а изъ мяса консервовъ. Объясняя это, онъ приводилъ цитаты изъ французской книги и разныя цифры, доказывающія громадную выгодность дѣла и просилъ меня уговорить Новосельскаго образовать акціонерное общество.

Другой, очевидно очень богатый, ярославскій купецъ, Сипаевъ или Сипаловъ, тоже отвергнутый Новосельскимъ, просилъ посредничества для устройства акціонернаго общества „Артезіанскихъ колодцевъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ".

Разумѣется, что я на отрѣзъ отказалъ имъ въ посредничествѣ, даже и слушать не хотѣлъ, но спрашивалъ:

— Зачѣмъ вамъ Новосельскій? устраивайте сами, у него и такъ много дѣла.

— Имя, имя нужно; безъ его имени никто не дастъ и гроша, а назовись Новосельскій «Учредителемъ», завтра же у насъ будутъ сотни тысячъ и милліоны.

Я еще нѣсколько разъ обѣдалъ у него и проводилъ вечеръ въ его прекрасной квартирѣ, украшенной дорогими картинами, въ кругу преимущественно друзей жены Новосельскаго, между прочимъ и съ какимъ то италіянцемъ, другомъ дома, который потомъ причинилъ много горя Новосельскому.—Людей, съ которыми у него были дѣла, онъ не приглашалъ на свои четверги; онъ вполнѣ отдыхалъ въ кругу близкихъ знакомыхъ, а для другихъ устраивалъ иногда рауты или обѣды.

Глава 31.

Продолженіе о Новосельскомъ. Графъ Клейнмихель Генералъ Мельниковъ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ того же 1854 года, за нѣсколько дней до отъѣзда въ деревню, я пріѣхалъ къ Новосельскому въ четвергъ, къ обѣду, чтобы проститься. Обѣдало человѣкъ пятнадцать.

— Генералъ Мельниковъ желаетъ видѣть васъ,—доложилъ лакей. (Мельниковъ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія).

— Вѣдь ты знаешь, что я теперь никого не принимаю, да еще во время обѣда.

— Говорилъ, но они сказали, что пріѣхали отъ графа Клейнмихеля. Они сказали, что если бы вы спали, то велѣли бы разбудить васъ.

— А чертъ съ нимъ, съ Клейнмихелемъ! Скажи чтобы пріѣхалъ завтра утромъ.

— Да прими его,—сказала жена Новосельскаго,—можетъ быть что нибудь особенное.

— Ну проси! Въ сущности онъ лучше всѣхъ путейцевъ. Мельниковъ вошелъ и поздоровавшись со всѣми и усѣвшись противъ угла длиннаго стола, между Новосельскимъ и мною, сказалъ:

— Вслѣдствіе блокады англичанами всѣхъ портовъ Балтійскаго моря, заграничная торговля пошла по единственному шоссе, соединяющему Петербургъ съ заграницею; но когда троечные извозчики поѣхали на колесахъ, съ кладью до 150 пудовъ и почтовые дилижансы не многимъ легче этого, а земля начала таять, то колеса стали прорѣзывать каменную настилку, *которая оказалась на половину тоньше требуемой закономъ*, и сообщеніе съ заграницею совершенно прекратилось, даже для перекладныхъ и легкихъ экипажей, а на пространствѣ около 1000 верстъ нѣтъ ни сажени заготовленнаго камня или щебенки. Графъ Клейнмихель призвалъ подрядчиковъ, но они и за милліонъ рублей ничего не могутъ сдѣлать раньше половины лѣта, такъ что *въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Петербургъ будетъ лишенъ прямого сообщенія съ заграницею*; и теперь почта уже пошла чрезъ Ригу, но газетамъ запрещено писать объ этомъ, до поры до времени.

Слѣдуетъ принять во вниманіе, что тогда не было телеграфовъ; а потому, если бы непріятель вторгся въ предѣлы Россіи, то никто бы не зналъ объ этомъ въ Петербургѣ долгое время.

Мельниковъ продолжалъ:

— Государь сегодня утромъ призвалъ графа, сказалъ ему много непріятностей и объявилъ, что если чрезъ недѣлю не будетъ возстановлено сообщеніе, то онъ разжалуетъ его въ солдаты и сошлетъ на Кавказъ.

— И отлично, я бы нарочно задержалъ работы, чтобы это исполнилось,— сказалъ смѣясь Новосельскій.

— Вы шутите, а графъ въ отчаяніи; мы опасались, чтобы онъ не лишилъ себя жизни.

— Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, прекрасный исходъ, а безъ него въ недѣлю можно возстановить сообщеніе съ заграницею.

— Какъ?—воскликнулъ Мельниковъ, вскочивъ со стула.

— Очень просто,—сказалъ хладнокровно Новосельскій, обгладывая ножку цыпленка, которую держалъ въ рукѣ и говоря останавливался, чтобы откусить оставшійся кусочекъ мяса или кожицы.—Закупите весь лѣсной матеріалъ во всемъ

Петербургѣ; доски сейчасъ же отправляйте, чтобы прикрыть ближайшія провалившіеся мѣста, а бревна пилите всѣми пилами и машинами, находящимися въ Петербургѣ и тоже отправляйте на дорогу по настланнымъ уже доскамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ пошлите людей во всѣ города на шоссе, а если нельзя ѣхать по графскому шоссе, пусть скачутъ мимо него и тоже закупаютъ доски, пилятъ бревна и настилаютъ.— Между тѣмъ будете заготовлять камень и щебенку, которые уже легко пойдутъ по доскамъ. Чрезъ недѣлю сообщеніе будетъ возстановлено, а чрезъ мѣсяцъ и шоссе исправлено.

Мельниковъ слушалъ все это стоя, затѣмъ обѣими руками обхватилъ голову Новосельскаго, громко поцѣловалъ въ лобъ и не простившись быстро выбѣжалъ, крикнувъ:— спасены!

— А вѣдь деньги за камень и щебенку выведены у нихъ въ расходъ,—сказалъ Новосельскій,—эти загребаемые милліоны туманятъ ихъ головы и они глупѣютъ. Жаль, что Господь пересталъ низвергать огненный дождь; развѣ только Мельниковъ и еще весьма не многіе вышли бы невридимы изъ этаго путейскаго Содома и Гоморры!

Глава 32.

Путешествіе изъ Петербурга заграницу въ половинѣ XIX столѣтія и графиня Гауке, бабка Александра I Болгарскаго.

Спустя нѣсколько дней, въ первомъ делижансѣ, который шелъ изъ Петербурга на Ковно, я взялъ для себя мѣсто внутри кареты, для лакея наружное и мы поѣхали „по доскамъ". Былъ еще одинъ пассажиръ до Пскова, т. е. на одинъ день.

Дѣйствительно, кое гдѣ ѣхать пришлось по шоссе, а потомъ сажень, а то и нѣсколько сажень, по доскамъ, по краямъ которыхъ придѣланы были продольныя доски, скрѣпляющія ихъ. Доски прыгали какъ клавиши и надо было ѣхать шагомъ, но все же можно было ѣхать; ѣхали даже троечники съ товаромъ, только телѣги не вполнѣ были нагружены.

Все было бы хорошо, если бы не новые провалы тяжелыхъ экипажей, причемъ колеса врѣзывались до осей. Извозчичій обозъ, имѣя съ собой домкратъ и рычаги, артелью поднималъ первую провалившуюся телѣгу, ямы заваливалъ щебнемъ, собраннымъ съ боковъ дороги и остальныя телѣги кое какъ проходили. Но делижансу и всякому тяжелому экипажу не было спасенія, а потому, въ случаѣ провала, кучеръ или форейтеръ ѣхалъ верхомъ на слѣдующую станцію

и привозилъ оттуда на перекладныхъ людей, рычаги, веревки, и спустя часа 3—4 дилижансъ или экипажъ двигался дальше, до новаго провала.

И все это въ половинѣ XIX столѣтія, на единственномъ пути, соединяющемъ съ Европою столицу Россіи!

Нашъ почтовый четырехъ-мѣстный дилижансъ, въ которомъ я ѣхалъ, тоже какъ-то провалился, стараясь объѣхать застрявшій на шоссе громадный восьми-мѣстный дилижансъ, не очередной-почтовый, а спеціальный, взятый для себя однимъ пассажиромъ и сопровождаемый особымъ почтовымъ чиновникомъ.

Былъ полдень. Въ воздухѣ чувствовалось тепло. На весеннемъ солнцѣ зелень уже начала покрывать землю. Я приказалъ своему лакею разостлать на шоссе дорожный персидскій коврикъ и достать закуску, а также дорожный несесеръ съ столовыми принадлежностями. Я сѣлъ по турецки на коверъ, сдѣлалъ бутербродъ изъ красной, сочной, сырой ветчины и принялся за ѣду. Когда я поднялъ глаза, то увидѣлъ, что въ трехъ шагахъ отъ меня, въ окнѣ сосѣдняго дилижанса, поднятъ уголокъ зеленой занавѣски и голубой глазокъ пристально смотритъ на мою трапезу, освѣщенную яркимъ солнцемъ. Я улыбнулся, глазокъ, кажется, тоже улыбнулся и скрылся.

Спустя нѣкоторое время, щегольски одѣтая горничная вышла изъ противуположныхъ дверецъ большаго дилижанса съ коробкою конфектъ въ рукѣ и краснѣя, конфузясь, начала говорить на ломанномъ, едва понятномъ русскомъ языкѣ. Видя, что она не можетъ справиться, я сказалъ по нѣмецки:

— Вы очевидно нѣмка, а потому будемте говорить по нѣмецки; что вамъ угодно?

— Барышня желаетъ помѣняться съ вами,—сказала она весело, обрадовавшись родному языку;—барышня предлагаетъ вамъ конфектъ, а проситъ у васъ бутербродъ съ ветчиною.

— Хорошо,—отвѣтилъ я, но съ условіемъ, что я самъ подамъ бутерброды и самъ получу отъ нихъ конфекты.

Горничная снова сконфузилась, однако ушла и возвратившись объяснила, что барыня и барышня ѣхали всю

ночь и что поэтому туалеты ихъ въ неисправности.

— При такомъ путешествіи, какъ наше,—громко сказалъ я,—дай Богъ остаться живымъ и нечего думать о туалетахъ; пока доѣдемъ до границы, то вѣроятно, придется еще много разъ спасаться отъ всякихъ опасностей, въ томъ числѣ и отъ голода.

Говоря это, я взглянулъ на голубой глазокъ. Онъ очевидно слушалъ и, какъ будто бы, сердито смотрѣлъ на меня. Не ладно, подумалъ я и сказалъ:—впрочемъ на первый разъ дѣлаю уступку.

При содѣйствіи горничной я приготовилъ разныхъ припасовъ, положилъ ихъ цѣлую гору на небольшой серебряный подносъ и отправилъ по назначенію, получивъ взамѣнъ коробку съ конфектами. Голубой глазокъ все время слѣдилъ за работою и мило улыбался.

Вскорѣ наше знакомство прочно установилось.

Оказалось, что это ѣдетъ графиня Гауке, вдова одного изъ пяти генераловъ, убитыхъ поляками во время перваго возстанія, которымъ поставленъ памятникъ въ Варшавѣ. Всѣ пять были католики и кромѣ Гауке, польской національности, а потому поляки считали ихъ измѣнниками и постоянно наклеивали на памятникъ бумажки, на которыхъ было написано: „Восемь львовъ, берегутъ пять подлецовъ“. Памятникъ дѣйствительно окруженъ 8 бронзовыми львами.

Графиня ѣхала за-границу съ младшею дочерью, къ старшей, Юліи, которая была въ морганатическомъ бракѣ съ Принцомъ Александромъ Гессенскимъ.

Генеральшѣ было лѣтъ подъ шестьдесятъ; это была очень видная, нѣсколько тучная, гордая и напыщенная старуха, а дочь—хорошенькая, субтильная; веселая, съ прелестными голубыми глазами барышня.

Спустя часа три, оба дилижанса были вытащены и двинулись дальше, то по шосе, то по доскамъ; опять проваливались, и опять стояли часа по два, по три, такъ что отъ Петербурга до Ковно мы ѣхали восемь дней, вмѣсто трехъ, но все же ѣхали, благодаря совѣту Новосельскаго.

Легкій дилижансъ, въ которомъ я ѣхалъ, шелъ впереди. Иногда онъ пройдетъ, а большой завязнетъ, и тогда

дамы садились ко мнѣ; но большею частью проваливались оба.

Послѣ одного изъ такихъ проваловъ, когда пріѣхали люди, я предложилъ дамамъ сѣсть на перекладную и доѣхать до станціи.

Генеральша пришла въ ужасъ, какъ это ѣхать на телегѣ (chariot); но всѣ проголодались, притомъ день былъ свѣтлый, настоящій весенній, когда цвѣты и сердца разцвѣтаютъ. Дочь упросила ее сѣсть на этотъ chariot, разумѣется, наполненный подушками, было условлено ѣхать шагомъ, что я и исполнилъ, правя самъ лошадьми. Затѣмъ это повторялось еще нѣсколько разъ, при чемъ, къ ужасу старухи и къ большой радости ея дочери, я пускалъ лошадей вскачь. Прислуга всегда оставалась при дилижансахъ.

Когда мы пріѣзжали на станцію на перекладной, генеральша отдыхала, а мы, молодежь, помогали варить и жарить, раздували самоваръ; жители станціи бѣгали, теряя головы, а молодымъ путешественникамъ все было смѣхъ и радость.

Да, дѣйствительно Петръ Великій прорубилъ не дверь въ Европу, а только окно, и то съ рѣшеткою изъ льда и путейцевъ.

Чѣмъ больше удалялись изъ Петербурга, тѣмъ чаще были провалы, вѣроятно потому, что еще, не успѣли покрыть досками слабыя мѣста, а можетъ быть и съ досками продѣлывали тоже, что раньше дѣлалось съ щебнемъ и камнемъ.

Сначала генеральша говорила, что ѣдетъ только на время, навѣстить дочь Юлію, которая ожидала родовъ (и дѣйствительно она вскорѣ родила сына, будущаго Александа I Болгарскаго) и что затѣмъ возвратится въ Петербургъ, гдѣ у нее много друзей и гдѣ балуетъ ее вся царская фамилія и просила меня бывать у нее, на углу Невскаго и Троицкой; но потомъ молодая графиня проговорилась, а старая не отрицала, что вѣроятно онѣ и останутся за границею. Вскорѣ имъ уже неловко было возвращаться, такъ какъ племянникъ графа Гауке, Іосимъ Гауке, принялъ участіе въ политическихъ преступленіяхъ и эмигрировалъ, а потомъ, подъ псевдонимомъ „Босяка“ сталъ во главѣ повстанцевъ, чтобы проливать русскую кровь тамъ же, гдѣ его дядя про-

лилъ свою кровь, защищая Россію. Впослѣдствіи внукъ графини Гауке, Александръ Болгарскій, тоже плохо отблагодарилъ Россію за возведеніе его на престолъ; при выборѣ такого субъекта, Россія руководствовалась указаніями изъ внѣ, указаніями своихъ враговъ, желавшихъ окончательно уничтожить плоды войны за освобожденіе славянъ.

Глава 33.

Опять Н. А. Новосельскій (окончаніе).

Лѣтъ черезъ пять или шесть послѣ того, какъ я былъ послѣдній разъ у Новосельскаго одновременно съ генераломъ Мельниковымъ, и когда Новосельскій стоялъ на высшей ступени величія и богатства, я пошелъ однажды обѣдать къ Мильбрету.

Это былъ замѣчательный ресторанъ, а именно: за помѣщеніе близь Невскаго и Б. Морской, въ бельэтажѣ, съ зеркалами во всю стѣну, Мильбретъ платилъ 6.000 руб. въ годъ; посуда была фарфоровая, приборы серебрянные. скатерть и салфетки всегда свѣжія, 40—50 лакеевъ прислуживали во фракахъ и чистыхъ перчаткахъ; обѣдъ былъ изъ четырехъ блюдъ, прекрасно приготовленныхъ, съ пирожками, салатомъ и т. п.—и все это за 50 коп. только.

Однако же не смотря на такую низкую цѣну, Мильбретъ нажилъ большое состояніе во первыхъ потому, что у него обѣдало зимою до 700, а лѣтомъ до 1000 человѣкъ, слѣдовательно онъ имѣлъ возможность все покупать оптомъ изъ первыхъ рукъ, дешево и всегда свѣжее; во вторыхъ потому, что съ 12 часовъ, когда окончательно приготовлялся обѣдъ и до шести, когда ресторанъ закрывался, Мильбретъ, безъ сюртука въ фартукѣ и колпакѣ былъ безъотлучно въ кухнѣ, а его сынъ безъотлучно у буфета. Въ шесть часовъ

они садились въ ландо, запряженное кровными рысаками и уѣзжали домой. Это рѣдкое явленіе въ Россіи; это какъ въ Лондонѣ, гдѣ нерѣдко можно встрѣтить пару чистокровныхъ, энглизированныхъ лошадей, запряженныхъ въ раскошный экипажъ съ кучеромъ и лакеемъ на козлахъ въ строго-аристократической ливреѣ, съ гордою осанкою и съ небрежно сидящимъ въ коляскѣ жирнымъ мясникомъ безъ сюртука, въ фартукѣ и съ ножами за поясомъ.

Войдя въ залъ ресторана Мильбрета, я увидѣлъ, за маленькимъ столомъ, аппетитно ѣвшаго Новосельскаго. Новосельскій „le grand Novoselski“, какъ его называли—и ѣстъ обѣдъ въ 50 копѣекъ!! Это было нѣчто невѣроятное. Cela ne cadre pas!

Оказалось, что онъ разошелся съ красавицею женою, возвратилъ ей все ея состояніе, для чего ликвидировалъ всѣ свои дѣла и у него не осталось рѣшительно ничего, кромѣ маленькаго отцовскаго имѣньица и пенсіи, назначенной ему обществомъ „Пароходства и Торговли“, учредителемъ котораго онъ былъ.

— Довольно я поработалъ,—сказалъ онъ мнѣ. Отправлюсь въ деревню и займусь хозяйствомъ, а при пенсіи можно не дурно жить въ имѣніи.

Мы роспили съ нимъ полъ-бутылки портвейна, вышли изъ ресторана послѣдними и распростились на долго.

Спустя лѣтъ двѣнадцать; въ 1872 году, я поѣхалъ знакомить моихъ четырехъ старшихъ сыновей, 15, 14, 13 и 12 лѣтъ, съ внутренними губерніями, съ Крымомъ и Кавказомъ; мы посѣтили многіе города и остановились на недѣлю въ Одессѣ.

Здѣсь я узналъ, что городскимъ головою Новосельскій.— Бѣдняга, подумалъ я, соскучился въ имѣніи, а для жизни въ городѣ не хватило пенсіи, вотъ онъ и нашелъ прибавку къ ней въ видѣ жалованія городскаго головы, тогда очень не большаго.

Я велѣлъ извозчику ѣхать къ нему.

На одной изъ улицъ я увидѣлъ не домъ, не дворецъ, а настоящій италіанскій, вычурный палаццо, украшенный мраморомъ и лѣпною работою. Одинъ восторгъ! Залюбовав-

шись зданіемъ я не замѣтилъ. какъ извозчикъ повернулъ лошадей и онѣ уперлись мордами въ золоченыя рѣшетчатыя ворота; изъ красивой караулки вышелъ сторожъ, отворилъ и извозчикъ остановился у подъѣзда этого палаццо. На крыльцѣ появился дворецкій, видный, сѣдоволосый мужчина и разсказалъ, что домъ принадлежитъ Новосельскому и что онъ уѣхалъ въ Петербургъ по дѣлу о постройкѣ Закавказской желѣзной дороги (см. гл. 35).

Потомъ въ Пятигорскѣ я узналъ, что Новосельскій до переѣзда въ Одессу, арендовалъ всѣ Кавказскія минеральныя воды, сдѣлалъ тамъ много полезныхъ преобразованій и многому полезному положилъ основаніе.

Въ Пятигорскѣ, Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ мнѣ указывали на труды Новосельскаго; тоже и мѣстный банкъ обязанъ ему своимъ существованіемъ.

Наконецъ Новосельскій поселился въ Петербургѣ и былъ въ такой же суетѣ. какъ прежде. Онъ числился на какой то службѣ по финансовому вѣдомству, былъ въ чинѣ тайнаго совѣтника и умирая, оставилъ дѣтямъ честное, пожалуй даже громкое имя, но наврядъ ли какое либо состояніе.

Такіе люди, не столько люди дѣла, какъ иниціативы, всегда были въ другихъ государствахъ, но въ Россіи такая подвижность ума и тѣла пока еще встрѣчается рѣдко.

Новосельскій всегда стремился къ чему нибудь новому, небывалому, но полезному для Россіи, и по нынѣ вспоминаютъ о немъ съ благодарностью: Одесса, Пятигорскъ „Общество пароходства и торговли", да и всѣ имѣвшіе съ нимъ дѣло. Еще теперь плаваютъ „Новосельскіе" даже по Волгѣ. Это былъ человѣкъ не наживы, а типъ идеалистовъ-практиковъ первой половины XIX вѣка, эпохи идеалистовъ, но идеалистъ одаренный обширнымъ умомъ и необыкновенною энергіею.

Глава 34.

Кокоревъ, Василій Андреевичъ и Губонинъ, Іона Ивановичъ. Два Скарятина. Ультра-либералы. Я попался въ просакъ.

Послѣдователями Новосельскаго въ экономическомъ мірѣ были, между прочимъ Губонинъ, а также Кокоревъ, котораго не безъ основанія, прочили въ министры финансовъ.

Это были люди выдающіеся по уму и, подобно Новосельскому, всею душою любящіе свою родину. Они тоже вращали милліонами и весьма мало оставили своимъ дѣтямъ; но въ нихъ не было той жизненности, той искры, которая была у Новосельскаго и воспламеняла умы всѣхъ окружающихъ его; къ тому же они работали въ одиночку или только вдвоемъ.

Когда въ 70-хъ годахъ новые, ультра-либералы, хотѣли перевернуть вверхъ дномъ всю Россію, то правительство было вынуждено принять ретроградныя мѣры; этимъ оно портило, искажало великія, святыя реформы, созданныя людьми 40-хъ годовъ и возбуждало неудовольствіе всѣхъ классовъ населенія. Тогда я послалъ записку объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, Тимашеву, а Кокоревъ узнавъ о сценѣ, которую вызвала эта записка (см. гл. 42), пріѣхалъ ко мнѣ для прочтенія ея. Потомъ онъ неоднократно приглашалъ меня къ себѣ, въ свой, очень скромно обстав-

ленный домъ на Англійской набережной, и, иногда, читалъ мнѣ наброски своихъ сочиненій.

Кокоревъ обладалъ свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ и обширными практическими познаніями, чему служатъ доказательствомъ резолюціи, которыя онъ дѣлалъ на подлинныхъ бумагахъ, присылаемыхъ ему министромъ финансовъ; онѣ и теперь не потеряли своего значенія. Но, къ сожалѣнію, Кокоревъ получилъ весьма скудное образованіе и былъ вообще «тяжелъ на подъемъ»; однако же онъ основалъ Волжско-Камскій банкъ, кажется и по нынѣ единственный чисто русскій, и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ политико-экономическихъ сочиненій, которыя разумѣется, редактировали другіе. Онъ вмѣстѣ съ Губонинымъ положилъ основаніе нефтяному дѣлу въ Баку.

Что же касается Губонина, то я былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ, когда состоялъ членомъ совѣта 2-го общества конно-желѣзныхъ дорогъ въ СПБ., которое всецѣло принадлежало Губонину. Но я разскажу только одну сцену, характеризующую, какъ Губонина, такъ и его эпоху.

Послѣ польскаго возстанія, Катковъ сталъ по своему, т. е. меча громъ и молніи, требовать соединенія желѣзною дорогою чрезъ Смоленскъ Центральной Россіи съ сѣверо-западными губерніями; охотниковъ не находилось и Катковъ уговорилъ Губонина взять это на себя. Но вотъ дорога готова.

По требованію Губонина пріѣхали изъ Петербурга въ Смоленскъ въ дилижансахъ: знаменитый тогда Дюсо съ поварами и провизіею, до картофеля и моркови включительно, и музыканты кавалергардскаго полка, а на обѣдъ были приглашены губернаторы и предводители дворянства сосѣднихъ губерній, и, разумѣется, нѣкоторые смоляне.

Всѣ были въ мундирахъ или фракахъ и въ лентахъ и орденахъ, а на парадномъ, предсѣдательскомъ мѣстѣ Губонинъ въ русской рубахѣ, поддевкѣ и шароварахъ; вдѣтыхъ въ сапоги.

Во время обычныхъ тостовъ и рѣчей, сталъ на стулъ худощавый, нервный человѣкъ. Тотчасъ водворилась тишина и всѣ взоры устремились на него.

— Милостивые Государи! Мы находимся на окраинѣ Россіи, а потому и. . . . . .

Нельзя было разобрать, что онъ говорилъ дальше, потому что, хотя благовоспитанная публика и не произнесла ни одного слова, но ножи стали, сначала слегка, а потомъ все сильнѣе, стучать о стаканы, пока ораторъ не сошелъ со стула.

Тогда Губонинъ сказалъ:

— Я вдоль и поперекъ изъѣздилъ всѣ западныя губерніи и видѣлъ десятки тысячъ мѣстныхъ жителей, всѣ они говорятъ исключительно по русски и, кромѣ евреевъ и немногихъ шляхтичей, всѣ они православные, а потому очевидно, что тамъ такая же Россія какъ и здѣсь, а окраина Россіи за 500 верстъ отсюда. Что же это онъ называетъ Смоленскъ окраиной? Кто этотъ человѣкъ?

Оказалось, что это Скарятинъ, издатель или редакторъ новой либеральной газеты, кажется „Вѣсть", или что то въ этомъ родѣ, которая вскорѣ послѣ этого прекратилась.

Тосты продолжались; затѣмъ Скарятинъ опять взобрался на стулъ и хотѣлъ говорить. Тутъ смоляне уже не выдержали и стали шикать, пока не исчезъ Скарятинъ.

Пиръ продолжался, говорили рѣчи, серіозныя и веселыя, а о Скарятинѣ забыли, но вдругъ увидѣли его фигуру опять на стулѣ.

Тогда губернскій предводитель дворянства Николай Криштафовичъ, чтобы не выражаться грубо, крикнулъ по французски: A bas Скарятина! Но смоляне, выведенные изъ терпѣнія, перевели это на русскій языкъ и въ одинъ голосъ крикнули: „Вонъ Скарятина, вонъ, вонъ, вонъ!" вытолкали его изъ зала, а лакеи съ лѣстницы на улицу. Кавалергарды грянули тушъ во всю силу своихъ трубъ.

Тутъ же, изъ зала, я послалъ Каткову подробную телеграмму, которая на слѣдующій день появилась цѣликомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ и во всѣхъ газетахъ.

Слѣдуетъ прибавить о Губонинѣ, что онъ на свой личный рискъ и страхъ построилъ 120 верстъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ, затративъ на это семь миліоновъ руб.

и только, когда дѣло развилось и стало давать доходъ, образовалось акціонерное общество.

Спустя нѣсколько лѣтъ, я поѣхалъ знакомить своихъ четырехъ старшихъ сыновей съ Центральной Россіею, Крымомъ и Кавказомъ; мы осматривали все, что попадалось на пути, а потому, узнавъ на почтовой станціи, что вблизи есть каменноугольныя копи, въ 7 часовъ утра подъѣхали къ дому управляющаго копями.

Насъ встрѣтилъ на подъѣздѣ самъ управляющій и, узнавъ цѣль нашего пріѣзда, а также, что мы уже пили чай, повелъ къ паровымъ машинамъ. Потомъ насъ одѣли въ черные саваны съ капюшонами, и мы спустились въ глубокую шахту, изъ стѣнъ которой струилась вода, ходили и ѣздили въ чугунныхъ вагончикахъ по безконечнымъ подземнымъ корридорамъ и т. д.

Послѣ гастрономическаго обѣда, сервированнаго на балконѣ рядомъ съ подъѣздомъ, мои мальчики пошли къ перекладнымъ, а я, съ управляющимъ, продолжалъ серьезную бесѣду объ углѣ и его необходимости для быстро строющихся желѣзныхъ дорогъ. Разговоръ коснулся Губонина и я разсказалъ о смоленскомъ скандалѣ.

Лошади были готовы, сыновья мои приблизились, чтобы проститься съ гостепріимнымъ хозяиномъ и я, уже стоя, закончилъ разсказъ о томъ, какъ лакеи вытолкали Скарятина на улицу, затѣмъ, поблагодарилъ хозяина за радушный пріемъ, направился къ экипажамъ.

— Да,—сказалъ хозяинъ, провожая меня,—отъ случившагося въ Смоленскѣ, мой братъ сильно пострадалъ не только матеріально, но и его здоровье такъ разстроилось, что онъ долженъ былъ лечиться за границею; а потомъ провелъ годъ здѣсь, въ тиши, для поправленія здоровья.

— Развѣ вашъ братъ принималъ участіе въ постройкѣ дороги?—спокойно спросилъ я, садясь на перекладную.

— Нѣтъ, но тотъ Скарятинъ, о которомъ вы сейчасъ говорили и о которомъ вы послали телеграмму Каткову—мой родной братъ.

— Самъ виноватъ!—сказалъ я, уже подъ звонъ колокольчиковъ.

Во время нашего громаднаго путешествія мы встрѣчались съ такою массою людей, что не имѣли ни времени, ни надобности узнавать съ кѣмъ именно мы говоримъ; также точно многіе относились и къ намъ, то есть одни охотно и любезно исполняли наши просьбы, другіе дѣлали это за «на чай», третьи прямо отказывали намъ, не интересуясь знать, кто мы такіе. И въ этотъ разъ я также не поинтересовался узнать, какъ фамилія управляющаго.

Скарятинъ, смотря на удаляющіяся тройки, вѣроятно подумалъ: „Вотъ змѣю пригрѣлъ я у себя!"

А въ тоже время я подумалъ: „Вотъ попалъ я въ просакъ! Но ничего, кушайте на здоровье горькія пилюли, г. г. ультра-либералы. Вы хотите перескочить чрезъ столѣтія и заставляете правительство, для обузданія васъ, принимать ретроградныя мѣры, которыя портятъ все великое, сдѣланное либералами 40-хъ годовъ. Подѣломъ вамъ, г.г. ультра-либералы семидесятыхъ годовъ, хотя жаль, что это случилось въ гостепріимномъ домѣ".

Глава 35.

Пэти-Тифлиская желѣзная дорога, по которой ни ея строитель, ни его семья не рѣшаются ѣздить.

Выше мы случайно упомянули о Поти-Тифлиской желѣзной дорогѣ; ксати скажемъ нѣсколько словъ о ней.

Окончивъ съ четырьмя сыновьями осмотръ центральной Россіи, а также Крыма, мы отправились моремъ въ Поти, намѣреваясь купить здѣсь экипажъ и ѣхать дальше уже на лошадяхъ для осмотра закавказскаго края. Но въ Поти мнѣ сказали, что пріѣхалъ англичанинъ, строившій здѣсь желѣзную дорогу и для него снаряжаютъ поѣздъ.

Я пошелъ къ нему и благодаря его любезности, вызванной, вѣроятно, моимъ знаніемъ англійскаго языка, получилъ разрѣшеніе ѣхать въ его вагонѣ и на пути узналъ отъ него, что дорога вполнѣ окончена, весь подвижной составъ готовъ и она можетъ быть сейчасъ открыта, но присланная изъ Петербурга коммиссія для принятія ее отъ строителей, въ числѣ которыхъ главную роль игралъ Новосельскій, проѣхала по дорогѣ и, не сказавъ никому ни слова, уѣхала обратно въ Петербургъ.

— Это такая дорога,—продолжалъ англичанинъ,—что, если бы она была открыта теперь, то *никогда бы не поѣхали по ней: ни я, ни моя жена, ни кто либо изъ моего семейства.*

— Да вотъ же вы ѣдете, да еще и насъ везете,— сказалъ я.

— Я ѣду потому, что это мой поѣздъ; я далъ машинисту всѣ нужныя инструкціи и самъ наблюдаю за нимъ; опасности нѣтъ. Но до сихъ поръ ходили только рабочіе поѣзда, однакоже и теперь подъ откосами лежатъ свалившіеся платформы, вагоны и даже два локомотива, если ихъ не убрали. Коммиссія увидя это, уѣхала въ Петербургъ, даже не составивъ акта осмотра, а только повезла планы дороги и бѣглыя замѣтки. Вѣроятно въ Петербургѣ прикажутъ передѣлать ее, придется затратить много миліоновъ и по крайней мѣрѣ на годъ отложить открытіе дороги. Новосельскій помчался вслѣдъ за коммиссіею, и я буду ждать здѣсь его телеграммъ.

— Да какъ же это случилось?

— Очень просто. Полякъ—инженеръ, сумѣлъ снискать довѣріе, какъ министра, такъ и Великаго князя, намѣстника Кавказа, ему и поручили все дѣло; онъ съ помощниками дѣлалъ изысканія и составилъ весь проектъ дороги; нѣкоторые изъ его молодыхъ помощниковъ протестовали, но были переведены на другія дороги; Великій князь утвердилъ проектъ и мы были обязаны строить дорогу подъ начальствомъ того же инженера.

Дѣйствительно пришлось потомъ увеличить углы поворотовъ, исправить нивелировку и т. п., а спустя нѣсколько лѣтъ и прорыть Сурамскій тоннель, длиною до 4-хъ верстъ, т. е. по длинѣ, а потому и по стоимости, третій тоннель въ Европѣ, хотя можно было избѣжать этого, если бы первоначальный проектъ дороги былъ сдѣланъ серьезнымъ инженеромъ, а не легкомысленнымъ полякомъ. Этотъ полякъ ѣхалъ на одномъ пароходѣ со мною, въ компаніи съ другими инженерами; шампанское не сходило съ ихъ стола, смѣхъ, польскій говоръ и пѣсни не прекращались всю ночь.

И что же, хотя дорога оказалась никуда не годною, однако же онъ остался на службѣ и ему же было поручено, какъ исправленіе этой дороги, такъ и составленіе проекта дороги чрезъ Дарьяльское ущеліе, въ которомъ каждая верста, стоила бы миліоны, но постройка ея была отложена.

Все это происходило въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда въ Россіи уже было около 20.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, а за границею много больше, слѣдовательно легко было пріобрѣсти теоретическія и практическія познанія.

Глава 36.

Урокъ, какъ надо готовиться къ войнѣ. Георгіевскій монастырь въ Крыму. Преемникъ греческой цивилизаціи и преемникъ пещерныхъ жителей, Троглодитовъ. Прямые потомки „допотопныхъ людей" въ Россіи. Интересный этнографическій вопросъ. Мнѣніе Моисея о потопѣ.

Путешествуя съ четырмя сыновьями, я началъ осмотръ Крыма съ Севастополя; мы съ исторіею въ рукахъ, шагъ за шагомъ провѣряли на мѣстѣ всѣ эпизоды войны, отъ высадки непріятеля, до разрушенія нашихъ доковъ.

Затѣмъ мы отправились въ Балаклаву, маленькій греческій поселокъ, близъ Севастополя. Здѣсь естъ замѣчательная бухта, въ которой можетъ помѣститься около тридцати судовъ; она окружена высокими горами и въ ней не бываетъ даже зыби; входъ въ нее такъ узокъ, что едва можетъ пройти одно судно между двумя хребтами громадныхъ скалъ, а вслѣдствіе этого входъ въ бухту можетъ быть очень легко загражденъ. Но русскіе не знали, что бухта достаточно глубока для военныхъ судовъ и не обратили на нее вниманія, а непріятельскій флотъ вошелъ въ нее безъ предварительныхъ промѣровъ и стоялъ совершенно спокойно въ теченіи всей войны.

Даже развалины бастіоновъ, построенныхъ генуезцами въ XIV столѣтіи надъ входомъ въ бухту, не напомнили русскимъ властямъ, что надо потопить здѣсь хотя одну или двѣ простыя барки съ камнемъ; а между тѣмъ, если бы не эта бухта, то непріятельскому флоту положительно не было-бы пріюта во время всей войны, другой удобной бухты нѣтъ на всемъ берегу Крыма. Однако же и теперь входъ въ Балаклавскую бухту не укрѣпленъ, кажется.

Въ 1872 году, когда мы пріѣхали, въ Балаклавѣ было только двѣ лошади, но и тѣ ушли дня на два, такъ что для осмотра Георгіевскаго монастыря, который находится верстахъ въ шести, надо было ѣхать на быкахъ или идти пѣшкомъ.

Мы избрали послѣднее и, напившись чаю, въ 4 часа утра, бодро отправились въ путь; по дорогѣ мы осмотрѣли десятину земли, покрытую на $^1/_4$ и на $^1/_2$ аршина стекломъ отъ разбитыхъ бутылокъ англійскаго лагеря, расположеннаго здѣсь 18 лѣтъ тому назадъ; также осмотрѣли балку, въ которой замѣчательное эхо. Это среди ровной степи глубокая промоина, сажень пятьдесятъ ширины, и, если говорить, даже не громко, на одномъ берегу этой балки, то совершенно внятно и отчетливо повторяется тоже на другомъ берегу. Это такъ заинтересовало насъ, что мы становились на оба края балки, опускались въ нее и вообще долго изучали этотъ феноменъ встрѣчаемый весьма рѣдко и, о которомъ, кажется, не упоминается ни въ одномъ описаніи Крыма.

Наконецъ, въ 8 часовъ утра мы были у настоятеля Георгіевскаго монастыря, построеннаго, по преданію, на старомъ фундаментѣ греческаго храма богини Артемиды, сестры—близнеца, Аполлона. Историки и трагики говорятъ, что когда собирались принести въ жертву богинѣ Артемидѣ дочь Агамемнона, Ифигенію, то добрая богиня пожалѣла ее и вмѣсто нее положила на костеръ лань, а ее перенесла къ себѣ, въ Тавриду (въ Крымъ), но такъ какъ у мѣстныхъ жителей былъ обычай убивать чужестранцевъ, то богиня помѣстила Ифигенію на недоступной скалѣ, окруженной водою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега. Братья Ифигеніи, Орестъ и Пилатъ, отыскали ее и увезли, захвативъ кстати,

вѣроятно на память или по ошибкѣ, великолѣпную статую Артемиды изъ храма, на фундаментѣ котораго построенъ теперь монастырь.

Настоятель монастыря, человѣкъ лѣтъ 45, былъ чрезвычайно любезенъ, разспросилъ о путешествіи вообще и о приходѣ изъ Балаклавы въ особенности, объяснялъ, хотя не ясно, феноменъ эха и т. д. Онъ окончилъ академію. Это былъ человѣкъ очень начитанный, вполнѣ цивилизованный, съ чѣмъ, вѣроятно, согласятся многія высокія особы, посѣщавшія его. Между прочимъ онъ разсказалъ слѣдующій фактъ, о которомъ, къ сожалѣнію, кажется не упоминаютъ историки.

Года за два до крымской войны, пришелъ въ монастырь какой то тихій и скромный французъ, говорившій немного по русски; онъ молился въ церкви, клалъ на тарелку и въ кружки большія серебрянныя монеты, познакомился съ нѣкоторыми монахами, а затѣмъ и съ настоятелемъ и, очарованный чудною мѣстностью, просилъ позволенія пробыть нѣкоторое время въ монастырѣ, на что настоятель согласился, тѣмъ болѣе, что онъ щедро платилъ за все.

Наконецъ, облюбовавъ на половинѣ спуска къ морю мѣстечко съ нѣсколькими старыми дубами при отвѣсной скалѣ, просилъ разрѣшенія построить здѣсь шалашъ, чтобы заниматься рыбною ловлею, которую онъ страстно любитъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ вручилъ настоятелю сто рублей; въ видѣ платы за аренду нѣсколькихъ сажень никому ненужной земли, быстро пристроилъ къ скалѣ три стѣны и прожилъ въ этомъ домикѣ два года, исчезая только мѣсяца на три, зимою.

Поселившись здѣсь, онъ прекратилъ всякія сношенія съ монастыремъ, никто не зналъ и не поинтересовался узнать, что онъ дѣлаетъ, даже что онъ ѣстъ; издали видѣли, что онъ иногда уходилъ или возвращался окольными тропинками, съ большою сумкою за плечами или уплывалъ въ море на собственной, прочной лодкѣ, всегда тщательно скрытой между скалами.

Спустя годъ, онъ опять далъ сто рублей настоятелю.— Сначала онъ сказалъ свою фамилію, но ее скоро забыли; документовъ никто не спрашивалъ у него и наконецъ *онъ*

исчезъ съ своею лодкою, когда союзный флотъ былъ ужс въ виду Крыма.

Настоятель полагаетъ и, кажется, не безъ основанія, что именно этотъ французъ собралъ свѣдѣнія о Крымѣ, такъ какъ оказалось, что союзники знали Крымъ гораздо лучше русскихъ, знали глубину Балаклавской бухты, знали топографію Инкермана и Альмы, знали, что надо взять именно Малаховъ курганъ для того, чтобы безпрепятственно уничтожить верфь, въ которой англичане потомъ взрывали каждый камень отдѣльно.

Вотъ какъ цивилизованные народы готовятся къ войнѣ; также поступили теперь японцы и нѣмцы передъ войною съ Франціею; они гораздо лучше французовъ знали Мецъ, Седанъ и топографію всей восточной Франціи, а мы два года открыто готовились къ войнѣ съ Турціею и не имѣли никакого понятія о ней.

Уничтоженіе флота и доковъ составляло единственную цѣль нападенія англичанъ и они вполнѣ достигли ее, а Наполеонъ III надѣялся блистательно отомстить за Наполеона І-го, но не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ война причинила Россіи только денежный расходъ, такой же какъ и напавшимъ на нее державамъ, а что Россія добровольно, въ роли побѣжденной пошла въ Парижъ, и что она подписала тамъ постыдный приговоръ надъ собою, то тутъ не причемъ, ни Наполеонъ, ни Англія; Россія могла не дѣлать этого, а союзники не пришли бы вторично стучать лбомъ о незыблемую скалу русскаго народа.

Бесѣда съ настоятелемъ была очень интересна, онъ предложилъ въ подарокъ образцы минералловъ съ южнаго берега Крыма, но не предложилъ ни закуски, ни даже стакана чаю.

Между прочимъ онъ сказалъ, что монахи ѣздятъ къ морю длинной окольной дорогой, но что можно спуститься прямо, по скаламъ и что до берега и до скалы Ифигеніи не болѣе версты, а на полъ-пути находится остатки домика французскаго шпіона.

Мы пошли голодные, но дивная природа придавала намъ бодрости.

Шпіонъ избралъ очень удобное мѣсто; здѣсь могла бы долго прожить цѣлая шайка разбойниковъ, никѣмъ не замѣченная, въ особенности подъ охраною монастыря.

На песчаномъ берегу моря чудное купаніе, и имъ мы вполнѣ насладились, то ныряя, то засыпая себя горячимъ, жгучимъ пескомъ, отъ котораго становились красны, какъ вареные раки, то опять ныряя.

Осмотрѣвъ и оплывъ кругомъ скалу Ифигеніи, мы пошли обратно, карабкаясь по скаламъ, подъ палящими лучами іюльскаго солнца и возвратились въ монастырь въ два часа дня.

Настоятель встрѣтилъ насъ опять очень любезно; мы попросили воды, но онъ сказалъ, что опасно пить воду при такомъ моціонѣ и въ жару, и приказалъ подать чай. Дѣйствительно, спустя полчаса, показавшагося намъ вѣчностью, служка принесъ подносъ съ пятью стаканами чая и съ нѣсколькими маленькими, городскими сухариками, всякій взялъ по одному и служка унесъ остальные. Сливокъ не было.

Настоятель зналъ, что мы вышли изъ Балаклавы въ 4 часа утра, однако не велѣлъ убрать стакановъ и не заикнулся даже о „хлѣбѣ насущномъ“ между тѣмъ на часахъ пробило три.

Мы встали, чинно простились и быстро улетѣли на крыльяхъ голода (не поэтично, но вѣрно), даже отказавшись отъ „образцовъ минералловъ“, вѣсомъ въ полпуда.

Мы чуть не бѣгомъ достигли красиваго домика грека, въ двухъ верстахъ отъ монастыря, разорвали и проглотили кусокъ барашка, какъ разъ готоваго для рабочихъ, съѣли ковригу хлѣба, выпили корчагу молока и счастливые дремля, а иногда и похрапывая, слушали интересные разсказы хозяина о войнѣ и о французскихъ маршалахъ Канроберѣ и Пелисіе, квартировавшихъ въ его домъ.

Я не говорю о гостепріимствѣ вообще, даже и о заповѣди: накорми голоднаго, напои жаждущаго; но монахамъ былъ прямой расчетъ дать намъ хотя бы яицъ, или сыру съ хлѣбомъ и масломъ, за которые мы заплатили бы щедро. Вѣдь грекъ предоставилъ намъ все, что было у него, не торгуясь, видя приличныхъ людей, изъ которыхъ младшіе были въ русскихъ, шелковыхъ рубашкахъ.

Негостепріимство настоятеля Георгіевскаго монастыря крайне прискорбное явленіе вообще, а не относительно насъ, очень довольныхъ своею прогулкою въ монастырь.

Странно что всѣ стремятся въ Ялту, въ которой нѣтъ ни деревьевъ, ни песчаного берега для купанія, гдѣ пыль и скука, между тѣмъ какъ надо бы ѣхать просто въ Крымъ, во весь Крымъ, а путешествіе по немъ возстановитъ самый разслабленный организмъ. Въ Крыму такая масса восхитительныхъ мѣстъ, до историческихъ памятниковъ, чудесъ природы, что работая безустанно, безъ отдыха пять недѣль, мы едва мелькомъ успѣли осмотрѣть главнѣйшія изъ достопримѣчательностей. А чего стоитъ воздухъ горъ и долинъ, вмѣсто пыли и смрада въ Ялтѣ. Для купанія Ялта самое неудобное мѣсто, потому что берегъ каменистый.

Перейдемъ теперь къ троглодитамъ на Кавказѣ.

Верстахъ въ двухстахъ отъ Чернаго моря и въ десяти верстахъ отъ города и крѣпости Гори, стоитъ недоступная скала съ перпендикулярными стѣнами. Она напоминаетъ скалу и крѣпость близъ Дрездена, которая называется Iungfer или Iungfrau, дѣвственница, потому что съ древнѣйшихъ временъ еще ни одинъ непріятель не взялъ ее ни силою, ни хитростью; но все же къ Юнгфрау есть въѣздъ по склону горы и вершину пришлось окружить стѣною, здѣсь же бока скалы перпендикулярны.

Неизвѣстно, какіе люди, когда и какими орудіями сдѣлали отъ рѣки въ скалѣ узкій проходъ, тоннель, на вершину скалы; здѣсь выдолбили рядъ маленькихъ пещеръ, внутри которыхъ стѣны почти перпендикулярны, а потолки почти паралельны полу, въ нѣкоторыхъ устроили даже нѣчто вродѣ скамьи, или наръ, вдоль одной изъ стѣнъ; выкопали большую цистерну, или колодецъ, для сбора дождевой воды, устроили отдѣльно большое помѣщеніе съ низкимъ входомъ, вродѣ кладовой, оставивъ внутреннія стѣны не совсѣмъ правильными. Наконецъ громадная выпуклость скалы имѣетъ у подножія ея четыре длинныя ступени, почти совершенно правильныя, ведущія наперонъ; за нимъ правильная стѣна; въ ней трое дверей въ залъ, который имѣетъ по четыре сажени длины и ширины и около двухъ сажень вышины; стѣны и

потолки подъ углами почти прямыми; у стѣны, противоположной входу, высокое, широкое кресло, со спинкою, очевидно тронъ царя, по бокамъ два меньшія, съ лѣвой стороны дверь въ небольшую комнату, здѣсь круглое окошко прямо надъ бездною, какъ въ Крыму, въ Чуфутъ-Кале, «Мертвомъ городѣ» караимовъ. Надо полагать, что въ это окно выбрасывали преступниковъ или пойманныхъ враговъ.

И всѣ описанныя здѣсь помѣщенія выдолблены въ одной и той же, скалѣ; нѣтъ отдѣльныхъ камней или приставокъ. Внутри, какъ мы уже сказали, все почти правильно, а съ наружи это дикая скала съ природными неровностями.

Изъ города и крѣпости Гори нѣтъ колеснаго сообщенія съ этою скалою и съ деревушкою у ея подножья, а потому, мы взяли на почтовой станціи пять лошадей и поѣхали верхами вдоль рѣки. У входа въ деревушку стоитъ маленькая, ветхая, пошатнувшаяся православная церковь, а противъ нее домикъ, изъ котораго вышелъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, бодрый, высокаго роста, въ старомъ, заплатанномъ черномъ балахонѣ, наводящемъ на мысль, что это священникъ.

Онъ зналъ много русскихъ словъ и встрѣтилъ насъ также привѣтливо, какъ и настоятель Георгіевскаго монастыря, разумѣется, за исключеніемъ свѣтскихъ манеръ и французскихъ поговорокъ, которыми блисталъ послѣдній. Узнавъ о цѣли нашего пріѣзда, священникъ пошелъ въ свой дворъ и привелъ работника, который поставилъ лошадей въ тѣни и далъ имъ кукурузной соломы. Священникъ, по моей просьбѣ, отворилъ церковь, которая оказалась обставленною такъ бѣдно, какъ ни одна въ самыхъ бѣдныхъ церквей въ русскихъ трущобахъ.

Рядомъ былъ входъ въ тоннель, выдолбленный въ скалѣ. Мы пошли по тоннелю помогая себѣ руками, такъ какъ подъемъ былъ очень крутой; священникъ пошелъ съ нами. Мы осмотрѣли эти удивительныя сооруженію и любовались восхитительнымъ видомъ, открывавшимся во всѣ четыре стороны.

Во время этой экскурсіи священникъ, мѣстный уроженецъ, передавалъ историческія факты и легенды объ этомъ

жилищѣ и о его обитателяхъ; между прочимъ онъ сообщилъ, что когда жившимъ здѣсь троглодитамъ становилось тѣсно на верху скалы, то они спускались на берегъ рѣки и строили жилища изъ каменныхъ глыбъ, которыя и теперь еще лежатъ здѣсь.

Онъ говорилъ, что бывшіе жители скалы и ихъ потомки, живущіе теперь у ея подножья, въ томъ числѣ и онъ, священникъ, единственные аборигены, доисторическіе жители Грузіи; раньше всѣхъ пришли къ нимъ, т. е. къ троглодитамъ, колхи, изъ южныхъ странъ.

Мы скажемъ отъ себя, что эти колхи были потомками сына Ноя, Шема (Сима). Ихъ генеалогія слѣдующая: въ пятикнижіи Моисея (Өора), въ книгѣ „Бытія", главѣ X въ стихахъ 21—32 сказано:

„У Шема родились дѣти, у этого родоначальника всѣхъ „иберійцевъ, старшаго брата Яфета".

Страбонъ говоритъ, что иберійцы жили на сѣверѣ отъ Арменіи, въ горахъ Месхійскихъ, т. е. у того кавказскаго хребта, который и теперь называется Месхійскимъ и проходитъ отъ Чернаго до Каспійскаго моря.

Далѣе въ книгѣ «Бытія» перечислены главные потомки Шема и сказано:

„Это поколѣніе Шема, по семействамъ ихъ, по языкамъ ихъ, въ земляхъ своихъ, по ихъ народностямъ. А „мѣстопребываніе ихъ простиралось отъ Меши до Сефары, „горы Востока".

Меши, это нынѣшнее Мишли, близъ Памиръ, на рѣкѣ Брамапутрѣ, а кавказскія горы долго назывались Сефарами, Сапфировыми горами.

Очевидно, что колхи прямые потомки Шема, старшаго сына Ноя, даже при Моисеѣ, продолжали заниматься исключительно скотоводствомъ, а потому не имѣли надобности строить на недоступной скалѣ эти величественныя зданія. Кто же былъ ихъ строителемъ? На это не даютъ намъ отвѣта ни Геродотъ, жившій за 500 лѣтъ до Страбона, ни другіе историки. Вопросъ остается открытымъ.

За 1800 лѣтъ до Рождества Христова колхи уже вели торговлю съ Вавилономъ и Финикіею, а за 1300 лѣтъ до

Рождества Христова они составляли уже вполнѣ организованное государство, съ царемъ и богами; мы знаемъ это изъ повѣствованій и о походѣ аргонавтовъ, о Медеѣ и др.

Изъ разсказа священника мы узнали, что за 700 или болѣе лѣтъ до Рождества Христова, изъ среды колховъ выдѣлилось болѣе могущественное и многочисленное Карталинское племя, составляющее нынѣшнее главное населеніе Грузіи; они и теперь называютъ себя картвелами, а только офиціально грузинами. Они покорили колховъ и другихъ соплеменниковъ и слились съ ними. Какъ сначала колхи, такъ и картавелы всегда стремились къ морскому прибрежью и только размножившись подвигались въ здѣшнія мѣста, но, какъ прежде предки, такъ и теперешніе жители избѣгаютъ близкихъ сношеній съ пришельцами, чему между прочимъ служитъ доказательствомъ отсутствіе и по нынѣ колесной дороги въ старинный большой городъ Гори, находящійся въ 10 верстахъ отсюда. Замѣчательно, что такой сепаратизмъ, если онъ существуетъ, продолжается много больше 600 лѣтъ.

Однакоже, такъ какъ у предковъ обитателей этихъ мѣстъ не было сложившагося языка, то мало по малу они ознакомились съ картвелинскимъ, а когда грузины приняли христіанскую вѣру (въ 318 году), и здѣсь построили часовню, дали священника и потомки колховъ безсознательно, не замѣчая этого, превратились въ христіанъ.

Стоя среди величественнаго зала, торжественно вѣщалъ намъ все это, отчеканивая каждое слово, рослый, богатырскаго сложенія, прямой потомокъ троглодитовъ, а мы слушали его сидя на тронѣ, сооруженномъ гораздо ранѣе появленія Моисея и Египетскихъ Пирамидъ, т. е. гораздо болѣе чѣмъ за 4000 лѣтъ до Рождества Христова.

Но воображеніе переносило насъ въ еще болѣе отдаленные вѣка. Не былъ ли это величественный дворецъ построенъ раньше потопа, а его строители, т. е. предки священника и жителей деревушки, тѣми людьми, которыхъ не коснулся потопъ?

Моисей говоритъ: „Мы увидѣли допотопныхъ, дѣтей „великановъ допотопныхъ, и стали мы въ собственныхъ

„глазахъ похожи на акридъ (маленькихъ насѣкомыхъ), да „такими показались мы и на ихъ взглядъ“ (Ѳора IV кн. «Чиселъ», глава XIII стихъ 33). Дѣйствительно, только великаны могли соорудить эти зданія. А потому, хотя Моисей и сказалъ въ 1-ой книгѣ Ѳоры, гл. VI стихъ 21—23), что всѣ люди погибли во время потопа, но это, очевидно, относилось только къ племени, подлежавшему наказанію и къ землямъ, на которыхъ оно жило; если онъ не былъ этого мнѣнія, то не называлъ бы встрѣченныхъ имъ людей „допотопными и дѣтьми допотопныхъ“, въ отличіе отъ потомковъ Ноя.

Есть легенды о томъ, что потопъ былъ и въ другихъ мѣстахъ и, что подобно Ною, спаслись отъ потопа Девкаліонъ въ Греціи, Ксисуѳръ въ Халдеѣ, Прису въ Индіи и другіе, но не установлено, что бы эти потопы были одновременно и въ тѣ же сорокъ дней, о которыхъ говоритъ Моисей.

Очевидно, что это были мѣстныя сильныя наводненія, которыя могли не коснуться жителей, соорудившихъ раньше потопа великолѣпное зданіе, въ которомъ ихъ потомокъ повѣтствовалъ намъ о минувшихъ вѣкахъ.

Крайне изумилъ священника вопросъ мой: круглыя или плоскія кости у жителей деревни?

Послѣ нѣкоторыхъ разъясненій священникъ сказалъ, что онъ не обращалъ вниманія на кости современниковъ, но въ оврагахъ и на скалахъ часто находятъ человѣческія кости, почти совсѣмъ плоскія. Это еще одно изъ доказательствъ присутствія здѣсь прямыхъ потомковъ троглодитовъ, у которыхъ кости были не столь круглы, какъ наши. *Во всякомъ случаѣ это интересный этнографическій вопросъ, кажется еще неизслѣдованный нашими учеными*, и было бы весьма полезно для науки ближе ознакомиться съ прямыми потомками троглодитовъ, съ потомками «людей допотопныхъ», которые, по словамъ священника, еще не слились съ другими людьми.

Спустя около трехъ часовъ послѣ пріѣзда, мы возвратились къ лошадямъ, дали священнику лепту на церковь, отвязали отъ сѣдла сумку и хотѣли приняться за бутерброды, но священникъ пригласилъ насъ въ домъ.

Мы были поражены. Бѣлоснѣжная скатерть, тарелки, ложки, хотя деревянныя, но блестящія, бѣлый хлѣбъ, а по срединѣ стояла одна миска съ дымящимся супомъ съ овощами, другая съ пилавомъ, третья съ виноградомъ и стеклянный кувшинъ съ краснымъ виномъ.

Восторгъ! Вполнѣ сервированный столъ! То есть „сервированный столъ" не въ европейскомъ значеніи слова, такъ какъ у священника не было ни столовъ, ни стульевъ; но на безукоризненно чистыхъ нарахъ были разостланы такіе же чистые, бѣлые войлоки и уже на нихъ скатерть и яства, вкусно приготовленныя.

Но у меня появились не веселыя думы, когда я сравнилъ гостепріимство преемника греческой цивилизаціи съ гостепріимствомъ потомка троглодитовъ.

Жалкіе плоды цивилизаціи, если вмѣстѣ съ нею исчезла сердечность и гостепріимство. „Свѣтъ безъ тепла— есть обманъ", сказалъ В. Л. Величко.

Здѣсь дѣло не въ гастрономіи, на которую не обращали никакого вниманія мои удалые путешественники, кажется первые въ Россіи гимназисты, совершившіе подобную громадную, образовательную экскурсію.

Все изложенное здѣсь извлечено мною изъ дневниковъ (или путевыхъ впечатлѣній), которые регулярно вели четыре мои сына, каждый отдѣльно.

Глава 37.

Ослы спасли. Гудауръ, Казбекъ и Дарьяльское ущелье. Банкъ, точно въ Центральной Африкѣ.

Послѣ осмотра Закавказья и Тифлиса, мы изъ этого города двинулись въ Россію по Военно-Грузинской дорогѣ. Отъѣхавъ отъ какой то станціи, кажется Мцхета, верстъ пять, ямщикъ остановилъ лошадей, сошелъ съ козелъ и сталъ поправлять сбрую. въ это время мимо насъ ѣхали грузины на такихъ маленькихъ ослахъ, что ноги сѣдоковъ касались земли; другіе грузины вели такихъ же ослятъ нагруженныхъ виноградомъ, арбузами и углемъ. Мы вышли изъ экипажа и стали разсматривать этихъ длинноухихъ животныхъ, покупать фрукты и бесѣдовать съ грузинами.

Вдругъ лошади чего то испугались и помчались по дорогѣ. Экипажъ несся чрезъ кучи щебня и камней, обѣ оси сломались, и онъ опрокинулся; ямщикъ и мы побѣжали за экипажемъ и поднимали на дорогѣ то колесо съ кускомъ оси, то подушки, то чемоданъ и т. п. Если бы не встрѣча съ ослами, то мы остались бы въ экипажѣ и, разумѣется, сильно пострадали бы, но ослы спасли.

Лошадей кто то остановилъ близъ одинокой сакли, подъ оси подложили жерди взятыя изъ изгороди и кое какъ связали кузовъ. Провозившись часа три, мы тутъ же плотно

пообѣдали кукурузою, арбузами и дынями и потащились дальше, кто пѣшкомъ, кто примостившись съ лѣвой стороны экипажа, гдѣ оси были цѣлы.

Вскорѣ начинался подъемъ на Крестовую гору къ станціи Гудауръ, которая находится на высшей точкѣ перевала, на высотѣ около 9.000 футовъ надъ уровнемъ моря.

По южному, почти вертикальному склону горы, высѣчена въ скалѣ дорога, длиною около 16 верстъ, идущая зигзагами, такъ что проѣзжающій видитъ подъ собою то мѣсто, по которому проѣхалъ полъ часа тому назадъ и очень близко надъ головою, то мѣсто, на которомъ будетъ чрезъ полъ часа или болѣе; и такъ все время.

Но кромѣ шоссе есть тропинка почти по отвѣсной скалѣ; по ней до станціи всего версты 3 или 4; она очень удобна для козъ, можетъ быть и для чеченцевъ, но никакъ не для жителей равнинъ.

Мои бодрые четыре юноши пошли по козьей дорожкѣ, пришли на станцію раньше экипажа, уже ночью, усталые и сейчасъ завалились спать въ каменномъ большомъ почтовомъ зданіи, съ открытыми окнами, а я дотащился до станціи съ экипажемъ очень поздно, подъѣхалъ прямо къ кузницѣ, поднялъ на ноги всѣхъ кузнецовъ, колесниковъ и шорниковъ и работалъ съ ними до утра въ обширной, теплой кузницѣ, не замѣчая, что на дворѣ температура ниже нуля и что горы покрылись инеемъ.

А мои юноши спали подъ простынями, какъ въ Крыму и какъ спали еще наканунѣ въ жаркомъ, душномъ Тифлисѣ.—Утромъ они были вялые, неохотно пили чай и ничего не ѣли; однако когда лошади были готовы, мы отправились далѣе въ путь, надѣвъ на себя всю бывшую съ нами одежду, такъ какъ утро было холодное.

Во всей Европѣ, не исключая и Швейцаріи, нѣтъ ничего подобнаго нашему Дарьяльскому ущелью, по которому проходитъ Военно-Грузинская дорога,—единственный путь между Россіею и Тифлисомъ, а также и всѣмъ Закавказскимъ краемъ.

Дарьяльское ущелье это извилистый коридоръ длиною около 30 верстъ, но настолько узкій, что въ немъ едва по-

мѣщается Терекъ, текущій съ страшною быстротою по камнямъ и чуть не на каждомъ шагу разбивающійся о глыбы скалъ свалившихся съ сосѣднихъ вершинъ. Рядомъ съ нимъ вьется шоссе, которому остается такъ мало мѣста, что два экипажа разъѣзжаются лишь съ трудомъ. Съ одной стороны шоссе поднимается сплошная, безъ перерыва вертикальная стѣна этого коридора, не менѣе версты въ вышину. Во многихъ мѣстахъ, за недостаткомъ мѣста, шоссе врѣзывается въ скалу такъ, что надъ головою пассажира виситъ верста голаго, темносѣраго, потрескавшагося камня, безъ всякой растительности. Картина необычайно величественная, но вмѣстѣ съ тѣмъ жуткая!

Въ одномъ только мѣстѣ, съ западной стороны, каменная стѣна ущелья прорвана на небольшомъ пространствѣ и отсюда тянется длинная, прямая долина, а въ концѣ ея, высится конусообразная гора, совершенно какъ голова сахара, съ которой снята верхняя часть бумажной покрышки; это— Казбекъ въ 17.000 футъ вышины,съ покрытымъ вѣчнымъ снѣгомъ бѣлымъ верхомъ и съ сѣро-синими нижними склонами.

Казбекъ,это единственная изъ кавказскихъ горъ, которую видно всю, отъ основанія до вершины и здѣсь, въ Дарьяльскомъ ущельи, единственное мѣсто, съ котораго она видна.

Чтобы видѣть Эльборусъ, который близъ Пятигорска, надо цѣлый день взбираться на высокія горы, или отъѣхать по степи на 150 верстъ. Почти тоже нужно продѣлать чтобы видѣть Араратъ; а въ этомъ мѣстѣ Казбекъ весь передъ глазами, какъ гигантская голова сахара. Но ни станціонный смотритель, ни ямщики не предупреждаютъ объ этомъ проѣзжающихъ, а потому большинство изъ нихъ пропускаютъ это величественное, да и единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, равно какъ и находящійся въ близи замокъ Тамары, грузинской Екатерины II-ой. Впрочемъ теперь, когда закавказье соединено съ Владикавказомъ рельсовымъ путемъ, красотами военно-грузинской дороги въ состояніи любоваться развѣ только мѣстный, дикій осетинъ, такъ какъ цивилизованные люди охотнѣе проводятъ трое сутокъ въ душномъ вагонѣ, нежели сутки среди величественной при-

роды и объѣзжаютъ кругомъ всѣ горы, вмѣсто проѣзда чрезъ Дарьяльское ущелье.

Я условился со смотрителемъ почтовой станціи, чтобы ямщикъ съ лошадьми простоялъ здѣсь нѣсколько часовъ, пока мы сдѣлаемъ прогулку къ подножью Казбека и осмотримъ основаніе ледника, который, въ прежнее время, каждые 15—20 лѣтъ, отдѣлялся отъ горы, съ неимовѣрною быстротою заполнялъ долину и ударялся о восточную гору, поднимаясь такъ же въ версту вышины, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сообщеніе съ Тифлисомъ и Закавказьемъ прекращалось по Дарьяльскому ущелью и приходилось, съ неимовѣрнымъ трудомъ, пробираться чрезъ хребты.

Теперь, уже около шестидесяти лѣтъ, нѣтъ этихъ обваловъ, хотя съ дороги видна громадная трещина, которая, съ верху до низу горы, наполнена льдомъ и снѣгомъ; нѣсколько спеціальныхъ комисій изучали этотъ вопросъ и пришли къ заключенію, что отвалившаяся огромная скала служитъ какъ бы порогомъ, задерживающимъ ледъ, накопившійся въ гигантской трещинѣ или ложбинѣ Казбека.

Я предложилъ сыновьямъ осмотрѣть долину и ледникъ, но они отказались: ночевка на ст. Гудауръ съ открытыми окнами не прошла даромъ, головы ихъ горѣли, и у нихъ начинался сильный параксизмъ лихорадки у всѣхъ четырехъ, а потому скорѣй надобно было ѣхать въ Пятигорскъ, до котораго оставалось кажется около трехъ сотъ верстъ.

Въ Пятигорскѣ со мною случилось странное денежное затрудненіе. Бывая заграницею я во всякомъ маленькомъ городкѣ безъ затрудненія мѣнялъ на деньги русскія процентныя бумаги, въ томъ числѣ и выкупныя свидѣтельства, а потому, путешествуя по Россіи, я тоже взялъ ихъ съ собою. Я зналъ, что въ Пятигорскѣ есть общественный или городской банкъ, а потому не стѣснялся производить необходимые расходы, оказавшіеся довольно значительными и, передъ отъѣздомъ, пошелъ въ банкъ. Къ моему удивленію, директоръ, члены, бухгалтеръ и казначей банка, тщательно разсмотрѣвъ выкупныя свидѣтельства, объявили, что они не знаютъ этихъ бумагъ, а потому ни купить, ни выдать подъ нихъ ссуды не могутъ.

И это въ величайшемъ русскомъ курортѣ, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ выпуска этихъ бумагъ на сотни милліоновъ. Точно Пятигорскъ находился не въ Россіи, а гдѣ то въ центральной Африкѣ.

Выручилъ меня милѣйшій, душа—человѣкъ, докторъ Павловъ; онъ, вмѣсто того чтобы получить съ меня за леченіе сыновей 50 рублей, далъ своихъ 100 рублей и мы благополучно доѣхали до Ростова.

Глава 38.

Нѣмецкія Герцогства. Графъ Мольтке. Маневры нѣмецкіе и русскіе.

Въ Либенштейнѣ въ Герцогствѣ Саксенъ-Мейнингенскомъ, гдѣ я пользовался леченіемъ по системѣ Присница въ 1868 году, я встрѣтился съ графомъ Мольтке.

Либенштейнъ, это маленькій прелестный уголокъ въ знаменитомъ тюрингенскомъ лѣсу, съ развалинами древнихъ замковъ и другими памятниками среднихъ вѣковъ. Здѣсь лѣтняя резиденція царствующаго герцога, который, для состоящаго при немъ доктора, выстроилъ большія зданія со всѣми приспособленіями для водолеченія и съ 50 номерами для пріѣзжающихъ больныхъ.

Все это—игрушка герцога, но ему и дѣлать больше нечего; герцогство такъ благоустроено, что правительству и нельзя придумать чего либо новаго.

Подати ничтожныя и взыскиваются сообразно платежнымъ силамъ плательщика; для карауловъ или вѣрнѣе для престижа герцога, есть миніатюрное войско, которое вовсе не имѣло въ виду убивать кого либо; всѣ крестьянскіе дома двухъэтажные, всѣ строенія крыты черепицею; пожаръ, это почти такое же необычайное явленіе, какъ землетрясеніе; всѣ проселочныя дороги шоссированы, безъ участія дорогихъ

путейцевъ, и обсажены фруктовыми деревьями, а фруктовъ посторонніе не трогаютъ; въ каждой деревнѣ школа и вездѣ при ней скромный школьный учитель, жена котораго сама стряпаетъ, а онъ дѣлаетъ изъ мальчиковъ людей честныхъ. религіозныхъ, развитыхъ и любящихъ свою родину; такой же скромный докторъ лечитъ и вылечиваетъ больныхъ, хотя ѣздитъ на одноколкѣ и самъ правитъ лошадью; а скромный пасторъ совершаетъ всѣ требы и, при этомъ, не обираетъ крестьянъ. На весь либенштейнскій округъ, въ который входитъ большое селеніе, обширный курортъ и лѣтняя резиденція герцога съ огромнымъ паркомъ—всего одинъ толстый, добродушный, безсмѣнный полицейскій, въ синемъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, разумѣется безъ револьвера и сабли; но и ему нечего дѣлать, потому что воровства нѣтъ; если кто либо выпьетъ лишнее и станетъ шумѣть, то его усовѣщиваютъ и уводятъ его же собутыльники; мусору никто не выбрасываетъ на улицу, а напротивъ, всякій гордится чистотою ея и своего двора; въ свободное время въ одной деревнѣ дѣлаютъ перочинные ножики по 12 коп. за штуку, въ другой колеса и т. п; женщины зимою прядутъ и ткутъ на одежду для себя и для своихъ мужей, покупныхъ матерій почти не видно; тоже женщины дѣлаютъ сыры и масло, которыми обильно кормятъ семью; нѣтъ и помину о сифилисѣ и развратѣ, хотя много фабрикъ и заводовъ, нѣтъ помину и о разводѣ, весьма легкомъ у лютеранъ или объ отдѣльныхъ видахъ на жительство супруговъ.

Повсюду тишь и гладь, да Божья благодать!

Все это вы встрѣтите не только въ герцогствѣ Мейнингенскомъ, но и во всѣхъ маленькихъ государствахъ Германіи, которыя я объѣздилъ, а частью и обошелъ пѣшкомъ, заглядывая въ школы и знакомясь съ тѣмъ мелкимъ персоналомъ деревенскихъ властей, которыя въ сущности и дѣлаютъ государство великимъ, контингентъ которыхъ въ Россіи хотя многочисленъ, но крайне слабъ, вслѣдствіе своей некультурности.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Либенштейнъ, пришелъ ко мнѣ баронъ Венцель, камергеръ, постоянно состоявшій

при герцогѣ, Георгѣ II, и сказалъ, что герцогъ съ удовольствіемъ знакомится съ Vornäme Ausländer (съ выдающимися, важными иностранцами), къ которымъ почему то причислили и меня, а потому, если здоровье позволитъ мнѣ явиться къ герцогу, то онъ приметъ меня завтра въ 8 часовъ утра. (Въ Германіи и вообще заграницею день начинается не по нашему; въ 7 часовъ утра открыты почта, банки и всѣ магазины, всѣ уже при дѣлѣ).

Я въ тотъ же день отдалъ визитъ барону и познакомился у него съ придворнымъ библіотекаремъ герцога, Фонъ-Боденштетомъ, который жилъ въ Россіи и перевелъ всего Лермонтова, сохранивъ поэтическіе образы и какъ русскій, такъ и восточный элементы, составляющіе главную заслугу, главную прелесть нашего великаго поэта. Кромѣ того Боденштетъ перевелъ кое что изъ Пушкина и Тургенева. Увлекшись Лермонтовымъ, онъ написалъ нѣсколько восточныхъ поэмъ, между прочимъ „Мирза Шафи“, которая выдержала 143 изданія и переведена на всѣ языки, даже на татарскій. Онъ подарилъ мнѣ изящное изданіе своихъ сочиненій и мы часто читали вмѣстѣ русскихъ писателей, сочиненіями которыхъ постоянно пополняется публичная библіотека Мейнингена.

Герцогъ принялъ меня офиціально—радушно, а спустя два дня, утромъ, вошелъ въ мою комнату пожилой, важный лакей герцога и почтительно поклонившись, произнесъ, торжественно, какъ герольдъ.

— Его Высочество приглашаютъ ваше превосходительство сегодня въ три часа обѣдать, въ бѣломъ галстухѣ и въ черномъ жилетѣ. Я улыбнулся и спросилъ:

— А нельзя въ бѣломъ жилетѣ, вѣдь теперь лѣто?

— Нельзя! самъ герцогъ соблюдаетъ это правило, ваше превосходительство.

— Какое правило?

— Когда приглашены одни мужчины,— торжественно, какъ оракулъ, вѣщалъ герольдъ,—то всѣ въ черныхъ жилетахъ и галстухахъ; когда обѣдаютъ дамы, но не высочества или величества, то одѣвается бѣлый галстухъ и черный жилетъ, а когда на обѣдѣ присутствуютъ царствующія

особы или ихъ родственницы, то бѣлый галстухъ и бѣлый жилетъ, одѣвается тоже и когда обѣдаютъ царствующіе особы мужскаго пола.

Я далъ лакею талеръ (*), чѣмъ очевидно очень обрадовалъ его и, вмѣсто напыщенной торжественности, съ которою онъ исполнялъ свою миссію, онъ добродушно сказалъ: — Oh dancke sehr mein Herr! забылъ даже прибавить „Ексцеленцъ".

Удивительное дѣло: чѣмъ богаче народъ, тѣмъ у него деньги не дешевле, а дороже. У нашего народа, живущаго въ проголодь и носящаго пятикопѣечныя лапти, копѣйка есть минимальная цѣнность всякаго товара или предмета, и меньшей монеты нѣтъ, а у богатѣйшихъ народовъ Европы, у которыхъ мы постоянно занимаемъ деньги, есть монеты въ $^1/_4$, въ $^1/_2$ и въ $^3/_4$ копѣйки и огромное количество предметовъ продается по этимъ дешевымъ цѣнамъ. Невѣроятно, но вѣрно! Талеръ въ Германіи считается уже большою наградою, а въ Парижѣ за франкъ прислуга очень благодарна.

Однажды, «во всемъ черномъ», собрались въ гостинной герцога передъ обѣдомъ: я, мои два сосѣда по квартирѣ, англичанинъ Мюльбери и старикъ французскій генералъ де-Лобанъ, (въ Либенштейнѣ не было другихъ иностранцевъ), а такъ же постоянные гости герцога, баронъ Венцель и фонъ Боденштетъ.

Безшумно проникшій въ комнату лакей что то шепнулъ на ухо барону, тотъ вышелъ и вскорѣ возвратясь, офиціально доложилъ герцогу, что пріѣхалъ генералъ Мольтке, (тогда еще не графъ) съ своимъ начальникомъ штаба и проситъ назначить ему часъ, когда Его Высочеству будетъ угодно принять его.

— Просите сейчасъ.

Вошелъ сухой какъ мумія, Мольтке. — Онъ почтительно поздоровался съ герцогомъ и поцѣловалъ руку герцогини Федоры, рожденной принцесы Гогенлоэ — Лангенбургъ, моло-

---

(*) Талеръ теперь замененъ марками, номинальная цѣнность его была 90 коп.

дой, красивой женщины, которая знала наизусть и охотно декламировала всѣ лучшія мѣста изъ сочиненіи Лермонтова въ переводѣ Боденштета. Мольтке представилъ своего начальника штаба и герцогъ пригласилъ всѣхъ въ столовую, указывая Мольтке на герцогиню, которую Мольтке и повелъ подъ руку.

За обѣдомъ Мольтке сказалъ, что близъ мѣстечка Эйзенаха (въ 8 верстахъ отъ Либенштейна) есть значительное пространство очень удобное для маневровъ, а такъ какъ оно принадлежитъ герцогу, то онъ проситъ разрѣшенія Его Высочества собрать на немъ войско.

— Очень радъ,—сказалъ герцогъ—я сейчасъ же сдѣлаю соотвѣтствующее распоряженіе и пріѣду на маневры. А когда вы думаете произвести ихъ?

— Получивъ ваше соизволеніе, я сегодня вечеромъ (во вторникъ) разошлю телеграммы и назначу 48 часовъ для сбора, такъ что маневры начнутся въ пятницу, въ 8 часовъ утра.

Сколько человѣкъ вы намѣрены собрать и какого рода оружія?

— Около 30.000 и всѣхъ родовъ оружія въ полномъ боевомъ составѣ, какъ на войнѣ.

— Успѣютъ ли собраться?

— Все преимущество одной арміи передъ другою состоитъ именно въ ея полной готовности къ бою; *кто опоздалъ—тотъ проигралъ.*—Мы испытали это подъ Садовою и я дѣлалъ такой же опытъ маневровъ въ Познани и, за весьма небольшими исключеніями, опытъ удался.—Теперь въ Пруссіи и въ союзныхъ съ нею государствахъ Германіи устранены замѣченные тогда недостатки, а потому надѣюсь на удачу.

Когда послѣ обѣда англичанинъ, французскій генералъ, Боденштетъ и я возвращались пѣшкомъ отъ герцога, два первые насмѣхались надъ Мольтке и предсказывали ему полное фіаско.

— Поѣдемте, поѣдемъ,—говорилъ генералъ,—мы были свидѣтелями начала этой комедіи, посмотримъ же и на ея провалъ. Въ 48 часовъ собрать 30.000 человѣкъ. Ха, ха, ха!

Хотя онъ и подготовилъ это, но все же соберетъ тысячъ пятнадцать, искалечитъ много людей и лошадей и донесетъ королю о блистательномъ успѣхѣ.

Боденштетъ защищалъ Мольтке и армію.

На слѣдующій день мы всѣ четверо въ одной коляскѣ поѣхали въ Эйзенахъ послѣ гигіеническаго обѣда въ лечебницѣ.

Маленькій вокзалъ былъ всего въ три комнаты; въ первой изъ нихъ двери съ двухъ сторонъ были отворены настежъ; въ комнатѣ находилось два стола, зеркало и нѣсколько стульевъ. Желѣзная дорога была въ одинъ путь. На ней не видно было запасныхъ вагоновъ или локомотивовъ. Около станціи не было ни амбаровъ, ни сараевъ, кругомъ тянулось открытое мѣсто, какъ на нашихъ полустанкахъ; только съ боку, въ садикѣ, ютились два небольшихъ домика и нигдѣ не было видно ни души, ни одного человѣка, такъ что даже Боденштетъ сконфузился.

Спустя минутъ пять послышался сигналъ съ дороги. Изъ одного домика вышелъ начальникъ станціи, кивкомъ головы, издали, отвѣтилъ на нашъ поклонъ и сѣлъ на скамейку, продолжая курить сигару.

Поѣздъ остановился, изъ него вышли офицеры въ разстегнутыхъ мундирахъ. Нѣкоторые изъ нихъ были съ сигарами въ зубахъ; солдаты тоже курили. Офицеры разговорились съ нами, пріѣзжими изъ Либенштейна, смѣялись надъ нашимъ недовѣріемъ, пили воду, нисколько не заботясь о солдатахъ, которые тѣмъ временемъ приставили къ вагонамъ привезенные съ собою мостики и выводили по нимъ лошадей, выкатили лазаретный фургонъ и еще какія то нагруженныя повозки, продолжая курить и весело разговаривать.

Спустя четверть часа послѣ прихода поѣзда, офицеры стали застегиваться и прихорашиваться передъ зеркаломъ. Между тѣмъ подпруги у сѣделъ были подтянуты, лошади запряжены въ повозки. Офицеры простились съ четырьмя путешественниками и сѣли на лошадей. Только тогда послышалась первая команда, первое распоряженіе начальства и отрядъ, въ полномъ порядкѣ, двинулся въ лагерь.

Начальникъ станціи гораздо раньше ушелъ въ свой домикъ.

Изъ разговоровъ съ этими, а потомъ и съ другими офицерами выяснилось, что войско всегда въ полной боевой готовности, что въ мѣстахъ квартированія войска тревоги дѣлаются очень часто; что теперь, если бы вблизи былъ непріятель, то они могли бы прямо изъ вагона идти на него и выдержать двухъ-дневный бой, такъ какъ съ ними вполнѣ достаточный запасъ амуниціи. провіанта и фуража.— Смѣнившій начальника станціи его помощникъ, объяснилъ намъ, что на многихъ станціяхъ есть запасные поѣзда, спеціально заготовленные для передвиженія войскъ, что по росписанію, разосланному по телеграфу вчера вечеромъ изъ Либенштейна, воинскіе поѣзда приходятъ сюда день и ночь, чрезъ каждые полъ часа, то съ одной, то съ другой стороны.

Мы пробыли на вокзалѣ до вечера, и дѣйствительно убѣдились что за исключеніемъ одного пасажирскаго и двухъ товарныхъ поѣздовъ, воинскіе поѣзда приходили каждые ½ часа, не опаздывая почти ни на минуту, а войска такъ же спокойно собирались и двигались въ лагерь.

Чрезъ день, въ той же компаніи, я былъ на маневрахъ, гдѣ около 30 тысячъ людей, съ 8 часовъ утра до вечера, передвигались разными алюрами, какъ заведеныя машины и наступающая армія явно исполняла правило Мольтке: „*Двигаться порознь, сражаться массою*“. При этомъ непріятель не знаетъ, гдѣ нападающій сосредоточитъ свои силы и гдѣ произойдетъ сраженіе.

Маневры прошли въ полномъ порядкѣ и почти не было раненыхъ; между тѣмъ какъ въ Чугуевѣ (близъ Харькова), стоя въ свитѣ генералъ-губернатора на возвышенности, съ южной стороны огромнаго пространства, занятаго маневрами, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ главнокомандующій оборонявшейся арміи, корпусный командиръ Офенбергъ (кажется генералъ-адъютантъ) для того, чтобы отклонить къ сѣверу лѣвый флангъ наступающаго непріятеля, приказалъ артиллерійской бригадѣ въ скачъ проѣхать мимо той возвышенности, на которой находился генералъ-губернаторъ и поднявшись на слѣдующій курганъ, осыпать картечью пѣхоту непріятеля и этимъ или отодвинуть ее къ сѣверу, или раз-

строитъ его лѣвый флангъ; въ это самое время Государь Николай Павловичъ со свитою переѣзжалъ отъ одной арміи къ другой у подножія возвышенности, на которой былъ генералъ-губернаторъ и остановился, любуясь быстротою и стройностью своей артилеріи и интересуясь гдѣ она остановится, такъ какъ Государь, такъ же какъ и генералъ-губернаторъ и свиты ихъ, видѣли передъ собою узкую, но глубокую балку, проходимую для пѣхоты, но не для артиллеріи, мчавшейся въ скачъ.

Офенбергъ не могъ видѣть этой балки, онъ былъ верстахъ въ двухъ, его штабъ вѣроятно не зналъ о ней, а скакавшій впереди начальникъ бригады смотрѣлъ на Государя и замѣтилъ балку только въ ту минуту, когда лошадь была на краю ея, онъ хотѣлъ свернуть въ сторону, но орудія, шедшія въ карьеръ по четыре въ рядъ, опрокинули его и вся артилерія низверглась въ бездну. Узкая балка была заполнена людьми, лошадьми, орудіями и ящиками; образовалась гора; спаслись только послѣднія восемь или десять пушекъ съ ихъ прислугою и нѣсколько офицеровъ, скакавшихъ на флангѣ; всѣ же остальные люди и лошади были изувѣчены или убиты.

И это случилось на глазахъ у Государя и его свиты, бывшихъ въ ста саженяхъ отъ мѣста катострофы, на глазахъ у генералъ-губернатора и его свиты, въ числѣ которой былъ и я. Разумѣется, это просто несчастный случай, но врядъ ли онъ могъ произойти у нѣмцевъ.

Всѣмъ военнымъ извѣстно, что на маневрахъ выбываетъ много людей изъ строя, а подъ Эйзенахомъ были только слѣдующіе случаи: 1) Адъютантъ, для передачи приказаній, скакалъ по вспаханной землѣ, лошадь упала и сломала ему ногу; 2) Солдаты бѣжали въ атаку, одинъ солдатъ упалъ, его ружье выстрѣлило и обожгло затылокъ впереди бѣжавшаго; 3) Лошадь понесла одного солдата и очутилась подъ непріятельскими выстрѣлами (холостыми) и 4) Три солдата выбыли изъ строя, двое вслѣдствіе лихорадки, одинъ отъ головокруженія. Этимъ исчерпывались всѣ неудачи маневра. Эти свѣдѣнія сообщилъ намъ главный докторъ на вокзалѣ, когда уѣзжалъ послѣ маневровъ.

Заинтересовавшись этимъ вопросомъ, я наводилъ справки на нѣсколькихъ нашихъ маневрахъ и оказалось, что у насъ процентъ выбывающихъ изъ строя чуть не въ десять разъ больше.

Спустя два года, когда Наполеонъ III объявилъ войну Пруссіи, то такъ же какъ въ Эйзенахѣ, чрезъ 48 часовъ, нѣмцы уже вторглись въ предѣлы Франціи и въ четыре мѣсяца торжественно прошли ее въ плоть до самаго императорскаго дворца въ Парижѣ; а русскіе шли чрезъ Турцію чуть не 14 мѣсяцевъ и все же не дошли до императорскаго дворца.

Сравненіе это само напрашивается на языкъ, потому что тотъ же Мольтке былъ раньше приглашенъ Турціею для обученія ея войска. Жаль, что Россія не пригласила его начальникомъ штаба вмѣсто пана Непокойчицкаго; вѣроятно русскіе, тоже чрезъ четыре мѣсяца, были бы въ Святой Софіи, да и остались бы тамъ, несмотря на угрозы Англіи; вѣдь Германія, и за нею Австрія, не смѣли бы пошевелиться, имѣя за спиною Францію, жаждавшую мести.

———

Глава 39.

Императрица Марія Александровна заграницею и нѣкоторые нѣмецкіе обычаи. „Боже Царя Храни!“ уже въ Россіи и конфекты отъ Государыни.

Въ 1868 году, Петровъ день и три слѣдующіе провелъ я у Петра Александровича Валуева, въ Тегернзэ, въ Тиролѣ, и мы условились съѣхаться къ 22 іюля въ Кисингенѣ, гдѣ пила воды императрица Марія Александровна и куда, къ ея имянинамъ, долженъ былъ пріѣхать Государь. Мы всѣ любимъ посмотрѣть на нашихъ царей, тѣмъ болѣе на чужбинѣ; а потому я пріѣхалъ въ Кисингенъ наканунѣ утромъ и сейчасъ пошелъ къ Валуеву, который сказалъ мнѣ, что нѣмцы будутъ чествовать Государыню сегодня вечеромъ музыкою, пѣніемъ и илюминаціею, а завтра будетъ обѣдня въ квартирѣ Государя. По этому, онъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему завтра въ 10$^1/_2$ часовъ утра съ тѣмъ, чтобы мы вмѣстѣ отправились въ церковь.

Когда передъ вечеромъ, я проходилъ мимо гостинницы, которая была вся занята царскою семьей и свитою, то услышалъ музыку съ другой стороны зданія. Обойдя его я увидѣлъ на балконѣ Государя со своею семьею, а въ окнахъ всю свиту; внизу на улицѣ игралъ оркестръ одного изъ музыкальныхъ ферейновъ, который потомъ былъ смѣненъ пѣв-

ческимъ ферейномъ, затѣмъ духовою музыкою и опять хоромъ. Такъ продолжалось очень долго. Нѣмцевъ считаютъ сухими матеріалистами, а между тѣмъ это самые музыкальные люди въ мірѣ. Италіанцы широко пользуются своимъ природнымъ голосовымъ даромъ, но музыка, какъ и философія, удѣлъ нѣмцевъ, да и въ поэзіи они не отстали отъ другихъ. Все это не гармонируетъ съ грубымъ матеріализмомъ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, царская семья и вся публика обратили свои взоры на сосѣднюю гору. Дѣйствительно, зрѣлище было поразительное.

Около полуверсты отъ Кисингена, внизу горы, въ трехъ пунктахъ, на разстояніи одинъ отъ другого сажень въ тридцать, вспыхнуло три огня и, не потухая внизу, они быстро двигались вверхъ по четыремъ направленіямъ, образуя четыре широкія огненныя полосы, которыя постепенно сближались по двѣ и соединившись въ двухъ пунктахъ, образовали букву М громадной вышины, сажень около полутораста.

Ночь была безлунная; а съ быстрымъ увеличеніемъ числа яркихъ огней, земля совершенно исчезла и образовался черный фонъ позади огней, а потому наклонно лежавшее огненное М, казалось стоящимъ перпендикулярно, то есть представило собою монументъ выше всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ.

А между тѣмъ устройство этого феноменальнаго М было самое простое. На всемъ пространствѣ по которому тянулось М было поставлено по 12 рядовъ нашихъ, старинныхъ, неблаговонныхъ плошекъ, а фитили ихъ были соединены тоже знакомыми намъ нитками, напитанными селитрою, которыя будучи зажжены внизу, быстро зажгли всѣ десятки тысячъ плошекъ.

На слѣдующій день, въ $10^1/2$ часовъ утра я пріѣхалъ къ Валуеву во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Онъ былъ видимо удивленъ этимъ и встрѣтилъ меня словами:

— Что это вы? Развѣ я не предупредилъ васъ? Поѣзжайте и надѣньте ту пиджачную пару, въ которой вы были вчера у меня. Вы видите, что я во всемъ сѣромъ. Я тотчасъ исполнилъ это.

Въ коридорѣ гостинницы, которую занималъ Государь,

русскихъ собралось человѣкъ сорокъ, между прочимъ знакомое мнѣ семейство Энгельгарта и кн. Мещерскій изъ Смоленска и директоръ Д-та Шидловскій, всѣ въ простыхъ, лѣтнихъ костюмахъ. Съ другого конца корридора шелъ Государь, ведя подъ руку свою сестру, королеву Вюртембергскую, Ольгу Николаевну, во второй парѣ находился король Баварскій Оттонъ съ Государыней, въ третей,—великая княжна, нынѣ вдовствующая герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, съ какимъ то принцемъ, затѣмъ съ кавалерами и безъ нихъ придворныя дамы, фрейлины и свита Государя, всѣ въ штатскомъ лѣтнемъ платьѣ.

Такъ же, какъ въ церкви зимняго дворца, мужчины стали на лѣво, а дамы на право, посторонніе такъ же позади.

По окончаніи обѣдни Государь и Ольга Николаевна сошлись по середи церкви и подъ руку направились къ двери, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Государь оглянулся и увидѣлъ, (какъ видѣли и всѣ посторонніе), что Государыня одиноко стоитъ на срединѣ церкви, а ея кавалеръ, король Оттонъ, надѣвъ монокль, разсматриваетъ живопись иконостаса.

Тогда Государь подошелъ къ нему, дотронулся до его плеча и указалъ на Государыню; король однимъ прыжкомъ очутился на своемъ мѣстѣ и покраснѣвъ, сконфуженный, сталъ громко извиняться, очевидно, еще болѣе стѣсняя этимъ Государыню.

Это была женщина небольшаго роста, субтильнаго, нѣжнаго сложенія, а между тѣмъ сердце ея было преисполнено огромною любовью къ русскому народу и она осуществила мысль знаменитой французской писательницы баронессы Сталь, дочери не менѣе знаменитаго министра финансовъ Неккера. Когда Наполеонъ I спросилъ баронессу Сталь, что нужно для блага Франціи, она отвѣтила: „дайте народу образованныхъ матерей".

Какъ бы во исполненіе этого совѣта, императрица Марія Александровна учредила во всей Россіи женскія гимназіи и женскія епархіальныя училища, вслѣдствіе чего быстро появились въ Россіи десятки тысячъ образованныхъ

женщинъ, которыя уже не могутъ ограничить воспитанія своихъ дѣтей одною грамотою, а этимъ она дала болѣе сильный толчекъ просвѣщенію Россіи, нежели всѣ бывшіе у насъ министры народнаго просвѣщенія. Мы ей обязаны тѣмъ, что не смотря на всѣ стѣсненія, на всѣ преграды, которыя воздвигала классическая система, достигаютъ университета отъ 3 до 5 тысячъ лицъ вмѣсто прежнихъ 300 человѣкъ. Образованная мать, во что бы ни стало, дастъ образованіе своему сыну.

Король Оттонъ былъ писанный красавецъ 24 лѣтъ, стройный, съ улыбкою на лицѣ съ черными вьющимися волосами и маленькими усиками, что называется „кровь съ молокомъ“, ко всему-этому артистъ. Я былъ въ Мюнхенѣ на первомъ представленіи Вагнеровской оперы „Die Miestersänger von Nürenberg“, на репетиціи которой король ѣздилъ ежедневно; за то она и была поставлена идеально; онъ постепенно обогащалъ и безъ того богатѣйшую картинную галлерею Мюнхена и строилъ въ этомъ городѣ роскошные монументы.

Заговоривъ о Мюнхенѣ, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ и о нѣмецкихъ полицейскихъ порядкахъ.

Однажды въ Мюнхенѣ рано утромъ я шелъ къ величайшей въ Европѣ статуѣ, называемой „Баварія“. Внутри ея устроена очень удобная лѣстница для подъема на верхъ, а въ головѣ свободно помѣщается три человѣка, которые чрезъ глаза и уши статуи, могутъ осмотрѣть весь Мюнхенъ. Когда я подходилъ къ статуѣ, то увидѣлъ передъ собою площадь шире нашего Царицына Луга, которая была покрыта скошенною уже травою. Площадь была огорожена низенькою, около полуаршина оградой. Я перешагнулъ чрезъ нее и пошелъ по тропинкѣ прямо къ статуѣ.

По серединѣ этаго луга лежалъ на травѣ человѣкъ въ полувоенной формѣ; онъ всталъ, вѣжливо поклонился мнѣ и пошелъ за мною. Когда мы перешагнули чрезъ изгородь и были на улицѣ, человѣкъ приложилъ руку къ кепи и вѣжливо попросилъ уплатить 5 зильбергрошеновъ (15 к.) штрафа за переходъ чрезъ лугъ.

— Вѣдь тутъ есть тропинка, и я не зналъ, что нельзя

ходить по ней,—сказалъ я.

— Тропинку протоптали мы, полицейскіе, карауля лугъ, но въ началѣ ея есть столбъ и доска, на которой написано, что нельзя ходить по лугу, и обозначенъ штрафъ.

— Я русскій, умѣю говорить, но не умѣю читать по нѣмецки.

— Все равно, вы должны заплатить.

— Я бы охотно исполнилъ это, но со мною нѣтъ денегъ.

— Я пойду за вами на вашу квартиру, но тогда вы заплатите 15 зильбергрошеновъ (т. е. 1/2 талера).

— Послушайте, я пріѣхалъ для осмотра Мюнхена. Я начну съ этой статуи, потомъ осмотрю всѣ музеи, памятники, церкви и возвращусь въ гостинницу только ночью.

— Я, а затѣмъ другой полицейскій, которому я васъ передамъ, будемъ постоянно слѣдить за вами; если вы сядете на извозчика, я сдѣлаю тоже, но предупреждаю васъ, что штрафъ будетъ постепенно увеличиваться; онъ можетъ дойти и до 20 и больше талеровъ.

Да у меня и на квартирѣ нѣтъ столько денегъ.

— За васъ заплатитъ хозяинъ квартиры.

— А онъ, какъ же взыщетъ съ меня?

— Это уже не дѣло полиціи, но онъ взыщетъ; у насъ законы строги, а если вы окажетесь не состоятельны, то заплатитъ ему правительство, а затѣмъ или вы отсидите въ тюрьмѣ или за васъ заплатитъ вашъ посланникъ.

— Да отчего полиція такъ строго оберегаетъ этотъ лугъ?

— Мы косимъ его три раза въ лѣто и кормимъ полицейскихъ лошадей.

Все это онъ говорилъ тихо, вѣжливо, безпрерывно прикладывая руку къ козырку. Я невольно залюбовался, какъ закономъ, такъ и его исполнителемъ.

— Вотъ вамъ талеръ,—сказалъ я, получите штрафа 10 зильбергрошеновъ, потому что и назадъ я пойду чрезъ лугъ, а на 20 зильбергрошеновъ выпейте за здоровье вашего короля, у котораго такіе разумные законы и вѣжливые исполнители ихъ. Да скораго свиданья!

— О! Данке зеръ,—услышалъ я за собою.

Въ этомъ же 1868 году, я еще разъ видѣлъ мелькомъ императрицу Марію Александровну и ея дочь нынѣшнюю вдовствующую герцогиню Саксенъ-Кобургъ-Готскую.

Онѣ долго пробыли заграницею, возвращались только зимою и почему то чрезъ Смоленскъ. Государыня не предполагала останавливаться здѣсь, но потомъ рѣшилась переночевать, для осмотра своего дѣтища—женской гимназіи, о чемъ въ городѣ никто не зналъ; губернаторъ Бороздна, пріѣхавшій на вокзалъ въ саняхъ, едва успѣлъ вытребовать карету, а губернаторша приготовить комнаты; было около десяти часовъ ночи, а городъ оставался во мракѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ масленныхъ фонарей.

На другой день утромъ, Государыня посѣтила женскую гимназію и дѣтскій пріютъ.

Къ пріюту вела только одна улица съ крутымъ спускомъ, а на ней стоялъ большой одноэтажный домъ, въ которомъ я жилъ. Одна сторона дома, съ пятью окнами на площадь, была обыкновенной вышины; другая же длинная сторона, вдоль шедшей съ горы улицы, повышалась и въ противоположномъ концѣ была уже на сажень выше улицы и здѣсь находился высокій подъѣздъ.

Никто не ожидалъ проѣзда Государыни. Но вдругъ проскакалъ полицеймейстеръ, потомъ губернаторъ Николай Петровичъ Бороздна съ женою, а за ними медленно начали спускаться съ площади, вдоль дома, дышловыя сани, въ которыхъ сидѣли Государыня съ дочерью.

Мы всѣ бросились къ окнамъ; мои мальчики 10, 9, 8 и 7 лѣтъ, стали прыгать, радуясь что увидѣли Государыню.

— Можно выйти на подъѣздъ, когда Государыня будетъ ѣхать обратно? Можно? Можно?—спрашивали они на перебой.

— Мы споемъ «Боже Царя Храни»—крикнулъ одинъ, а за нимъ и всѣ стали кричать, уже почему то, утвердительно.—Можно! Можно!

Поднялась суматоха; мать, бона, прислуга надѣваютъ мальчикамъ на домашнія русскія, ситцевыя рубашки и шаровары, шелковыя рубашки, бархатныя шаровары и безру-

кавки; все это крайне затрудняется бѣготнею, постановкою голосовъ и возбужденными нервами.

Однако же, когда сани Государыни, маленькою рысцею поднимались на обратномъ пути въ гору, то съ высокаго крыльца грянуло „Боже Царя Храни" стройное, громкое, во весь голосъ сопрано и альтовъ. Мальчики были одни на подъѣздѣ, но за притворенною дверью стоялъ ихъ русскій учитель, теноръ, и оказалъ имъ существенную помощь въ этомъ рискованномъ дѣлѣ.

Государыня приказала ѣхать шагомъ, милостиво кланялась и дѣлала привѣтливые знаки рукою, а Великая княжна, сидѣвшая со стороны пѣвцовъ, еще долго оглядывалась и кланялась имъ, на что они отвѣчали размахивая своими ямщицкими шляпами; народъ, стоявшій все время въ молчаніи, огласилъ тогда воздухъ продолжительнымъ ура.

Спустя полчаса, принесли моимъ мальчикамъ коробъ съ лакомствами отъ Государыни, которая тогда же уѣхала изъ Смоленска.

Глава 40.

Губернаторъ и пропавшая жидовка.

Однажды я поѣхалъ въ комиссію прошеній чтобы повидаться съ своимъ харьковскимъ товарищемъ Сементовскимъ, который служилъ здѣсь начальникомъ отдѣленія и въ пріемной увидѣлъ Данзаса, (брата Константина Карловича, секунданта Пушкина). Данзасъ служилъ въ Харьковѣ вице-губернаторомъ въ то время, когда я состоялъ при Харьковскомъ генералъ-губернаторѣ и мы были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; послѣ этого Данзасъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тамбовъ.

— Батюшки! Карлъ Карловичъ! Какъ поживаете? — сказалъ я, сердечно обнимая его, — а здѣсь вы зачѣмъ?

— Да все еще не кончено дѣло объ этой проклятой жидовкѣ, вашей знакомой, — отвѣтилъ съ досадою Данзасъ.

Исторія этой жидовки слѣдующая:

Пріѣхалъ изъ Германіи въ Россію, между прочимъ и въ Тамбовъ, еврей профессоръ, фокусникъ, магъ, или что то въ этомъ родѣ, съ дочерью. Они давали представленія и залъ всегда былъ наполненъ молодыми и старыми мужчинами, влюбленными въ прелестную дочку, которая всѣмъ дѣлала глазки, улыбалась пурпуровыми губками, показывала свои бѣлые, ровные зубки и привлекала публику.

Вдругъ дочка пропала.

Отецъ въ отчаяніи бѣжитъ къ губернатору. Данзасъ поднялъ на ноги всю городскую и уѣздную полицію. Онъ кричалъ, что разжалуетъ, солдатами на Кавказъ сошлетъ, въ тюрьмѣ сгноитъ всѣхъ, если не найдутъ жидовочки. „Скачите по всѣмъ дорогамъ,—кричалъ онъ,—загоняйте лошадей, неводами ищите въ рѣкахъ и озерахъ, но чтобы найти живую или мертвую"!!!

Отецъ, въ умиленіи отъ усердія губернатора, цѣлуетъ его руки, хочетъ ноги цѣловать, но губернаторъ не допускаетъ.—Это мой долгъ, говоритъ онъ.

А дѣвочки нѣтъ какъ нѣтъ.

Отецъ скачетъ въ Петербургъ, проситъ искать ее по всей Россіи. Полетѣли циркуляры. Ищутъ и все же не находятъ жидовки; она какъ въ воду канула!

Вскорѣ послѣ пропажи жидовки, проѣзжая вечеромъ чрезъ Тамбовъ, я остановился, чтобы повидаться съ Данзасомъ. Я сейчасъ же поѣхалъ къ нему и встрѣтилъ его выходящимъ изъ дома.

— Вы уходите, такъ я пойду къ Юліи Васильевнѣ, если она у себя,—сказалъ я.

— Она кажется дома, но съ моимъ законнымъ семействомъ вы успѣете завтра провести весь день, да и надѣюсь, вы и дольше пробудете съ нами; а теперь пойдемъ къ моему не законному семейству.

Пошли, потомъ сѣли на извозчика, проѣхали чуть не весь городъ, разсчитали извозчика, опять пошли пѣшкомъ и вошли чрезъ дворъ въ маленькій домикъ съ закрытыми ставнями.

Внутри оказались не комнаты, а изящныя бомбоньерки, а въ нихъ прелестная конфетка, куколка черноглазая, бѣлолицая, смѣющаяся, вертящаяся и поющая легкія пѣсенки задушевнымъ контръ-альто. Мы вышли отъ нее въ два или въ три часа ночи, но уже подъ наблюденіемъ городоваго, который въ почтительномъ разстояніи, какъ бы прячась, провожалъ насъ до перваго встрѣчнаго, а можетъ быть и подготовленнаго городовымъ, извозчика.

Это была пропавшая жидовочка.

Дѣйствительно она была прелестна и не удивительно по этому, что влюбились въ нее всѣ тамбовцы, да вѣроятно и жители другихъ городовъ; но сердце свое она отдала одному Данзасу.

Теперь, спустя всего 50 лѣтъ, это уже кажется сказкою изъ 1001 ночи.

Между тѣмъ еврей, долго промаявшись безъ пользы въ Петербургѣ, убитый горемъ, отправляется на родину. Въ Берлинѣ ему посовѣтовали заявить министру иностранныхъ дѣлъ о пропажѣ въ Россіи его дочки.

Дѣйствительно, какъ только „Чужеземный Дипломатъ“ потребовалъ возвращенія жидовки, то она тотчасъ нашлась.

Въ данномъ случаѣ требованіе „Чужеземнаго Дипломата“ принесло пользу, порокъ былъ наказанъ, а добродѣтель восторжествовала, но въ теченіи всего XIX столѣтія „Чужеземный Дипломатъ“ постоянно обращался къ Россіи съ разными требованіями, а потому, къ стати, разсмотримъ эти требованія и ихъ результаты.

Глава 41.

„Чужеземный Дипломатъ" и внѣшняя политика Россіи съ XIX столѣтіи.

Въ предыдущей главѣ я сказалъ, что какъ только „Чужеземный Дипломатъ" потребовалъ возвращенія жидовки, то она тотчасъ нашлась. Извѣстно, что мы кричимъ при всякомъ случаѣ и на весь міръ: „Россія боится только Бога"!

Но крича такъ, мы безсознательно повторяемъ старый тысячелѣтній кличъ русскаго народа прежнихъ временъ, т. е. до временъ Великой Екатерины включительно, которая, какъ и всѣ ея предшественники, дѣйствительно боялась только одного Бога; послѣ же ея смерти Россія стала бояться не Бога, а исключительно „Чужеземнаго Дипломата", она боялась его болѣе нежели Бога, и слушалась его, какъ гипнотизера.

По внушенію „Чужеземнаго Дипломата" Россія послала свой флотъ въ помощь турецкому султану и въ 1798 году возвратила ему Іоническіе острова; послала Суворова въ Италію, въ помощь австрійцамъ, а генерала Германа въ Голандію, въ помощь англичанамъ, тѣ и другіе союзники измѣнили Россіи и изъ обѣихъ армій почти ни кто не возвратился; по его внушенію она посылала свои войска подъ Ульмъ, Аустерлицъ и Фридландъ, откуда, со срамомъ, возвратились

не многіе; по его же внушенію Россія нарушила Берлинскій, Тильзитскій и Эрфуртскій мирные договоры и навлекла на себя Наполеона; Росссія пошла подъ Люценъ, Бауценъ и Дрезденъ, гдѣ русскія войска опять были побиты; потомъ, съ Царемъ во главѣ, пошла въ Парижъ и наконецъ въ Вѣну, гдѣ „Чужеземный Дипломатъ“ взвалилъ на ея шею, не нужную ей, пагубную ей Завислянскую Польшу; по его же внушенію Россія отняла у султана Грецію въ 1829 году, а въ 1833 и 1839 годахъ посылала войска и флотъ свой въ Малую Азію спасать того же турецкаго султана; въ 1848 г. спасла свою постоянную соперницу Австрію; затѣмъ, подобно крестоносцамъ, затѣяла вопросъ о «Святыхъ Мѣстахъ» и была посажена на скамью подсудимыхъ въ томъ же Парижѣ, изъ котораго въ 1853 году, главнымъ образомъ и было сдѣлано ей косвенное внушеніе о спасеніи Гроба Господня; Россія чуть не казнила Муравьева—Амурскаго и Черняева за то, что они пріобрѣли для нее цѣлыя государства безъ разрѣшенія «Чужеземнаго Дипломата»; по его внушенію Боснія и Герцоговина взялись за оружіе, ихъ маленькіе сосѣди тоже стали мечтать о независимости и Россія отняла всѣхъ ихъ у турка, но, по требованію „Чужеземнаго Дипломата“, Россія тотчасъ подвергла ихъ худшей кабалѣ, подчинивъ ихъ прожорливымъ нѣмцамъ: Габсбургамъ, Гогенцолернамъ, Батенбергамъ, Кобургамъ.

На этой службѣ „Чужеземному Дипломату“ въ теченіи XIX-го столѣтія, Россія, при четырехъ царяхъ, потеряла болѣе милліона своихъ родныхъ дѣтей и много милліардовъ рублей.

Пятый царь XIX-го столѣтія, Александръ Миротворецъ, возвратился къ тысячелѣтней русской національной политикѣ; онъ не жертвовалъ въ пользу „Чужеземнаго Дипломата“ ни людьми, ни деньгами и Россія сейчасъ же стала выше всѣхъ государствъ земнаго шара, а внутри государства, какъ по мановенію волшебнаго жезла, прекратились смуты, крамолы и убійства, и онъ первый въ XIX столѣтіи умеръ спокойно, при полномъ спокойствіи внутри и внѣ государства.

Начертимъ эскизъ конца царствованія Александра II-го и начала царствованія Александра III-го

Глава 42.

Русскій народъ до 1 марта. (Суворинъ, Маковъ, Федоровъ, Тимашевъ).

Только во время уже разгорѣвшагося вооруженнаго возстанія бываетъ такая паника, какая овладѣла всѣми въ Россіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ и въ восьмидесятомъ.

Во всей Россіи всѣ замолкли въ клубахъ, въ гостинницахъ, на улицахъ и на базарахъ; люди, дѣлавшіе вопросы о положеніи дѣлъ, сами конфузились, а спрошенные, какъ бы не слыша, начинали рѣчь о другомъ.

Въ это смутное время, я жилъ сперва въ далекой провинціи и хорошо зналъ настроеніе жителей деревень и сосѣднихъ городовъ; у меня были знакомые и въ Москвѣ; затѣмъ, поселившись въ Петербургѣ и будучи членомъ совѣта акціонернаго общества конножелѣзныхъ дорогъ, я принималъ живое участіе въ преобразованіи управленія ими, а потому былъ въ близкихъ личныхъ сношеніяхъ со всѣми, отъ членовъ правленія и многочисленныхъ поставщиковъ, до кондукторовъ, съ которыми, такъ же, какъ съ мужиками въ деревнѣ, любилъ бесѣдовать по душѣ; у меня былъ и свой кругъ знакомыхъ, такъ какъ я служилъ въ собственной Его Величества канцеляріи.

И какъ въ провинціи, такъ и въ Петербургѣ всѣ ждали

чего то неизвѣстнаго, но ужаснаго, никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ.

Однажды выйдя изъ многолюднаго журъ-фикса съ сыномъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, я сказалъ ему:

— Напрасно вы ораторствовали о нигилистахъ.

— А что? вѣдь не убьютъ же меня эти... Имъ нуженъ эфектъ, а я маленькая козявка. Не станутъ они марать рукъ изъ за меня. Да и вы говорили.

— Я другое дѣло, я человѣкъ свободный, ни въ чемъ и ни въ комъ не нуждаюсь, а вамъ нужна карьера; передадутъ его превосходительству N N и онъ съѣстъ васъ; вы нигдѣ мѣста не найдете.

— Что вы! это благороднѣйшій русссій человѣкъ и патріотъ; вѣдь вы знаете его прежнюю дѣятельность?

— То были другія времена, а теперь онъ не можетъ допустить, чтобы корпорація, во главѣ которой онъ стоитъ, шла противъ теченія. Развѣ вы не знаете, что власти не преслѣдуютъ тѣхъ, у кого въ Петербургѣ и во всей Россіи скрываются эти господа, хотя, когда они пойманны, то подробно разсказываютъ, гдѣ пробыли день, гдѣ недѣлю или мѣсяцъ, разсказываютъ, какъ на это время удаляли прислугу, какъ прятали ихъ въ укромномъ мѣстѣ; всѣмъ извѣстно, что убійцы Мезенцова подъѣхали къ нему, а убивъ, ускакали на лошади взятой въ манежѣ на Новой улицѣ, купленной у Николая Семеновича Петрова; разныя „Засуличи" оправдываются уголовными судами, а военные суды оправдали Беклемишева, Верещагина, Гсловина, Ольхина, Семенскаго и другихъ; правительство не наградило дворниковъ на Васильевскомъ островѣ, которые, рискуя жизнью, открыли притонъ злоумышленниковъ; правительство не наказываетъ прокуроровъ и исправниковъ, уклоняющихся отъ раскрытія политическихъ преступниковъ; уже сочиняютъ конституцію и т. д., и т. д. Вы же сами назвали себя козявкою, а идете противъ коршуна.

Эти слова, дѣйствительно сказанныя мною сыну моего друга, вполнѣ характеризуютъ эпоху террора; ими можно бы и ограничиться; но прибавлю нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ людей, выдающихся по своему уму и положенію,

которые тоже были смущены мракомъ, окружающимъ ихъ и весь русскій народъ.

1 марта 1881 года, я былъ въ своей квартирѣ близъ Невскаго. Около двухъ часовъ дня вбѣгаетъ ко мнѣ въ кабинетъ лакей и говоритъ:

— Баринъ! Государя ранили или убили, посмотрите въ окно на народъ.

Дѣйствительно, на улицѣ было необыкновенное движеніе; на Владимірской стоялъ длинный рядъ вагоновъ, за невозможностью переѣхать Невскій.

Я сейчасъ же вышелъ и сталъ распрашивать, но никто ничего не зналъ навѣрное; я остановился на углу Невскаго и вдругъ увидѣлъ, что лѣвой стороной, на встрѣчу экипажамъ, скачетъ казакъ и сворачиваетъ въ сторону проѣзжающихъ, а за нимъ ѣдетъ въ карьеръ мой старшій сынъ впереди отряда лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка. Увидя меня онъ крикнулъ:

L' Empereur est tué! (Государь убитъ) и исчезъ среди экипажей и снѣжной пыли.

Я отправился на мѣсто убійства; знакомый мнѣ чиновникъ особыхъ порученій при градоначальникѣ далъ мнѣ кусокъ окрававленнаго сукна отъ мундира Государя и разсказалъ всѣ подробности. Въ удрученномъ состояніи я возвратился домой.

И вспомнилось мнѣ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, 1855 году, я видѣлъ молодого тогда Государя, Александра II, когда онъ блѣдный и похудѣвшій до неузнаваемости, шелъ за гробомъ своего отца, императора Николая I, въ мундирѣ своего л.-гв. казачьяго полка; вспомнилъ, какъ затѣмъ, въ теченіи 25 лѣтъ, я душевно радовался всѣмъ великимъ реформамъ императора Александра II, а въ нѣкоторыхъ самъ принималъ, хотя косвенное, участіе. И вдругъ, монархъ,—который по любви къ народу и по благодѣяніямъ оказаннымъ ему превзошелъ Генриха IX, убитаго Равальякомъ по наущенію французскаго духовенства,—убитъ полякомъ Грейневецкимъ!

Подъ впечатлѣніемъ этихъ грустныхъ мыслей, я сейчасъ же написалъ коротенькую статью, приглашая къ по-

жертвованіямъ на памятникъ Государю, приложилъ 100 руб. и приказалъ своему лакею отдать письмо и деньги лично самому А. С. Суворину, въ его квартирѣ при редакціи, бывшей тогда еще на Невскомъ, надъ булочною Филиппова, а такъ же велѣлъ сказать стоявшему на углу газетчику, чтобы каждый день, рано утромъ, онъ приносилъ мнѣ всѣ газеты.

Газеты были полны подробностей о горестномъ событіи; но въ „Новомъ Времени" воззваніе мое не появлялось, ни въ первый ни во второй день; на третій повторилось тоже, а между тѣмъ Краевскій въ „Голосѣ" уже открылъ подписку на сооруженіе памятника усопшему Государю.

Тогда я пошелъ къ Суворину самъ.

Меня ввели въ большой залъ, по срединѣ котораго стоялъ длинный, овальный столъ, за которымъ нѣсколько человѣкъ читали газеты и дѣлали въ нихъ отмѣтки. Сторожъ пошелъ доложить обо мнѣ Суворину.

Черезъ минуту вышелъ ко мнѣ рослый, видный человѣкъ, держа въ рукѣ сторублевую бумажку и что то проговорилъ, обращаясь ко мнѣ. Я однако перебилъ словами:

— Что же это, Алексѣй Сергѣевичъ! Полякъ убилъ Государя и польская редакція „Голоса" уже открыла подписку на памятникъ своей же жертвѣ, а вы русскій... Но теперь уже Суворинъ не далъ мнѣ договорить фразы. Онъ быстро подошелъ къ столу и спросилъ:

— Неужели Краевскій уже открылъ подписку?

— Открылъ—отвѣтилъ ему кто то.

— Завтра же напечатаю вашу статью—недовольнымъ тономъ сказалъ Суворинъ.

Было очевидно, что польская редакція получила разрѣшеніе раньше русской. Тогда все было на изнанку въ Россіи, а безъ формальнаго разрѣшенія печатать не рѣшался даже нашъ доблестный борецъ за правду.

Удивительно, что въ Россіи, а потому, вѣроятно и заграницею, всѣ знаютъ о Рысаковѣ, о Каракозовѣ, о Соловьевѣ и о другихъ русскихъ, которые *покушались* на жизнь Государя, знаютъ о Желябовѣ и Михайловѣ, которые содѣйствовали убійству, а почти никто и по нынѣ не слышалъ

и не читалъ о полякѣ Гриневецкомъ, который *убилъ* Государя.

Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ первымъ знатокомъ сельскаго хозяйства считался тайный совѣтникъ Эдуардъ Егоровичъ фонъ-Лоде; однако же хозяйство на пожалованныхъ ему прекрасныхъ черноземныхъ 2000 десятинахъ, въ Уфимской губерніи, Белебеевскомъ уѣздѣ. причиняло ему значительные убытки и почти поглотило весь бывшій у него капиталъ. Такой же плачевный результатъ хозяйства былъ и въ сосѣднихъ имѣніяхъ а именно: у Льва Саввича Макова (министра почтъ и телеграфовъ) и у Николая Семеновича Шафранова (директора лѣсного института).

Чтобы обсудить это печальное явленіе, грозившее раззореніемъ всѣмъ имъ, Лоде, въ 1880 году, пригласилъ ихъ къ себѣ на совѣщаніе, а также попросилъ меня, какъ близкаго знакомаго всѣхъ троихъ и владѣльца, въ томъ же уѣздѣ, 1500 д. земли. Въ родѣ экспертовъ, по желанію Макова, Лоде пригласилъ двухъ богатыхъ Екатеринославскихъ помѣщиковъ, тоже черноземныхъ, но уже опытныхъ, Левшина, Федора Алексѣевича, владѣльца знаменитаго „Хорошева“ и N (фамиліи не помню); они были давно и близко знакомы съ Маковымъ и съ Лоде, а Левшинъ и со мной съ дѣтства.

Маковъ пріѣхалъ, окруженный казаками.

— И вы, Левъ Саввичъ, съ казаками—сказалъ я, чего вамъ бояться? Всѣ знаютъ вашъ прямой, честный характеръ, вашу любовь къ людямъ. Вѣдь вы душа—человѣкъ и вдругъ—казаки!

Маковъ разсмѣялся и сказалъ:

— Вотъ какъ расписали! Но вы говорите о человѣкѣ, а не о министрѣ. а имъ до человѣка нѣтъ дѣла, имъ нужны выдающіяся жертвы, министры и выше Наши революціонеры не имѣютъ ничего общаго съ революціонерами когда либо бывшими на земномъ шарѣ; тѣ возставали или противъ одного изъ классовъ населенія, или противъ исповѣдующихъ новую или старую религію, или противъ новыхъ или старыхъ законовъ, или противъ образа правленія; наши

же, отъ имени всего русскаго народа, мстятъ правительству за парижскій и за берлинскій трактаты.

(Это были замѣчательныя слова въ устахъ человѣка, чуть не вчера оставившаго постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Слѣдуетъ принять въ соображеніе что онъ говорилъ въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ ему людей).

— Всѣ знали —продолжалъ Маковъ—что вредъ, причиненный Севастополю и разрушеніе въ немъ доковъ, это незначительный военный инцидентъ, который не только не вліялъ на судьбу Россіи, но, напротивъ, послѣ него враги уже не могли продолжать войну; этимъ война прекращалась сама собою, а Крымъ оставался при насъ. Зачѣмъ же унизительный для Россіи парижскій трактатъ? говорили русскіе люди. Русскій народъ былъ глубоко оскорбленъ; онъ и тогда, въ той или другой формѣ, выразилъ бы свое негодованіе, если бы правительство не приступило тотчасъ къ благодѣтельнымъ реформамъ. Нервы народа успокоились и всѣ говорили: правительство торопилось съ окочаніемъ войны, чтобы приняться за внутреннія дѣла; однако же, когда поляки готовились къ возстанію, то еще нашли между русскими недовольныхъ, которые помогли имъ жечь русскіе города и села. Но большинство русскихъ ликовало, а освобожденіе славянъ стало апофеозомъ преданности, благодарности, любви русскаго народа къ своему правительству.

— И вдругъ, вмѣсто Санстефанскаго—Берлинскій трактатъ!—съ негодованіемъ воскликнулъ Маковъ. Вѣдь вся грамотная и полу-грамотная Россія знала, и мы всѣ знаемъ, что кромѣ Англіи, ни одна держава въ мірѣ не могла, физически не могла, двинуть противъ насъ ни одного солдата; такъ неужели же намъ были страшны тѣ 40.000 индѣйцевъ, которыхъ Англія привезла на Мальту?

— Вы видите, что въ принципѣ, въ душѣ, я солидаренъ съ чувствами всего русскаго народа; но эти негодяи, эти убійцы и грабители казначействъ, эти самозванные представители народа, эксплоатируютъ его чувства для своихъ личныхъ цѣлей; имъ нѣтъ дѣла до моихъ убѣжденій, но я министръ, а потому мишень для ихъ выстрѣловъ, и я не

только ѣзжу съ казаками, но и держу всегда на готовѣ револьверъ.

И эта свѣтлая душа тоже трепетала.

Когда Александръ Ельпидифоровичъ Зуровъ, былъ губернаторомъ въ Гроднѣ, я близко сошелся съ нимъ во время пріѣздовъ моихъ въ гродненское имѣніе; мы даже затѣвали какой то благотворительный банкъ для крестьянъ; затѣмъ Зуровъ былъ назначенъ градоначальникомъ въ Петербургѣ и у него я познакомился съ генераломъ Федоровымъ, который потомъ былъ градоначальникомъ въ день 1 марта.

Спустя года 2 или 3, Федоровъ, не имѣя средствъ къ жизни, пришелъ ко мнѣ просить какой либо должности на конкѣ и разсказалъ слѣдующее:

— Въ то смутное время, т. е. передъ 1 Марта 1881 года, число сыщиковъ и тайныхъ агентовъ было значительно увеличено; сначала они серьезно принялись за дѣло, но когда злоумышленники убили около десяти изъ нихъ, о чемъ было запрещено говорить, а тѣмъ болѣе печатать въ газетахъ, то всѣ остальные такъ испугались, что ни обѣщаніе щедрыхъ наградъ, ни угрозы не помогали; они усердно ловили воровъ и мошенниковъ, но ни одного изъ политическихъ злоумышленниковъ не поймали. Однакоже нашелся храбрецъ, который сдружился съ ними и донесъ мнѣ, за день до 1 марта, что будто бы изъ подвальной молочной лавочки на Малой Садовой (нынѣ Екатерининской) сдѣланъ подкопъ подъ Малую Садовую и все готово для взрыва.

— Отчего же вы тотчасъ не поѣхали для осмотра этой лавки—спросилъ я.

— Мнѣ нельзя было—серьезно отвѣтилъ Федоровъ,— я или бы не вышелъ изъ лавки, или бы не прожилъ и нѣсколькихъ часовъ; а я считалъ себя слишкомъ нужнымъ для охраны Государя, чтобы рисковать жизнью, (струсилъ)! Но я сейчасъ послалъ человѣка, которому вполнѣ довѣрялъ, а именно полицейскаго врача въ генеральскомъ чинѣ (поляка) и приказалъ ему, подъ предлогомъ санитарнаго осмотра, т. е. нѣтъ ли сырости въ лавкѣ, отодвинуть лари, кадки, шкафы,

а также осмотрѣть заднее помѣщеніе, отыскать подкопъ или хотя слѣды вынесенной земли. Съ нимъ я послалъ помощника пристава (тоже поляка) и переодѣтыхъ полицейскихъ, которыхъ приказалъ поставить на улицѣ и во дворѣ. Онъ скоро возвратился и доложилъ, что буквально исполнилъ мое приказаніе, но рѣшительно ничего не нашелъ. Потомъ оказалось, что войдя въ лавку, они сѣли на предложенныя имъ стулья, выпили по стакану сливокъ, выкурили предложенныя имъ папиросы и ушли, ничего не осматривая.

А вѣдь подкопъ существовалъ,—сказалъ я; злоумышленники, узнавъ, что изъ манежа Государь не повернулъ на М. Садовую, а поѣхалъ прямо въ Михайловскій дворецъ, выбѣжали изъ лавки и стали на его пути, такъ что, если бы они были арестованы наканунѣ, то и Государь, вѣроятно, былъ бы спасенъ.

— Совершенно вѣрно --сказалъ Федоровъ, утирая рукою слезы, навернувшіяся ему на глаза.

— Меня слѣдовало бы казнить; но некому было судить меня; время было такое. Всѣ власти виновны въ случившемся.

Зная настроеніе русскихъ людей въ провинціи и въ столицѣ, а также зная, что многія отрасли управленія вызываютъ справедливое неудовольствіе народа, я изъ деревни послалъ министру внутреннихъ дѣлъ Александру Егоровичу Тимашеву записку, въ которой между прочимъ сказалъ: „неудачныя покушенія на жизнь Государя и другихъ, не охлаждаютъ злоумышленниковъ, а напротивъ, поощряютъ ихъ изобрѣтательность, а потому, когда либо будутъ и удачныя покушенія“. Затѣмъ, такъ же какъ и во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, я указывалъ въ запискѣ на нѣкоторыя реформы, необходимость которыхъ была извѣстна мнѣ изъ жизненной практики.

Но какъ разъ передъ этимъ, за мою непродолжительную службу, я получилъ щедрую, безпримѣрную пенсію, внѣ всякихъ правилъ; а потому, пріѣхавъ въ Петербургъ, счелъ долгомъ поблагодарить министра за эту милость. Когда я пріѣхалъ къ министру, то пріемъ уже кончился и дежурный

чиновникъ ушелъ; но курьеръ, строгаго и внушительнаго вида сказалъ:

— Я доложу, можетъ быть и примутъ.

Дѣйствительно черезъ минуту меня пригласили въ кабинетъ.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, Тимашевъ всталъ, распахнулъ уже разстегнутый сюртукъ, открылъ грудь и крикнулъ вдругъ:

— Стрѣляйте! Я чистъ передъ Богомъ и Государемъ и смерть не страшна мнѣ; въ присланной вами запискѣ, вы угрожаете смертью всѣмъ намъ! —Въ этомъ столѣ лежатъ сотни такихъ же угрозъ, но я съ призрѣніемъ отношусь къ нимъ. Стрѣляйте, если я въ чемъ виноватъ передъ Государемъ и народомъ!

— Но позвольте, В. В. П-во; воскликнулъ я, пораженный его словами, тутъ недоразуменіе; я никогда никому не угрожаю, а теперь пріѣхалъ исключительно для того, чтобы благодарить васъ за щедрую пенсію полученную мною при отставкѣ.

— Такъ то! Васъ награждаютъ, а вы бунтуете, хотите преобразовать государство! Хороши! Похвально!—сказалъ Тимашевъ, опускаясь снова въ кресло.—Вотъ вамъ мой совѣтъ: сидите смирно; ничего не пишите, ничего не говорите, исчезните, чтобы всѣ забыли о васъ. Если вы исполните этотъ совѣтъ, то онъ будетъ драгоцѣннѣе всѣхъ наградъ. Прощайте!

Я поклонился, а повернувшись увидѣлъ громаднаго курьера, стоящаго съ выпученными глазами у полуотворенной двери. Когда потомъ знакомые Тимашева говорили ему объ этомъ пріемѣ, то онъ все подтверждалъ, кромѣ приказа курьеру стоять у двери.

Въ пріемной я расхохотался, щедро наградилъ курьера за охрану своего начальника и поѣхалъ прямо къ Валуеву, не какъ къ министру (тогда государственныхъ имуществъ), а какъ къ хорошему своему знакомому, жившему чуть не рядомъ съ Тимашевымъ. У него я засталъ камергера Минюшскаго и какого то флигель-адъютанта, (фамиліи не раз-

слышалъ) и изобразилъ имъ по возможности вѣрно эту трагикомическую сцену. Отъ Валуева я поѣхалъ къ Прозоровымъ, потомъ обѣдалъ у генерала Н. П. Дитмара и, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, описывалъ имъ случившееся; а всѣ они были знакомы съ Тимашевымъ. Затѣмъ это происшествіе я разсказывалъ и другимъ, такъ что вѣроятно и теперь многіе помнятъ это событіе, въ сущности совершенно естественное во время террора, всеобщей паники, которыми кажется былъ пропитанъ и воздухъ; а имъ дышалъ весь русскій народъ до 1 марта.

Глава 43.

Русскій народъ послѣ 1-го марта.

Былъ августъ. Стоялъ жаркій, солнечный день. Я недавно возвратился изъ имѣнія, куда уѣхалъ вскорѣ послѣ 1 марта и шелъ съ А. И. Замятинымъ по Литейной къ себѣ, на Владимірскую. Но чѣмъ ближе мы подходили къ Невскому, тѣмъ больше было народа и стояли экипажи.

— Да, вѣдь сегодня 30-ое,—сказалъ Замятинъ;—крестный ходъ изъ Исаакіевскаго въ Лавру; давайте-ка посмотримъ; погода то какая, не охота сидѣть въ заперти.

Крестный ходъ уже прошелъ и Невскій проспектъ, безъ экипажей, безъ движенія, имѣлъ странный видъ.

На тротуарѣ, среди густой массы народа, который по случаю праздника и прекрасной погоды все прибывалъ, стало наконецъ невыносимо тѣсно и жарко, а сплошной кордонъ городовыхъ, не дозволялъ сдѣлать и шагу за тротуаръ.

Но, спустя нѣкоторое время, на всемъ протяженіи Невскаго, народъ сталъ переходить съ тротуаровъ на улицу.

— Что это?— спросилъ Замятинъ, хватая за рукавъ спокойно идущаго городового.

— Государь, по пріѣздѣ въ Лавру, приказалъ удалить полицію со всего Невскаго, только съ боковыхъ улицъ не впускать экипажей.

Нашимъ взорамъ представилось новое, необычайное зрѣлище: весь проспектъ превратился въ громадный муравейникъ; народъ съ тротуаровъ и задержанный на концахъ улицъ, нахлынулъ на проспектъ; появились лотки съ мочеными грушами и съ семячками; бабы съ ребятами стояли группами на мостовой; мальчишки бѣгали съ крикомъ и задирали другъ друга; стали наигрывать на гармоніяхъ веселые мотивы; парни шумѣли, и перекидывались шутками съ дѣвками. Словомъ на Невскомъ стоялъ визгъ, хохотъ, говоръ, пѣсни, совершенно какъ на ярмаркѣ гдѣ нибудь въ провинціи.

Мы съ Замятинымъ долго любовались всѣмъ этимъ съ высокой лѣсенки какого-то магазина; ничего подобнаго еще никогда не бывало на Невскомъ.

— Что это, вѣтеръ или дальній раскатъ грома?—сказалъ Замятинъ, спустя нѣкоторое время, поглядывая на чистое небо.

А раскаты все усиливались, весь народъ замеръ, сталъ прислушиваться.

— Царь! Царь!—закричали десятки тысячъ голосовъ и народная волна ринулась ему на встрѣчу.

И вотъ мы увидѣли вдали, какъ пара сѣрыхъ жеребцовъ, идя шагомъ, грудью раздвигала народную массу; величавый кучеръ молча, не шевеля возжами, предоставляетъ лошадямъ эту трудную работу, и низенькая, открытая колясочка съ Государемъ и съ Государыней врѣзывается въ волны народа, котораго восторгъ не опишетъ никакое перо.

Замятинъ и я пробились къ коляскѣ; наши головы рядомъ съ вѣнценосною головою Царя; колесо коляски прошло чрезъ ногу Замятина, но онъ не замѣтилъ даже этого, хотя показалась кровь. Какой то сѣдой мужикъ упалъ на колѣни и держась за крыло коляски сталъ вопить: „отецъ, отецъ нашъ"! Дюжій ломовой, въ типичномъ красномъ жилетѣ, выхватилъ у своей жены ребенка, поднялъ его высоко надъ головой и кричитъ: „всѣ мы и дѣти наши умремъ за тебя"! Съ другой стороны пучеглазый мальчуганъ очутился на ступенькѣ коляски, Царица погладила его по го-

ловкѣ, а его мать и окружающіе пали на колѣни, крестясь, какъ передъ Небесною Царицею...

А сѣрые жеребцы, какъ бы сознавая величіе этого историческаго момента, медленно, осторожно продолжали раздвигать народныя волны, ударяющіяся о нихъ, о крылья и кузовъ царскаго экипажа. А передъ царскою четою развертывались все новыя и новыя трогательныя картины, выражающія одну и туже безпредѣльную преданность, любовь и вѣру русскаго народа къ своему Вѣнценосному Царю-Батюшкѣ!..

Несмолкаемое „ура" смѣшивалось съ радостными рыданіями. Ликованію не было предѣловъ и тембръ этого „ура", раскатывавшагося около получаса по всему Невскому не имѣлъ ничего общаго съ тембромъ обычнаго „ура". Онъ выражлъ такую задушевную радость, такое счастіе, что и отдаленные его раскаты вызывали слезы умиленія.

Въ эту минуту не было сухихъ глазъ на Невскомъ. даже курсистки, стоявшія вблизи, тоже кричали „ура", махали платками и слезы текли по ихъ лицамъ, а ихъ угрюмые кавалеры хотя и молчали, но видно было что, они сложатъ оружіе и дѣйствительно сложили его на 14 лѣтъ; Императоръ Александръ III и русскій народъ слились въ этотъ моментъ, какъ сливается душа съ тѣломъ въ нормальномъ организмѣ.

И четырнадцать лѣтъ его царствованія протекли въ мирѣ и любви, безъ внутреннихъ и внѣшнихъ осложненій, которыхъ не было не вслѣдствіе случайно сложившихся обстоятельствахъ, а единственно вслѣдствіе *русской національной политики Государя, какъ внутри такъ и внѣ государства.*

Всѣ цари земного шара поняли, что русскій Царь слитъ въ одно съ могучимъ русскимъ своимъ народомъ и всѣ преклонили передъ нимъ свои гордыя головы.

Глава 44.

Я передъ Государемъ и Государынею.

Шестой Царь XIX-го столѣтія, Николай II, принялъ Россію могущественною, спокойною, довольною своимъ правительствомъ.

Въ первый день послѣ коронаціи, на которой я былъ въ числѣ „именитыхъ дворянъ", поздравляли Царя всѣ представители сословій; подносили хлѣбъ соль и выражали ему свои чувства.

На второй день поздравляли лица высшихъ классовъ по одиночкѣ; всякій долженъ былъ поклониться Государю, поцѣловать руку Государынѣ и *безмолвно* исчезнуть за дверью возлѣ трона, ведущую въ боковой коридоръ.

Въ Георгіевскомъ залѣ собралось около трехсотъ человѣкъ; отсюда выходили по одному и длинною лентою, медленно двигались чрезъ безконечные залы—Александровскій и Тронный, въ концѣ котораго былъ величественный тронъ, а у подножія его стояли Государь и Государыня.

Передо мною шелъ, въ Анненской лентѣ, очень рослый, широкоплечій, толстый человѣкъ, изъ за спины котораго я не могъ ничего видѣть впереди; за мною шелъ мой хорошій знакомый Викторъ Викторовичъ Есауловъ, бывшій товарищъ моего сына по гвардейскому кавалерійскому полку, а теперь пензенскій предводителъ дворянства, весельчакъ и колам-

буристъ; за нимъ шелъ нашъ новый, московскій знакомый кн. Голицынъ.

Во время долгаго, медленнаго шествія, Есауловъ смѣшилъ насъ обоихъ, и уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона сказалъ что то такое, отъ чего я едва не расхохотался; къ счастью широкая спина съ Анненскою лентою совершенно заслоняла насъ, какъ ширма.

Вдругъ ширма исчезла и я очутился одинъ-одинешенекъ, точно въ пустынѣ, передъ кроткимъ, проникающимъ въ душу, свѣтлымъ взоромъ Государя и передъ молодою Царицею.

Я былъ пораженъ. Душа моя сбросила земные оковы и наполнилась чистою любовью къ этимъ избранникамъ неба.

Que Dieu Vous bènisse, qu'Il Vous donne une longue et heureuse vie et un regne aussi glorieux, que celui de Votre prédécesseur,—сказалъ я, осеняя крестнымъ знаменемъ юную царскую чету.

(Да благославитъ васъ всевышній, да дастъ онъ вамъ долгую и счастливую жизнь и царствованіе столь же славное, какъ вашего предшественника).

Въ коридорѣ Есауловъ крикнулъ:

— Какъ вы осмѣлились говорить, да еще и благославить, точно митрополитъ! Правда что на видъ вы настоящій патріархъ, а все же вамъ можетъ и достаться за этотъ порывъ, хотя, кажется, и невольный!

— А какъ вышло просто и хорошо!—пожимая мою руку сказалъ Голицынъ,—у меня слезы выступили на глаза; я никогда не забуду этого, да и они не забудутъ; это вышло такъ сердечно, такъ просто и такъ неожиданно для всѣхъ, да очевидно и для васъ.

И весь русскій народъ не сомнѣвается, что и добрый царь пойдетъ по слѣдамъ своего предшественника; при національной, русской политикѣ не появятся ни декабристы, ни нигилисты, ни польскія возстанія.

Вотъ уже девять лѣтъ, какъ внутренніе враги Россіи зондируютъ почву, стараются вернутся къ старому; во внѣшней политикѣ стараются подчинить Россію „Чужеземному Дипломату", а внутри уже были убійства.

Но напрасно! Царствованіе Императора Николая II-го,

будетъ такъ же „glorieux“, такъ же славно, какъ Александра III-го; не „Чужеземный Дипломатъ“ и не нигилисты будутъ руководить политикою Россіи, а потому не будетъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ осложненій, гибельныхъ для Россіи.

Глава 45.

Либерализмъ хорошъ—но въ мѣру. Рыковъ—Алчевскій.

Ровно 40 лѣтъ тому назадъ я былъ у рязанскаго губернатора, Петра Дмитріевича Стремоухова, человѣка лѣтъ сорока весьма подвижнаго, живого темперамента, бывшаго раньше нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Когда я сидѣлъ у губернатора въ кабинетѣ, вошелъ дежурный чиновникъ и доложилъ, что какой то пріѣзжій купецъ желаетъ видѣть его превосходительство.

— Скажите, что пріемъ окончился и попросите придти завтра въ 10 часовъ. Впрочемъ пусть подождетъ, сейчасъ выйду. Не даютъ покоя, — продолжалъ Стремоуховъ, обращаясь ко мнѣ—на дверяхъ вывѣшено объявленіе большими буквами, что пріемъ съ 10 до 11, а онъ лезетъ въ 12. Но нельзя, надо выйти. Таковъ духъ времени, а не то назовутъ недоступнымъ.

Мы еще бесѣдовали оживленно, когда лакей доложилъ, что завтракъ поданъ. Стремоухъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ столовую.

— А купецъ въ пріемной?—сказалъ я.

— Ахъ, да, совсѣмъ забылъ; пойду и деликатно укажу ему объявленіе о часахъ пріема.

Губернаторъ ушелъ, но спустя нѣсколько минутъ дверь

отворилась, и Стремоуховъ, низко кланяясь, приглашалъ купца войти первымъ. А такъ какъ купецъ церемонился, то губернаторъ нѣжно взялъ его за талію, пропустилъ его впредъ и затѣмъ вошелъ самъ.

Купецъ былъ лѣтъ около тридцати пяти; въ немъ все было среднее: ростъ, брюшко, манеры, голосъ, даже фасонъ фрака, черный галстухъ и перчатка на лѣвой рукѣ; все, какъ бы нарочно и очень искусно подобрано, подогнано, чтобы казаться выше мѣщанства, но не шокировать претензію на барство; только глаза у него были слишкомъ подвижными для человѣка, на видъ, степеннаго, уравновѣшеннаго.

— Купецъ Рыковъ—сказалъ Стремоуховъ, обращаясь ко мнѣ,—благодѣтель своего города, богатырь, смѣло идущій въ невѣдомую область. Г. Рыковъ жертвуетъ 10.000 руб. для учрежденія общественнаго городского банка въ Скопинѣ.

Рыковъ умѣренно поклонился. Губернаторъ усадилъ его въ кресло, а самъ сѣлъ на вѣнскій стулъ.

-- Если не ошибаюсь, продолжалъ Стремоуховъ, это будетъ первый городской банкъ въ Россіи и я счастливъ, что онъ именно въ моей губерніи; если могу быть чѣмъ либо полезенъ вамъ, то я и всѣ подвѣдомственныя мнѣ учрежденія къ вашимъ услугамъ. А сколько жителей въ Скопинѣ.

— Около 10.000.

— Вотъ, что значитъ настоящій русскій патріотъ! Ваше имя будетъ стоять на почетномъ мѣстѣ въ исторіи Россіи; оно будетъ извѣстно потомству. Города въ 100.000 жителей не учреждаютъ банковъ, а вы жертвуете свои деньги и т. д. и т. д.

Послѣ долгой бесѣды Рыковъ сталъ прощаться.

— Прошу васъ отобѣдать у меня сегодня, въ 5 часовъ,—сказалъ Стремоуховъ и проводилъ его до передней.

Обѣдъ былъ торжественный, со всею городскою знатью. Были, разумѣется и прокуроръ и жандармскій штабъ-офицеръ. Пили за здоровье Рыкова, какъ будущей исторической личности, (что и сбылось); пили за процвѣтаніе банка (что тоже исполнилось, такъ какъ онъ дошелъ до 10 милион-

ныхъ оборотовъ), пили и *за благоденствіе будущихъ дебиторовъ и кредиторовъ банка.*

Но это пожеланіе осуществилось только на половину, ибо только *дебиторъ* Рыковъ благоденствовалъ; изъ скромнаго «средняго» человѣка, Рыковъ превратился въ гордаго льва, рыкающаго на всю Россію; онъ на глазахъ у того же губернатора, прокурора и жандарма, содралъ съ русскаго народа милліоны, а кредиторы банка, которымъ Стремоуховъ желалъ благоденствія, стали нищими.

И примѣру Рыкова послѣдовали весьма многіе, не только городскіе, но и другіе новые банки, до Алчевскаго (въ 1903 году) включительно; вакханалія продолжается ровно 40 лѣтъ и увеличивается прогрессивно, такъ какъ Алчевскій и К°. захватили уже до 30 милліоновъ, а ревельскій банкъ не далъ акціонерамъ ни копѣйки (см. мою брошюру „О Дворянствѣ“), такъ же погибли 18 милліоновъ „Ермака“ и другихъ. Петербургскій городской банкъ чуть не потерялъ 5 милліоновъ, его спасъ, отчасти, Шауманъ съ новымъ составомъ членовъ.

Разсмотримъ, что такое городской банкъ.

Это учрежденіе, въ которое одни вносятъ, а другіе берутъ изъ него деньги.

О тѣхъ, кто, вноситъ деньги въ банкъ скажемъ послѣ, а начнемъ съ тѣхъ, кто, на точномъ основаніи закона, беретъ деньги отъ вкладчиковъ.

Въ большомъ городѣ, какъ и въ городишкѣ, подобномъ Скопину, владѣютъ домами почти исключительно мѣщане и купцы; чиновникъ-перелетная птица, а помѣщики очень рѣдко обзаводятся домами и не живутъ постоянно въ городѣ.

А потому, только купцамъ и мѣщанамъ приходится отбывать повинность гласнаго думы. Повинность не очень тяжелая, а все же отнимаетъ много времени; если же назначатъ въ комиссію, то хоть бросай свое дѣло; а потому соглашаются отбывать эту повинность люди или праздные, или желающіе извлечь личную пользу изъ этой службы.

Вотъ и выбираютъ въ гласные изъ тѣхъ и изъ другихъ, а какая нравственность у избранныхъ гласныхъ, это почти

безразлично для избирателей, развѣ только слишкомъ поднимутъ налоги, но въ такомъ случаѣ жители побранятъ ихъ и въ слѣдующій разъ выберутъ другихъ; да и кто себѣ врагъ, чтобы слишкомъ увеличить налоги.

Затѣмъ гласные думы выбираютъ людей на банковскія должности и опять избирателямъ нѣтъ дѣла до ихъ нравственности, такъ какъ они ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаютъ за ихъ дѣйствія; вѣдь малый ребенокъ понимаетъ, что нельзя продать съ торговъ города, какъ это и оказалось на практикѣ; это понимали и закусившіе удила либералы шестидесятыхъ годовъ, учреждавшіе эти банки.

И вотъ въ городѣ (все равно въ Петербургѣ или Скопинѣ) образовалась кучка банковскихъ заправилъ, ни отъ кого не зависящихъ, вольныхъ, какъ запорожцы: хотятъ—и ребенка не обидятъ, хотя бы у него была и груда золота, хотятъ—и опустошатъ цѣлыя области; стонъ и вопль, какъ волны морскія, распространятся по всей безбрежной Россіи, а жертвами запорожцевъ, хоть пруды пруди.

Вольница! И она лиходѣйствуетъ уже 40 лѣтъ.

Теперь является психологическій вопросъ: почему люди несутъ этимъ «запорожцамъ» свои сбереженія, все достояніе свое и своихъ семействъ? Вѣдь одного обѣщанія лишняго процента не достаточно для того, чтобы народъ передавалъ свое достояніе невѣдомымъ людямъ, кто бы они не были.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вся исторія Россіи.

Съ древнѣйшихъ временъ русскій народъ, не исключая и высшихъ классовъ, признавалъ надъ собою неограниченную власть Бога и Царя и былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что Богъ и Царь, какъ всякій добрый отецъ, хотя и караютъ виновныхъ, но желаютъ людямъ только добра и что всѣ явленія, какъ въ природѣ такъ и въ государственномъ строѣ, имѣютъ единственною цѣлью благо людей; а потому все, что дѣлается именемъ Бога или Царя, не подлежитъ обсужденію; вѣра въ нихъ безпредѣльна.

Это міровоззрѣніе служитъ краеугольнымъ камнемъ русскаго государства уже въ теченіи тысячи лѣтъ.

А потому, когда правительство нашло полезнымъ для

народа учрежденіе частныхъ банковъ, въ томъ числѣ и городскихъ, то должно было учреждать ихъ или отъ имени Царя и, разумѣется, подчинить ихъ строгому, фактическому своему контролю, само открывать и наказывать преступниковъ, и само отвѣчать передъ кредиторами; или же, какъ заграницею, предоставить частнымъ людямъ учреждать какіе угодно банки, только въ предѣлахъ общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, не связывая ихъ съ городскимъ, (ни съ земскимъ) самоуправленіемъ, ни съ правительствомъ, а уже тѣмъ паче, съ священнымъ именемъ Царя, которому народъ вѣритъ, какъ Богу.

Но либералы конца 60-хъ годовъ, не могли учреждать банковъ перваго типа; они не допускали никакого контроля ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ; всѣ должны быть свободны, какъ птицы; правительство не должно быть ни хозяиномъ, ни режиссеромъ, ни суфлеромъ, ни даже зрителемъ, выражающимъ одобреніе или порицаніе, а должно удалиться съ арены, что, очевидно, оно и исполнило, если потомъ Катковъ оповѣщалъ весь міръ о томъ, что „правительство возвращается".

А потому банки подъ надзоромъ правительства негодились для либераловъ и они учредили банки втораго типа, т. е. вольные, какъ „запорожцы".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, психологія народа была извѣстна либераламъ; они знали, что народъ отдастъ свои сбереженія только подъ обезпеченіе царскимъ словомъ, и хотя этого достаточно народу, но все же частный банкъ долженъ же имѣть какое либо и матеріальное обезпеченіе.

Вотъ либералы и представили народу эти два обезпеченія, но не реальныя, а миражныя; глазъ ясно видитъ предметъ, его реальность несомнѣнна, хотя онъ и не существуетъ, а именно: во 1-хъ обезпеченіе въ видѣ города, (другіе банки представили разные капиталы, которые сейчасъ исчезли подъ разными предлогами) и во 2-хъ съ банками связали священное имя Царя, хотя правительство не только не ручалось за нихъ, но и не повѣряло операціи этихъ „запорожцевъ", а Царь настолько же принимаетъ участіе въ ихъ дѣлахъ, какъ и въ рѣшеніи мирового судьи,

который объявляетъ свое личное рѣшеніе отъ имени Государя, причемъ всѣ должны встать съ своихъ мѣстъ и стоя, почтительно слушать это *личное* рѣшеніе судьи.

И вотъ народъ несетъ многіе милліоны подъ эти миражныя обезпеченія и вручаетъ ихъ никому не вѣдомымъ „запорожцамъ", а затѣмъ получаетъ копѣйки, вмѣсто рублей.

Заграницею крупныя мошенничества дѣлаются секретно; о Панамѣ, Эмберахъ и др. никто не зналъ, пока не лопнула слишкомъ туго натянутая струна; а у насъ всѣ такія мошенничества дѣлаются съ барабаннымъ боемъ, съ пѣснями цыганъ и съ разливнымъ моремъ шампанскаго.

Вмѣстѣ съ этимъ шумомъ банковскіе дѣльцы зазываютъ кліентовъ, печатая объявленія и отчеты на видномъ мѣстѣ, крупнымъ шрифтомъ во всѣхъ газетахъ и уже непремѣнно въ правительственныхъ, и непремѣнно вставляя куда либо слово «Высочайше» и ссылки на министра, какъ ближайшаго слугу Государя; они оповѣщаютъ о ложныхъ многомилліонныхъ оборотахъ, о завѣдомо ложныхъ громадныхъ дивидендахъ и о громадныхъ процентахъ, обѣщаемыхъ вкладчикамъ. Въ Петербургѣ и въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, что это ложь—и всѣ молчатъ.

Удивленный иностранецъ спрашиваетъ:

— Кто же мѣшаетъ Россіи обуздать этихъ „Запорожцевъ", дѣйствующихъ открыто, при громѣ трубъ и литавръ; что препятствуетъ Россіи избавиться отъ нихъ?

— Бюрократизмъ и либерализмъ—отвѣтитъ всякій Россъ.

Россія молча смотритъ на неистовства всякаго „Запорожца" до тѣхъ поръ, пока потерпѣвшій не подастъ формальнаго прошенія съ марками и со всѣми приложеніями, пока столоначальникъ не напишетъ доклада или квартальный не составитъ протокола. Безъ этого нельзя.

Но когда соблюдены всѣ либерально-бюрократическія формальности, то, не позже какъ года чрезъ 2—3, „Запорожецъ" непремѣнно будетъ сосланъ въ Сибирь, и хотя онъ, большею частью, ѣдетъ туда въ каретѣ съ лакеями, поварами и. т. д., но все же ѣдетъ въ Сибирь, а не въ Парижъ. (Теперь съ неменьшимъ комфортомъ, посидитъ въ тюрьмѣ).

— А кредиторы?—спрашиваетъ иностранецъ.

— Пѣшкомъ, питаясь милостынею, возвращаются въ свои жилища изъ залы суда.

Да, либерализмъ хорошъ—но въ мѣру и сообразный съ условіями времени и мѣста, а либерализмъ не въ мѣру испортилъ всѣ великія, либеральныя же преобразованія Царя—Освободителя.

Въ газетѣ „Знамя“ 1903 г. № 60 сказано: «въ старину грабители вооружались дубиною и топоромъ, а теперь вооружаются сводомъ законовъ и бухгалтерскимъ отчетомъ, который представляютъ министру. Орудія грабежа стали культурнѣе и вѣрнѣе достигаютъ своей цѣли; вѣдь законъ—это царское слово, а министръ—правая рука Царя».

Вотъ какую услугу сослужилъ народу и Царю либерализмъ не въ мѣру.

Глава 46.

Либерализмъ графа Валуева, Петра Александровича и графа Милютина, Дмитрія Алексѣевича.

Говоря о либерализмѣ не въ мѣру, нельзя не упомянуть двухъ корифеяхъ либерализма.

Графа Валуева напрасно называютъ „Виляевымъ“, напротивъ, онъ былъ не поколебимыхъ либеральныхъ убѣжденій и онъ доказалъ это, женившись вторично на бѣдной дѣвушкѣ не знатнаго рода и совершенно удалившись отъ дѣлъ, когда онѣ приняли консервативное направленіе.

„Виляевымъ“ его назвали потому, что какъ человѣкъ прекрасно воспитанный и деликатный въ обращеніи, онъ говорилъ и дѣйствовалъ не рѣзко, онъ какъ будтобы дѣлалъ уступки, но затѣмъ непоколебимо отстаивалъ свое мнѣніе.

Кромѣ встрѣчъ съ Валуевымъ, о которыхъ сказано въ главахъ 22 и 39, я жилъ на одной квартирѣ съ нимъ въ Гроднѣ и въ Минскѣ, гдѣ Валуевъ производилъ ревизію и по вечерамъ читалъ мнѣ отрывки изъ своего дневника, который велъ на англійскомъ языкѣ, на восьмушкахъ почтовой бумаги. Объ этомъ дневникѣ, кажется, еще нигдѣ не упоминалось въ печати, хотя онъ представлялъ полную картину его эпохи. Онъ писалъ безъ поправокъ, на разговорномъ англійскомъ языкѣ и нельзя не сожалѣть о томъ, что

Валуевъ не издалъ его одновременно съ своими интересными романами: „Лоринъ“, „Черный боръ“, „Княгиня Татьяна“ и другими.

Я, хотя рѣдко, но все же бывалъ у него и въ концѣ его жизни, въ скромныхъ его квартирахъ на Галерной и близъ Вознесенской.

Валуевъ и его партія сдѣлали много зла Россіи. Дѣйствительно, пришлось не мало потрудиться Александру III, и нынѣ царствующему Государю, чтобы хотя отчасти возстановить нормальное теченіе дѣлъ въ Финляндіи, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Польшѣ, въ западныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ; а въ центральной Россіи продолжается Валуевская политика, болѣе либеральная, нежели въ ультралиберальной Англіи и Америкѣ, какъ мы доказали это въ главахъ 6 и 7 этого сочиненія.

Говорили, что Валуевъ «англоманъ», а потому желалъ бы ввести въ Россіи англійскіе порядки. Но это самая невѣрная изъ характеристикъ, когда либо сдѣланныхъ о немъ. Для правителей Англіи, будь они либералы или консерваторы, не существуетъ другихъ людей кромѣ англичанъ; всѣ остальные люди, племена и государства должны служить имъ; между тѣмъ какъ вслѣдствіе политики Валуева и его партіи, коренной русскій народъ таетъ, исчезаетъ на экономическомъ поприщѣ, исчезаетъ и на культурномъ, уступая мѣсто иноплеменникамъ.

Нѣмцы Габсбурги царствуютъ 500 лѣтъ и ихъ монархія сильна, потому что вошедшіе въ ея составъ народы менѣе культурны и менѣе богаты, нежели ядро имперіи — нѣмцы.

Въ Россіи же на оборотъ: поляки, нѣмцы и финляндцы богаче и культурнѣе коренныхъ русскихъ, да и теперь всѣ высшія школы у нихъ и для нихъ, а евреи и армяне отъ природы одарены болѣе гибкимъ, болѣе пронырливымъ умомъ нежели славяне вообще, а тѣмъ болѣе нежели слившіеся съ славянами: чудь, тептяри, мордва и сотня другихъ племенъ; а потому, какъ было доказано цыфрами въ гл. 14, уже и теперь: Польша — это метрополія, а Россія ея колонія.

Остается уничтожить таможню между Россіею и Фин-

ляндiею, расширить двери, уже полуоткрытыя, евреямъ въ коренную Россiю и въ ея азiатскiя владѣнiя, устроить высшiя учебныя заведенiя на Кавказѣ для армянъ и Россiя станетъ только географическимъ терминомъ, хотя подъ скипетромъ русскаго Царя.

Нѣтъ, Валуевъ не „вилялъ“ и не былъ похожъ на англичанина; онъ былъ просто русскiй человѣкъ, воспитанный въ 40-хъ и дѣйствовавшiй въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Онъ такой, какъ и другiе образованные люди того времени, какъ и Герценъ, типъ русскаго образованнаго барина—идеалиста. При томъ, Валуевъ былъ человѣкъ честный въ полномъ значенiи этого слова.

Въ 40-хъ годахъ люди мечтали о свободѣ, о свободѣ разумной, практической, полезной русскому народу, а когда получили ее, то Герценъ и всѣ другiе потеряли головы и пошли «кто въ лѣсъ, кто по дрова».

Изъ учениковъ Герцена самымъ умнымъ оказался его сынъ Александръ, который видя, что цѣль его отца достигнута, занялся другимъ дѣломъ и написалъ прекрасное сочиненiе: „Сравнительная анотомiя низшихъ животныхъ“. Такъ слѣдовало поступить и остальнымъ послѣдователямъ Герцена, а именно, получивъ желаемую свободу, заняться полезнымъ дѣломъ, а не фантазировать о благѣ евреевъ, поляковъ, финляндцевъ и т. д. на счетъ крови, пота и достоянiя кореннаго русскаго народа, въ пользу котораго они хлопотали первоначально.

Да, въ то время всѣ сбились съ толку и еще много предстоитъ труда нашему возлюбленному Монарху и его министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы поднять „Русскiй Центръ“ и чтобы Россiя не превратилась въ географическiй терминъ, а стала такимъ же государствомъ, какъ Англiя, Германiя, Францiя и другiя государства.

И она имѣетъ полную возможность достигнуть этого, такъ какъ въ ней 70% русскихъ, говорящихъ на русскомъ языкѣ и исповѣдующихъ православную вѣру; если же они менѣе культурны и менѣе богаты нежели остальные 30%, то ихъ слѣдуетъ поднять въ этомъ отношенiи, а не помогать паразитамъ высосать всю кровь изъ могучаго русскаго бо-

гатыря, могучаго при Петрѣ, Екатеринѣ и Александрѣ III-мъ, могучаго внутреннею политикою своихъ царей, лозунгомъ (mot de ralliement): „Россія для русскихъ“ и „русскіе для Россіи“ а не для службы иноплеменникамъ, враждебнымъ Россіи.

Петръ и Екатерина приглашали въ Россію только учителей, а не эксплоататоровъ евреевъ, поляковъ, армянъ и другихъ иноземцевъ.

Графа Милютина нельзя сопоставлять съ графомъ Валуевымъ; оба они любили свою родину, оба были либералы, но разно понимали либерализмъ. Гр. Милютинъ займетъ видное мѣсто среди полезныхъ дѣятелей XIX столѣтія.

Я упоминаю о немъ только потому, что зашла рѣчъ о либералахъ, къ которымъ принадлежитъ Милютинъ и представляю только крошечную фотографическую картинку, снятую съ его либерализма при двухъ встрѣчахъ его со мною.

Пріѣзжая въ Петербургъ на короткое или долгое время, я всегда дѣлалъ визитъ Валуеву.

Однажды, пріѣхавъ въ Петербургъ съ сыномъ, для помѣщенія его въ одно изъ военно-учебныхъ заведеній, я былъ у Валуева и между прочимъ, сказалъ ему о сынѣ. Въ это время пріѣхалъ къ Валуеву Милютинъ. Я хотѣлъ уйти, но Валуевъ удержалъ меня и передалъ Милютину затрудненіе мое въ выборѣ учебнаго заведенія.

Милютинъ, узнавъ, что мой сынъ свободно владѣетъ иностранными языками, знаетъ музыку, а такъ же, что какъ разъ передъ этимъ онъ совершилъ со мною громадное, почти ученое путешествіе и велъ подробный дневникъ своимъ впечатлѣніямъ, сказалъ:

— Для вашего сына самая подходящая это моя третья гимназія, если впрочемъ у васъ есть въ Петербургѣ родные или вообще надежное самейство, въ которомъ вы могли бы помѣстить его.

Мой сынъ и поступилъ въ эту военную гимназію.

А странная была эта «Военная» школа, такой кажется нѣтъ во всемъ мірѣ.

Многіе мальчуганы и юноши отъ 10 до 18 лѣтъ пріѣзжали въ своихъ каретахъ и на своихъ кровныхъ рысакахъ,

всѣ въ мундирчикахъ отъ первыхъ портныхъ и въ безукоризненно бѣлыхъ перчаткахъ. Форма была какъ во всѣхъ корпусахъ, но съ бѣлыми погонами, отличавшими воспитанниковъ отъ всѣхъ другихъ кадетъ; ихъ и называли „кадетскою гвардіею"; они разговаривали между собою преимущественно на французскомъ языкѣ; грубое слово или дѣйствіе вызывало презрѣніе, а не кулачную расправу; словомъ, тутъ всѣ были „джентлмены".

Они сидѣли въ классѣ, дѣлали гимнастику и возвращались въ семьи, гдѣ, разумѣется, и рѣчи не было о военномъ дѣлѣ.

Но въ гимназіи начальство обращало весьма серьезное вниманіе на науки и на нравственность; были прекрасные преподаватели и сверхъ того «туторы», воспитатели, зорко слѣдившіе за учениками и внѣ училища; они посѣщали ихъ семейства и я неоднократно получалъ письма отъ тутора по вопросамъ о внѣклассной жизни моего сына. Другія военныя гимназіи, хотя и остались закрытыми заведеніями, но въ нихъ была высоко поднята научная и воспитательная сторона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожена вся прежняя „солдатчина".

Окончивъ гимназію, мой сынъ поступилъ въ гвардейское кавалерійское училище (при Лермонтовѣ оно называлось «школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ», а потомъ было переименовано въ Николаевское каваллерійское училище), и мѣсяца за три до окончанія курса, онъ, въ числѣ десяти человѣкъ, подалъ заявленіе о желаніи поступить въ лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ, а другіе юнкера въ другіе полка.

Но, передъ выпускомъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, запрещающее принимать въ этотъ полкъ не казаковъ; сынъ мой былъ въ отчаяніи.

Я поѣхалъ къ Милютину и какъ только вошелъ въ его кабинетъ, Милютинъ, не вставая съ кресла, спросилъ громко и быстро.

— Не случилось ли чего съ вашимъ сыномъ?

Я былъ пораженъ, остановился и спросилъ:

— Неужели, ваше сіятельство, Вы знаете моего сына?

— А неужели вы думаете,—сказалъ Ммлютинъ, улыбаясь и подавая мнѣ руку,—что я не слѣжу за воспитанниками въ учрежденныхъ мною учебныхъ заведеніяхъ, а въ особенности за тѣми, которые мнѣ лично извѣстны. Я не показываю имъ этого и даже осторожно говорю о нихъ съ ихъ начальствомъ, чтобы не сочли покровительствомъ, но знаю все, что вашъ сынъ хорошо учится, примѣрнаго поведенія, даже не куритъ, что же привело васъ ко мнѣ?

Я объяснилъ, что сынъ намѣренъ прослужить въ гвардіи только требуемые закономъ три года, затѣмъ оставить фронтовую службу и поступить въ академію, а потому желаетъ продолжать заниматься науками и для этого остаться въ Петербургѣ, а между тѣмъ запрещено принимать въ л.-гв. казачій полкъ.

— Такъ что же, пусть поступаетъ въ кавалергардскій или конногвардейскій полкъ, я устрою ему это,—сказалъ Милютинъ. (Всѣ остальные гвардейскіе кавалерійскіе полки квартируютъ внѣ Петербурга).

— Эти два полка очень дороги, а у меня семь сыновей и я не могу жертвовать такъ много для одного изъ нихъ.

— Вотъ что,—медленно произнесъ Милютинъ и подумавъ, сказалъ:—Теперь экзамены, я какъ нибудь съѣзжу въ училище, проэкзаменую его, а тамъ посмотримъ; но вы не говорите объ этомъ сыну ни теперь, ни послѣ, всякая протекція дурно вліяетъ на людей.

Въ тотъ же день вечеромъ, сынъ вбѣжалъ въ мой кабинетъ, сіяющій, радостный и объявилъ, что графъ былъ въ училищѣ, предлагалъ ему вопросы по всѣмъ главнымъ предметамъ и сказалъ сыну, что онъ будетъ принятъ въ казачій полкъ, возбудивъ удивленіе начальства и зависть остальныхъ девяти юнкеровъ, которые, подобно другимъ юнкерамъ училища, должны избрать другіе гвардейскіе полки, квартирующіе внѣ Петербурга.

Дѣло читателя одобрять или порицать, какъ Милютинскія гимназіи, такъ и обходъ министромъ Высочайшаго повелѣнія; но въ общемъ, гр. Милютинъ значительно поднялъ уровень образованія и нравственности офицеровъ всей рус-

ской арміи; цѣлью учебныхъ заведеній была при немъ не фронтовая выправка, а серьезное научное образованіе, гуманность, нравственная порядочность будущихъ офицеровъ; если же Восточная война велась такъ неумѣло и безалаберно, какъ ни одна война въ Европѣ, то вѣдь Милютинскіе воспитанники были еще поручиками или капитанами и мы знаемъ, что они храбро дрались; руководителями же были воспитанники прежнихъ военныхъ учебныхъ заведеній.

Пятномъ на графѣ Милютинѣ считаютъ его поступокъ съ Черняевымъ; но такъ какъ эта безпримѣрная несправедливость идетъ совершенно въ разрѣзъ съ патріотизмомъ и либерализмомъ Милютина, то очевидно были причины, неизвѣстныя большинству публики.

Глава 47.

Русскій языкъ въ католическомъ дополнительномъ богослуженіи и моя брошюра объ этомъ. Либералы 70-хъ годовъ. Папская энциклика 1903 года. Фонъ-Кауфманъ, Константинъ Петровичъ.

Посвятивъ двѣ главы ультра-либераламъ, скажемъ нѣсколько словъ о человѣкѣ, который раздѣлялъ всѣ идеалы 40-хъ годовъ и радовался ихъ осуществленію въ 60-хъ, но смотрѣлъ на дѣло съ чисторусской точки зрѣнія, а именно о К. П. фонъ-Кауфманѣ.

Я написалъ объемистый трактатъ „о польскомъ вопросѣ“ и сообщилъ въ рукописи М. Н. Каткову, который длиннымъ письмомъ одобрилъ его основныя положенія.

Затѣмъ, виленскій генералъ-губернаторъ, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, читалъ эту рукопись со мною, не въ кабинетѣ, гдѣ ему постоянно мѣшали, а послѣ обѣда, въ помѣщеніи своего семейства, на свободѣ.

Въ этомъ сочиненіи, между другими мѣрами, я требовалъ перевода на русскій языкъ всего, что католическіе священники читаютъ и поютъ на польскомъ языкѣ.

Въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ всѣ жители поляки, всѣ говорятъ только по польски, другого языкане знаютъ,

а потому языкъ дополнительнаго католическаго богослуженія долженъ быть польскій, и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ подражать Пруссіи; но въ девяти западныхъ губерніяхъ считаютъ себя поляками только дворяне, предки которыхъ были русскими, знали только русскій языкъ и писали на немъ всѣ государственные акты, въ томъ числѣ „Статутъ Литовскій“, бывшій закономъ для всѣхъ западныхъ губерній въ теченіи чуть не 300 лѣтъ, до 1842 года. Эти дворяне-поляки составляютъ едва 1/100 часть населенія, остальные же 99%, за исключеніемъ евреевъ и жмудинъ, всѣ бѣлоруссы и малороссы, говорящіе только на русскомъ языкѣ, хотя и не на литературномъ, но который гораздо меньше отличается отъ литературнаго, нежели простонародный нѣмецкій (plat deutch) отъ языка Шиллера; во Франціи и въ Англіи есть простонародные „идіомы“, тоже почти не понятные образованному классу, какъ впрочемъ и вездѣ; а между тѣмъ въ церквахъ при дополнительномъ богослуженіи, какъ то чтеніи евангелія и псалмовъ, произнесеніи проповѣдей, молитвъ, при крещеніи и заупокойныхъ молитвъ за царствующихъ особъ и т. п.—употребляется исключительно общегосударственный литературный языкъ.

А въ Россіи, не только во всѣхъ девяти западныхъ губерніяхъ, но даже въ Петербургѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, Сибири, не только бѣлорусы и малоросы, но и иностранцы католики обязаны изучить польскій языкъ, если не хотятъ стать атеистами, или людьми какъ бы отлученными отъ церкви.

К. П. ф.-Кауфманъ вполнѣ раздѣлялъ мое мнѣніе о необходимости введенія въ западныхъ губерніяхъ и въ коренной Россіи русскаго языка въ добавочное католическое богослуженіе, а потому, во время совѣщаній онъ приглашалъ католическаго священника, который интересовался религіею, а не политикою, для указанія имъ всѣхъ нужныхъ переводовъ, приглашали владѣльца типографіи въ Вильнѣ и поручали ему составить разсцѣнку (списокъ книгъ подлежащихъ переводу и разцѣнка приложены къ моей брошюрѣ и т. п.) Они работали надъ этимъ нѣсколько вечеровъ и Кауфманъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о печатаніи на

русскомъ языкѣ въ громадномъ числѣ экземпляровъ, краткаго католическаго молитвенника и „Ритула“ (все дополнительное богослуженіе и обряды).

Но вскорѣ петербургская политика измѣнилась; покровители иноплеменниковъ вошли въ силу и генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ долженъ былъ переѣхать изъ великолѣпнаго Виленскаго дворца (лучше Аничкова) въ пятый этажъ на Гагаринскую набережную, въ Петербургѣ, гдѣ я задушевно бесѣдовалъ съ нимъ не разъ; затѣмъ онъ управлялъ Ташкентскимъ краемъ, завоевалъ Хиву, Какандское царство и Самаркандъ, а западно-русскія дѣла пошли по пути, протоpенному княземъ Чарторижскимъ для Александра I и расчищенному вновь либералами конца 60-хъ годовъ, и знаніе польскаго языка осталось обязательнымъ для всѣхъ русскихъ и иностранныхъ католиковъ, отъ Петербурга и Кишнева до Владивостока.

Рукопись, одобренную двумя такими авторитетами, какъ Катковъ и Кауфманъ, я представилъ въ цензуру, но она не разрѣшила печатать ее, тогда я поѣхалъ заграницу, напечаталъ въ Лейпцигѣ 3000 экземпляровъ и разослалъ оттуда всѣмъ членамъ царской фамиліи и лицамъ, имѣвшимъ право получать книги изъ заграницы помимо цензуры. Въ Берлинѣ 1000 экземпляровъ отдалъ безплатно книгопродавцу Беру, а остальные послалъ Каткову, который получилъ разрѣшеніе цензуры и передалъ все изданіе книгопродавцу Салаеву (или что-то въ этомъ родѣ), а я уже больше не справлялся о судьбѣ брошюры; если она разошлась, то достигнута цѣль, для которой была напечатана.

Всѣ газеты и журналы обратили вниманіе на эту брошюру, но самую большую честь оказали мнѣ Краевскій и Стасюлевичъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Хотя они утверждали, что авторъ не годится и въ квартальные, а толкуетъ о возвышенныхъ предметахъ и т. п., но ругали меня на десяти страницахъ мелкой печати; а еще небыло примѣра, чтобы серіозный журналъ посвятилъ 10 страницъ, разбору сочиненія человѣка „не годящагося и въ квартальные“.

Теперь, въ 1903 году, Папа Левъ XIII, исполнилъ желаніе всѣхъ католиковъ на всемъ земномъ шарѣ, разрѣ-

шивъ употреблять государственный языкъ не только при дополнительномъ богослуженіи, но и совершать на немъ, само богослуженіе, литургію (мессу), вмѣсто латинскаго языка, употреблявшагося чуть не 2000 лѣтъ.

Очевидно, что со стороны Папы, уже не можетъ быть возраженій противъ преподаванія на государственномъ языкѣ въ Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго) во всѣхъ католическихъ семинаріяхъ и академіяхъ и противъ употребленія исключительно русскаго языка при дополнительномъ богослуженіи, т. е. во всемъ, кромѣ литургіи, которая въ Россіи должна совершаться также, какъ совершалось и понынѣ, на латинскомъ языкѣ, и уже никакъ не на польскомъ, о чемъ, вѣроятно, вскорѣ станутъ хлопотать мнимые поляки, уроженцы Западныхъ губерній.

Правительство разрѣшаетъ православнымъ (кромѣ русскихъ), употреблять языкъ ихъ племени при религіозныхъ обрядахъ и при чтеніи Евангелія и Апостола; тоже разрѣшаетъ молиться на своихъ языкахъ и всѣмъ иновѣрцамъ.

Эта мѣра въ высшей, степени справедлива относительно людей, не имѣющихъ сепаратическихъ тенденцій: не только нѣмцы, евреи, эсты, латыши, черемисы, грузины и т. п. не стремяться къ образованію отдѣльнаго государства, но и магометане, уже 300 лѣтъ тому назадъ перестали мечтать объ этомъ; поляки же мечтаютъ о возрожденіи Польши, и нетолько въ ея этнографическихъ границахъ, т. е. Польши, состоящей изъ Царства Польскаго, Познани и Галиціи, но стремятся и къ сліянію съ собою чисторусскаго, православнаго населенія девяти западныхъ губерній.

Когда Россія поставитъ въ нормальное положеніе свои девять западныхъ губерній, когда она переселитъ туда изъ коренной Россіи русскихъ крестьянъ, когда въ католическихъ церквахъ будетъ употребляться русскій языкъ не только въ этихъ провинціяхъ, но и во всей Россіи кромѣ царства польскаго, то пускай бы вновь воскресла Польша; гораздо выгоднѣе имѣть сосѣдомъ слабую Польшу, нежели сильную Германію. Но повторяемъ что раньше этого, западныя губерніи, должны стать чисторусскими.

Теперь, пока въ ополяченныхъ дворянахъ западныхъ

губерній (составляющихъ тамъ одну сотую часть населенія), правительство поддерживаетъ мнѣніе, что они такіе же поляки, какъ и завислянскіе, то они тяготятъ къ нимъ и увлекаютъ за собою евреевъ, жмудиновъ и духовно порабощенныхъ ими русскихъ православныхъ крестьянъ (см. гл. 6.)

Въ настоящее время строится католическая церковь въ Харбинѣ. Если тамъ католики исключительно уроженцы Царства Польскаго, то пусть церковь будетъ съ польскимъ языкомъ, какъ мечеть съ арабскимъ, синагога съ еврейскимъ; но если тамъ есть католики иностранцы и католики уроженцы западныхъ губерній, предки которыхъ говорили и писали государственные акты исключительно на русскомъ языкѣ, то ни одно польское слово не должно быть произнесено въ этой католической церкви.

Такъ бы поступили во всякомъ цивилизованномъ государствѣ, такъ бы поступилъ Александръ III; такъ поступитъ Его достойный пріемникъ, и его царствованіе будетъ также „glorеux" (гл. 44) какъ и его предшественника, если не будутъ имѣть вліянія на дѣла русскіе полонофилы, воспитанные въ духѣ конца 60-хъ и всѣхъ 70-хъ годовъ.

Люди эти не знали благородныхъ, чисторусскихъ идеаловъ 40-хъ годовъ; они начали свою дѣятельность тогда, когда эти идеалы уже осуществились, и когда всѣ Герцены, Валуевы и т. п., сбившись съ толку, стали хвататься за что попало, лишь бы оно было либерально и довели Россію до 70-хъ годовъ, до 1-го Марта и до порабощенія русскаго народа инороднеменниками. Порабощеніе это совершится окончательно и манифестъ 26 Февраля 1903 г. не принесетъ пользы русскому народу, если либералы 70-хъ годовъ и ихъ воспитанники будутъ помощниками министровъ, а что министры не могутъ обойтись безъ помощниковъ, вполнѣ доказано въ концѣ § 7-го.

Глава 48.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ; Леонтьевъ, Павелъ Михайловичъ и ихъ лицей.

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ о Катковѣ. Это человѣкъ, о которомъ еще никто не отзывался безпристрастно; его или ненавидятъ или возвеличиваютъ, но онъ всѣмъ извѣстенъ теперь, а потому, какъ и о другихъ моихъ современникахъ я скажу только о рѣдкихъ встрѣчахъ Каткова, а кстати и Леонтьева, со мною. Большею частью я бывалъ въ Москвѣ только проѣздомъ, а принося свои статьи въ „Московскія Вѣдомости", я ходилъ только въ редакцію. (Ходъ былъ по черной лѣстницѣ). Но однажды Катковъ сказалъ мнѣ, чтобы, я бывая въ Москвѣ по воскресеньямъ, пріѣзжалъ къ нему вечеромъ, запросто, на чашку чая и я пользовался этимъ до самой смерти Каткова.

У него я познакомился съ его интимнымъ кружкомъ, между прочимъ и съ Павломъ Михайловичемъ Леонтьевымъ, который однажды предложилъ мнѣ, осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ вновь учрежденный имъ и Катковымъ лицей.

На слѣдующій день мы пріѣхали въ лицей, помѣщавшійся еще въ тѣсномъ, наемномъ домѣ и провели здѣсь нѣсколько часовъ, изъ которыхъ два часа я просидѣлъ на двухъ урокахъ Леонтьева по греческому языку. На слѣду-

ющій день я опять пріѣхалъ въ лицей и пробылъ въ немъ съ ранняго утра до поздняго вечера.

Еслибы во всѣхъ гимназіяхъ также преподавали и также воспитывали мальчиковъ, то дѣйствительно Россія обогатилась бы свѣтлыми умами и великими гражданами, не уступающими греческимъ, римскимъ и англійскимъ.

Но настаивая на превращеніи всѣхъ гимназій въ такія же учебныя заведенія, какъ ихъ лицей, Катковъ и Леонтьевъ упустили изъ виду, что если они легко нашли преподавателей и воспитателей для своего, одного училища, то это совершенно невозможно для многочисленныхъ гимназій всего государства, такъ что даже и ихъ лицей сталъ со временемъ терять свое воспитательное значеніе, вслѣдствіе недостатка людей, проникнутыхъ тѣми чувствами, которыя воодушевляли Леонтьева и Каткова.

Не поддержали ихъ идеи и иностранцы, выписанные изъ нѣмечины, чуждые русскому народу и вовсе не заботящіеся о томъ, чтобы изъ русскихъ юношей дѣлать такихъ же русскихъ гражданъ, какими были греческіе, римскіе, да хотя-бы и нѣмецкіе.

Катковъ лично видѣлъ и посѣщалъ въ Англіи такіе же классическія школы и коледжи: но тамъ уже въ теченіи многихъ столѣтій вырабатывались свѣтлые умы и граждане съ возвышенными, патріотическими чувствами; тамъ были коледжи и университеты въ то время, когда еще и самой Россіи не было.

Россія быстро подвинулась впередъ, но вѣдь всего за сто лѣтъ передъ тѣмъ, Екатерина II учредила первыя гимназіи, а университеты появились чуть не вчера; откуда же было взять Россіи просвѣщенныхъ педагоговъ для всѣхъ гимназій?

А потому, вслѣдствіе недостатка людей, наши гимназіи, вмѣсто того, чтобы стать „Коледжами“,—въ которыхъ развиваютъ и укрѣпляютъ умъ, сердце, волю и тѣло воспитанниковъ,—превратились въ инквизиторскія тюрьмы, изъ которыхъ выходили люди съ притупленнымъ умомъ, со злобою въ сердце и съ дряблымъ тѣломъ.

Всѣ отъ попечителей округовъ, до псевдо—туторовъ,

т. е. до нашихъ классныхъ наставниковъ исполняли только внѣшнія формальности новаго закона, необходимыя для рапортовъ министерству, которое, тоже состоя изъ людей не понимающихъ высокихъ идей Леонтьева и Каткова—а потому и графа Толстого,—довольствовалось формальною стороною отчетовъ; а поурочная плата не только учителямъ, но и директору и инспектору, окончательно погубила все дѣло.

Русское юношество не получало ни образованія, ни воспитанія; изъ 80 поступавшихъ въ гимназію оканчивало 8, рѣдко больше, и то такихъ, изъ которыхъ потомъ въ университетѣ значительная часть гибла, какъ дерево безъ сильныхъ корней, а потому не приносящее плодовъ и не долговѣчное.

Инціаторомъ класицизма былъ Леонтьевъ, воспитанникъ Шелинга и другихъ нѣмецкихъ философовъ, а Катковъ, воспитанникъ того же Шелинга, зная, что отъ образованія полученнаго въ школѣ будущими гражданами, зависитъ и будущность дорогого ему отечества, и искренно любя дѣтей вообще, ухватился за мысль Леонтьева и осуществилъ ее во всей Россіи.

Насколько Катковъ любилъ дѣтей, видно изъ того, что онъ никогда не пропускалъ случая бесѣдовать съ ними, не только въ лицеѣ, но и при всякихъ встрѣчахъ; когда однажды онъ узналъ, что я пріѣхалъ съ своими четырмя мальчиками, чтобы показать имъ Москву, то потребовалъ, чтобы я привезъ ихъ къ нему.

Пріемъ былъ не только радушный и сердечный, но и торжественный; онъ ласкалъ ихъ и шутилъ съ ними, какъ съ дѣтьми; но видя что они развитые и поймутъ его, сталъ говорить съ ними языкомъ своихъ передовыхъ статей; это громъ и молнія, потрясающіе душу и освѣщающіе ее.

Неудивительно, что Государь молился на могилѣ этого великаго русскаго трибуна.

Разстроганный отецъ и пораженные мальчики, теперь, спустя 35 лѣтъ, не могутъ возстановить въ своей памяти словъ Каткова; но его проповѣдь оставила глубокіе слѣды въ ихъ умѣ и въ ихъ сердцѣ, и сыновья мои проникнуты такою же, какъ Катковъ, любовью къ своей родинѣ, Россіи, и къ своей русской православной церкви.

Глава 49.

Благотворительность. Высшіе женскіе курсы и дешевыя квартиры. Стасова, Надежда Васильевна; Философова, Анна Павловна, и два слова о Принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ. Моя послѣдняя государственная служба.

Судьбѣ было угодно, чтобы я всю жизнь работалъ въ пользу людей, болѣе или менѣе, страждущихъ.

Началось съ того, что какъ только я окончилъ университетъ и поступилъ на службу, то генералъ-губернаторъ, раньше всякихъ порученій, заставилъ меня работать во вновь учреждаемомъ „Славянскомъ благотворительномъ обществѣ". (По формуляру 25 мая 1845 г.). Затѣмъ я постоянно былъ директоромъ тюремныхъ комитетовъ; въ смоленской арестанской ротѣ я завелъ новые порядки, которые министерство распространило на всю Россію и всѣ роты стали давать по нѣсколько тысячъ дохода, вмѣсто прежнихъ десятковъ или сотень рублей. За это я получилъ Станислава съ короною, не имѣя низшихъ орденовъ. Въ городахъ, въ которыхъ жилъ, я всегда былъ членомъ благотворительныхъ и другихъ обществъ; все это видно изъ моего формуляра. Въ Петербургѣ возился около трехъ лѣтъ съ 24-мя дѣтскими пріютами.

И такъ, постоянно до окончательнаго переѣзда въ деревню, гдѣ, по части благотворительности, я дѣйствую уже только по инерціи.

Между прочимъ, когда въ 70-хъ годахъ, я поселился въ Петербургѣ для воспитанія своихъ сыновей, то дамы сейчасъ же зачислили меня въ свои разнородные штабы, въ томъ числѣ я попалъ подъ начальство двухъ замѣчательныхъ женщинъ, а именно Н. В. Стасовой и А. П. Философовой.

Стасова, въ молодости, получила очень скудное образованіе, но дополнила его въ послѣдствіи усиленнымъ трудомъ, а ея денежныя средства были всегда крайне ограничены. Въ концѣ 70-хъ годовъ это была скромная, тихая, тщедушная старушка подъ шестьдесятъ лѣтъ, неизмѣнно одѣтая въ черное шерстяное платье. Въ засѣданіяхъ она говорила мало, тихо и не охотно, но въ душѣ, она была богатырь, непобѣдимый борецъ на поприщѣ благотворительности, состоящей не въ подачѣ милостины, а въ дѣйствительной матеріальной и духовной помощи тѣмъ, кто нуждался въ ней.

Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ она затѣяла то, что только теперь поставлено, на очередь въ столицахъ, а именно, дешевые квартиры для бѣдныхъ.

На деньги, собираемыя разными путями, были выстроены громадныя зданія на три улицы, занявшія полъ квартала и здѣсь, многосемейныя вдовы и одинокія женщины, за самую низкую цѣну получали квартиру, съ отопленіемъ, съ банею, съ паровою прачешною и всегда готовымъ кипяткомъ для чаю или кофе; въ отдѣльныхъ комнатахъ были швейныя машины для жилицъ и даже для постороннихъ женщинъ.

Обѣдъ стоилъ 20 копѣекъ и былъ настолько обильный, что семейство съ 4—5 человѣкъ брало два обѣда и не голодало, а одинокія оставляли половину на ужинъ.

Кухня, болѣе другихъ отраслей, давала возможность злоупотреблять довѣріемъ, а потому члены общества пріѣзжали иногда около 12 часовъ, провѣряли провизію и счеты, а иногда, не заходя въ кухню, останавливали кого либо

несшаго обѣдъ, садились въ общей столовой и завтракали этимъ 20-ти копѣечнымъ обѣдомъ. Я нѣсколько разъ завтракалъ съ градоначальникомъ генералъ-адъютантомъ Треповымъ, съ камергеромъ княземъ Голицинымъ, съ Стасовой, Философовой и съ другими членами общества. Кушанье было всегда вкусное и безукоризнено чисто приготовленое.

Для больныхъ былъ докторъ, фельдшеръ и даровыя лекарства; за время болѣзни не взыскивалась плата за квартиру и столъ.

Да, это была дѣйствительная помощь не тунеядцамъ, а труженницамъ обездоленнымъ судьбою!

Въ 1867 году Стасова употребила всѣ силы своей богатырской души и своего слабаго тѣла, чтобы дать возможность дѣвушкамъ получать высшее образованіе и отчасти осуществила это, открывъ вечернія лекціи въ зданіи Владимірскаго уѣзднаго училища, а затѣмъ мало по малу при помощи Философовой и другихъ достигла того, что въ 1878 или 1879 году были открыты высшіе женскіе курсы, во главѣ которыхъ, по части наукъ, сталъ професоръ Бестужевъ-Рюминъ (Константинъ Николаевичъ), а всю остальную, весьма сложную организацію, приняли на себя тѣ-же сердечныя женщины, Стасова, Философова, Трубникова, Козлова, и др.

Анна Павловна Философова, во внѣшнемъ мірѣ, составляла совершенную противуположность Стасовой.

Во первыхъ она была красавица, русская красавица въ лучшемъ значеніи этого слова; во вторыхъ, прекрасно образованная и вполнѣ свѣтская женщина; въ третьихъ, жена статсъ-секретаря, главнаго военнаго прокурора, т. е министра юстиціи, по военному вѣдомству.

И что же! Эти двѣ противоположности, эти два антипода, слились въ одно въ духовномъ мірѣ: онѣ были неразлучны во всѣхъ благотворительныхъ дѣлахъ вообще, а въ особенности въ работахъ по вышеописаннымъ двумъ учрежденіямъ.

Въ домѣ дешевыхъ квартиръ Анна Павловна взяла на ебя самую щекотливую часть, а именно наблюденіе за кух-

нею и неоднократно провѣряла со мною счеты повара, эконома, расходъ провизіи, дровъ и т. п.

Однажды, когда я пріѣхалъ къ Философовымъ запросто обѣдать, Анна Павловна была въ отчаяніи; она только что получила извѣщеніе, что завтра Санъ-Гали намѣренъ прислать рабочихъ въ дома дешевыхъ квартиръ, чтобы увезти часть чугунныхъ трубъ и другихъ приспособленій къ паровому отопленію, за которыя ему слѣдовало еще около 8000 руб., а въ кассѣ денегъ не было.

За обѣдомъ, она рѣшилась сейчасъ же сама поѣхать къ злому нѣмцу и убѣдить его разсрочить платежъ. Философовъ сильно противился этому.

Но „ce que femme veut, Dieu le veut“, въ особенности въ добромъ дѣлѣ, и въ 7 часовъ вечера, она подъѣхала со мною къ крыльцу изящнаго, вычурнаго дома-особняка Санъ-Гали. Лакей позвонилъ и приказалъ появившемуся швейцару доложить Санъ-Гали, что пріѣхала генеральша Философова и желаетъ видѣть его.

Спустя нѣсколько минутъ, возвратился швейцаръ и, ставъ на подъѣздѣ громко вѣщалъ, «г. Санъ-Гали проситъ ваше превосходительство пожаловать въ контору, которая во флигелѣ, во дворѣ.

Я вознегодовалъ и крикнулъ кучеру ѣхать назадъ, домой.

Но блистательная Анна Павловна, превратилась въ смиренную Н. В. Стасову, приказала ѣхать во дворъ, пошла по темной, грязной лѣстницѣ въ контору, сказала сторожу вызвать главнаго конторщика и въ общей комнатѣ, стоя, устроила все дѣло; платежъ былъ разложенъ на три срока.

— Вы святая! —воскликнулъ я, выйдя изъ конторы.

— Совершенно вѣрно—отвѣтила она смѣясь—я великая святая, но и великая грѣшница, и больше вторая нежели первая.

Въ дѣлѣ высшихъ женскихъ курсовъ она сдѣлала очень много и помогла быстрому осуществленію этой всеобщей мечты; но она дѣйствовала такъ энергично и проповѣдывала такъ громко, что ей посовѣтовали немного попутешествовать внѣ Петербурга, что она исполнила съ такимъ же сми-

ренiемъ, какъ и требованiе Санъ-Гали, а курсы были уже открыты, т. е. цѣль достигнута.

Въ Россiи эти двѣ женщины, при участiи В. П. Тарновской, Козловой и нѣкоторыхъ другихъ, положили основанiе тому, чѣмъ теперь занятъ весь цивилизованный мiръ.

Я всѣмъ сердцемъ сочуствовалъ имъ, а такъ какъ я не былъ связанъ службою, то имѣлъ возможность помогать имъ, между прочимъ и въ устройствѣ баловъ, лотерей и концертовъ и почти всегда былъ на немъ распорядителемъ, а потому познакомился съ принцемъ Петромъ Георгiевичемъ Ольденбургскимъ, который удостоивалъ эти вечера своимъ присутствiемъ и проводилъ на нихъ часъ или два,

Принцъ нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ; во время бесѣды мы читали записки принца по вопросамъ благотворительности и воспитанiя въ Россiи. Странно, что эти записки, кажется, еще не появились въ печати, хотя нѣкоторыя были вполнѣ обработаны. Принцъ уговорилъ меня заняться дѣтскими прiютами, и для этого опредѣлилъ меня въ собственную Его Величества Канцелярiю, членомъ Совѣта по учрежденiямъ Императрицы Марiи.

Всѣмъ извѣстна свѣтлая личность Принца Петра Георгiевича: онъ всю жизнь свою посвятилъ благу ближнихъ; онъ на свои личныя средства учредилъ училище Правовѣденiя и нѣсколько благотворительныхъ заведенiй и прiютовъ.

Глава 50.

Женскій вопросъ съ совершенно новой точки зрѣнія. Бракъ и безбрачіе. Проектъ законовъ, ставящихъ женщину и мужчину въ нормальное положеніе. (Проектъ составленъ спеціалистомъ).

Еще въ молодости я часто посѣщалъ семейство генерала Карпа Ивановича Коброва, у котораго была дочь Нина, красавица, сильная духомъ и тѣломъ, прекрасно воспитанная и образованная.

Въ нее былъ влюбленъ молоденькій офицеръ Маломинъ, а спустя два года былъ влюбленъ кандидатъ правъ С.; съ обоими я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Прошло около двадцати лѣтъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я узналъ, что дочь генерала здѣсь и тотчасъ отправился къ ней. Она была дѣвицею и вполнѣ сохранила свою душевную, а, отчасти, и тѣлесную красоту. Она прониклась женскимъ вопросомъ, писала о немъ статьи, а жила уроками и переводами.

Послѣ долгой бесѣды я спросилъ:

— Почему вы не вышли замужъ?

— Потому, что какъ меня, такъ и подобныхъ мнѣ, никто не беретъ.

— А влюбленные въ васъ офицеръ Маломинъ и кандидатъ правъ С ? Вѣдь и вы были не равнодушны къ нимъ, а они люди вполнѣ порядочные и образованные.

— Да!—отвѣтила она—хорошіе были люди и хорошія чувства, но зачѣмъ растравлять старыя раны; а если желаете узнать, почему ни тотъ, ни другой не женились на мнѣ, да и ни на комъ, то спросите ихъ самихъ; оба они въ Петербургѣ но не знаютъ, что и я здѣсь и вы не говорите имъ объ этомъ.

Спустя нѣсколько дней я поѣхалъ къ офицеру, уже полковнику.

Послѣ самой сердечной встрѣчи, разсказовъ о войнѣ, въ которой онъ участвовалъ и вообще о прожитомъ и испытанномъ обоими, я коснулся вопроса о бракѣ и полковникъ, за послѣ обѣденнымъ кофе, сказалъ:

— Вы знаете, что къ браку есть два побужденія: первое возвышенное, идеальное, это совмѣстные жизнь и трудъ съ любимою женщиною, семейный очагъ, дѣти, ихъ воспитаніе, надежда видѣть ихъ полезными людьми; второе побужденіе физіологическое, врожденное всякому органическому существу.

— Да я любилъ Нину Карповну—продолжалъ онъ—любилъ ея душу, ея умъ и ея тѣло, и увѣрялъ, что былъ бы счастливъ съ нею, но всѣ мои мечты разбились и погибли отъ недостатка денежныхъ средствъ. Люди, которые занимаются физическимъ трудомъ, женятся рано, своевременно, потому что жена сейчасъ же принимаетъ участіе въ трудахъ, а дѣти съ ранняго возраста; вслѣдствіе этого бракъ не уменьшаетъ средствъ къ жизни; въ нашемъ же, служиломъ сословіи расходы сразу значительно увеличиваются, а жалованіе остается тоже. Притомъ военные должны внести залогъ въ нѣсколько тысячъ рублей.

— Вы видите продолжалъ полковникъ,—что нельзя даже мечтать о семейной жизни офицеру и дѣвушкѣ, которымъ родители дали хорошее образованіе, но не могутъ обезпечить, хотя бы скромное, дальнѣйшее существованіе. Что же касается

выполненія мужчинами физіологическихъ требованій природы, то всѣ правительства народовъ, хотя цивилизованныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и развращенныхъ, довели почти до совершенства организацію проституціи. Мужчина, не женившись въ молодости, невольно втягивается въ холостую жизнь; кутежи, клубы, карты и легкія амурныя побѣды постепенно входятъ въ привычку, а привычка - вторая натура; семейство уже было бы ему въ тягость, какъ и онъ семейству.

Вотъ такъ и живемъ мы попѣваючи, хотя большею частью поются не веселые пѣсни, —сказалъ онъ съ горечью.

Водворилось долгое молчаніе.

И мнѣ, пользующемуся всѣми радостями семейной жизни, стало грустно, при видѣ разбитыхъ кумировъ, потерянныхъ идеаловъ.

— Эй! денщикъ! —вдругъ крикнулъ полковникъ, быстро поднявшись съ кресла—принеси двѣ бутылки шампанскаго!

Этотъ вопросъ сильно заинтересовалъ меня и на другой день вечеромъ, я поѣхалъ къ бывшему кандидату правъ. Передавая лакею мою карточку, я приказалъ доложить „старый знакомый“. Лакей называлъ хозяина „превосходительствомъ“.

Огромный строго-величественный кабинетъ; шкафы съ книгами и одна большая картина; на столѣ шесть свѣчей подъ общимъ абажуромъ, бумаги и книги, но ни фотографической карточки, ни какой либо бездѣлушки. Все серьезно и богато.

Генералъ, блѣдный и лысый, сидѣлъ въ креслѣ и съ недоуменіемъ смотрѣлъ на вошедшаго, затѣмъ вяло, нехотя, не трогаясь съ мѣста, протянулъ мнѣ руку и пробурчалъ: — да припоминаю садитесь, —а самъ откинулся на спинку кресла и закрылъ глаза, очевидно ожидая, чтобы я объяснилъ, зачѣмъ это я побезпокоилъ государственнаго мужа.

Видя такой пріемъ, я, стоя, безъ обиняковъ, громко и рѣзко, сказалъ:

— Вы любили Коброву и были любимы ею, однакоже ведете безбрачную жизнь, почему же вы не женились и не женится въ молодыхъ годахъ громадное большинство людей нашего круга? Этимъ они порождаютъ въ образованномъ

классѣ женскій пролетаріатъ, а въ низшемъ классѣ проституцію. Почему это?

— Дѣвушки высшихъ класовъ, ненаходя примѣненія тому, чѣмъ одарила ихъ природа, мечутся, какъ львицы въ клѣткѣ и гибнутъ, какъ мощный дубъ, изъѣденный червями; а дѣвушекъ низшихъ класовъ вы губите шутя и бросаете въ помойную яму, какъ бѣлую, но уже грязную перчатку, въ которой вы танцовали всю ночь; а между тѣмъ эта дѣвушка, можетъ быть уже стала матерью, такого же человѣка какъ вы, матерью вашего ребенка.

— Законы божескіе и человѣческіе, цивилизація, совѣсть все погрязло вмѣстѣ съ вами, а высоко надъ вами стоитъ, и съ презрѣніемъ смотритъ на васъ, все царство животныхъ, въ которомъ каждая особь имѣетъ свое гнѣздо, свою семью, свой „домашній очагъ" и печется о своемъ дѣтищѣ.

Помолчавъ, я сѣлъ и продолжалъ уже спокойно.

— Какъ выйти изъ этого позорнаго положенія? Вы находитесь въ этомъ положеніи, а потому лучше меня и и всѣхъ семейныхъ можете отыскать причины этого ненормальнаго явленія и выработать проектъ новыхъ соціальныхъ и физіологическихъ отношеній двухъ половъ въ среднемъ классѣ населенія.

Лицо генерала выражало сначала удивленіе, а потомъ страхъ, не сумасшедшій ли я. Пристально смотря на меня, онъ даже подался впередъ и положилъ руку на кнопку электрическаго звонка. Но при послѣднихъ словахъ онъ откинулся па спинку кресла и задумался.

— Словами „выработать проэктъ", сказалъ онъ наконецъ, вы коснулись моей спеціальности; вѣдь вотъ уже около 15-ти лѣтъ я занимаюсь почти исключительно составленіемъ проектовъ; всѣ реформы по нашему вѣдомству выработаны мною, и я участвую во многихъ комисіяхъ, приготовляющихъ проекты преобразованій по всѣмъ вѣдомствамъ.

Возбужденный вами вопросъ очень интересенъ, а такъ какъ эту недѣлю я почти свободенъ, то въ субботу вечеромъ привезу вамъ набросокъ проекта законовъ, ставящихъ въ болѣе нормальныя отношенія оба пола въ среднемъ классѣ

населенія, и постараюсь собрать нѣкоторыя данныя какъ для этого вопроса, такъ и относящіяся къ проституціи.

Когда я всталъ и хотѣлъ прощаться, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:—Не уходите, напьемся вмѣстѣ чаю.— Простите мой пріемъ; я превратился въ сухого, черстваго старика и въ чиновника до мозга костей, однакоже вашъ жгучій вопросъ задѣлъ меня за живое. Вѣроятно еще не совсѣмъ потухла та свѣтлая искра, которая такъ ярко горѣла во мнѣ тогда, когда вы близко знали меня, а потому я постараюсь отвѣтить на вашъ вопросъ съ такою же теплотою, какъ отвѣтилъ бы двадцать лѣтъ тому назадъ.

Я напишу приговоръ самому себѣ; но вопросъ такъ, серьезенъ, что придется пожертвовать своимъ самолюбіемъ.— Надѣюсь, что моя фамилія не будетъ нигдѣ упомянута вами, закончилъ онъ, ведя меня въ столовую.

Въ субботу вечеромъ онъ привезъ мнѣ записку подъ заглавіемъ:

„Нѣкоторыя соображенія о бракѣ и безбрачіи. Набросокъ, изъ котораго могутъ быть выработаны новые законы".

Печатаю безъ всякихъ измѣненій эту „Записку специалиста".

Воспроизведеніе себѣ подобныхъ существъ есть тайна, непостижимая человѣческому уму; мы только знаемъ, что Творецъ вселенной возложилъ на всѣ органическія существа мужескаго пола обязанность засѣвать сѣмена подобныхъ себѣ существъ, а потому никакіе человѣческіе законы немогутъ отклонить мужчину отъ исполненія этой обязанности.

Но правительства всѣхъ христіанскихъ государствъ Европы приняли всѣ мѣры, чтобы затруднить мужчинамъ среднихъ классовъ населенія, вступленіе въ бракъ въ нормальномъ возрастѣ, указанномъ природою. Однимъ это просто запрещено, другимъ крайне затруднено, третьихъ обуздываетъ, давая столь скудныя средства къ жизни, что на нихъ нельзя существовать двоимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, зная что мужчина не можетъ побороть требованій природы, всѣ правительства Европы взяли подъ свое покровительство дома разврата, выдаютъ женщинамъ

свидѣтельства на право проституціи и не наказываютъ за прелюбодѣяніе, хотя одну изъ основъ христіанскаго ученія составляютъ заповѣди:

„Не укради, не убей, не прелюбодѣйствуй, не пожелай жены ближняго твоего“.

Но всѣ правительства, строго карая за два первые преступленія, не только не наказываютъ за два вторыя, но прямо и косвенно поощряютъ ихъ.

Пользуясь этимъ, мужчины, не женившись своевременно, губятъ невинныхъ дѣвушекъ. Изъ многихъ тысячъ нашей прислуги, громадное большинство потеряло невинность „по любви“, т. е. мужчина своимъ ухаживаніемъ, своими дѣйствіями и словами доводитъ дѣвушку до того состоянія „мистически—таинственнаго“, какъ выражается В. В. Розановъ, т. е. до той степени половаго раздраженія, до того экстаза, при которомъ не многія органическія существа женскаго пола въ силѣ отказать существу мужскаго пола, въ удовлетвореніи его желаніи; это тотъ же гипнотизмъ.

По вѣрному описанію графа Л. Толстого въ такомъ физіологическомъ и психическомъ состояніи была Катюша, когдя Нехлюдовъ несъ ее на рукахъ въ свою комнату, а во что превратилось это чудное божіе созданіе послѣ одной счастливой ночи?

Также губятъ дѣвушекъ всѣ мужчины, не женившіеся своевременно.

Чтобы ясно видѣть результаты такого отношенія всѣхъ законодательствъ Европы къ заповѣдямъ Христа, возьмемъ для примѣра Петербургъ, который, въ этомъ отношеніи, мало отличается отъ другихъ столицъ.

Въ Петербургѣ зарегистровано у христіанъ на 100 рожденій 50 незаконнорожденныхъ, а у мусульманъ и евреевъ на 200 рожденій 1 незаконнорожденный („Новое Время„ № 3917).

Такая поразительная разница происходитъ, во первыхъ отъ того, что магометане и евреи не принадлежатъ къ тѣмъ классамъ населенія, которымъ запрещенъ или затрудненъ бракъ; во вторыхъ потому, что они вообще подчиняются не столько своду законовъ, сколько законамъ своего племени, а строгіе блюстители этихъ законовъ муллы и раввины, требуютъ

браковъ въ раннемъ возрастѣ и строго преслѣдуютъ всякое прелюбодѣяніе.—Точно также, на дняхъ, общее присутствіе Терскаго казачьяго войска, разсматривая предложенный правительствомъ вопросъ о воспрещеніи казакамъ жениться до 25 лѣтняго возраста, единогласно постановило оставить по прежнему, т. е. разрѣшить вступать въ бракъ тотчасъ по достиженіи зрѣлости, потому что при раннихъ бракахъ почти не бываетъ ни разврата, ни сифилиса, ни незаконнорожденныхъ.

Оказывается, что изрѣченіе „Ex oriente lux" совершенно вѣрно и Европа должна бы слѣдоватъ примѣру востока.—Баварія уже послѣдовала ему, а именно, пока ранніе браки были запрещены или затруднены, былъ 21% незаконнорожденныхъ, а послѣ отмѣны этихъ законовъ число ихъ быстро уменьшилось до 10% и продолжаетъ уменьшаться.

Всѣ эти цыфры, факты и примѣры вполнѣ доказываютъ, что ранніе браки полезны какъ съ нравственной, такъ и съ государственной точки зрѣнія.

Противъ раннихъ браковъ теоретики говорятъ, что, во первыхъ, семейство будетъ мѣшать учащемуся—заниматься наукою, военному—исполнять свои обязанности, прилично одѣваться и т. п. Но это пустыя слова, потому что, напротивъ, жена во всемъ поможетъ мужу, такъ какъ съ этимъ связаны ея личные интересы, да и законодательство должно принять это въ соображеніе. Во вторыхъ, говорятъ, что при раннемъ бракѣ женихъ и невѣста не могутъ близко узнать другъ друга, а потому будетъ много несчастныхъ браковъ. Но у евреевъ, у магометанъ и у лютеранъ. которые женятся тоже очень рано, разводъ не связанъ ни съ расходами, ни съ хлопотами, между тѣмъ, изъ очень точныхъ и вѣрныхъ справокъ видно, что у нихъ почти никогда не бываетъ развода. Наконецъ, получить отдѣльный видъ на жительство легко, однакоже весьма не многія женщины воспользовались этимъ закономъ и то, какъ оказалось по справкѣ, около половины вышедшія замужъ за пожилыхъ мужчинъ.

Очевидно, что ранніе браки не порождаютъ семейныхъ раздоровъ.

Напротивъ, при раннемъ бракѣ, совмѣстный трудъ,

общіе интересы, цѣли и идеалы двухъ людей, еще только начинающихъ жить, скрѣпляютъ ихъ личныя отношенія и ихъ семейныя узы; для нихъ бракъ, это первый шагъ на жизненномъ поприщѣ, а чѣмъ раньше человѣкъ вступаетъ нэ какое либо поприще, тѣмъ легче и прочнѣе онъ усваиваетъ всѣ обязанности, связанныя съ нимъ.

Если будетъ признано, что все вышеизложенное вѣрно, а потому ранніе браки желательны, то тѣ, на кого работаетъ человѣкъ, должны дать средства къ существованію не только ему, но и его семейству, то-есть семейному платить, деньгами или иначе, больше, нежели холостому за ту-же работу; разумѣется постоянную, не по штучную или поденную,

Дикая мысль! скажутъ теоретики; а между тѣмъ на фабрикахъ и въ сельскомъ хозяйствѣ не только заграницею, но и въ Остзейскихъ и Привислянскихъ губерніяхъ, холостые рабочіе живутъ въ общей казармѣ, ѣдятъ изъ одной чашки; у нихъ одна печь и лампа, а каждый женатый имѣетъ отдѣльное помѣщеніе, съ отдѣльною печью и лампою, имѣетъ право держать корову, или ему дается хозяйская; имѣетъ огородъ, который обрабатываетъ хозяйскимъ инвентаремъ, даровую школу для дѣтей, лекарства для всего семейства и т. д., такъ что онъ стоитъ гораздо дороже холостого; однакоже, очевидно, что это выгодно хозяину, если всѣ стараются заполучить семейныхъ рабочихъ и что это справедливо, если холостые не протестуютъ.

Робкіе шаги въ этомъ направленіи сдѣлало морское вѣдомство, давая офицерамъ, кажется по 200 рублей на каждаго ребенка.

А потому было бы вполнѣ справедливо, еслибы женатые гражданскіе и военные чины получали на одну треть больше холостыхъ. Возьмемъ для примѣра губернаторовъ; всѣ они получаютъ по 10.000 руб., холостому положительно некуда дѣвать этихъ денегъ, а семейные едва сводятъ концы съ концами; очевидно, что было бы гораздо логичнѣе и гуманнѣе давать одинокимъ 8.000, а семейнымъ 12.000 рублей

Тоже на всѣхъ поприщахъ военной, гражданской и

общественной службы. Желательно, чтобы этому примѣру послѣдовали добровольно или по требованію закона, и всѣ, нуждающіеся, въ постоянной работѣ посторонних лицъ.

Кромѣ того слѣдовало бы обратить вниманіе еще на одинъ вопросъ, а именно, почему всѣ правительства, въ томъ числѣ и наше, платятъ, напримѣръ: губернатору, директору департамента, военному генералу и т. п. чуть не пятнадцать разъ больше нежели даже кандидату правъ, уже поступившему на службу и офицеру, даже окончившему академію?

На это отвѣчаютъ что: во 1-хъ, это есть награда за долгую службу и что на высшихъ чиновникахъ лежитъ болѣе серьезная отвѣтственность, а потому должно быть и большее вознагражденіе. Это совершенно вѣрно, но въ 15 разъ больше. Это уже слишкомъ много. Вообще жалованье увеличивается не постепенно, а большими скачками. При томъ, никто изъ старшихъ не можетъ все дѣлать самъ, а потому ихъ помощники должны бы получать вознагражденіе во всякомъ случаѣ не въ пятнадцать разъ меньше, нежели тѣ, кому они помогаютъ не въ роли солдатъ или сторожей, а умственнымъ и тоже отвѣтственнымъ трудомъ. Молодые офицеръ и чиновникъ также строго отвѣчаютъ за всякій промахъ, какъ и старшіе чинами. Во 2-хъ,—что у лица, занимающаго высшій постъ, есть неизбѣжные расходы на представительство. И это вѣрно, но не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ; остальные же, обыденные расходы почти одинаковы у всѣхъ культурныхъ людей: всѣмъ имъ нужна одинаковая здоровая пища, какъ для ума, такъ и для тѣла. И въ 3-хъ, что высшіе сановники уже семейные, а младшіе чины холостые. Это и есть источникъ зла, о которомъ мы говоримъ и это губитъ мужчинъ и женщинъ. Именно молодые должны быть семейны съ первыхъ шаговъ службы, чтобы серьезно смотрѣть на жизнь, а потому и серьезно работать, какъ въ помощь старшимъ, такъ и для подготовленія себя къ болѣе обширному поприщу. Легкомысленное отношеніе къ жизни и къ дѣлу въ молодости служитъ плохимъ фундаментомъ будущей дѣятельности.

Общій выводъ изъ вышеприведенныхъ фактовъ и соображеній слѣдующій:

Во 1-хъ, молодымъ офицерамъ и чиновникамъ должно-бо быть увеличено жалованье изъ средствъ государства или чрезъ уменьшеніе жалованья старшихъ. Тоже и въ общественныхъ учрежденіяхъ.

Во 2-хъ, изъ общей суммы, назначенной государственнымъ бюджетомъ на содержаніе всего вѣдомства, женатые всѣхъ безъ исключенія ранговъ, состоящіе на военной, гражданской и общественной службѣ, должны бы получать на одну треть больше нежели холостые, а при вступленіи въ бракъ до 25-ти лѣтняго возраста, должны-бы получать полугодовой окладъ жалованья не въ зачетъ.

Это должно бы относится и къ получающимъ стипендіи воспитанникамъ учебныхъ заведеній.

И въ 3-хъ, послѣ изданія этихъ двухъ законовъ, должны-бы подлежать строгому наказанію всѣ виды проституціи и всякое прелюбодѣяніе, о которомъ правительство получило достовѣрныя свѣдѣнія, (напримѣръ при бракоразводныхъ дѣлахъ), не ожидая жалобъ одной изъ сторонъ.

Можетъ явиться вопросъ, не задержатъ ли новые законы стремленія дѣвушекъ къ полученію высшаго или спеціальнаго образованія?

Всякій здравомыслящій человѣкъ сочувствуетъ и, по возможности, содѣйствуетъ полученію женщинами не только средняго, но и высшаго или спеціальнаго образованія; но теперь громадное большинство дѣвушекъ стремиться къ этому исключительно для того, чтобы по окончаніи образованія снискивать себѣ пропитаніе, или чтобы пріобрѣсти хотя какое либо соціальное положеніе, а послѣ изданія вышеуказанныхъ законовъ, когда большинство дѣвушекъ будетъ своевременно выходить замужъ, то онѣ, какъ и замужнія женщины, будутъ заниматься высшими или спеціальными науками, во 1-хъ, если чувствуютъ призваніе къ нимъ, или къ литературѣ, къ поэзіи, и дай Богъ, чтобы было больше такихъ женщинъ; во 2-хъ, если пожелаютъ помогать мужу

своимъ заработкомъ или лично ему, своимъ умственнымъ трудомъ и въ 3-хъ, если, по врожденной каждой женщинѣ материнской любви, пожелаютъ быть полезными руководительницами своихъ будущихъ или же наличныхъ дѣтей.

Тогда высшее или спеціальное образованіе будетъ имѣть серьезную, ясно опредѣленную цѣль, вполнѣ согласную съ законами природы.

Что же касается поднятаго теперь женщинами вопроса о ихъ равноправности съ мужчинами на всѣхъ поприщахъ, то эти новые законы не помѣшаютъ рѣшенію этого вопроса, не помѣшаютъ его торжеству и осуществленію, или его паденію и забвенію.

Въ заключеніе приведу замѣчательный отвѣтъ г. юрисконсульта при м-вѣ юстиціи Д. А. Дриля на вопросъ Казанскаго общества защиты женщинъ; онъ пишетъ: „пока будутъ существовать покупщики грѣшнаго человѣческаго тѣла и продавщицы его, до тѣхъ поръ будетъ существовать и проституція".

Предлагаемая нами радикальная мѣра почти уничтожитъ первыхъ, а потому и вторыхъ.

Глава 51.

Итогъ моей государственной службы. Служба предводителемъ дворянства. Смута среди башкиръ. Мусульманское духовенство. Земскiе начальники.

Во всю мою долгую жизнь я былъ на дѣйствительной государственной службѣ около 24 лѣтъ, но жалованье получалъ всего въ теченiи около 15 лѣтъ.

За службу были пожалованы мнѣ особыми Высочайшими повелѣнiями: чинъ дѣйств. ст. совѣтника, пенсiя равная жалованью, которое я получалъ на службѣ и уфимская земля. Это послѣднее тоже относится къ характеристикѣ минувшаго времени, такъ какъ теперь уже, кажется, убѣдились, что изъ чиновника не можетъ выйдти хлѣбопашецъ, у него нѣтъ для этого ни охоты, ни знанiи, ни денегъ; изъ ста, едва одинъ поселился на пожалованной ему землѣ.

Когда я окончательно переѣхалъ въ Уфимское имѣнiе, то вскорѣ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею и предводителемъ дворянства.

Въ 1894 и 1895 годахъ въ Уфимской губернiи были введены четыре реформы и это совпало съ новымъ избранiемъ меня въ предводители и съ прiѣздомъ новаго губернатора, Николая Христофоровича Логвинова, ботатаго

пензенскаго помѣщика, которому губернія обязана тѣмъ, что всѣ рефо_мы, отразившіяся на жизни народа, прошли стройно и всѣ сразу стали на твердую, уже незыблемую почву.

Реформы эти слѣдующія: окружный судъ, институтъ земскихъ начальниковъ, казенная продажа питей, и переходъ тюремъ въ вѣдѣніе министерства юстиціи. Въ одно время съ этимъ появились смуты среди башкиръ; разскажемъ сначала объ этихъ смутахъ:

Уже въ теченіи около двухъ лѣтъ, какія то неизвѣстныя личности, даже по костюму отличающіяся отъ мѣстныхъ башкиръ, шатались по деревнямъ, жили у муллъ и распостраняли слухъ, то о поголовномъ крещеніи всѣхъ мусульманъ, то объ отнятіи у нихъ земли и т. п., и приглашали башкиръ переселяться въ Турцію или въ Персію. Полиц'я, разумѣется, не обращала вниманія на это (см. глава 8), между тѣмъ дошло до того, что собираясь эмигрировать одни уже распродали свое имущество, другіе не посѣяли хлѣба.

Узнавъ объ этомъ, новый губернаторъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, приказалъ собрать всѣхъ муллъ въ нѣсколько пунктовъ, объѣхалъ ихъ, дѣлалъ мулламъ строгое внушеніе, двухъ посадилъ въ острогъ и волненія исчезли безъ войскъ и стрѣльбы, какъ это практиковалось раньше и позже, въ той же Уфимской губерніи.

Надо объяснить значеніе муллъ. Нѣтъ ни одной самой маленькой деревеньки безъ мечети, муллы и его помощниковъ, а въ большихъ деревняхъ, по пяти и шести мечетей, каждая съ полнымъ причтомъ. Мулла для народа все; онъ судья, докторъ, учитель мальчиковъ и блюститель нравственности всего населенія, а вслѣдствіе этого онъ хозяинъ, начальникъ деревни. У него нѣтъ никакой юридической власти, но община, т. е. старики строго наказываютъ, даже сѣкутъ розгами того, кто ослушался муллы, хотя это случается рѣдко, потому что всякій съ колыбели привыкъ признавать муллу своимъ полнымъ властелиномъ; смѣшно, но и умилительно видѣть, когда солдатъ татаринъ поетъ русскую, не цензурную пѣсню и подплясываетъ, выпуская клубы дыма, а увидѣвъ издали идущаго муллу или его помощника, бы-

стро зарываетъ въ землю папироску и превращается въ самаго скромнаго, благообразнаго человѣка.

Надо отдать справедливость мулламъ въ томъ, что съ одной стороны, вслѣдствіе ихъ вліянія, въ народѣ нѣтъ разврата, нѣтъ ни сифилиса, ни незаконнорожденныхъ, а пьютъ водку и курятъ только солдаты и то далеко не всѣ; съ другой стороны муллы не злоупотребляютъ своею властью; они, по закону Магомета, имѣютъ право на десятый снопъ всякаго хлѣба, но никогда не требуютъ его, а получаютъ незначительную часть урожая, какъ добровольное пожертвованіе и только отъ богатыхъ; они не требуютъ платы за требы и не спорятъ, когда, даже состоятельный башкиръ, даетъ имъ 2 или 5 копѣекъ за вѣнчаніе или похороны; мулла большею частью, собственноручно пашетъ и производитъ всѣ работы; но это не отвлекаетъ его зимою отъ школы, въ которую ходятъ всѣ безъ исключенія башкирскія мальчики.

Какъ въ польскихъ семействахъ въ Россіи (но не въ царствѣ польскомъ и не заграницею), ксендзъ есть самый почетный гость и безъ его совѣта не рѣшается ни одинъ семейный вопросъ вообще, а въ особенности касающійся воспитанія дѣтей, браковъ и т. п., точно также у евреевъ раввинъ, а у мусульманъ мулла тоже самый почетный гость и уважаемый человѣкъ, какъ въ низшемъ, такъ и въ высшемъ классѣ населенія.

Съ религіозной и нравственной точки зрѣнія такое вліяніе духовенства весьма желательно, но съ точки зрѣнія политической, а также цивилизаціи оно крайне вредно.

Вслѣдствіе вліянія ксендзовъ, все болѣе и болѣе ополячивается дворянство западныхъ губерній, когда-то православное и знавшее только русскій языкъ, на которомъ и написаны всѣ прежніе государственные акты.

Вслѣдствіе вліянія раввиновъ, евреи не слились съ жителями западныхъ губерній, хотя живутъ съ ними чуть не тысячу лѣтъ, они нигдѣ, на всемъ земномъ шарѣ, не стали землепашцами, а продолжаютъ жить „манною“, но не небесною, а выжатою изъ пота и крови народа, оказавшаго имъ гостепріимство, хотя въ сущности, еще ни одинъ на-

родъ добровольно не оказывалъ имъ гостепріимства, а приставляли къ народу этихъ піявокъ правители государствъ по своей слабости или изъ личныхъ, корыстныхъ видовъ.

Наконецъ мусульмане. Они появились на земномъ шарѣ въ то время, когда римская имперія и ея цивилизація уже исчезли въ волнахъ нахлынувшихъ варваровъ, а христіанская цивилизація была только въ зародышѣ. Воспользовавшись этимъ междуцарствіемъ въ духовномъ мірѣ, магометане огнемъ и мечемъ завоевали востокъ до середины Китая и западъ до Испаніи и у нихъ появились зачатки наукъ, поэзіи и искусствъ, но прогрессъ не совмѣстимъ съ основами ихъ религіи, а потому, какъ только распространилось христіанство съ его чистыми, возвышенными догматами, фанатическое мусульманское духовенство заковало въ стальную броню свое матеріалистическое міровоззрѣніе и, на всемъ земномъ шарѣ не допускаетъ свои паствы на путь къ цивилизаціи. Даже противодѣйствуютъ привитью оспы, всякому леченію, изученію государственнаго языка и т. п.

И такъ, ксендзы, раввины и муллы, это самодержавные вершители судебъ своихъ паствъ. Русское правительство относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и даже съ нѣжностью между прочимъ платитъ ксендзамъ большее жалованье нежели православнымъ священникамъ, а министръ финансофъ, С. Ю. Витте, говорятъ строитъ полякамъ костелы въ Харбинѣ; правительство ни въ какомъ видѣ не контролируетъ дѣятельности этихъ трехъ властелиновъ, во всѣхъ школахъ, въ которыхъ они воспитываются, всѣ науки преподаются имъ на языкахъ не понятныхъ правительству и разумѣется преподаются въ духѣ временъ Яна Собесскаго, въ духѣ Талмуда и въ духѣ временъ Магомета II, завоевателя Восточной имперіи.

И вдругъ, послѣ нѣсколькихъ столѣтій самодержавія и неприкосновенности муллъ, губернаторъ приказалъ собрать ихъ въ опредѣленные пункты, чрезъ которые онъ собирался проѣзжать, дѣлалъ имъ очень строгое внушеніе, а двухъ посадилъ въ острогъ.

Эфектъ былъ поразительный и муллы поняли, что они не въ Аравіи и не среди кочующихъ племенъ, а въ одномъ

изъ европейскихъ государствъ, которыя дозволяютъ каждому свободно исповѣдывать религію своихъ предковъ, но не допускаютъ государства—въ государствѣ, а тѣмъ болѣе возмущенія народа.

Скажемъ теперь о реформахъ одновременно введенныхъ въ губерніи.

Для открытія окружнаго суда министръ Н. В. Муравьевъ привезъ съ собою около двадцати чиновниковъ разныхъ рангОвъ; дѣлать имъ было нечего, но открытіе суда и обѣды были очень торжественны, а благодаря распоряженіямъ губернатора, новое учрежденіе не встрѣтило никакихъ затрудненій при исполненіи своихъ функцій въ уѣздахъ; вся полиціи была къ услугамъ суда и онъ сталъ прочно во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, главнымъ образомъ, вслѣдствіе весьма удачнаго подбора всѣхъ служащихъ, снискавшихъ сразу всеобщую симпатію.

Остальныя реформы близко касались предводителей дворянства, въ числѣ которыхъ былъ и я.

Со введеніемъ казенной продажи питей, закрылось питейное присутствіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ предводитель дворянства; реформа эта имѣла крупное значеніе для сельскаго населенія, потому что деревни, въ которыхъ были питейныя заведенія лишились отъ 200 до 1000 рублей, получаемыхъ отъ содержателя заведенія. Предводитель дворянства, какъ предсѣдатель крестьянскаго присутствія, руководилъ крестьянами между прочимъ и относительно употребленія этихъ денегъ и въ большинствѣ случаевъ они шли на уплату недоимокъ и на поправленіе быта населенія.

Теперь казна продаетъ водку и тратитъ въ пользу крестьянъ почти столько же, но платитъ имъ не деньгами, а даетъ имъ назидательныя чтенія съ туманными картинами, дешевый чай и т. п. Съ нравственной стороны это, разумѣется, прекрасно, а съ матеріальной—покажетъ опытъ.

Переходъ тюремъ въ министерство юстиціи только номинальный; въ тюремныхъ комитетахъ, по прежнему предсѣдательствуютъ почти вездѣ предводители дворянства, остались тѣ-же члены комитета и директора, исправникъ также хозяйничаетъ и въ тюрьмѣ.

Четвертое, самое важное для народа преобразованіе, это институтъ земскихъ начальниковъ, введенный тогда-же.

Но съ этимъ новымъ учрежденіемъ, во всей Россіи вышелъ курьезъ: въ Высочайшемъ повелѣніи 12 іюля 1889 года, кратко и ясно сказано, что обязанности земскихъ начальниковъ состоятъ въ упроченіи благосостоянія населенія и повелевается: „*Выработать проекты соотвѣтствующихъ законовъ*".

Но эти *законы не выработаны* и по нынѣ, *въ теченіи 14 лѣтъ*, а для руководства земскихъ начальниковъ напечатано: „Собраніе узаконеніи о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ".

Уже само заглавіе доказываетъ непригодность этой книги для совершенно новаго учрежденія, такъ какъ въ ней приведены законы, относящіеся къ мировому посреднику, обязанность котораго была мирнымъ образомъ согласовать интересы помѣщиковъ съ интересами крестьянъ, а этого уже теперь не требуется; законы относящіеся къ члену крестьянскаго присутствія, который былъ одинъ на весь уѣздъ, а земскихъ начальниковъ около пятнадцати, очевидно что и функціи ихъ другія; законы относящіеся къ мировому судьѣ, который разбиралъ дѣла, перешедшія теперь въ четыре отдѣльныя учрежденія и т. п.

Разумѣется, что въ этомъ „Собраніи узаконеній" нѣтъ возможности разобраться, а потому министерство напечатало эту книгу шестью шрифтами, обозначая ими предметы болѣе важные, и еще болѣе важные и менѣе важные до самыхъ не важныхъ и т. д; но это не помогло дѣлу и несмотря на мои разъясненія, каждый земскій начальникъ смотрѣлъ на свои обязанности съ особой точки зрѣнія, такъ что пришлось подождать, чтобы они сами оріентировались въ этомъ новомъ для нихъ дѣлѣ.

По прошествіи около года я тщательно обревизовалъ около двадцати волостныхъ правленій и судовъ, причемъ оказалось, что два земскихъ начальника приблизились къ основнымъ требованіямъ указа 12 іюля 1889 года, большинство же держалось того мнѣнія, что они только судьи, а благосостояніе сельскаго населенія не ихъ дѣло.

Тогда я, на 14 листахъ сообщилъ всѣмъ земскимъ начальникамъ моего уѣзда результаты ревизіи, указывая на все то, что вопреки смыслу Высочайшаго повеленія не исполнено ими. многіе убѣдились въ справедливости моихъ указаній и серьезно принялись за дѣло, за настоящее дѣло, для котораго и былъ учрежденъ новый институтъ, но нѣкоторые остались при своемъ мнѣніи, пока наконецъ распоряженія послѣднихъ лѣтъ не убѣдили ихъ, что главная ихъ обязанность состоитъ именно въ упроченіи благосостоянія сельскаго населенія.

Теперь, когда уже набралось много новыхъ законовъ и огромное количество разъясненій министровъ и сената, пора бы наконецъ составитъ и напечатать особое Положеніе или Руководство, т. е. законы спеціально относящіеся къ земскимъ начальникамъ и этимъ, прямо и ясно указать имъ ихъ обязанности, ихъ права и цѣль ихъ существованія въ государствѣ вообще, а среди народа въ особенности.

Пора! Сто милліоновъ землепашцевъ ждутъ, не дождутся этого.

Глава 52.

Сочиненія мои въ послѣднее время. (О предъидущихъ упоминается въ главахъ 12, 21 и 47.

Хотя цѣль этой книги не выяспеніе моей скромной личности, а общая характеристика середины и конца минувшаго столѣтія, но такъ какъ я приступилъ къ этому труду вслѣдствіе запроса г. редактора „Біографическаго Словаря“, то считаю не лишнимъ сказать здѣсь о чемъ именно я писалъ въ послѣднее время.

Въ 1884 году я напечаталъ брошюру; „Новые Законы о наймѣ рабочихъ“ (Два изданія быстро разошлись);

Одновременно съ печатаніемъ этой брошюры, я послалъ въ „Московскія Вѣдомооти“ статью, въ которой указалъ недостатки новыхъ законовъ. М. Н. Катковъ взялъ мою, рукопись съ собою въ Петербургъ, прочелъ ее въ вагонѣ и находя замѣчанія правильнымъ, лично передалъ ее г. министру внутреннихъ дѣлъ. Спустя мѣсяцъ я получилъ оффиціальную бумагу, которую г. министръ извѣстилъ меня, что вмѣстѣ съ этимъ онъ потребовалъ отъ земствъ ихъ мнѣніе о новыхъ законахъ, и что моя записка будетъ разсматриваться въ совокупности съ отвѣтами земскихъ управъ.

Тогда же я напечаталъ брошюру: „*Гдѣ долженъ дыть*

построенъ третій мостъ въ Петербургѣ". Проектъ мой такъ понравился жителямъ Петербургской Стороны, что они подали городскому головѣ прошеніе о постройкѣ именно этого моста.

Прошеніе подписало 1800 домовладѣльцевъ. Такого прошенія, такого плебисцита небыло въ Россіи, ни раньше, ни позже.

Но тогдашнею думою руководилъ Санъ-Галли, а этотъ мостъ шелъ въ разрѣзъ съ его личными интересами, такъ что слабый, подчиненный ему и его партіи городской голова Иванъ Ильичъ Глазуновъ, по ихъ требованію даже не доложилъ думѣ этого необычайнаго прошенія. Я вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга, а вопросъ о мостѣ не возбуждался въ теченіи 15 лѣтъ, и мнѣ не извѣстно какая судьба постигла это прошеніе.

Уже живя въ деревнѣ, въ 1888 и 89 г. г. я помѣстилъ подъ псевдонимомъ „Ermite de l'Oural" (Отшельника на Уралѣ) рядъ статей во французской газетѣ „Le Dèsarmement", („Разоруженіе"), въ которой Гладстонъ и Папа Левъ XIII напечаталъ свои похвалы и благодарность основателю газеты, а сотрудниками были всѣ тѣ, кто въ Европѣ и въ Америкѣ сочуствовалъ міру и разоруженію.

Изъ статей помѣщаемыхъ мною въ газетѣ въ теченіи двухъ лѣтъ, была составлена брошюра и я послалъ ее, при письмахъ, всѣмъ царствующимъ особамъ въ Европѣ и ихъ первымъ министрамъ, а также Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, тоже при письмѣ за моею подписью.

За эти статьи, въ 1890 году, на Международномъ Конгресѣ въ Парижѣ, я былъ избранъ Вице-Президентомъ Лиги-Мира.

Въ 1891 году я написалъ, а въ январѣ 1892 г. напечаталъ въ „La Nouzelle Revue" журналѣ госпожи Аданъ, подъ тѣмъ же псевдонимомъ, статью „L'Alliance Franco-Russe," („Союзъ Франціи съ Россіею"), статья эта тогда же была напечатана отдѣльною брошюрою въ Парижѣ и разошлась въ громадномъ количествѣ, а также разослана мною тѣмъ же Государямъ и министрамъ.

Брошюра эта начинается словами: „La France doit choisir entre la Russe, et l' Angleterre," (Франція должна сдѣ-

лать выборъ между Россiею и Англiею), а въ дальнѣйшемъ изложенiи я стараюсь склонить Фрацiю къ союзу съ Россiею. Въ тоже самое время новый англiйскiй посолъ, Лордъ Дюфферинъ, прiѣхалъ въ Парижъ и оффицiально, отъ имени правитетьства, предложилъ Францiи дружбу Англiи и союзъ съ нею Президентъ республики Карно принялъ посланника съ особымъ почетомъ.

А. С. Суворинъ, въ передовой статьѣ „Новаго Времени“ отъ 10 Марта 1892 года, сопоставляетъ эти два предложенiя сдѣланныя Францiи и говоритъ:

„Интересно кого послушаетъ Францiя: «Отшельника ли „на Уралѣ, автора брошюры „L'Atliance Franco-Russe“ (т. „е. меня) или англiйскаго посланника“?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ извѣстенъ всему мiру.

Въ 1893 году я напечаталъ брошюру „*О дворянствѣ въ Россiи*“, за нею признали то достоинство, что еще первый разъ были сгрупированы всѣ нужды дворянства.

Въ 1896 г. напечаталъ „*Посланiе къ дворянамъ центральной Россiи*“.

Въ 1897 г. „*Особое совѣщанiе по дворянскимъ дѣламъ*“.

Въ 1899 г. „*Сословiя въ древней и современной Россiи, ихъ положенiе и нужды*“ („*О центрѣ*“.)

Около 2000 экземпляровъ каждой изъ этихъ четырехъ послѣднихъ брошюръ, я разослалъ, посредствомъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, дворянамъ центральной Россiи и рузумѣется всѣмъ членамъ „Особаго Созѣщанiя по дворянскимъ дѣламъ“, какъ только оно было образовано и во время его трудовъ, также всѣмъ сановникамъ, многимъ чиновникамъ Петербурга и провинцiи и редакцiямъ консервативныхъ газетъ. Всѣ редакцiи сочуственно отзывались о первой и о послѣдней изъ этихъ четырехъ брошюръ, какъ имѣющихъ общее, государственное значенiе, а нѣкоторые редакцiи подробно разобрали ихъ.

Статью „*Евреи въ дворянствѣ*“ не приняло „Новое Время“, а потому осенью 1899 года, чтобы не терять времени, я въ рукописи послалъ ее по именно каждому изъ членовъ „Особаго Совѣщанiя“; затѣмъ, статья эта была напечатана въ „Наблюдателѣ“ и въ „Свѣтѣ“ и разослана мною

весьма многимъ лицамъ. Спустя семь мѣсяцевъ, а именно: 22 іюня 1900 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ буквально исполнено мое желаніе, выраженное въ этой статьѣ.

Глава 53.

Осуществленіе моихъ желаній и идеаловъ.

Всѣ законодательные акты послѣдняго времени, касающіеся дворянства и земства, были вызваны очевидною необходимостью исправить и дополнить спѣшныя работы шестидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ; всѣ сознавали эту необходимость, а потому новые законы какъ и все прочее появилось бы и безъ назойливаго навязыванія всѣмъ моихъ брошюръ; но тѣмъ не менѣе я считаю себя счастливымъ что желанія и мечты, изложенныя въ моихъ брошюрахъ и статьяхъ, что мои „pia desideria", по разнымъ вопросамъ, стали постепенно осуществляться, а именно:

1) Земскіе начальники теперь уже дѣйствительные опекуны крестьянъ, имъ уже поручено, почти буквально все то, чего я требовалъ въ своемъ циркулярѣ земскимъ начальникамъ и въ брошюрахъ: „Сословія", на стр. 96 и др., „Особое Совѣщаніе" на стр. 5 и другихъ.

2) Обуздано земство, которое въ голодные годы увеличивало налоги иногда на 50% («Сословія» стр. 91 и др.).

3) Евреи уже не могутъ быть приписаны къ помѣстному дворянству. (Записка 1899 года, «Наблюдатель» и «Свѣтъ» въ 1900 году).

4) Заповѣдныя имѣнія разрѣшены временныя, т. е.

именно такія, какихъ я желалъ. („О Дворянствѣ“ стр. 45 и др.).

5) Дворянство раздѣлено на два разряда: на приписанныхъ и на неприсанныхъ къ мѣстному дворянству. („О Дворянствѣ“ стр. 14 и др.).

6) Разрѣшены помощники предводителей дворянства. („О Дворянствѣ“ стр. 27 и др.).

7) Слово „Помѣщикъ“ появилось уже и въ законодательныхъ актахъ („О Дворянствѣ“ стр. 24).

8) Вмѣсто лицеевъ въ центральной Россіи, которыхъ я желалъ, („Сословія“ стр. 46 и др. „Особое Совѣщ.“ стр. 13 и др.), правительство учреждаетъ въ каждомъ губернскомъ городѣ пансіонъ для дворянъ безъ ограниченія числа воспитанниковъ и даетъ неограниченное число стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Все это пока только для дворянъ, но первый шагъ сдѣланъ.

9) Хотя не потеряло своего значенія снабженія юношей научными знаніями, но воспитаніе стало теперь главною задачею учебныхъ заведеній. („О Дворянствѣ“ стр. 78 и др.).

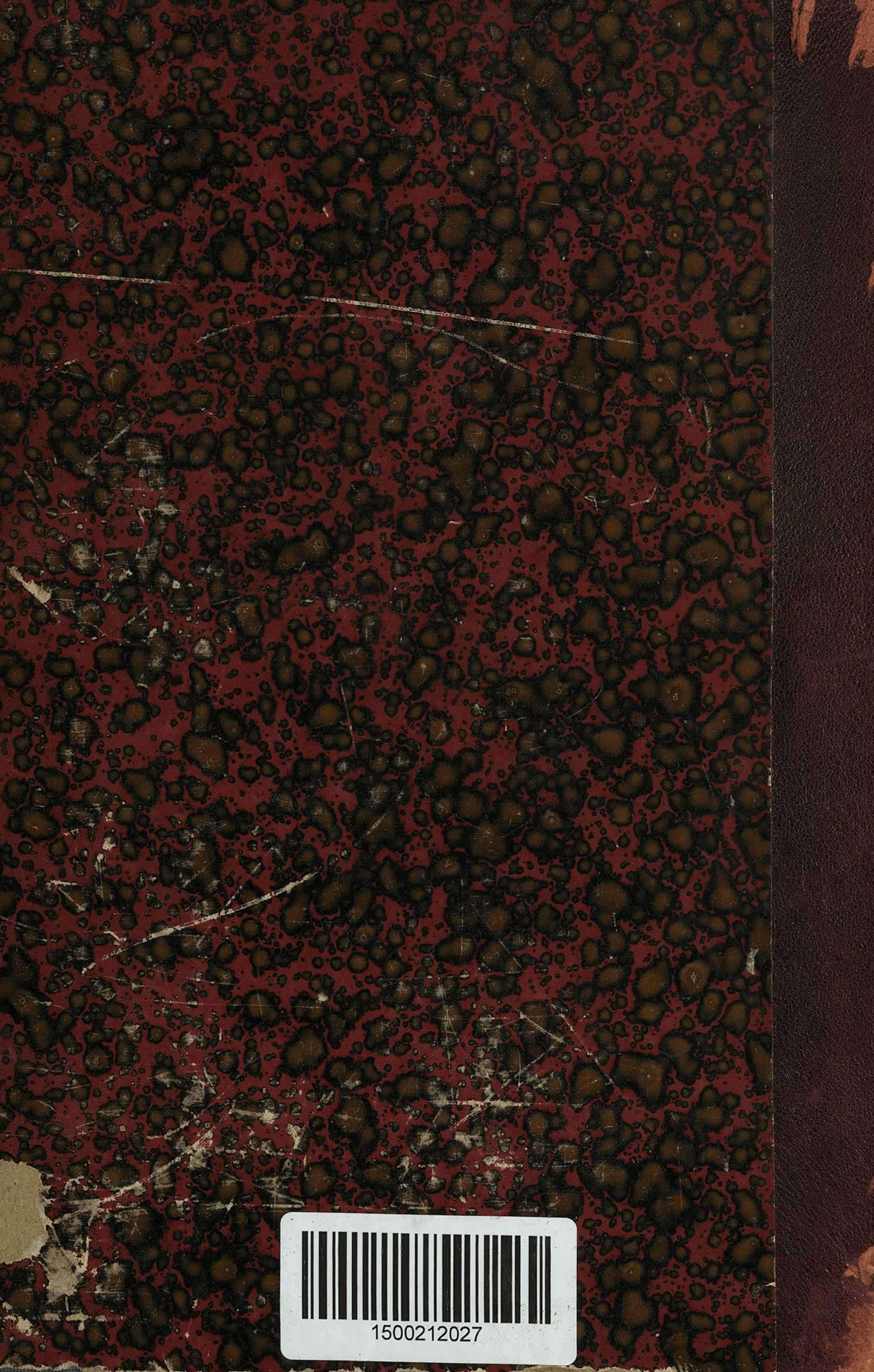
10) Учреждены уѣздные и губернскіе комитеты для разработки вопросовъ о нуждахъ сельскаго населенія („Посланіе къ дворянамъ центральной Россіи“ стр. 21 и др.). Къ сожалѣнію комитеты эти пока еще только временные, но они, вѣроятно, превратятся въ постоянные.

11) Гаагская конференція и послѣдующіе третейскіе суды были первыми шагами къ осуществленію того, чего желаютъ всѣ истинные христіане, въ томъ числѣ и я („Le Désarmement 1888 и 1889 г.г.).

12) Союзъ Франціи съ Россіею состоялся и все болѣе крѣпнетъ („L' Alliance Fr. R. 1892 г.) и т. д. и т. д.

Теперь, если будетъ остановлена еврейская волна, нахлынувшая на центральную Россію и на Сибирь, („Сословія“ стр. 17, 70, а въ этомъ сочиненіи главы 6 и 7), то осуществятся почти всѣ мои желанія, выраженныя въ моихъ сочиненіяхъ, разосланныхъ въ количествѣ около 12.000 экземпляровъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ вліяніе на дѣла Россіи.

[illegible]

1500212027